

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

*History, Archeology and
Ethnography of the Caucasus*

Т. 22
№ 1. 2026

**Издание
Института
истории, археологии
и этнографии
Дагестанского
федерального
исследовательского
центра РАН**

ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE CAUCASUS

Т. 22

№ 1. 2026

Махачкала, 2026

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

Учредитель: ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
Издается по решению Ученого совета Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН с 2005 г.
(ранее Вестник Института истории, археологии и этнографии. Свид. о рег. ПИ № ФС77-49956).
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72534 от 28 марта 2018 г.
Периодичность: 4 выпуска в год

Главный редактор

Амирханов Хизри Амирханович, Институт археологии РАН, Россия

Первый заместитель главного редактора

Далгат Эльмира Муртузалиевна,

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Заместитель главного редактора

Мусаева Майсарат Камилловна,

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Редакционный совет

Аликберов Аликбер Калабекович, Институт востоковедения РАН, Россия
Муσειбли Наджаф Алескер оглу, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Булатов Башир Булатович, Дагестанский государственный университет, Россия
Мустафаев Шаин Меджид оглы, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Деревянко Анатолий Пантелеевич, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Россия
Наумкин Виталий Вячеславович, Институт востоковедения РАН, Россия
Мацузато Кимитака, Токийский университет, Япония
Рейнольдс Майкл, Принстонский университет, США

Редакционная коллегия

Абдулмажидов Рамазан Султанович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Кудаева Светлана Григорьевна, Майкопский государственный технологический университет, Россия
Абдулвахובה Бирлант Борз-Алиевна, Чеченский государственный университет, Россия
Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Alizadeh Karim S, Государственный Университет Гранд-Велли, Мичиган, США
Максимчик Андрей Николаевич, Белорусский государственный университет, Белоруссия
Аникеева Татьяна Александровна, Институт востоковедения РАН, Россия
Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, Россия
Анчабадзе Юрий Дмитриевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Марзоев Ислам-бек Темурканович, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева
Аракелова Виктория Александровна, Российско-Армянский (Славянский) Университет, Армения
Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, Россия
Бабаджанов Бахтияр Миримович, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии Наук Республики Узбекистан, Узбекистан
Муминов Аширбек Курбанович, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
Барамидзе Цира Ревазовна, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета, Грузия
Obrusanszky Borbala, Karoli Gaspar University, Венгрия
Бобровников Владимир Олегович, Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия
Осмаев Аббас Догуевич, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Россия
Бустанов Альфред Кашафович, Амстердамский университет, Нидерланды
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Германия
Гаджиев Муртазали Серажутдинович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Родригве Барри Н, Международный Университет Симбиоза, Индия
Гванцеладзе Теймураз Ионович, Сухумский государственный университет, Грузия
Сулейманова Севда Алиевна, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Гелашвили Нана Георгиевна, Тбилисский государственный университет им. Д. Джавахишвили
Табатабаи Сейед Хусейн, Восточноевропейский департамент Организации культурных и исламских связей Исламской Республики Иран, Иран
Зиливинская Эмма Давидовна, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Россия
Таймазов Артур Исраилович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Казанский Михаил Михайлович, French National Centre for Scientific Research, Франция
Шихалиев Шамиль Шихалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Капустина Екатерина Леонидовна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия
Эрлих Владимир Роальдович, Государственный музей Востока, Россия
Квициани Джони Джокиевич, Тбилисский государственный университет, Грузия
Ярлыкпавов Ахмет Аминович, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ, Россия

Исполнительный директор

Мусаев Махач Абдулаевич

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Ответственный секретарь

Капанова Лейла Шамильевна

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Переводчик

Сефербеков Магомедхабиб Русланович

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

На обложке изображен элемент народного орнамента Дагестана
Ответственность за высказывания, точность цитат, фактов, названий и имен несут авторы
Мнение редакции может не всегда совпадать с точкой зрения авторов
При использовании материалов журнала ссылка обязательна

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2026
© Все авторы, Т. 22. №1. 2026

Адрес редакции: 367030, Махачкала, ул. М. Ярагского, 75
Тел.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Founder: Daghestan Federal Research Centre of RAS Issued by decision of the Academic Council of the Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC RAS since 2005 (formerly as Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Reg. cert. PI № FS77-49956)
The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (ROSKOMNADZOR)
Registration certificate PI № FS77-72534 of March 28, 2018
Periodicity: 4 issues per year

Editor-in-Chief

Khizri A. Amirkhanov The Institute of Archeology of RAS

Vice Editor-in-Chief

Elmira M. Dalgat Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Deputy Editor-in-Chief

Maysarat K. Musaeva Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Editorial council

Alikber K. Alikberov, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation
Bashir B. Bulatov, Daghestan State University, Russian Federation
Anatoliy P. Derevyanko, The Institute of archaeology and ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation
Kimitaka Matsuzato, University of Tokyo, Graduate Schools for Law and Politics, Japan
Nadzhaif A. Museibli, Azerbaijan National Academy of Science, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan
Shain M. Mustafaeu, Z. Buniyatov Institute of Oriental Studies Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Vitaliy V. Naumkin, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation
Michael A. Reynolds, The Princeton University, United States

Editorial board

Ramazan S. Abdulmazhidov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Birlant B. Abdulvakhobova, Chechen State University, Russian Federation
Karim S. Alizadeh, Grand Valley State University, Michigan, United States
Tat'yana A. Anikeeva, Institute of Oriental studies, Russian Federation
Yuriy D. Anchabadze, The N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation
Viktoriya A. Arakelova, Russian – Armenian University, Armenia
Bakhtiyar M. Babadjanov, The Institute of Eastern studies of Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan
Tsira R. Baramidze, Institute of Caucasology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Vladimir O. Bobrovnikov, The Institute of Eastern studies of RAS, Higher School of Economics, National Research University Saint Peterburg, Russian Federation
Alfrid K. Bustanov, University of Amsterdam, Netherland
Murtazali S. Gadzhiev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Teimuraz I. Gvantseladze, Sukhumi State University, Georgia
Nana G. Gelashvili, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Emma D. Zilivinskaya, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation
Michel M. Kazanski, French National Centre for Scientific Research, France
Ekaterina L. Kapustina, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, Russian Federation
Jony J. Kvitsiany, Institute of Caucasology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Svetlana G. Kudaeva, Maikop State Technological University, Russian Federation
Magomedkhan M. Magomedkhanov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Andrey N. Maksimchik, Belarusian state University, Belarus
Vladimir Y. Malashev, The Institute of Archeology Russian Academy of Science, Russian Federation
Islam-bek T. Marzoev, V.I. Abaev North Osetian Institute of Humanitarian and Social Research of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Anna V. Mastykova, The Institute of Archeology RAS, Russian Federation
Ashirbek K. Muminov, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
Borbala Obrusanszky, Karoli Gaspar University, Hungary
Abbaz D. Osmayev, The H.I. Ibrahimov Complex Scientific Research Institute of RAS, Russian Federation
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Rodrigue Barry H, Symbiosis International University, India
Sevda A. Suleymanova, Buniyatov Z. Institute of Oriental Studies of the Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Seyed Hussein Tabatabayi, Eastern European Department Of the organization of cultural and Islamic relations of the Islamic Republic of Iran, Iran
Artur I. Taymazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Alim I. Tetuev, Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Shamil' S. Shikhaliev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Vladimir R. Erlikh, State Museum of Oriental Art, Russian Federation
Akhmet A. Yarlykapov, MGIMO University, Russian Federation

Managing Director

Makhach A. Musaev
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Responsible Secretary

Leyla S. Kaplanova
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Translator

Magomedkhabib R. Seferbekov
The Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The cover image depicts an element from Daghestan's folk art tradition
Responsibility for statements, accuracy of citations, titles and names rests with the authors
The opinion of publishing authors may not always coincide with the opinion of the editorial staff
If using materials from this journal, an electronic link is required

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2026
© All authors, V. 22. №1, 2026

Address of the editorial office: 367030, Makhachkala,
M. Yaraskogo St., 75
Tel.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

В этом номере:

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

<i>Тимохин Д.М., Тишин В.В.</i>	ТИТУЛЫ ПРАВИТЕЛЕЙ ВОСТОКА В АНОНИМНОМ ПЕРСИДСКОМ СОЧИНЕНИИ «МУДЖМАЛ АТ-ТАВӀРӀХ ВА-’Л-ҚИСАС»	6
<i>Кокорина Ю.Г., Вагабов М.М.</i>	«КАВКАЗСКАЯ ПОЕЗДКА» АРХЕОЛОГА К.Н. ЛЮБАРСКОГО В 1915 г. (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)	20
<i>Нефляшева Н.А.</i>	ИЗ ЕКАТЕРИНОДАРА ДО ДЖИДДЫ. К ВОПРОСУ О ПАЛОМНИЧЕСКИХ МАРШРУТАХ АДЫГОВ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ XX в.	31
<i>Сундетова А.Н., Бекназаров Р.А., Хазретали Т.М.</i>	ЗАПАДНЫЙ КАЗАХСТАН В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКИХ ДЕПОРТАЦИЙ С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	43
<i>Хубулова С.А., Хаблиева Л.Ч., Кулиев Ф.М., Хубулова Э.В.</i>	ФОНД ОБОРОНЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	56
<i>Жамгарян Г.А., Хачатрян К.Г., Сукиасян А.К.</i>	АРМЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)	66

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Манасерян Н., Касабян М., Балян Л., Барсегян Н., Багоян А., Генджян А.</i>	ДОПОЛНЕНИЕ К КРАНИОЛОГИИ СОВРЕМЕННЫХ И СУБФОСИЛЬНЫХ ВОЛКОВ АРМЕНИИ	75
<i>Каширская Н.Н., Чернышева Е.В., Хомутова Т.Э., Евстигнеев А.М., Клеценко А.А., Малашев В.Ю., Мимоход Р.А., Зенюк Д.И., Амаякян С.Г., Бобохян А.А., Борисов А.В.</i>	МИКРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ ДРЕВНЕЙ ПИЩИ В СОСУДАХ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ	98
<i>Насери Р., Ханитур М.</i>	ЮЖНАЯ ГРАНИЦА РАСПРОСТРАНЕНИЯ КУРО-АРАКСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИРАНЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗ ГУНЕСПАН-ТЕПЕ	119
<i>Габриэлян А.А.</i>	НОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА ИЗ ГАРНИ	135
<i>Боруцкая С.Б., Ахмаров А.У., Васильев С.В., Фризен С.Ю.</i>	КОМПЛЕКСНОЕ ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОГИЛЬНИКА КОШКЕЛЬДИНСКИЙ 2 (ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА)	159

ЭТНОГРАФИЯ

<i>Хатизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г.</i>	РОЛЬ ДЖУМА-МЕЧЕТИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ АВАРЦЕВ НАГОРНОГО ДАГЕСТАНА	176
<i>Тлепцок Р.А.</i>	П-П.Г. ПРЖЕЦЛАВСКИЙ О НАРОДАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ И УРОВЕНЬ ИНФОРМАТИВНОСТИ	186
<i>Албогачиева М.С.-Г.</i>	РОЛЬ ЗИЙАРАТОВ В СУФИЙСКИХ ПРАКТИКАХ ПАЛОМНИЧЕСТВА ЖЕНЩИН-МЮРИДОВ ИНГУШЕТИИ	198

ЭКСПЕДИЦИИ

<i>Бакушев М.А., Эрлих В.Р., Спаская Н.Н., Лагожа А.П.</i>	КУРГАН ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ С КОМПЛЕКСОМ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ГОРНОЙ АДЫГЕЕ	211
--	---	-----

Contents:

MATERIALS AND RESEARCHES

HISTORY

<i>Timokhin D.M., Tishin V.V.</i>	TITLES OF EASTERN RULERS IN THE ANONYMOUS PERSIAN WORK MUJMAL AL-TAWĀRĪKH WA-L-QIŞAS	6
<i>Kokorina Y.G., Vagabov M.M.</i>	THE "CAUCASIAN TRIP" OF ARCHAEOLOGIST K.N. LYUBARSKY IN 1915 (BASED ON ARCHIVAL MATERIALS)	20
<i>Nefliasheva N.A.</i>	FROM YEKATERINODAR TO JEDDAH: ON THE PILGRIMAGE ROUTES OF THE ADYGHE OF THE KUBAN REGION IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY	31
<i>Sundetova A.N., Beknazarov R.A., Khazretali T.M.</i>	WESTERN KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF ETHNIC DEPORTATIONS FROM THE NORTH CAUCASUS	43
<i>Khubulova S.A., Khablieva L.Ch., Kuliyev F.M., Khubulova E.V.</i>	THE DEFENSE FUND AND PUBLIC INITIATIVES IN THE NORTH OSSETIAN ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR	56
<i>Zhamharyan G.A., Khachatryan K.H., Sukiasyan H.K.</i>	ARMENIAN STUDIES OF SOVIET EVERYDAY LIFE: A HISTORIOGRAPHICAL REVIEW	66

ARCHEOLOGY

<i>Manaseryan N., Ghasabyan M., Balyan L., Barseghyan N., Bagoyan H., Gyonjyan A.</i>	A CONTRIBUTION TO THE CRANIOLOGY OF MODERN AND SUBFOSSIL WOLVES IN ARMENIA	75
<i>Kashirskaya N.N., Chernysheva E.V., Khomutova T.E., Evstigneev A.M., Kleshchenko A.A., Malashev V.Yu., Mimokhod R.A., Zenyuk D.I., Hmayakyan S.G., Bobokhyan A.A., Borisov A.V.</i>	MICROBIOLOGICAL TRACES OF ANCIENT FOOD IN VESSELS FROM BURIALS	98
<i>Naseri R., Khanipour M.</i>	THE SOUTHERN EXTENT OF THE KURA-ARAXES CULTURE IN IRAN: EVIDENCE FROM GŪNESPĀN TEPE	119
<i>Gabrielyan A.A.</i>	THE NEWLY DISCOVERED CLASSICAL PERIOD TOMBS OF GARNI	135
<i>Borutskaya S.B., Akhmarov A.U., Frizen S.Yu., Vasilyev S.V.</i>	COMPREHENSIVE PALEODEMOGRAPHIC STUDY OF THE KOSHKELDY 2 BURIAL GROUND (CHECHEN REPUBLIC)	159

ETHNOGRAPHY

<i>Khapizov Sh.M., Shekhtagomedov M.G.</i>	THE ROLE OF THE JUMA MOSQUE IN SHAPING THE SETTLEMENT STRUCTURE OF AVARS IN MOUNTAINOUS DAGESTAN	176
<i>Tleptsok R.A.</i>	P.-P.G. PRZHETSILAVSKY ON THE PEOPLES OF THE NORTHERN CAUCASUS: FORMATION OF VIEWS AND INFORMATIONAL VALUE	186
<i>Albogachieva M.S.-G.</i>	THE ROLE OF ZIYARATS IN THE SUFI PILGRIMAGE PRACTICES OF FEMALE MURIDS IN INGUSHETIA	198

EXPEDITIONS

<i>Bakushev M.A., Erikh V.R., Spasskaya N.N., Lagozha A.P.</i>	A MIDDLE BRONZE AGE KURGAN WITH AN EARLY SCYTHIAN COMPLEX IN MOUNTAINOUS ADYGEA	211
--	---	-----

ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH2216-19>

Исследовательская статья

Тимохин Дмитрий Михайлович
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
horezm83@mail.ru

Тишин Владимир Владимирович
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия
tihij-511@mail.ru

ТИТУЛЫ ПРАВИТЕЛЕЙ ВОСТОКА В АНОНИМНОМ ПЕРСИДСКОМ СОЧИНЕНИИ «МУДЖМАЛ АТ-ТАВĀРĪḲ ВА-'Л-ҚИСАС»

Аннотация: анонимное персидское сочинение 1126 г., известное специалистам под названием «Муджмал ат-тавĀрĪḲ ва-'л-қисас», содержит в себе весьма любопытный раздел, который до сих пор не переведен на европейские языки. В нем анонимный автор приводит сведения о титулатуре правителей Ирана и «падишахов Востока», среди которых также упоминаются правители владений на территории Кавказа и сопредельных регионов. Сам по себе вопрос относительно происхождения той или иной титулатуры или *лақаб* правителей домонгольской эпохи до сих пор представляет собой предмет оживленной дискуссии среди исследователей. В связи с этим сведения из состава «Муджмал ат-тавĀрĪḲ ва-'л-қисас» могут оказаться весьма ценными для самого широкого круга специалистов, особенно с учетом того, что анонимный автор приводит собственные объяснительные модели происхождения того или иного титула. Цель данного исследования не только предложить читателю перевод указанного фрагмента и привести соответствующие комментарии, но выявить возможные историографические связи между этой частью упомянутого анонимного памятника с более ранними мусульманскими сочинениями исторического и географического характера. В качестве методологической базы исследования авторы представленной статьи опираются на наработки современного компаративного источниковедения. Среди важнейших результатов исследования, помимо перевода соответствующего раздела «Муджмал ат-тавĀрĪḲ ва-'л-қисас», следует отметить упоминание анонимным автором правителей аланов и лакзов, чей титул *шāх* не применяется к другим владыкам. Значительное количество упоминаемых *лақабов* очевидно тюркского происхождения, и тут титулы владыки алан и лакзов также представляют собой очевидное исключение.

Ключевые слова: «Муджмал ат-тавĀрĪḲ ва-'л-қисас»; мусульманская историография; лакабы; Иран; Кавказ; тюрки

Для цитирования: Тимохин Д.М., Тишин В.В. Титулы правителей Востока в анонимном персидском сочинении «Муджмал ат-тавĀрĪḲ ва-'л-қисас» // История, археология и этнография Кавказа. 2026. 22. No 1. С. 6-19. doi.org/10.32653/CH2216-19

HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH2216-19>

Research paper

Dmitry M. Timokhin,
Cand. Sci., Senior Researcher
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
horezm83@mail.ru

Vladimir V. Tishin,
Cand. Sci., Senior Researcher
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of RAS, Ulan-Ude, Russia
tihij-511@mail.ru

TITLES OF EASTERN RULERS IN THE ANONYMOUS PERSIAN WORK MUJMAL AL-TAWĀRĪKH WA-L-QIŞAŞ

Abstract. The anonymous Persian chronicle dated 1126 CE, known to specialists as the *Mujmal al-Tawārīkh wa-l-Qiṣaṣ*, contains a highly intriguing section that has remained untranslated into European languages to date. In this section, the anonymous author provides detailed data on the titlature of the rulers of Iran and the “Padishahs of the East,” including mentions of rulers governing territories within the Caucasus and adjacent regions. The origin of various titles or laqabs of the pre-Mongol era continues to be a subject of active scholarly debate. Consequently, the records within the *Mujmal al-Tawārīkh wa-l-Qiṣaṣ* are of significant value to a wide range of specialists, particularly as the anonymous author presents his own explanatory models for the origins of specific titles. The objective of this study is not only to provide a translation of the specified fragment and accompanying commentary but also to identify potential historiographical links between this portion of the anonymous text and earlier Islamic historical and geographical works. Methodologically, the authors of this article rely on the frameworks of modern comparative source studies. Key findings, in addition to the translation of the relevant section of *Mujmal al-Tawārīkh wa-l-Qiṣaṣ*, include the author’s specific mention of the rulers of the Alans and Lakz, whose title *shah* is not applied to other monarchs in this context. While a significant number of the mentioned laqabs are clearly of Turkic origin, the titles of the Alan and Lakz rulers represent a notable exception.

Keywords: *Mujmal al-Tawārīkh wa-l-Qiṣaṣ*; Muslim historiography; laqabs; Iran; Caucasus; Turks

For citation: Timokhin D.M., Tishin V.V. Titles of Eastern Rulers in The Anonymous Persian Work *Mujmal Al-Tawārīkh Wa-L-Qiṣaṣ*. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 1 P. 6-19. doi.org/10.32653/CH2216-19

«Муджмал ат-таварих ва-’л-қисас» как исторический источник¹

Анонимное персидское сочинение 1126 г., известное специалистам под названием «Муджмал ат-таварих ва-’л-қисас»² («Свод историй и повествований»), представляет собой яркий пример памятника, который, несмотря на очевидную компилятивность своего содержания, что во многом обусловлено его жанровой принадлежностью, содержит в себе ценнейший массив информации по разным аспектам истории, культуры и географии Ирана, Центральной Азии и Кавказа [см.: 1, с. 19; 2, с. 28; 3, с. 8–11]. Сведения о последнем из упомянутых регионов, которые были включены в текст этого анонимного сочинения, нами были специально рассмотрены в более раннем исследовании [4, с. 43–60], равно как и отдельные исторические легенды, включенные в состав этого памятника [5]. Не был обойден вниманием и рассказ о путешествии Саллама ат-Тарджумана к стене Йа’джудж и Ма’джудж [6], который, в свою очередь, является одним из ярких примеров продолжения историографической традиции, заложенной еще Ибн Хурдāзбихом [7, с. 129–133]. Однако «Муджмал ат-таварих» содержит в себе и иные, не менее интересные сведения, часть из которых до сих пор не были предметом специального изучения. Так, уже В.В. Бартольд отмечал, что в данном памятнике «особенно важен список титулов восточных правителей; мы находим здесь целый ряд титулов, которых нет ни в каких других источниках» [2, с. 28]. При этом несмотря на то, что с момента первой публикации этого классического исследования прошло уже более ста лет, до сих пор не был переведен на европейские языки ни сам этот отрывок о титулах восточных правителей, ни тем более все сочинение «Муджмал ат-таварих»³. Впрочем, даже публикация критического издания текста анонимного персидского сочинения [10], которое в отличие от более раннего примера, осуществленного в 1939 г. Мухаммадом Таки Бахаром [11], базировалось на всех четырех известных рукописях «Муджмал ат-таварих...», никак не изменила ситуацию. В связи с этим в рамках данной статьи хотелось бы познакомить читателей с переводом фрагмента из анонимного персидского сочинения 1126 г., в котором содержится, в том числе, рассказ о «титулах восточных правителей» (لقب پادشاهان مشرق), который, как нам кажется, будет интересен не только специалистам по истории Кавказа, но и самому широкому кругу исследователей.

Как уже отмечалось выше, мы в своих более ранних работах неоднократно обращались к тексту «Муджмал ат-таварих» и соответственно рассматривали происхождение этого памятника, а также особенности его структуры и содержания. В связи с этим в этой статье нам не хотелось бы повторять многие уже написанные нами сюжеты. Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что, несмотря на отмеченную выше компилятивность данного исторического сочинения, далеко не для всех его разделов удалось достоверно установить источники информации. В предшествующем исследовании, где нами был опубликован перевод отрывка о путешествии Саллама ат-Тарджумана к стене Йа’джудж и Ма’джудж, мы подчеркнули, что данный раздел «Муджмал ат-таварих ва-’л-қисас», хоть и связан историографически с текстом Ибн Хурдāзбиха, имеет существенные отличия с соответствующим нарративом из «Китаб ал-масалик ва-’л-мамалик» («Книга путей и стран») [6]. В другом случае, когда анонимный автор описывал историю Йафиса ибн Нуха и обретение им «талисмана/камня дождя» уже А. Мольнар указал на то, что эта часть «Муджмал ат-таварих», вероятнее всего, связана с сочинением Гардүзи «Зайн ал-ахбар» [12, р. 6], что было отмечено и нами в специальном исследовании [5]. Впрочем, подобные связи можно установить далеко не для всех разделов «Муджмал ат-таварих», что с одной стороны подчеркивает ценность самого этого памятника, а с другой – требует от исследователей определенных усилий для установления источников, которые мог использовать анонимный автор.

Второй момент касается непосредственно раздела о «титулах восточных правителей» в составе «Муджмал ат-таварих»: впервые эта часть текста анонимного персидского сочинения была отмечена и опубликована уже В.В. Бартольдом. Персидский текст по Парижскому списку был им включен в состав издания «Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Тексты» [13, с. 20] наряду с рассказом о «Тюрке

1 Авторы статьи выражают глубокую признательность Т.К. Кораеву за ценные советы и критические замечания – Д.Т., В.Т.

2 Здесь и далее для всех арабографических написаний авторы следуют формализованной арабской транскрипции, в том числе пренебрегая особенностями персидской фонетики, когда речь идет о персоязычных источниках – Д.Т., В.Т.

3 Частичные переводы текста «Муджмал ат-таварих...» связаны, преимущественно, с историей Сасанидов [См.: 8, № 11, р. 136–178, 258–301, 320–361; № 12, р. 497–536; № 14, р. 113–152; № 1, р. 385–432; 9, р. 246–285].

ибн Йāфисе» [13, s. 19]. Впрочем, интересующий нас фрагмент включен в указанное издание без авторского вступления и представляет собой лишь перечисление титулов «правителей Востока», чтение которых, впрочем, уточняется В.В. Бартольдом по данным других более ранних мусульманских текстов, в частности по упомянутому «Зайн ал-ахбār» Гардзӯй. В свою очередь в первом критическом издании персидского текста «Муджмал ат-тавārīх», осуществленного Мухаммадом Таки Бахаром, мы видим полный текст раздела «Рассказ о титулах падишахов Востока», который был включен анонимным автором в состав главы XXI – «Раздел о титулах пāдишāхов ‘Аджамы и областей Востока, а также некоторых [регионов] Хинды и Магриба, и о титулах халифов и султанов, [живших] после Посланников, Да пребудет с ними мир!» [11, s. 416–430]⁴.

Однако при ближайшем рассмотрении необходимо обратить внимание на то, что эта публикация персидского текста была осуществлена без учета данных, как минимум Гейдельбергского списка «Муджмал ат-тавārīх»: в частности, в издании 1939 г. первым в списке «титулов восточных правителей» идет «пāдишāх Хотана» [11, s. 421], а в Гейдельбергском списке первым упомянут «пāдишāх Чйна» [15, f.231 r–231 v.]. В свою очередь в критическом издании, подготовленном Сайф ад-Дином Наджмбади и Зигфридом Вебером, которое было осуществлено с учетом всех четырех известных на данный момент списков «Муджмал ат-тавārīх»⁵, правитель Чина также упомянут первым в списке лақабов [10, s. 323]. Нами ниже будет представлен полный перевод раздела «Рассказ о титулах падишахов Востока» по критическому изданию 2000 г., опубликованному Сайф ад-Дином Наджмбади и Зигфридом Вебером, с учетом данных из доступного нам Гейдельбергского списка. Мы позволим себе предложить вниманию читателей сначала текст перевода, а после него дать необходимые комментарии и выводы о содержании интересующего нас раздела из «Муджмал ат-тавārīх». При этом мы посчитали важным привести здесь и перевод самого начала главы XXI, которое предшествует перечислению титулов (лақабов) «падишахов Востока» и содержит важные сведения о правителях Ирана.

Перевод первых двух разделов главы XXI из «Муджмал ат-тавārīх ва-’л-қисас»⁶

«Раздел о титулах пāдишāхов ‘Аджамы и областей Востока, а также некоторых [регионов] Хинды и Магриба, и о титулах халифов и султанов, [живших] после Посланников, Да пребудет с ними мир!

Знай, что Пророки, пāдишāхи⁷ и Тюрки⁸ в каждом местопребывании, к имени, добавляли лақаб: некоторые – из почтения, а другие – потому, что так было принято в людской речи и они становились известными под этими лақабам. А еще из этого списка [лақабов] некоторые остались в том же порядке, а другие в наши дни иным образом произносятся, не так как исстари. Хотя часть из этого была изложена нами в другом месте, но здесь мы группируем их (лақабы – Д.Т.) заново для того, чтобы было удобнее [читать]. А начнем мы с рассказа о маликах ‘Аджамы, а также, поскольку они связаны лақабамы Посланников, о лақабам халифов и султанов в нашу пору, то есть в год пятьсот десятый.

До времени Āфрӯдӯна (افریدون) землю Ирана называли Хунайрэ (هئیره)⁹, а Хушанг (هوشنگ), и Тахмӯрас (طهمورث), и Джамшӯд (جمشید), и Заххāk (ضحاک) назывались Пӯшдāдидами (پیشدادان) и падишахами¹⁰ Хунайрэ. Когда же Āфрӯдӯн (افریدون) четвертый климат отдал Ираджу (ایرج), то земля Ирана стала так называться благодаря его имени, и со времени Зава сына Тахмāспа (زو طهماسب) их стали называть Шāхами (شاه). Когда родился Қубād (قباد), то Зāl (زال) ему дал лақаб Қай (کی لقب), или Āсл («основа», اصل), и таким же образом называли Бахмана (بهمن). А когда закончилась эпоха Искандара (اسکندر)¹¹,

4 Это издание использовал Рамазан Шешен, который перевел на турецкий язык в числе прочих отрывков о титулатуре: [14, s. 35].

5 Исследователям известны на данный момент следующие списки «Муджмал ат-тавārīх ва-’л-қисас»: Парижский (BNF, MS. pers., AF 62), Дублинский (CBL, MS. 330), Берлинский (SSB SPK – Orientabteilung, MS. pers., Or. 2371) и Гейдельбергский (MS. pers., Cod. Heid. orient. 118). Первый из четырех был ранее других введен в научный оборот и именно на него ориентировался В.В. Бартольд – Д.Т., В.Т.

6 Начало этой главы в Гейдельбергском списке на листе 230 г – Д.Т., В.Т.

7 В Гейдельбергском списке پادشاهها в критическом издании 2000 г. – پادشاهان – Д.Т., В.Т.

8 Вероятно, в тексте лакуна, поскольку после падишахов по смыслу должно идти перечисление, которого нет – Д.Т., В.Т.

9 Автор «Муджмал ат-тавārīх» привел здесь написание «هئیره» вместо более распространенного в мусульманской историографии того времени «خئیرث» и изначальной версии «خونیزث». На подобное написание данного понятия в этом источнике обратил внимание уже Али Ашраф Садеки, очевидно считая этот случай исключительным [16, s. 7].

10 В Гейдельбергском списке پادشاهها в критическом издании 2000 г. – پادشاهان – Д.Т., В.Т.

11 В Гейдельбергском списке – اسکندر – Д.Т., В.Т.

то после того были Ашканиды (اشکانیان) примерно четырёхста лет (f. 230 v). Когда же восстал Ардашүр сын Папака (اردشیر بابک), основатель династии Сасанидов (ساسانیان), то его именовали шаханшахом (شاهنشاه), а Иран – стали называть землею Персов, ибо Ардашүр был по происхождению из Парса и, как во времена Кубада¹², отец Нүшүрвāна (نوشیروان), к титулу шаханшах Хусрау (خسرو) прибавил лакаб Кисра (لقب كسرى). Поэтому говорят Кисра Нүшүрвāн и Кисра Парвүз (كسرى پرویز), за исключением Йаздаджирда (یزدجرد), сына Шахрийāра (شهریار). Однако персы со времен Гайумарса (گیومرث) и до Йаздаджирда сына¹³ Шахрийāра, последнего из Маликов ‘Аджамы (آخر ملوک عجم), использовали [разные] лакабы: среди которых Шахрийāр и Шāх, Шāханшах и Худāванд (خداوند), Худāйгāн (خدايگان) и Хусрау, Кай и прочие. И я это в таблицу собрал, чтобы было проще.

Итак, всех, кто был ниже шāхов, называли визүрями (وزیران) [или] дастүрами (دستور); а мўбад мўбадāн (موبد موبدان) означает қазү қазүев (قاضى القضاة), наделенный правом судить, а мўбад считался у них более низким рангом. А того, кого они называли рад (رد), является мужем совета; а хастү (هستى) был вместо звездочета и это хорошо известно. А то сообщество, которое следило за домами огня и читало их книги называли – хўрбад (هيربد). А джахан-пахлавāн (جهان پهلوان) после шāха – самый высокий титул, а вслед за ним идут пахлавāн (پهلوان) и спахбад (سپهبد), таким же образом как говорят āмүр или āмүр сипāхсālār (امير سپاه سالار); и марзбāнами (مرزبان) называли хранителей границ, а дихқāнами (دهقان) – начальников и владык земли и имущества. А всех огнепоклонников называют магами (مغ). Таков был обычай персов.

И мы рассказали о Падишахах ‘Аджамы, о лакабах их, о которых рассказывали персы, и все они, не исключая Шāха, Хусрау и Шāханшаха, в этом списке – а Аллах знает лучше!¹⁴

Имена (الاسماء)	Лакабы (الاقاب)	Имена (الاسماء)	Лакабы (الاقاب)
Гайумарс (Кайумарс)	Гилшāх, ‘глиняный шāх’ (گل شاه) ¹⁵	Хўшанг (هوشنگ)	‘Первозаконник’ (پيشداد)
Тахмўрас (طهمورث)	‘Динāванд и Покоритель дивов’ (دينانود و ديوبند) ¹⁶	Джам (جم)	‘Шид, то есть Солнце’ (شيد يعنى خور)
Заххāк	Биварāсп, ‘обладающий мириадами коней’ (بيور اسپ) ¹⁷	Фарүдүн (فريدون)	‘Благодатный судья’ (فرخ دادده)
Манўчихр (منوچهر)	‘Долгорукий мститель’ (کينه توز دراز دست) ¹⁸	Нўзар (نوزر)	‘Невезучий’ (کم بخت)
Афрāсийāб (افراسياب)	‘Злодей, Завоеватель мира’ (جهان گير و دگر) ¹⁹	Зāб (زاب)	Зав сын Тахмāспа (زو طهماسب)
Кубад	Кай	Кайкāvус (کيکاووس)	‘Недалекий’ (ودخرد)
Кайхусрау (کيخسره)	‘Висящий’ (اندر وای) ²⁰	Лухрāсп (لهر اسپ)	‘Благородный’ (ازاد مرد)
Гуштāсп (گشتاسپ)	‘Нелюбящий’ (неласковый, رمه دو)	Бахман (بهمن)	‘Длиннорукий’ (درازنگل)
Самүрāндухт (سمير اندخت)	Хумāй (همای) ²¹	Дārāб (داراب)	‘Великий’ (وزرک)
Дārāй (دارای)	‘Малый’ (کوچک)	Искандар	‘Сеющий разрушения’ (ويرانى کره) ²²

12 В Гейдельбергском списке эта часть фразы пишется так – از ان عهد قباد – Д.Т., В.Т.

13 В Гейдельбергском списке между именами Йездджерд и Шахрийāр стоит این – Д.Т., В.Т.

14 Издатели критического издания 2000 г. расположили имена и лакабы в четыре столбика, а мы для удобства поместили их в таблицу. При этом в Гейдельбергском списке они расположены в восемь столбиков, четыре связаны с именем, а четыре – с титулом [15, f. 231r] – Д.Т., В.Т.

15 О данном титуле см.: [17, с. 71–86; 18, s. 111; 19].

16 Вариант перевода лакаба, как ‘покоритель дивов’ можно увидеть уже у Фердинанда Юсти [18, s. 320], а у О.М. Чунаковой ни одно из этих прозвищ не фиксируется, кроме значения ‘рослый’ [20, с. 216] – Д.Т., В.Т.

17 По этому поводу см.: [20, с. 18] – Д.Т., В.Т.

18 О нем см.: [20, с. 144].

19 В Гейдельбергском списке этот лакаб, очевидно, читается как [15] جهان گير بروز f. 231 r]. В комментарии к изданию 1939 г. предлагается чтение جهان گير و دگر / جهان گير بدکار [11, s. 417, comm. 7] – Д.Т., В.Т.

20 Мухаммад Таки Бахар предлагает перевод ‘В воздухе’ [11, s. 418, comm. 1] – Д.Т., В.Т.

21 Очевидно, что речь идет «Хумāй», то есть о легендарной, сказочной птице. См.: [21, p. 44]. Впрочем, существует и иные варианты семантики: [22, с. 68] – Д.Т., В.Т.

22 Объяснение этого лакаба см.: [11, s. 418, comm. 6] – Д.Т., В.Т.

Āрдавāн (اردوان)	‘Завершающий, то есть последний’ (افدم یعنی آخر)	Āрдашūr сын Папака (اردشیر پاپک) ²³	Шāханшāх
Шāпūr (شاپور)	Шāпур-шāх (شاپور شاه)	Хурмазд (هرمزد)	‘Мужественный’ (مردانه)
Бахрām (بهرام)	Ничего [неизвестно] (هیچ)	Бахрām Второй	Ничего [неизвестно]
Бахрām Третий	‘Сагāн-шāх [шāх саков], то есть Сūстāна’ (سگانشاه) (یعنی سیستان)	Нарсэ и Хурмазд (نرسه و هرمزد)	Ничего [неизвестно]
Шāпūr	‘Владелец лопаток [или] протыкатель’ (ذو الاکتاف) (هویه سنبد)	Āрдашūr	‘Благодетель’ (نیکوکار)
Бахрām	Кермāн-шāх (کرمانشاه)	Бахрām	Ничего [неизвестно]
Йаздаджирд	‘Деспот и Отступник’ (زفر و بزه گر) ²⁴	Бахрām	Гūr (گور) ²⁵
Йаздаджирд	‘Кроткий’ (نرم)	Бūrūз и Балāш (بیروز و بلاش)	‘Непобедимый’ (اپرویز)
Қубād	26 کوادین اداں دیس	Нūшūrвāн	Правосудный и Справедливый (دادگر و عادل)
Хурмазд (هرمزد)	Турк-зādэ (ترک زاد) ²⁷	Хусраū	Непобедимый (اپرویز)
Қубād	Львенюк (شیروی)	Āрдашир	Ничего [неизвестно]
Худжūr (هجیر)	Бūrāндухт (بوران دخت)	Хūrшīд (خورشید)	Āзармūdухт (دخت) (آزمی دخت) ²⁸
Хурдāд и другие (خرداد و دیگران)	Ничего [неизвестно]	Йаздгард (یزدگرد) ²⁹	Злосчастный (ودبخت)

Конец [списка] маликов ‘Аджама

Рассказ о лакабах падишахов Востока

А лакабы падишахов Востока приведены нами в этом списке так, как нам удалось их вспомнить. О каждом [из] шāхов (شاهان) кое-что нами было прочитано. А что касается большей части тех лакабов, о которых сейчас расскажем, то многие из них устарели или их форма изменилась³⁰.

Падишаха Чїна (چین) называют Фагфūr³¹ (فغفور)

Падишаха Чїна Внутреннего (چین اندرونی) [называют] Туғузгуз-хāкāн (تغزغز خاقان)

Падишаха Хутана (ختن) называют ‘Азїм ал-Хутан (عظیم الختن)

Падишаха Хазар (خزر) называют Хазар-хāкāн (خزر خاقان)

Падишаха Тибат (تبت) называют Хāкāн-Тибат (خاقان تبت)

Падишаха Гуззов (غز) называют Бїгū (بیغو)³²

Падишаха Йағмā (یغما) называют Бугра-хāн (بغرخان)

Падишаха Соғда (سغد) именуют Бек-Текїн (بکتکین)

Падишаха Чигилей (چگل) называют Таксїн Чигиль (تکسین چگل)

Падишах Сахїкат (سخیکت) прозывается Кўлангāнеш³³ (کولانگانش)

23 Об этом имени см.: [22, с. 66].

24 Объяснение этого лакаба см.: [11, s. 419, comm. 1] – Д.Т., В.Т.

25 Лакаб «Гур» следует переводить как «онагр». Подробнее см.: [23; 22, с. 66] – Д.Т., В.Т.

26 На сложность перевода этого лакаба обратил внимание уже Мухаммад Таки Бахар [11, s. 419, comm. 5]. Существует предположение, что это имя собственное и оно пришло из текста «Айадгар-и Зариран»: [24, с. 369, Comm. 1]. В Гейдельбергском списке он может быть прочтен иначе – کوادین بردار است – Д.Т., В.Т.

27 Т.е. «сын тюрчанки» – Д.Т., В.Т.

28 В обоих случаях анонимный автор «смешал» лакабы и имена собственные сасанидских правительниц, на что обратил внимание уже Мухаммад Таки Бахар [11, s. 419, comm. 8–11] – Д.Т., В.Т.

29 Ср. с Йаздаджирдом (یزدجرد) – Д.Т., В.Т.

30 Для удобства чтения мы выстроили список лакабов один за другим и пронумеровали, в рукописи, по крайней мере в Гейдельбергском списке, разумеется, нет никакой нумерации, а сами лакабы выстроены в два столбика – Д.Т., В.Т.

31 В Гейдельбергском списке – فغفور – Д.Т., В.Т.

32 В Гейдельбергском списке – بیغو – Д.Т., В.Т.

33 В Гейдельбергском списке этот падишах и его лакаб обозначены иначе – سحکت / قولگانش – Д.Т., В.Т.

Падишаха Хуркетāl (خوركتال) называют Мағлүгā (مغليغا)
 Падишаха Аслүг (اثلغ) именуют Йнāl-Текүн (ينال نكين)
 Падишаха Сўйāб (سوياب) называют Илāl-шāх (يالال شاه)³⁴
 Падишаха Сālүг (سالغ) именуют Қалāджүр (قلاجور)
 Падишаха Бїўнаката³⁵ (بيونكت) называют Хāнсакү (خانسكى)
 Падишаха Барсхāна (برسخان) именуют Табїн Барсхāн (تبين برسخان)
 Падишаха Кāшгара (كاشغر) называют Хāн (خان)
 Падишаха Кїмāков (كىماك) называют Татағ (تتغ)³⁶
 Падишаха Татār (تتار) именуют Сїмүн Бїўї Хāбār (سيمون بيوى حبار)³⁷
 Падишаха Шалх (شلخ) называют Хилāш Аркун (خيلش ارکن)
 Падишаха Хамүката (حموكت) Йālāвак (يلاوك) именуют
 Падишаха Великого Соғда (بزرگ سغد) называют Ахшїд (اخشيد)
 Падишаха Халаджей (خلج) именуют Барātү и Артү (براتيغ و ارتيغ)
 Падишаха Нахсїна (نحسين) называют Қатакїн (قتكين)
 Падишаха Лебāна (لبان) называют Қатакїн Лебāн (قتكين لبان)
 Падишаха Тарāза (طراز) называют Айлās (ايلاس)
 Падишаха Фарāны (فرغانه) именуют Ахāбшад (احبشاد)³⁸
 Падишаха Сарушаны (سروشنه) называют Афшїн (افشين)
 Падишаха Чāча (چاچ) именуют Хадийү (خديو)
 Падишаха Маджа‘аров (مجعر) называют Кандэ (کنده)
 Падишаха Сақлāбов (سقلاب) именуют Сўйат и Сарандж (سويت و سرنج)
 Падишаха Рўсов (روس) именуют Хāкāн-Рўс (خاقان روس)
 Падишаха Бургāсов (برطاس) называют Түрү (طبرو)
 Падишаха Алāн (الان) именуют Алāн-шāх (الان شاه)³⁹
 Падишаха Лакзов (لكزان) называют Лакзан-шāх (لكزنشاه)
 Падишаха Хинда (هند) именуют Рāй (10) «(رای, s. 321–323; 15, f. 032r–231v)].

Комментарии к переводу

В представленной статье хотелось бы обратить большее внимание на перевод второго раздела из главы XXI, где указаны титулы/лақабы «падишахов Востока», однако и приведенный выше первый раздел той же главы, где рассказывается о титулатуре «маликов ‘Аджама», также требует некоторых кратких комментариев, с которых и хотелось бы начать. Прежде всего, бросается в глаза, что анонимный автор указывает не только титулатуру правителей, но и придворные и военные титулы Персидской державы: несмотря на то, что все они прекрасно известны исследователям, важно отметить само их присутствие в «Муджмал ат-таварїх» и сравнение с современными автору мусульманскими титулами. Отдельно стоит выделить список имен персидских правителей из династии Сāsāнидов, их порядок расположения и титулы каждого из них. Анонимный автор почти безошибочно приводит порядок смены правителей, но гораздо важнее здесь отметить их титула или лақабы, которые далеко не всегда указаны в текстах более ранних авторов. В качестве примера выберем «Нүшїрвāна», лақаб которого согласно тексту анонимного автора ‘Правосудный и Справедливый (دادگر و عادل)’. Как нами отмечалось в более раннем исследовании отдельные разделы «Муджмал ат-таварїх» историографически связаны с более ранним сочинением Мухаммада Бал‘амї «Тārїх-и Бал‘амї» [См.: 6], которое, в свою очередь, является переводом на персидский язык со значительными авторскими дополнениями более раннего арабского сочинения ат-Табарї «Тārїх ар-расул ва-’л-мулўк» [26; 27, р. 282–321; 28, р. 113–144]. Однако у Бал‘амї в истории правления «Нүшїрвāна» последний маркируется лишь лақабом ‘Справедливый’

34 Об этом имени см.: [22, с. 66].

35 В Гейдельбергском списке بيولت – Д.Т., В.Т.

36 В Гейдельбергском списке строчка о правителе Кāшгара и Кїмāков отсутствует – Д.Т., В.Т.

37 В Гейдельбергском списке سيمون بيو حار – Д.Т., В.Т.

38 В Гейдельбергском списке احبشند – Д.Т., В.Т.

39 В Гейдельбергском списке между описанием алан и лакзов есть строчка, которая отсутствует в критическом издании следует بادشاه تحسين قنگين گویند. Перевод: «Падишаха Тухсї именуют Күтегїн» [15, f. 231v]. Что вполне согласуется с точкой зрения В.Ф. Минорского в комментариях к тексту «Худүд ал-‘алām» [25, р. 301] – Д.Т., В.Т.

(عدل), как например в главе «Последний рассказ о Нүшүрвәне Справедливом и рассказы о делах его» [29, s. 1038–1053]. Как видно из этого примера, анонимный автор «Муджмал ат-таварүх» позволяет себе определенные дополнения к известным ему лакабам персидских правителей, а иногда приводит и такие, как титул «Қубāда», на сложность перевода которого обращал внимание уже Мухаммад Таки Бахар [11, s. 419, comm. 5]. Впрочем, для нашего исследования гораздо большее значение имеет список лакабов «падишахов Востока», который мы хотели бы рассмотреть в том порядке, в котором их привел анонимный автор. Для удобства чтения комментарии будут пронумерованы также, как и приведенные выше лакабы «падишахов Востока» из текста «Муджмал ат-таварүх...», а наибольшее внимание нами будет уделено титулам правителей, связанных с историей Кавказа.

Титул «падишаха Чўна», который передается анонимным автором, как *فغفور* или *فغفور*, является передачей согдийского *β'γβwr*, что, в свою очередь, представляет собой кальку китайского *тянь-цзы* 天子, букв. 'сын Неба' [30, p. 12]. Ср. упоминания в «Худūd ал-'алām» и у Гардүзү [См.: 25, p. 84; 31, p. 138, 196 (L2)]. Вероятнее всего, в данном случае анонимный автор обращался именно к тексту Гардүзү, как и в случае с рассказом о Йāфисе ибн Нүхе и «камне дождя» [5]. Хотя нельзя исключать и историографическую связь с сочинением Ибн Хурдāзбиха, где в его отношении сказано, что он «ладыка ас-Син – Багбур» [7, с. 60].

Под *тугузгузами* мусульманских источников подразумеваются уйгуры [25, p. 263–277]. Разделения Китая (Чўн) на несколько регионов является общей традицией, восходящей к ранним мусульманским географическим сочинениям [См.: 31, p. 14, 156 (комментарий)].

В «Худūd ал-'алām» титул правителя Хутана, то есть Хотана, приводится как *'azīm al-Turk wal-Tubbat*. По замечанию В.Ф. Минорского, "Its king, styled *'azīm* (which is not a very high title), appears as an autonomous ruler over a population consisting of Turks and Tibetans" [25, p. 87, 294].

Здесь стоит отметить перестановку титула и этнонима («Хазар-хāкāн»), которая, впрочем, встречается в «Худūd ал-'алām» применительно к правителю Рүсов, который также назван «Рүс-хāкāн» [25, p. 159]. По мнению Б.Н. Заходера, написание в «Худūd ал-'алām» *Рүс-хāкāн*, а не *Хāкāн-Рүс*, как у Ибн Руста или Гардүзү, может указывать на использование анонимным автором иного первоисточника [33, с. 79]. Здесь стоит обратить внимание на странное положение в списке лакабов правителя хазар, который по идее должен упоминаться ближе к концу, рядом с титулами правителей Кавказа, Рүсов и Сақләбов, однако стоит после правителя Хутана и правителя Тибета.

Аналогичный титул у правителя Тибета дан у Ибн Хурдāзбиха, в «Худūd ал-'алām» и у Гардүзү [См.: 34, с. 208; 31, p. 71, 92, 93]. Как видно из двух этих примеров, у хазар лакаб начинается с этнонима, а у правителя Тибета наоборот – в начале ставится титул.

Как уже отмечалось выше, титул этого правителя в Гейдельбергском списке читается, как *بيغو*. Это дает возможность предположить более вероятный вариант *بيغو**, то есть *йабгу*.

Титул *Бугра-хāн* является стандартным в титулатуре Қарāхāнидов, начиная с конца X в. [35, с. 28]. Данное свидетельство, вероятно, доказывает связь правящего дома Қарāхāнидов с племенем *йабга* [25, p. LXXIV, 28].

Титул «падишаха Согда» (سغد), вероятно, передает сочетание тюркских титулов *bāg* и *tegin*, то есть *бег-тегин*.

Следуя Гардүзү, часть племени чигиль, живущая на пути из Навїката в Барсхāн, в местности Йāр (يار), по левую сторону оз. Иссык-куль, управляется человеком с титулом *تكسين*, [31, p. 132, 193 (J1), 142, 215 (U1); 25, p. 297–298]. По замечанию П.Б. Голдена, исправление у А.П. Мартинеса на чтение *тегин* *تكسين* здесь напрасно [36, p. 200, note 59]. Титул *tāksin* (ср. у Махмұда ал-Кāшғарү: *tüksin* تُكْسِين 'титул начальника третьего ранга от правителя' [37, p. 329–330], отмечен еще как согд. *t(')ksyn* и восходит к кит. *тэ-цзинь* 特進 (позд. ср.-кит. **thäĕk-tsin*) [38].

Касательно титула «падишаха Сахўката», следует указать, что В.В. Бартольд исправляет первое слово на *بنجيك* [13, s. 20, прим. 6]. Написание также может быть сопоставлено с отмеченным в «Худūd ал-'алām» топоним *اخسيكت*, то есть Ахсүкет, столица Фарғаны [39, с. 24а; 25, p. 116]. Сам лакаб *كولنقاش* В.Ф. Минорский сопоставляет с *كوليقار*, титулом правителя Бинджикета у Гардүзү [25, p. 298]⁴⁰.

В.Ф. Минорский, следуя изданию В.В. Бартольда, сопоставляет написание *ساوركال* у Қудāмы б. Джа'фара и с *خونكيال* у Гардүзү [13, s. 20, прим. 8; 25, p. 291]. А.П. Мартинес исправляет на **خونكبابى**,

40 А.П. Мартинес восстанавливает как **Küçen(q)-Qan*, полагая, что это титул уйгурского правителя Бешбалыка [31, p. 143, note 55] – Д.Т., В.Т.

то есть **Xutukbai*, отмечая параллели в китайских источниках [31, p. 143, note 57]. Титул дан у Гардүзү как *بغليل* или *بغليلی* р. [31, p. 143, 214 (U2)].

В.Ф. Минорский сопоставляет название этого владения с *بيکليغ* в «Худуд ал-‘аләм», правитель которого *بنالبرکيب* (по его реконструкции, *Ынал-бек-тегин) и *بيکليغ* у Гардүзү, правитель которого представлен как брат **джабгу* (ошибочно написано *جنوبه* вместо *جنوبه*), [25, p. 303–304]. А.П. Мартинес восстанавливает название **Bezek-lik* [31, p. 143]. Что касается титула, форма *بنال* предполагает чтение **jinal*, с протетическим *j-*; ср. написание *بنال*, то есть **inal* (см.: [29, p. 84]).

В отношении Сүйәба можно отметить лишь, что у Гардүзү его правитель назван братом **джабгу* (ошибочно написано *جنوبه*), [31, p. 143, 214–215 (U1–U2)].

Названия данного владения, возможно, *سارغ* [13, s. 20, прим. 2], то есть *Сарыг [40, с. 49]. Вторая часть отражает, вероятно, тюркский титул *çor*, а все написание следует читать как **Qara çor*.

Р. Шешен читает *Sütket*. В.Ф. Минорский предполагает **نوکت*, как у Гардүзү, то есть **Navikat* [25, p. 298].

У Гардүзү значится *منق*, [31, p. 132, 193 (J1)]. В.Ф. Минорский предполагает *منق*, [25, p. 293].

Бросается в глаза отсутствие привычной для ряда случаев связи между лакабом и регионом, в результате чего в этом месте списка у «падишаха Кәшгара» мы видим просто лакаб «Хән» вместо ожидаемого «Кәшгар-хән». Возможно, что здесь имеет в виду титул правителя из династии Қарәхәнидов, восточная ветвь которых правила в Кәшгаре.

Титул встречается у Гардүзү, который излагает легенду, обыгрывающую «народную» этимологию *tutuq* от *tut-* ‘держат’ [31, p. 121, note 10, p. 180 (C2)]. Правильная вокализация **تتق* – *totoq*, от китайского *ду-ду* 都督 ‘военный губернатор’ [41, p. 84–86].

Предлагались чтения: *symin buyu hyar* [42, p. 370], *Сімүн буйүй (бівү?) джайәр* [43, с. 559]. Самое важное, на что стоит обратить внимание в этом случае, касается написания этнонима *tatār* (تتار), поскольку по свидетельству Ибн Абу ал-Хадүда ал-Мада’үннү, в домонгольский период такое написание этнонима не встречалось⁴¹.

Вероятно, Шельджи (*شَلجی*) в долине р. Талас к северу от Тараза [См.: 46, s. 257; 40, с. 34, примеч. 19, с. 35, примеч. 22], который также упоминается в «Худуд ал-‘аләм» [25, p. 61, 119, 194, 358]. Второе слово, является, очевидно, тюркским титулом *erkin* [Ср.: 14, s. 25].

Вероятно, правильное *جموکت*, то есть *Джамүкат* в долине р. Талас к северу от Тараза⁴². Для лакаба Р. Шешен предлагает чтение *Belâvket*.

Лакаб здесь, очевидно, согдийский титул *хшүд*, то есть *ихшүд*.

Р. Шешен полагает, что написание *خَلخ*, то есть персидское обозначение карлуков⁴³. Лакаб, читаемый как *ارتیع و ارتیع*, может быть, следует сопоставить с полулегендарным предком основателей династии шахов Кабула у ал-Бүрүнү *برهتکین*, [47, p. 348]⁴⁴.

Вместо *نحسین* следует читать **تحسین* [25, p. 301]. Лакаб В.Ф. Минорский и Р. Шешен интерпретируют как **Qūtegin* (< **Qut-tegin*) [25, p. 292, 301].

В.Ф. Минорский предполагает видеть здесь титул тюркского происхождения **Qut-tegin* (ср. выше) и далее рассуждает о возможности допустить в названии народа чтение **albān* [25, p. 292]. Однако не может ли это быть искажение в написании от исходного **ازیان*? [25, p. 302].

Р. Шешен читает *ایلاس* как *Îlâs* [14, s. 35].

Титул «падишаха Ферганы», *احشید*, очевидно, **اخشید*, то есть снова *ихшүд*.

Титул *افشین* известен у правителей Усрүшаны по арабским источникам еще с VIII в. [25, p. 354].

Это бактрийский титул *χοδῆρ* ‘lord’, ср. согд. *xwt’w*, ср.-перс. *xwadāy*, и др. (< **xwa-* ‘self’ + **taw-* ‘to be powerful’, калька с греч. *αὐτοκράτωρ*) [48, p. 38].

Титул *kende* (< тюрк. **kündü*) у одного из двух правителей мадьяр в таком же написании известен у Ибн Руста и Гардүзү [25, p. 323; 31, с. 48–50; 36, p. 262].

41 «В одной книге говорится об этом народе: Мурудж аз-Захаб (Золотые копи) Масуди. Он их связывает со словом татар [تتر], в то время как люди сегодня произносят татар [تتار] с долгим алефом. Этот народ проживал далеко на Востоке, в горах Тамгадж на границе с Китаем, который расположен в шести месяцах пути от мусульманского Мавераннахра» [44, p. 21–22; см.: 45, с. 123–134] – Д.Т., В.Т.

42 Ср. сведения ал-Мукаддасү [46, s. 257]; литературу см. еще в примечаниях у В.В. Бартольда [32, с. 34, 35] – Д.Т., В.Т.

43 О случаях смешения написаний названий халаджей *خَلج* и карлуков *خَلخ* см.: [25, p. 108, note 2, p. 111, note 3, p. 286, 338, 347–348] – Д.Т., В.Т.

44 При этом у Ибн Хурдәзбиха сказано: «кроме владыки карлуков (ал-харлух), которого называют джабгуйа» [7, с. 60] – Д.Т., В.Т.

Уже Ибн Руста называет правителя *сақлāбов* سويت, а его заместителя سويج, что в том или ином виде (с соответствующими) повторено у последующих авторов [25, р. 429–430; 31, с. 119–120, 134–138; 49, с. 175–191].

Мусульманские авторы используют такое название правителя русов, начиная с Ибн Руста [31, с. 78–79].

Написание برطاس дано в типичной форме для арабских авторов (ал-Мас'ūdū, ал-Истахрū, Ибн Хаукал) и не соответствует таковому у Ибн Руста и Гардūзī [34, с. 62; 25, р. 462]. Сам лақаб Р. Шешен транскрибирует как «Тарагу». Ни один из известных мусульманских авторов не говорит о каком-либо единоначалии у буртасов и не называет никаких конкретных титулов их предводителей [34, с. 247–248; 25, р. 463], что придает особую значимость сообщению анонимного автора «Муджмал ат-таварūх».

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что лишь в отношении правителя «алан» и «лакзов» анонимный автор употребляет собственно персидский титул *shāh*: ему неизвестен местный титул этого государя, однако он не использует и тюркскую титулатуру, как это видно на примере «рӯсов». Любопытно, что титул правителя алан упоминается анонимным автором в ином варианте в другом месте «Муджмал ат-таварūх», а именно в «Рассказе о стене Йа'джудж и Ма'джудж» (ذكر سدّ ياجوج و ماجوج). Здесь обратим внимание лишь на следующую строчку: «А Исхāк дал мне письмо для владыки Сарūра (صاحب سرير)⁴⁵, когда мы достигли его, то он предоставил нам припасы и проводника, и снабдил письмом к владыке Ālān (ملك آلان)» [15, f. 197 v; 10, s. 379]. Анонимный автор использует в данном случае титул «малик» вместо известного ему титула *shāh* в отношении правителя алан. Впрочем, как нами отмечалось, сам по себе маршрут путешествия Саллāма ат-Тарджūмана в «Муджмал ат-таварūх» описан анонимным автором с большим количеством «неточностей», особенно в сравнении с рассказом Ибн Хурдāзбиха [6]. Возвращаясь к титулу Ālān-*shāh* (آلان شاه), стоит так же обратить внимание, что в рассказе анонимного автора о путешествии Саллāма ат-Тарджūмана титулом *shāh* наделяется другой правитель, но не владыка алан, хотя, как видно из списка титулов «падишахов Востока» такое титулование этого владыки ему было известно. «Тот (т.е. владыка алан – Д.Т.) направил нас к Фīлāн-шāху (فيلان شاه)» [15, f. 197 v; 10, s. 379]. В этот рассказ любопытна сама градация титулов правителей, которых посещает Саллāм ат-Тарджūман на пути к землям хазар: так, правитель алан награжден титулом *малик*, а правитель области Фīлāн – наоборот, получает титул *shāh*. При этом правитель Āрминūйи (ارمنيّه), единственный чье имя указано в тексте как «Исхāк ибн Исма'īл» (اسحاق بن اسمعيل), как и правитель Сарūра, упоминаются автором с титулом *сāхиб* (صاحب) [15, f. 197 v; 10, s. 379]. Можно с уверенностью предположить, что титулование правителя алан как *shāh* в «Муджмал ат-таварūх» свидетельствует в пользу того, что у нашего анонимного автора были источники не связанные с «Худūd ал-'алām», поскольку в нем приводится иной титул этого правителя. В.Ф. Минорский пишет правителе алан: «Их владыка – христианин» [25, р. 161]. В «Рукописи Туманского» это место выглядит таким образом: ملك پشان ترسا ست [39, л. 38а]. Как видно из этой цитаты в отношении правителя алан используется лишь второй из титулов, которые указывает и наш анонимный автор, но не в списке «падишахов Востока».

Как отмечалось выше, в отношении правителя лакзов также используется персидский титул *shāh*. Однако в отличие от правителя алан, анонимный автор «Муджмал ат-таварūх ва-'л-қисас» более нигде не упоминает ни лакзов, ни их владыку. Впрочем, титула *Лакзан-шāх* (لكزن شاه) не знает и автор «Худūd ал-'алām», равно как и другие ранние мусульманские авторы не используют эту титулатуру [25, р. 162; 50, с. 20]. Исключением в данном случае является труд Абū-'л-'Аббāса Ахмада ибн Йāхйи ибн Джāбира ал-Балāзūrī «Китāб футūх ал-булдāн» («Книге завоеваний стран»), где у правителя лакзов титул *shāh* присутствует в качестве составной части лақаб. «Ал-Балазури относит пожалование титула шаха некоторым закавказским правителям ко времени правления Хосрова Ануширвана. Он называет титул владетеля Сарира («хакан гор») – харазан-шах (Вахрарзан-шах), Лакза – джарашан-шах, а также титулы табарсаран-шах, миран-шах, филан-шах, шарван-шах» [7, с. 160]. Этот титул правителя лакзов мы находим в классическом издании оригинального текста сочинения «Китāб футūх ал-булдāн», где оно приводится как جريشان شاه (вар. جريشان شاه) [51, с. 196, note g], что полностью соответствует тому варианту перевода, который приводит Н.М. Велиханова. Однако в современном издании английского перевода сочинения ал-Балāзūrī этот титул приводится уже несколько иначе – *Harshānshah* [52, р. 209]. Возвращаясь к труду Ибн Хурдāзбиха, отметим любопытный момент: здесь мы

45 В тексте одного из списков рукописи топоним написан с дефектом, так что от названия державы Сарūр остались лишь две первые буквы (صاحب سر), на что обратил внимание Мухаммад Таки Бахар. При этом в Гейдельбергском списке рукописи этот титул написан полностью как صاحب سرير [15, f. 271 г.] – Д.Т., В.Т.

видим список правителей, носивших титул *shāh*, среди которых есть и упомянутый выше «*Ālān-shāh*». «Бузург Кушан-шах, Килан-шах, Буз Ардаширан-шах, что значит [владыка] Мосула, Майсан-шах, Бузург Арманийан-шах, Азарбазган-шах, Сиджистан-шах, Марв-шах, Карман-шах, Бадашваркар-шах, Йаман-шах, Тазийан-шах, Казаш-шах, Бурджан-шах, Амукан-шах, Сабийан-шах, Мушкиздан-шах (в Хурасане), Аллан-шах (в Мугане), Барашкан-шах (в Азербайджане), Куфс-шах (в Кирмане), Макран-шах (в ас-Синде), Туран-шах (в [стране] тюрок), Хиндуван-шах, Кабулан-шах, Ширийан-шах (в Азербайджане), Райхан-шах (из ал-Хинда), Гиган-шах (в ас-Синде), Балашаджан-шах, Давархан-шах (в стране ад-Давар), Нахшабан-шах, Кашмиран-шах, Бакардан-шах, Кузафат-шах – все это имена владык» [7, с. 61; 53, s. 17-18].

В отношении лакаба «падишаха Хинда» Р. Шешен дает здесь “*Raja*” [14, s. 35].

Заключение

Подводя итоги, хотелось бы, прежде всего, отметить, что представленный перевод фрагмента из сочинения «*Муджмал ат-таварих*» свидетельствует о значении данного памятника, в том числе для исследований в области истории Кавказа и сопредельных регионов в домонгольский период. Несмотря на то, что сам текст памятника представляет собой «мозаику» из сведений, почерпнутых анонимным автором из более ранних исторических и географических сочинений, в его составе, как мы показали на примере приведенного фрагмента, могут присутствовать сведения, аналоги которым невозможно найти в предшествующих трудах мусульманских авторов. Кроме того, анонимный автор, очевидно, пользовался весьма разнообразным набором источников, многие из которых остаются нам неизвестными, а также не следует лишь одной историографической линии, что создает в итоге своеобразное «смешение» сведений, разобраться в котором, зачастую, весьма сложно. Безусловно, и сам по себе список «падишахов Востока», и предшествующий ему рассказ о правителях Ирана и их лакабах вряд ли можно признать авторским нарративом, однако реконструировать полностью историографические связи между ними и более ранними историческими и географическими сочинениями вряд ли удастся в обозримом будущем. Также продолжает вызывать вопросы логика построения обоих списков: если титулы персидских правителей расставлены по хронологии их правления, то в отношении «падишахов Востока» их порядок упоминания в тексте «*Муджмал ат-таварих ва-'л-қисас*» все еще оставляет вопросы.

Сведения о правителях Кавказа и сопредельных регионах в тексте анонимного автора лишь на первый взгляд могут показаться скудными и малозначимыми: прежде всего бросается в глаза титулование правителей алан и лакзов титулом *shāh*, что с одной стороны отсылает нас к персидской традиции и первой части переведенного фрагмента, а с другой – очевидным исключением на фоне иных лакабов. Ни одного другого правителя среди «падишахов Востока» анонимный автор не титулует *shāh*ом, кроме указанных двух, а в большинстве случаев использует известные ему лакабы тюркского происхождения. Нами было отмечено, что правитель алан в тексте «*Муджмал ат-таварих*» также носит титул «малика» в другой части этого сочинения, что также вызывает вопросы – почему анонимный автор не использовал один и тот же лакаб. Последнее могло бы быть объяснено историографической связью между той частью анонимного сочинения и более ранним трудом Ибн Хурдāзбиха, однако в более раннем исследовании мы обратили внимание на то, что создатель «*Муджмал ат-таварих*» пользовался каким-то более поздним вариантом рассказа о путешествии Саллāма ат-Тарджūмана [6]. Также весьма важно отметить градацию титулов правителей, которых посещает Саллāм ат-Тарджūман на пути к землям хазар, в рассказе анонимного автора, где присутствуют лакабы *малик*, *сāхиб* и *shāh*, однако далеко не все титулы и сами правители при этом упоминаются среди «падишахов Востока», как, например, «*сāхиб Сарйр*». Что же касается «Лакзан-Шāха», то этот лакаб встречается в «*Муджмал ат-таварих...*» лишь один раз, однако, как нами было отмечено, практически не встречается в более ранних мусульманских географических и исторических сочинениях, что делает текст анонимного автора еще более ценным для исследователей. Надеемся, что представленный перевод и комментарии окажутся полезными коллегам, особенно тем, чьи интересы также связаны с историей Кавказа и сопредельных регионов в домонгольский период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969. 287 с.
2. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 2. Исследование. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1900. 573 с.
3. Борщевский Ю.Е. Географические разделы персидской всеобщей истории «Муджмал ат-таварих ва-’л-кисас» // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VII годичная сессия ИВ АН СССР (Ленинград). М.: Наука, 1971. С. 8–11.
4. Тимохин Д.М. Сведения по истории Дагестана в анонимном персидском сочинении 1126 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 17. № 1. 2021. С. 43–60.
5. Тимохин Д.М. Предание о Йафете ибн Нухе в составе «Муджмал ат-таварих ва-’л-кисас» // *Islamology*. 2025. № 14(1). С. 72–82.
6. Тимохин Д.М. Рассказ о путешествии Саллама ат-Тарджумана в составе Муджмал ат-таварих ва-’ль-кисас // История Ближнего Востока и Северной Африки в Средние века и Новое время: проблемы, параллели, аналогии: колл. монография. М.: ИВ РАН, 2025. С. 127–155.
7. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Наили Велихановой. Баку: Элм, 1986. 428 с.
8. Mohl J. Extraits du Modjmel al-Tewarikh relatifs à l’histoire de Perse // *Journal Asiatique*. 1841–1843. Ser. III, № 11, P. 136–178, 258–301, 320–361; № 12, P. 497–536; № 14, P. 113–152; Ser. IV, № 1. P. 385–432.
9. Quatremère E. De l’ouvrage persan qui a pour titre Moudjmel-attawarikh: Sommaire des histoires // *Journal Asiatique*. 1839. Ser. III. № 7. P. 246–285.
10. Mudjmal at-tawāriḫ wa-l-qīṣas. Eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert / Ed. by Seifeddin Najmabadi, Siegfried Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux Mondes, 2000. 473 S.
11. Mujmal al-tawāriḫ wa-l-qīṣas. Tehran: Chaphaney-e Havar Tehran, 1939. 568 s.
12. Molnár Á. Weather-magic in Inner Asia. Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, 1994. 190 p.
13. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть первая. Тексты. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1898. 218 с.
14. Şeşen R. İslam Coğrafyacılarına Göre Türkler ve Türk Ülkeleri. 2. baskı. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi, 2001. 299 s. (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu. Türk Tarih Kurumu Yayınları. VII Dizi – Sayı 173).
15. Moğmal-ot-Tavāriḫ va l-Qaṣas. Universitäts bibliothek Heidelberg, Cod. Heid. Orient. 118. 291 f.
16. Sadeghi A.A. Samet /θ/ «ث» dar zaban-e Farsi va Pahlavi // *Farhang-e nevesi*. Sh. 9. 1394/2015. S. 3–44.
17. Тревер К.В. Гопатшах — пастух-царь. // Тр. Отдела Востока [Государственного Эрмитажа]. Т. II. Л.: 1940. С. 71–86.
18. Justi F. Iranisches Namenbuch. Gedruckt mit Unterstützung der königlichen Akademie der Wissenschaften. Marburg: Elwert’sche Verlagsbuchhandlung 1895. XXVI u. 526 S.
19. Cereti C. GAYOMARD // *Encyclopædia Iranica*, online edition, 2015, available at <http://www.iranicaonline.org/articles/gayomard> (accessed on 23 November 2015).
20. Чунакова О.М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М.: Восточная литература РАН, 2004. 286 с.
21. MacKenzie D.N. A concise Pahlavi Dictionary. London & New York: Routledge Curzon, 2005. 236 p.
22. Чунакова О.М. Парфянские личные имена: семантика и структура // Письменные памятники Востока. № 2(17). 2012. С. 65–74.

REFERENCES

1. Agadzhanov SG. *Essays on the history of the Oghuz and Turkmen of Central Asia in the 9th–13th centuries*. Ashgabat: Ylym, 1969. (In Russ)
2. Barthold VV. *Turkestan in the era of the Mongol invasion. Part 2. Research*. Saint-Petersburg: Typography of V. Kirshbaum, 1900. (In Russ)
3. Borshchevsky YuE. Geographical sections of the Persian universal history “Mujmal al-Tawarikh wa-l-Qisas.” *Written Monuments and Problems of the History of Culture of the Peoples of the East. VII Annual Session of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences (Leningrad)*. Moscow: Nauka, 1971: 8–11. (In Russ)
4. Timokhin DM. Information on the history of Dagestan in an anonymous Persian work of 1126. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2021; 17(1): 43–60. (In Russ)
5. Timokhin DM. The legend of Japheth ibn Nuh as part of “Mujmal al-Tawarikh wa-l-Qisas.” *Islamovedenie*. 2025; 14(1): 72–82. (In Russ)
6. Timokhin DM. The story of Sallam at-Tarjuman’s journey as part of Mujmal al-Tawarikh wa-l-Qisas. *History of the Middle East and North Africa in the Middle Ages and Modern Times: Problems, Parallels, Analogies: Coll. Monograph*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2025: 127–155. (In Russ)
7. Ibn Khordadbeh. *The book of ways and kingdoms, transl. from Arabic, commentary, research, indexes and maps by Nailia Velikhanova*. Baku: Elm, 1986. (In Russ)
8. Mohl J. Extraits du Modjmel al-Tewarikh relatifs à l’histoire de Perse. *Journal Asiatique*. 1841–1843; Ser. III, 11: 136–178, 258–301, 320–361; 12: 497–536; 14: 113–152; Ser. IV, 1: 385–432.
9. Quatremère E. De l’ouvrage persan qui a pour titre Moudjmel-attawarikh: sommaire des histoires. *Journal Asiatique*. 1839; Ser. III, 7: 246–285.
10. *Mudjmal at-tawāriḫ wa-l-qīṣas. Eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert*, ed. by Seifeddin Najmabadi, Siegfried Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux Mondes, 2000.
11. *Mujmal al-tawāriḫ wa-l-qīṣas*. Tehran: Chaphaney-e Havar Tehran, 1939.
12. Molnár Á. *Weather-magic in Inner Asia*. Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, 1994.
13. Barthold VV. *Turkestan in the era of the Mongol invasion. Part one. Texts*. Saint-Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1898. (In Russ)
14. Şeşen R. *İslam Coğrafyacılarına Göre Türkler ve Türk Ülkeleri. 2. baskı*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi, 2001. (In Turk)
15. Moğmal-ot-Tavāriḫ va l-Qaṣas. Universitäts bibliothek Heidelberg, Cod. Heid. Orient. 118.
16. Sadeghi A.A. Samet /θ/ «ث» dar zaban-e Farsi va Pahlavi. *Farhang-e Nevesi*. 2015; 9: 3–44.
17. Trever K.V. *Gopatshah — the shepherd-king. Transactions of the Oriental Department [State Hermitage Museum]*. 1940; 2: 71–86. (In Russ)
18. Justi F. *Iranisches Namenbuch. Gedruckt mit Unterstützung der königlichen Akademie der Wissenschaften*. Marburg: Elwert’sche Verlagsbuchhandlung, 1895.
19. Cereti C. *Gayomard. Encyclopædia Iranica*, online edition, 2015, available at <http://www.iranicaonline.org/articles/gayomard> (accessed on 23 November 2015).
20. Chunakova OM. *Pahlavi dictionary of Zoroastrian terms, mythical characters and mythological symbols*. Moscow: Vostochnaya Literatura RAS, 2004. (In Russ)
21. MacKenzie DN. *A concise Pahlavi dictionary*. London & New York: Routledge Curzon, 2005.
22. Chunakova OM. Parthian personal names: semantics and structure. *Written Monuments of the Orient*. 2012; 17(2): 65–74. (In Russ)

23. Hanaway W.L. Jr., Bahrām V Gōr in Persian Legend and Literature // *Encyclopaedia Iranica*, III/5, pp. 514-522, available online at <http://www.iranicaonline.org/articles/bahram-05-lit> (accessed on 30 December 2012)
24. Bahar va adab-e farsi: majmū‘ah-’i yikṣad maqālāh az Malik al-Shu‘arā’ Bahār / Ed. by Golamhosein Yusufi, Muhammad Golban, Muhammad Taqi Bahar. Tehran: Sāzamān Kitābahā-yi Jībī, 1972. 456 s.
25. Ḥudūd al-Ālam: “The Regions of the World”, A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. 2nd ed. / with the preface by V.V. Barthold translated from the Russian and with additional material by the late Professor Minorsky; ed. by C. E. Bosworth. London: Luzac, 1970. lxxxii, 524 p.
26. Khaleghi-Motlagh Dj. AMĪRAK BAL‘AMĪ // *Encyclopaedia Iranica*. I/9, pp. 971-972, available online at <http://www.iranicaonline.org/articles/amirak-balami> (accessed on 30 December 2012); Manuscripts and Editions of Bal‘amī’s “Tarjamah-i Tārīkh-i Ṭabarī”
27. Elton D.L. Manuscripts and Editions of Bal‘amī’s «Tarjamah-i Tārīkh-i Ṭabarī» // *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1990. No. 2. P. 282-321.
28. A history of Persian literature. Volume X. Persian historiography / Ed. by Ch. Melville. London, New York: I.B. Tauris, 2012. 782 p.
29. Moḥammad Bal‘amī. Tārīkh-i Bal‘amī / ed. by Muhammad Taqi Bahar. Tehran: Chapkhana Tabish, 1974. Jild. 1–2. 1623 s.
30. Bosworth C.E., Clauson G. Al-Xwārazmī on the Peoples of Central Asia // *Journal of the Royal Asiatic Society (New Series)*. 1965. Vol. 97. Iss. 2. P. 2–12.
31. Martinez A.P. Gardīzī’s Two Chapters on the Turks // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. T. II. 1982. P. 109–217.
32. Marvazī Sharaf al-Zamān Ṭāhir. On China, the Turcs and India / Arabic text with an English translation commentary by V. Minorsky. London: The Royal Asiatic Society, 1942. 170, 53 p.
33. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.: Наука, 1967. [Т. 2.] Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. 212 с.
34. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.: Наука, 1962. [Т. 1.] Горган и Поволжье в IX–X вв. 279 с.
35. Кочнев Б.Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). М.: Издательский дом «София», 2006. Ч. I. Источниковедческое исследование / отв. ред. В.Н. Настич. 344 с.
36. Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. 493 p.
37. Maḥmūd al-Kāšyarī. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luyāt at–Turk) / ed. and transl. with Introduction and Indices by R. Dankoff in collaboration with J. Kelly. Cambridge, Mass.: Harvard University Office of the University Publisher, 1982. Pt. I. 416 p.
38. Lurje P.B. Two Sino-Turkic Titles in Sogdian // *Texts Symposium of Sogdian-Turkic Relations (Istanbul, Nov. 2014)*. (in press)
39. Ҳудӯд ал-‘āлем. Рукопись Туманского / с введ. и указ. В. Бартольда. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1930. 45, 78 с.
40. Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. // Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1966. Т. IV. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. С. 21–95.
41. Ecsedy H. Old Turkic Titles of Chinese Origin // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1965. T. XVIII. Fasc. 1–2. P. 83–91.
42. Golden P.B. Tatar // *Encyclopaedia of Islam*. New Edition / ed. by P.J. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel
23. Hanaway W.L. Jr. Bahram V Gor in Persian legend and literature. *Encyclopaedia Iranica*, online edition, 2012, available at <http://www.iranicaonline.org/articles/bahram-05-lit> (accessed on 30 December 2012).
24. Bahar va adab-e farsi: majmū‘ah-’i yikṣad maqālāh az Malik al-Shu‘arā’ Bahār, ed. by Golamhosein Yusufi, Muhammad Golban, Muhammad Taqi Bahar. Tehran: Sāzamān Kitābahā-yi Jībī, 1972.
25. Ḥudūd al-Ālam: “The Regions of the World”, a Persian geography 372 A.H. – 982 A.D. 2nd ed., with the preface by V.V. Barthold translated from the Russian and with additional material by the late Professor Minorsky, ed. by C.E. Bosworth. London: Luzac, 1970.
26. Khaleghi-Motlagh Dj. Amīrak Bal‘amī. *Encyclopaedia Iranica*. 2012; 1(9): 971-972. Available online at <http://www.iranicaonline.org/articles/amirak-balami> (accessed on 30 December 2012); Manuscripts and Editions of Bal‘amī’s “Tarjamah-i Tārīkh-i Ṭabarī.”
27. Elton DL. Manuscripts and editions of Bal‘amī’s “Tarjamah-i Tārīkh-i Ṭabarī.” *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1990; (2): 282-321.
28. A history of Persian literature. Volume X. Persian historiography, ed. by Melville Ch. London, New York: I.B. Tauris, 2012.
29. Bal‘amī M. *Tārīkh-i Bal‘amī*, ed. by Muhammad Taqi Bahar. Tehran: Chapkhana Tabish, 1974. Jild. 1-2.
30. Bosworth CE., Clauson G. Al-Xwārazmī on the peoples of Central Asia. *Journal of the Royal Asiatic Society (New Series)*. 1965; 97(2): 2-12.
31. Martinez A.P. Gardīzī’s two chapters on the Turks. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1982; 2: 109-217.
32. Marvazī Sharaf al-Zamān Ṭāhir. *On China, the Turcs and India, Arabic text with an English translation commentary by V. Minorsky*. London: The Royal Asiatic Society, 1942.
33. Zakhoder BN. *Caspian collection of information about Eastern Europe. Vol. 2. Bulgars, Magyars, peoples of the North, Pechenegs, Rus, Slavs*. Moscow: Nauka, 1967. (In Russ)
34. Zakhoder BN. *Caspian collection of information about Eastern Europe. Vol. 1. Gorgan and the Volga region in the 9th–10th centuries*. Moscow: Nauka, 1962. (In Russ)
35. Kochnev BD. *Numismatic history of the Karakhanid Khanate (991–1209). Part I. Source study*, ed. by V.N. Nastich. Moscow: Sophia Publ., 2006. (In Russ)
36. Golden PB. *An introduction to the history of the Turkic peoples: ethnogenesis and state-formation in medieval and early modern Eurasia and the Middle East*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992.
37. Maḥmūd al-Kāšyarī. *Compendium of the Turkic dialects (Dīwān Luyāt at–Turk)*. Pt. I, ed. and transl. by R. Dankoff in collaboration with J. Kelly. Cambridge, Mass.: Harvard University Office of the University Publisher, 1982.
38. Lurje PB. *Two Sino-Turkic titles in Sogdian. Texts Symposium of Sogdian-Turkic Relations (Istanbul, Nov. 2014)*. (In press).
39. *Hudud al-Alam. Tumansky Manuscript, with introduction and index by V. Barthold*. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1930. (In Russ)
40. Barthold VV. Report on a trip to Central Asia with a scientific purpose. 1893–1894. *Barthold VV. Works: in 9 vols. Vol. IV. Works on archaeology, numismatics, epigraphy and ethnography*. Moscow: Nauka, 1966: 21–95. (In Russ)
41. Ecsedy H. Old Turkic titles of Chinese origin. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1965; 18(1-2): 83-91.
42. Golden PB. Tatar. *Encyclopaedia of Islam*. New Edition. Vol. X, ed. by P.J. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel and W.P. Heinrichs. Leiden: Brill, 2000: 370.
43. Barthold VV. Tatars. In: *Barthold VV. Works: in 9 vols. Vol. V. Works on the history and philology of Turkic and Mongol peoples*. Moscow: Nauka, 1968:559. (In Russ)

and W.P. Heinrichs. Leiden: Brill, 2000. Vol. X. Tā'–U[...]. 4th impression. P. 370.

43. Бартольд В.В. Татары // Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1968. С. 559.

44. *Les invasions mongoles en Orient vécues par un savant médiéval arabe ibn Abi l-Hadid al-Madâ'ini, 1190–1258 J.C: Extrait du Sharh Nahj al-balâgha / Trad. M. Djebli*. Paris: Le Groupe Harmattan, 1995. 160 p.

45. Тимохин Д.М. Употребление понятий «татары» и «монголы» в мусульманских источниках XIII в. при описании завоевания Хорезма Чингиз-ханом // Золотоордынское наследие. Сборник посвящен 700-летию со дня рождения средневекового татарского поэта Сейфа Сараи. Казань, 2021 г. Вып. 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 123–134.

46. *Bibliotheca geographorum arabicorum / ed. M.-J. de Goeje*. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1877. T. III. Shams ad-dīn Abū Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn abī Bekr al-Bannā al Basshāri Al-Moqaddasī. 499, VII p.

47. *Kitāb fī Taḥqīq mā li'l-Hind or Al-Bīrūnī's India (Arabic Text)*. An Account of the Religion, Philosophy, Literature, Geography, Chronology, Astronomy, Customs, Laws and Astrology of India about 1030 A.D. / revised by the Bureau from the oldest extant manuscript in the Bibliothèque Nationale de France [Schefer 6080]. Osmania, Andhra Pradesh: Dairatu'l-ma'afiri'l-Osmania (Osmania Oriental Publication Bureau), 1958. 548, 30, XLIII p.

48. *Sims-Williams N. Bactrian Documents from Northern Afghanistan II: Letters and Buddhist Texts*. London, The Nour Foundation, 2007. P. 38 (Studies in the Khalili Collection. III. Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt. II: Inscriptions of the Seleucid and Parthian Periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. III: Bactrian). 326 p.

49. Kmietowicz F. Tytuły władców Słowian w tzw. “Relacji anonimowej”, wschodnim źródle z końca IX wieku // *Slavia Antiqua*. 1976. T. 23. S. 175–191.

50. Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1975. 176 с.

51. *Liber expugnationis regionum auctore Imámo Ahmed ibn Jahja ibn Djábir al-Beladorsi, quem e codice Leidensi et codice Musei Britannici / ed. M.-J. de Goeje*. Lugduni Batavorum: E.J. Brill, 1863. Vol. 1. 539 p.

52. *History of the Arab invasions: the conquest of the lands: a new translation of al-Balādhurī's Futūḥ al-buldān / english translation and historical commentary by Hugh Kennedy*. London; New York: I. B. Tauris, 2022. 597 p.

53. *Bibliotheca geographorum arabicorum / ed. M.-J. de Goeje*. Lugduni Batavorum: E.J. Brill, 1889. T. VI. Kitāb al-Masālik wa'l-Mamālik, Auctore Abu'l-Kāsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordādhbeh; accedunt excerpta e Kitāb al-Kharādj, Auctore Kodāma ibn Dja'far. 308 s.

44. *Les invasions mongoles en Orient vécues par un savant médiéval arabe ibn Abi l-Hadid al-Madâ'ini, 1190–1258 J.C: Extrait du Sharh Nahj al-balâgha, transl. by M. Djebli*. Paris: Le Groupe Harmattan, 1995.

45. Timokhin DM. The use of the concepts “Tatars” and “Mongols” in Muslim sources of the 13th century in describing the conquest of Khwarazm by Genghis Khan. *Golden Horde Heritage*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2021; 4: 123-134. (In Russ)

46. *Bibliotheca geographorum arabicorum. Vol. III. Shams ad-dīn Abū Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn abī Bekr al-Bannā al Basshāri Al-Moqaddasī, ed. by M.-J. de Goeje*. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1877.

47. *Kitāb fī Taḥqīq mā li'l-Hind or Al-Bīrūnī's India (Arabic Text)*. An Account of the Religion, Philosophy, Literature, Geography, Chronology, Astronomy, Customs, Laws and Astrology of India about 1030 A.D. Revised by the Bureau from the oldest extant manuscript in the Bibliothèque Nationale de France [Schefer 6080]. Osmania, Andhra Pradesh: Dairatu'l-ma'afiri'l-Osmania (Osmania Oriental Publication Bureau), 1958.

48. Sims-Williams N. *Bactrian documents from Northern Afghanistan II: letters and Buddhist texts*. London: The Nour Foundation, 2007: 38. (Studies in the Khalili Collection. III. Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt. II: Inscriptions of the Seleucid and Parthian Periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. III: Bactrian).

49. Kmietowicz F. Tytuły władców Słowian w tzw. “Relacji anonimowej”, wschodnim źródle z końca IX wieku. *Slavia Antiqua*. 1976; 23: 175-191.

50. Shikhsaidov AR. *Dagestan in the 10th–14th centuries. Experience of socio-economic characteristics*. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 1975. (In Russ)

51. *Liber expugnationis regionum auctore Imámo Ahmed ibn Jahja ibn Djábir al-Beladorsi, quem e codice Leidensi et codice Musei Britannici. Vol. 1, ed. M.-J. de Goeje*. Lugduni Batavorum: E.J. Brill, 1863.

52. *History of the Arab invasions: the conquest of the lands: a new translation of al-Balādhurī's Futūḥ al-buldān. English translation and historical commentary by Hugh Kennedy*. London, New York: I. B. Tauris, 2022.

53. *Bibliotheca geographorum arabicorum. Vol. VI. Kitāb al-Masālik wa'l-Mamālik, Auctore Abu'l-Kāsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordādhbeh; accedunt excerpta e Kitāb al-Kharādj, Auctore Kodāma ibn Dja'far, ed. M.-J. de Goeje*. Lugduni Batavorum: E.J. Brill, 1889.

Поступила в редакцию 29.03.2025

Принята в печать 19.05.2025

Опубликована 15.03.2026

Recieved 29.03.2025

Accepted 19.05.2025

Published 15.03.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH22120-30>

Исследовательская статья

Кокорина Юлия Георгиевна
д. филол. н., к.и.н., профессор
Московский политехнический университет, Москва, Россия
kokorina@inbox.ru

Вагабов Махач Мустафаевич
д.и.н., профессор
Московский политехнический университет, Москва, Россия
9162803@mail.ru

«КАВКАЗСКАЯ ПОЕЗДКА» АРХЕОЛОГА К.Н. ЛЮБАРСКОГО В 1915 г. (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Аннотация. Данная статья носит источниковедческий характер. В ней вводится в научный оборот неизвестный ранее исторический источник – дневник поездки по Кавказу археологов С.О. Долгова и К.Н. Любарского в 1915 г. Дневник хранится в архиве К.Н. Любарского в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. Ввод в научный оборот нового источника по истории археологии Кавказа позволит познакомить читателя с историей науки и осветить особенности личности малоизвестного исследователя края, заботившегося о сохранении его древностей. В этом видится актуальность данного исследования. Новизна его заключается в представлении не известных ранее материалов по истории археологии Кавказа. Историография деятельности К.Н. Любарского минимальна: имя этого труженика и романтика науки, погибшего в ходе Гражданской войны в России, практически неизвестно. Целью данной работы является знакомство российского научного сообщества с личностью и деятельностью оставшегося безвестным исследователя Кавказа. В результате анализа источника раскрывается исследование дольменов Западного Кавказа, горных крепостей и курганов с каменными ящиками. Значительное внимание в дневнике уделено раскопкам развалин крепости на реке Хоста. Дневник командировки рисует К.Н. Любарского как внимательного полевого исследователя, влюбленного в науку и тонко чувствующего природу Кавказа. Российский археолог работал в рамках существовавшей в его время методики, чувствуя ее недостатки. Он использовал передовые для того времени приемы фиксации памятников, заботился об их сохранности. Вводимый в научный оборот источник содержит опыт изучения древностей во время войны, представляет деятельность археологов России по сохранению ее древностей, который может оказаться полезным и в наши дни.

Ключевые слова: К.Н. Любарский; история археологии; археология Кавказа; дольмены; христианские храмы

Для цитирования: Кокорина Ю.Г., Вагабов М.М. «Кавказская поездка» археолога К.Н. Любарского в 1915 г. (по архивным материалам) // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 1. С. 20-30. doi.org/10.32653/CH22120-30

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH22120-30>

Research paper

Yuliya G. Kokorina
Dr. Phil. Sci., Cand. Hist. Sci., Prof.
Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia
kokorina@inbox.ru

Makhach M. Vagabov
Dr. Hist. Sci., Prof.
Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia
9162803@mail.ru

THE “CAUCASIAN TRIP” OF ARCHAEOLOGIST K.N. LYUBARSKY IN 1915 (BASED ON ARCHIVAL MATERIALS)

Abstract. This article serves as a source study, introducing a previously unknown historical document into scholarly circulation: the travel diary of archaeologists S.O. Dolgov and K.N. Lyubarsky during their 1915 expedition to the Caucasus. The diary is currently held in the K.N. Lyubarsky archive within the Department of Written Sources at the State Historical Museum. The relevance of this study lies in providing new insights into the history of Caucasian archaeology and shedding light on the personality of a lesser-known researcher dedicated to the preservation of regional antiquities. The novelty of the work is found in the presentation of these previously unpublished materials. The historiography of K.N. Lyubarsky’s career is minimal; a “romantic laborer” of science who perished during the Russian Civil War, his name remains largely unknown. The primary objective of this paper is to introduce the Russian scientific community to the life and work of this obscure researcher. Through an analysis of the source material, the article details investigations of Western Caucasian dolmens, mountain fortresses, and burial mounds containing stone cists. Significant attention is given to the excavation of fortress ruins on the Khosta River. The diary portrays Lyubarsky as a meticulous field researcher with a profound passion for science and a keen sensitivity to the Caucasian landscape. Although working within the methodological constraints of his era, Lyubarsky recognized their limitations, employing advanced recording techniques and prioritizing the conservation of monuments. This source documents the experience of studying antiquities during wartime – a testament to the efforts of Russian archaeologists to preserve cultural heritage that remains relevant today.

Keywords: K.N. Lyubarsky; history of archaeology; archaeology of the Caucasus; dolmens; churches

For citation: Kokorina Y.G., Vagabov M.M. “Caucasian trip” by archaeologist K.N. Lyubarsky in 1915 (based on archival materials). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 1. P. 20-30. doi.org/10.32653/CH22120-30

Введение

История археологии привлекает все большее внимание российского научного сообщества. За последние десятилетия опубликован целый ряд работ, посвященных этой тематике [1–10]. Освоение архивных материалов стало новой чертой историко-научных исследований [5, с. 65]. Обращение к архивам позволяет по-новому взглянуть на историю археологической науки в России, познакомиться с неизвестными ранее исследователями отечественных древностей. К таким незаслуженно, на наш взгляд, забытым археологам относится Кассиан Николаевич Любарский (1886–1920), который по заданию Румянцевского музея в годы Первой мировой войны совершил археологическую поездку по западному побережью Кавказа и провел раскопки ряда памятников. Работа археолога во время военного конфликта имеет свои особенности. Общеизвестно высказывание, что «когда говорят пушки, музы молчат». В наши дни, во время локальных военных конфликтов, государствам все сложнее изыскивать средства на археологические исследования, и учет опыта Российской империи в организации археологических работ в военное время представляется актуальным.

В статье вводится в научный оборот не публиковавшийся ранее исторический источник: дневник поездки К.Н. Любарского, три части которого хранятся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Д. 2, 3, 4). В работе использована обширная биография археолога, написанная, видимо, его тетей П.К. Любарской на основе личных воспоминаний и писем К.Н. Любарского, в том числе и с Кавказа. Сами письма в фонде отсутствуют (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Д. 1). В привлечении нового исторического материала видится новизна данной статьи.

Материалы и методы

Проводя археографическую критику источника, необходимо сказать о том, что представляют собой путевые дневники К.Н. Любарского. Это две тетради в жестком переплете на 140 листов, озаглавленные на титулах «Кавказская поездка летом 1915 г. 1 часть (и 2 часть. – прим авт.). Иллюстрированный фотографическими снимками и чертежами дневник поездки. К. Любарский. Оглавление в конце каждого тома»¹, а также отдельная тетрадь на 40 листов с надписью: «Записки. Кавказское побережье. 1915 г. К. Любарский. Г. Рязань, Владимирская ул. Собственный дом»². Две части дневников Кавказской поездки снабжены наклеенными на правые листы фотографиями археологических памятников, один раз – шитым чертежом фундамента церкви на миллиметровой бумаге, один раз – снятой на кальку схематической картой западного побережья Кавказа, и чертежами, выполненными чернилами в тексте. Как свидетельствует оглавление части 2 дневника, он включает 27 чертежей в тексте и 31 фотографию³. К большому сожалению, по независящим от авторов статьи причинам ни одна иллюстрация не может быть приведена нами в данной публикации.

Следует отметить, что Листы использования архивных материалов абсолютно чистые, т.е. этими архивными материалами никто ранее не пользовался, за исключением единицы хранения, содержащей биографический очерк археолога. Это свидетельствует о высокой степени новизны вводимых в научный оборот сведений, которые, как видится, с интересом будут встречены специалистами по археологии и истории Западного Кавказа.

Необходимо отметить, что дневники «Кавказской поездки» не являются «полевыми дневниками» в том смысле, в котором этот термин используют современные археологи. Данные о раскопках перемежаются в них с лирическими отступлениями – описаниями природы Кавказа, записями легенд о древних памятниках, характеристиками встреченных лиц. Мы вводим в научный оборот информацию о раскопках К.Н. Любарского, почерпнутую из его дневников и биографического очерка, в котором использованы письма археолога родным. Целью статьи является не только ввод в научный оборот

1 Любарский К.Н. Кавказская поездка летом 1915 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

2 Там же. Д. 4. Л. 2.

3 Там же. Д. 2. Л. 51.

нового источника, но и знакомство наших современников с практически неизвестной современному археологическому научному сообществу личностью российского археолога. Этим обусловлено обилие цитат из его дневников и основанной на личных документах и письмах, в том числе с Кавказа, биографии исследователя.

Биография К.Н. Любарского (рис. 1) малоизвестна. Она привлекла внимание М.П. Мироненко [11], но исследовательница в своей статье делает акцент на трагической судьбе археолога, погибшего в годы Гражданской войны в России, на его героических усилиях по спасению российских древностей от гибели и вывоза за границу. Поездка К.Н. Любарского по Кавказу в ее статье только упоминается [11, с. 187]. Трагической судьбе архангельских краеведов, в том числе и К.Н. Любарского, посвящена статья Ю.В. Дойкова [12]. Более ранние страницы биографии К.Н. Любарского в ней не рассматриваются. Таким образом, период деятельности ученого, связанный с изучением Кавказа, остается неисследованным.

Нами использован дескриптивный метод, позволяющий произвести описания археологических памятников Кавказа по дневникам ученого и его письмам, представить личность российского археолога, а также принцип объективности, который является ключевым в данном исследовании как в любой работе по истории науки [3, с. 65].

Биографическая справка о К.Н. Любарском

Мы считаем необходимым ознакомить читателя с биографическими сведениями о К.Н. Любарском в той мере, в которой они позволяют выявить его особенности как личности, как ученого, и подробно остановиться на материалах его «Кавказской поездки 1915 года».

Исследователь происходил из старинного рязанского дворянского рода Любарских. Его мать, Авдотья Семеновна Любарская, во время поездки в Париж вышла замуж за француза Юрия Агутена. Брак быстро распался и к тому же был признан недействительным в России, поэтому ребенок носил фамилию матери и отчество крестного⁴.

К.Н. Любарский закончил Московское реальное училище К.П. Вознесенского и юридический факультет Московского университета. Служил в Московском архиве Министерства юстиции. Известно, что он свободно владел французским языком. С самых ранних лет Кассиан Николаевич «проявлял большой интерес к предметам старины, которые не были в его глазах мертвыми, а говорили ему живым понятным для него языком и воскрешали минувшую эпоху»⁵. Дома много было артефактов XVIII и XIX столетий, книг и рисунков. Тетя его была ученицей известного ученого, профессора Федора Ивановича Буслаева (1818–1898), читавшего один семестр на курсах Герье лекции по искусству средних веков, начиная с христианской эры. К.Н. Любарский «был скор на помощь словом и делом. Легко дружил с лицами близкими ему по духу самого разнообразного положения

Рис. 1. К.Н. Любарский, 1913 г.

Fig. 1. K.N. Lyubarsky, 1913

⁴ По дороге к вершине. Биография К.Н. Любарского // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 8.

и образования. Впоследствии у него были друзья и среди крестьян, и среди аристократии, и среди духовенства»⁶. Эта его черта проявится и во время его кавказской поездки, когда он будет легко находить общий язык с местными жителями – инженерами, геологами, студентами, охотниками, рабочими, получая от них информацию об археологических памятниках и помощь в раскопках. В 1908 г. он лично познакомился с председателем Московского Археологического общества графиней П.С. Уваровой (1840–1924), когда спасал от наводнения дом заседаний Общества на Берестневке⁷. Сотрудничал в Тульской палате древностей, обществе «Старая Москва», Рязанской губернской ученой архивной комиссии, в 1912–1916 гг. издал описания ризницы Рязанского архиерейского дома и Рязанского некрополя, собирал книги и предметы старины для устройства в собственном доме в Рязани музея. В 1913 г. в отпуск на свои средства совершил поездку по Туркестану, альбом фотографий археологических памятников которого, выполненных К.Н. Любарским и насчитывающий более 140 снимков, хранится в ГИМ⁸. В 1914 г. он был командирован на XVI Археологический Съезд в Пскове, не состоявшийся из-за начала войны. Летом 1915 г. К.Н. Любарский был командирован на Кавказ от Румянцевского музея. Вернувшись с Кавказа, принимал активное участие в деятельности благотворительных организаций, занимался подготовкой и отправкой транспортов Красного Креста.

В феврале 1916 г в качестве вольноопределяющегося он проходил военное обучение и был направлен на службу в Архангельское Главное артиллерийское управление в качестве уполномоченного по переотправке грузов. Последующие годы его жизни связаны с северным краем⁹.

Свободно владевший французским языком, К.Н. Любарский был прикомандирован к Французской военной миссии в Архангельске, но главной сферой его интересов было обустройство бедствующего музея местного края. Приход в сентябре 1918 г. «Временного правительства Северной области», а затем генерала Е.К. Миллера (январь 1919 г.) не оказали влияния на его деятельность. С мая 1918 г. К.Н. Любарский является действительным членом Губернского церковно-археологического комитета и Архангельского общества изучения Русского севера¹⁰. Он борется за создание музея, сохранение исторических ценностей, обращается к властям с неоднократными просьбами пресечь вывоз памятников за рубеж. С восстановлением Советской власти «в марте 1920 г. он был назначен заведующим секцией музеев и охраны памятников искусства и старины при Архангельском губернском отделе Наркомпроса. Казалось бы, теперь для него открылись все возможности для воплощения идеи, которой он отдал столько сил. Однако исторические события, развивавшиеся на Российском Севере, привели к совсем другому повороту его судьбы» [11, с. 192]. К.Н. Любарский был обвинен в том, что якобы летом 1918 г. при высадке союзников утопил в реке замки от орудий красноармейских частей, из-за чего они не могли отстреливаться, и выдал место затопления союзникам. Прямых доказательств вины К.Н. Любарского в этом не было, но по приговору суда Кассиан Николаевич был расстрелян 7 августа 1920 г. Автор хранящегося в архиве биографического очерка об археологе с горечью завершает текст словами: «При отъезде французы официально и настойчиво приглашали его во Францию на службу. Считая этот момент слишком важным для России и открывавшим такие широкие перспективы для его излюбленной деятельности, он не нашел возможности бросить Родину. Патриотический долг, по его мнению, требовал от всех усиленной и дружной работы во всех направлениях. Оказалось, что Родина в таких работах не нуждается»¹¹. Прошло более ста лет со дня гибели археолога, и мы вводим в научный оборот результаты трудов его молодости, когда он проводил исследования на Кавказе.

Исследования К.Н. Любарским археологических памятников Кавказа

Румянцевский музей, несмотря на тяжелые военные годы, стремился обеспечить максимальное содействие властей деятельности археологов, обеспечить наибольшую продуктивность командировок.

6 Там же. Л. 12.

7 Там же. Л. 13.

8 Там же. Л. 6.

9 Там же. Л. 16.

10 Там же. Л. 25.

11 Там же. Л. 96.

Архив К.Н. Любарского содержит документ на бланке Румянцевского музея: «Предъявитель сего хранитель Отделения Доисторических, христианских и русских древностей Императорского Московского и Румянцевского Музея Статский советник Семен Осипович Долгов с помощником своим Кассианом Николаевичем Любарским командирован музеем на летние месяцы сего 1915 года в Черноморскую, Кутаисскую и Батумскую губернии для производства раскопок, а также для объезда и осмотра снятия фотографий и обмеров с древних памятников этого края и для приобретения подходящих для Музея предметов древности, ввиду чего строительное управление имеет честь покорнейше просить Вас оказать всяческое содействие г. Долгову при исполнении им порученного ему дела»¹². Таким образом, командировка исследователей обеспечивалась официальным документом. С.О. Долгов в дневнике неоднократно упоминается под инициалами «С.О.», а завершается текст искренней благодарностью старшему коллеге¹³.

Дневник содержит рукописные записи чернилами в хронологическом порядке. Первая запись датируется 6 июня 1915 г.: «Сегодня вопрос о кавказской поездке принял вполне реальную форму – С.О. (Долгов. – прим. авт.) получил из казначейства 600 руб. по музейскому чеку»¹⁴. Но уже на стадии подготовки археологам пришлось преодолевать организационные и материальные трудности: «Карт достать невозможно. У Ильина посоветовали 3-хверстные выписывать из Тифлиса. Сапоги стоят 30 рублей. Фотографические принадлежности вздорожали втрое, да и достану ли все, что надо – не знаю»¹⁵. Это говорит о тщательной подготовке поездки, стремлении использовать новейшие технические приемы – картографирование и фотофиксацию, несмотря на возникающие трудности.

Исследователи основательно готовились к поездке. Они изучали специальную литературу по археологии западного побережья Черного моря, среди которой К.Н. Любарский отмечает «Материалы по археологии Кавказа», подготовленные Комиссией по изучению Кавказа Московского Археологического общества [13], труд П.С. Уваровой «Кавказ: путевые заметки» [14] и французского спелеолога Э.-А. Мартеля (É.A. Martel) «La Côte d'Azur russe (Riviera du Caucase) voyage en Russie méridionale, au Caucase occidental et en Transcaucasie» [15].

Началась Кавказская поездка с осмотра дольменов в районе г. Туапсе. Затем продолжилась обследованием горы Индюк, посещением окрестностей Сочи, горы Мамай и раскопками христианского храма у р. Хоста. На обратном пути археологи посетили Мариуполь, где К.Н. Любарский обратился к городскому руководству с заявлением, в котором требовал обеспечить охрану памятников археологии и, в частности, так называемых «каменных баб», но этот документ, показывающий внимание ученого к сохранению российских древностей, выходит за рамки нашего исследования.

На горе в районе г. Туапсе, как пишет К.Н. Любарский, «близ вершины, среди больших камней, разбросанных близко друг от друга, находится дольмен. Дольмен интересен как монолит, что очень редко. Отдельно обтесана лишь крыша. Толщина крыши 6 вершков, площадь 5 аршин 12 вершков на 4 аршина 8 вершков. Внутри 2 аршина 10 вершков на 2 аршина 7 вершков. Высота 2 аршина 6 вершков. Отверстие круглое. 8 вершков в диаметре. Внутренность ровно, издавна закопчена. Камни прекрасно пригнаны. Пробки не видать. <...> в стене дольмена выдолблено нечто вроде ниши, при чем в середине ее, ближе к нижнему краю, симметрично с входным отверстием оставлено возвышение, круглое, одинакового с отверстием диаметром»¹⁶. К.Н. Любарский обладал значительной эрудицией, был хорошо знаком с подобными памятниками. Это видно не только с замечания о редкости дольмена-монолита, но и записи в другой тетради: «Дольмены имеются, кроме Кавказа, в Тунисе, Португалии, Андалусии. Но отличительной особенностью кавказских является тот факт, что они высечены в монолите. Их очень много в северной половине побережья. <...> Он является, кажется, переходом от пещеры к саркофагу. И непременно требует металлических инструментов. Еще в результате влияния греков на дикарей железом на Кавказе появляется очень рано, ввиду близости Месопотамии, Ассирии и Халдеи. Интересный дольмен около Джубчи с полукруглой пристройкою»¹⁷. Современному археологу идея о происхождении дольменов покажется наивной, но широта кругозора российского археолога столетней давности говорит о знакомстве с находками в Европе.

12 Личные документы К.Н. Любарского // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 100.

13 Любарский К.Н. Кавказская поездка летом 1915 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2. Л. 49.

14 Там же. Л. 3.

15 Там же. Л. 3.

16 Там же. Л. 16–17.

17 Путевые записки Любарского К.Н. Кавказское побережье в 1915 году // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 4. Л. 22

К.Н. Любарский приводит фото и рисунки перекрытия дольмена недалеко от Богатырского аула. На рисунке дана ориентация по сторонам света и отображены с указанием расстояния «ямки диаметром 3–4 дюйма и глубиной около дюйма или немного больше. Ямки напоминают подобные же, на камнях, служившие для добывания огня»¹⁸. Дан не только грамотно выполненный чертеж, но и предпринята попытка интерпретации памятника.

В наши дни дольмены всесторонне исследуются, проложены туристические маршруты к ним, но, как пишет Ю.Ю. Пиотровский, в современной России сложились разные виды неоязыческих сект, члены которых нарушают культурный слой внутри и вокруг дольменов, повреждают памятники, требующие всесторонней охраны [16].

«Гора Индюк находится в 30 верстах от Туапсе. Три скалистые вершины: ближайшая к морю наибольшая – Индюк, меньшая – Индюшка, и далее маленькая – Индюшонок». К.Н. Любарский писал родным, что «поехали туда, потому что местный геолог рассказал нам о присутствии там дольменов, курганов и каких-то таинственных «сундуков». <...> Маленький дольмен находился, как и нижний, на каменной плите, под которой было на 2 с половиной аршина песку. Перед отверстием на $\frac{3}{4}$ аршина были заметны следы углей. К сожалению, чтобы иметь возможность раскопать могилу, предполагавшуюся под дольменом, владелец взорвал его, чем совершенно разрушил его. Склоны горы (до начала голых каменных скал) не слишком крутые и заросшие лесом. Содержат много могил, черкесских кладбищ, тесно сбитых друг к другу, небольших каменных куч и крупных курганов, обложенных огромными плитами. Мы видели их четыре»¹⁹.

В своем дневнике археолог дает тщательное описание изображения на надмогильной стеле и реконструирует технику выполнения: «На первой плите было изображение лошади, припавшей на правое колено, с головой, подогнутой к нему. Исполнено оно было острым орудием, которым были процарапаны в камне контуры»²⁰.

К.Н. Любарский с болью говорит о разграблении археологических памятников: «У нас составилось впечатление, что гора была предметом внимания многих поколений и народов. В первый же вечер мы убедились, что кладоискательство является всеобщей манией. Копают все. Всегда. Лишь найдут новый, ранее не виденный, курган»²¹. Слова, следует признать, звучат особенно актуально в наши дни.

Оба исследователя руководили раскопками двух курганов, как тогда было принято, «колодцем». В первом ничего не было найдено, во втором был обнаружен каменный ящик, который был «сложен следующим образом: восточная стенка, состоявшая из трех камней, утверждена была на огромном камне, обработанном лишь с двух сторон (сверху и со стороны дна, над которым возвышалось дюймов на 8). Северная и южная, обе (из одного камня каждая) стояли на днище и были ниже двух других. С запада одна большая плита, прислоненная к днищу, с выгибом, едва намеченным в верхней части с внутренней стороны. Необходим для прикрепления крышки. <...> На дне, состоявшем из одного цельного камня, раздавленного проросшим корнем дуба пополам, найдено было пять камней и 4 косточки. Камни: 1) кварцевый порфир; 2) то же; 3) дикарь; 4) кварцевый порфир; 5) известняк с кальцитом»²². К.Н. Любарский проявляет компетентность не только археолога, но и геолога, открывая путь к историческим выводам: «3 и 5 принесены сюда издалека, а 1, 2, 4 принадлежат к породе, в большом количестве находящейся на Индюке»²³.

Хотя российские археологи использовали передовые по тем временам приемы фиксации памятников – фотографии, чертежи, планы, разрезы, – остается только сожалеть, что нет ни одного изображения из заполнения ящика, где встречено «большое количество мелких камешков, носящих явные следы искусственной их обивки. Однообразные их формы бросались в глаза»²⁴.

К.Н. Любарский приводит план, разрезы и обмеры, правда, шагами, крепости на г. Мамай. Опять звучит в его словах боль за утрачиваемые памятники: «Развалины сильно заросли, мало сохранили неразрушенной кладки, но, думаю, и до сих пор при раскопке, никогда в них не производившейся,

18 Любарский К.Н. Кавказская поездка летом 1915 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

19 По дороге к вершине. Биография К.Н. Любарского // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.

20 Любарский К.Н. Кавказская поездка летом 1915 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.

21 По дороге к вершине. Биография К.Н. Любарского // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

22 Любарский К.Н. Кавказская поездка летом 1915 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2. Л. 59-60.

23 Там же. Л. 61.

24 Там же. Л. 61.

дали бы значительный материал. Пришлось слышать, что лет 15-18 тому назад при поездках пикником на Мамайку, всегда возвращались с черепками от сосудов, монетами и металлическими вещами»²⁵.

Окончание части 1 его дневника и практически вся часть 2 посвящены раскопкам христианского храма на р. Хоста. В своем письме родным К.Н. Любарский тепло отзывается о людях, сохраняющих древние памятники. Его знакомый «инженер рекомендует себя не разрушителем, а охранителем старины. По его рассказам, в одном месте, где оказались развалины 3-хабсидного с 4-мя столбами храма, который они должны были закрыть насыпью, они сделали мост. В другом месте обошли развалины крепости. <...> Инженеры действительно оказались необычайно культурные и, чтобы сохранить древний храм сделали над ним мост в 10 саженой. Он как раз приходится по линии строящейся черноморской дороги. <...> Храм этот никогда никем еще не был зарегистрирован, и нашли его мы первые. Рабочих нам дали, и мы копали»²⁶.

Дневник К.Н. Любарского содержит подробное описание раскопок внутри стен храма, производившихся по частям. В ходе исследований на площади, занимаемой храмом, было обнаружено 12 погребений на разном уровне. Каждое подробно описано, но фотографии и чертежи отсутствуют. Дан сводный схематический план расположения всех погребений на территории храма. Описание культурного слоя проведено довольно тщательно: «Можно предположить, что свод был возведен из плинфы, среди которой местами попадались каменные плитки. Слой извести был почти такой же толщины, как и сами плинфы, а иногда и толще их»²⁷. Приведем одно из описаний погребений на территории храма: «Между двумя правыми столбами очень мелко, нашел погребение без гроба. Головой на запад. У таза, с левой стороны раковина. Такая же, как и в гробу, найденном 27 июля, около южной двери. Левая рука на груди, правая вытянута вдоль туловища. На правой руке, у запястья, найдены два кольца (медные) разной величины, лежавшие около кости. На поясе была железная пряжка. У головы, у правого виска, находился стакан, днищем вверх, устьем к плечу. В нем, когда он был только что вынут из земли, на внутренних стенках замечены были желтоватые следы какой-то жидкости. Стакан из очень тонкого стекла, с молочными разводами и отделан вертикальными филенками. По краю синий рубчик. В ногах стояком была небольшая плитка из дикаря»²⁸. Видимо, упомянутый здесь «стакан» представлял собой так называемую «слезницу», помещавшуюся в погребения по христианскому обряду, и, судя по краткому описанию, вероятно, образец византийского (сирийского) стекла. При всей тщательности раскопок и подробности описания, рисунков вещей и плана погребения не приведено.

При этом обращают на себя внимание попытки К.Н. Любарского проводить реконструкции и исторические интерпретации материала. Так, он делает графическую реконструкцию глиняной колонны с изображением процветшего креста, фиксирует разноуровневость погребений, отмечая: «Создавалось впечатление, что погребены они были после того, как свод обрушился, но раньше, чем началось разрушение стен. Найдены они были именно в том промежуточном темном слое, который указывает на разницу во времени»²⁹. На эрудицию археолога, о которой мы уже говорили, указывает отметка: «Обнаружилось совершенно неожиданно для меня, что снаружи алтарная абсида имеет правильные грани. Это уже что-то грузинское»³⁰.

Если погода не позволяла заниматься раскопками, археологи проводили разведки. К.Н. Любарский пишет об одной из них: «В 4-х верстах от Хости, по переселенческому, так называемому французскому, шоссе, на противоположном обрыве реки, в чаще густого леса, едва доступные, затаились развалины стен и башен. Первое, что бросилось мне в глаза, это сравнительно большая их сохранность. Действительно, плато, поросшее лесом, стены и башни сохранились в высоту 7-10 аршин. Всесокрушающее время гораздо больше хранит, чем люди. Кладка (на извести) из хорошего известняка, добытого частью на месте, частью в соседних горах, имеет другой характер, чем в исследуемом нами храме. Очень трудно было определить как следует направление стен и начертить мало-мальски правильный план их и всей местности в лесу, где не видно за 5 шагов. Все же предлагаю чертеж, дающий некоторое представление о местности, и составленный мною»³¹. Ученый приводит план поворота р. Хоста.

25 Там же. Л. 73.

26 По дороге к вершине. Биография К.Н. Любарского // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

27 Любарский К.Н. Кавказская поездка летом 1915 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2. Л. 91.

28 Там же. Д. 2. Л. 92.

29 Там же. Д. 3. Л. 5.

30 Там же. Д. 3. Л. 7.

31 Там же. Л. 7.

Крепость расположена на мысу. Начерчены поперечный и продольный разрезы памятника. Судя по указанным местоположению, расстоянию, описанию, в приведенном пассаже, очевидно, речь идет об известной Хостинской крепости (о ней см.: [17, с. 88–90]).

Доведя раскопки храма у р. Хоста до уровня пола, К.Н. Любарский фиксирует «гробницы, расположенные от северной двери к южной сплошным рядом. Длина 6 футов. Ширина 1 фут 6 дюймов. Глубина 1 фут 5 дюймов. По очистке гробницы на стенах ее были найдены следы росписи. <...> В восточной части замечены были следы креста, формой похожего на георгиевский, того же цвета (красного. – прим. авт.). В прочем за это последнее не ручаюсь, хотя предлагаю точные размеры, снятые мною немедленно по обнаружении, пока стены не высохли»³², что рисует нам археолога как внимательного полевого исследователя. Он отмечает: «Пятигранность главного алтаря, замеченная еще 5 августа, находит себе аналогии, по справкам С.О., в привезенных нами с собою книгах»³³. Ученый делает ценное наблюдение: «Любопытно, что углы граней выложены туфом зеленоватым, находимым в верстах 7 отсюда». К.Н. Любарский осознавал необходимость изменения методики раскопок, существовавшей в начале XX в.: «Необходимо произвести специальное исследование алтаря и некоторых гробниц, как внутри, так и давно намеченных снаружи. Кажется, что способ погребения устанавливается, но трудно поручиться, что каждая еще не раскопанная могила не даст никакого нового материала. Думаю, подобные раскопки необходимо делать до дна»³⁴.

По завершении раскопок археологи позаботились о сохранности памятника. Искренней заботой о нем звучат слова К.Н. Любарского: «Хочется надеяться, что люди, по нашем отъезде, не слишком изуродуют то, что мы с такими стараниями приводили в порядок. Твердой уверенности в этом у меня, по правде говоря, нет совершенно. Мне пришло в голову, что одним из способов гарантировать хотя бы некоторую чистоту и ненарушимость храма мог бы крест (металлический, конечно), самый простой, но прочный. Я попросил инженера Погореку и он обещал мне, что закажет его у главного подрядчика Мергелова ...Это, я знаю, он исполнил, но вот заставит ли он поставить его на месте, в середине алтаря, как было решено, я не знаю»³⁵. Мысль поставить металлический крест на месте раскопанного алтаря представляется наивной и не соответствующей современным методикам исследований, но обращает на себя внимание искреннее желание археолога сохранить в целостности открытый им памятник. Откровенная нежность к древнему объекту и гордость своим трудом звучит в письме К.Н. Любарского родным: «Храм близ Хосты мы отделали. Из груды мусора, заросшего травой и грабом в 3 обхвата толщиной, среди которых стояла скамеечка, где флиртвала молодежь, выросла стройная постройка, стены которой в юго-западном углу сохранились даже на 4 вершка с лишком. Невероятно начинаешь любить создание собственных рук или лучше своего «спасеныша», выведенного на свет божий. Если ценных в кладоискательском смысле находок мы не сделали, то во всяком случае везем ценный материал в чисто научном его значении»³⁶. Понимание научной ценности своего труда, отсутствие стремления к кладоискательству и дешевой славе говорит о высокой компетентности и чистом моральном облике исследователя.

По возвращении в Москву, 30 октября 1915 г. Московское Археологическое Общество заслушало доклад С.О. Долгова и К.Н. Любарского «Развалины древней церкви в Хосте», который сообщал и исторические выводы. «Небольшой Хостенский храм, представляющий собой почти квадрат, схож с Зеленчукским храмом и Храмом на Безыби, возникновение которых гр. П.С. Уварова относит к X–XI в. Как вне, так особенно внутри храма много погребений, но небогатых. Найденные вещи (несколько сосудов, несколько шпаг, стеклянный стаканчик, по-видимому, гәнүезского происхождения) сданы в Румянцевский музей»³⁷.

Судя по местоположению и описанию памятника, его планировке, архитектурным особенностям (три апсиды, три нефа, четыре столпа, пятигранность алтарной апсиды и др.), К.Н. Любарский обследовал крестово-купольный храм, который спустя два года исследовала А.П. Лебединская и датированный ныне X в. [18, с. 415–417; 19, с. 13–20]. По всей видимости, именно названный доклад побудил А.П. Лебединскую провести экспедицию по более тщательному исследованию этого архитектурного памятника в мае 1917 г.

32 Там же. Л. 25–26.

33 Там же. Л. 30.

34 Там же. Л. 31.

35 Там же. Л. 31.

36 По дороге к вершине. Биография К.Н. Любарского // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

37 Протоколы заседаний Московского Археологического Общества. 1914–1916гг. // ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 66.

Выводы

Таким образом, К.Н. Любарский и С.О. Долгов провели ценное научное исследование, хотя, разумеется, в рамках тогдашней методики полевой фиксации. И, хотя, как указано выше, дневник их поездки нельзя назвать в полной мере полевым археологическим дневником в современном смысле, нам, исследователям XXI века, близки слова, записанные российским археологом более ста лет назад: «... и нужно полюбить Кавказ, его горы, его дикие леса, природных его жителей, настоящих людей, людей не от машинного станка пришедших, а от природы рожденных; людей, в которых есть и от зверя, и от духа. Полюбить его старые, забытые развалины, спрятанные в делях, и тогда можно услышать голос, может быть в ручье, может быть, в ветре или в шелесте леса. И голос этот станет рассказывать вам такую сказку, где будет только одна быль, но быль фантастичнее и прекраснее всякого вымысла. Старые стены тоже расскажут, что знают ... если полюбить их и приласкать мыслью. Тогда они просыпаются и шепчут»³⁸.

Вводимые в научный оборот архивные документы рассказывают нам о внимании государственных учреждений к археологическим памятникам даже в тяжелые военные годы, стремлении обеспечить всестороннее содействие властей работам исследователей. Документы представляют личность автора дневника К.Н. Любарского как внимательного полевого исследователя, компетентного не только в археологии, но и в геологии, не жалевшего сил и здоровья на раскопки и разведки. Им использованы передовые для того времени методики – фотофиксация, картографирование, создание архитектурных планов и разрезов памятников, графические реконструкции. И, хотя несовершенство полевой методики того времени заставляет сожалеть об отсутствии чертежей и зарисовок погребений и находок, анализа остеологического материала, вклад исследователя в археологию Кавказа нам представляется неоспоримым. Важным является теперь установленный факт, что К.Н. Любарский и С.О. Долгов были первыми исследователями Хостинского храма X в.

К.Н. Любарский делал все возможное для сохранения и музеефикации найденных памятников, высоко ценил усилия местных инженеров по их охране и с болью писал о разгуле кладоискательства. В дальнейшем, когда он окажется в Архангельске, эти его качества борца и исследователя проявятся в полной мере.

Можно поспорить с автором биографии археолога. Такие труженики и романтики науки, как К.Н. Любарский, необходимы Родине. Пусть даже открываем мы для себя его личность и результаты его работ более, чем через столетие после трагической гибели ученого.

38 По дороге к вершине. Биография К.Н. Любарского // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Формозов А.А.* Очерки по истории русской археологии. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – 128 с.
2. *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. – 240 с.
3. *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е. Забелин. М.: Московский рабочий, 1984. – 239 с.
4. *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. М.: Знак, 2004. – 315 с.
5. *Формозов А.А.* Историография русской археологии на рубеже XX-XXI веков: (обзор книг, вышедших в 1997-2003 гг.). Курск: Издательство КГУ, 2004. – 67 с.
6. *Формозов А.А.* Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М.: Рукописные памятники Древней Руси: Изд. А. Кошелев, 2007. – 183 с.
7. *Формозов А.А.* Рассказы об учёных. М.: Флинта, 2011. – 122 с.

REFERENCE

1. *Formozov AA.* *Essays on the history of Russian archaeology.* Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961. (In Russ)
2. *Formozov AA.* *Pages of the history of Russian archaeology.* Moscow: Nauka, 1986. (In Russ)
3. *Formozov AA.* *The historian of Moscow I.E. Zabelin.* Moscow: Moskovskiy Rabochiy, 1984. (In Russ)
4. *Formozov A.A.* *Russian archaeologists in the period of totalitarianism: historiographical essays.* Moscow: Znak, 2004. (In Russ)
5. *Formozov A.A.* *Historiography of Russian archaeology at the turn of the XX-XXI centuries: (review of books published in 1997-2003).* Kursk: KSU Publ., 2004. (In Russ)
6. *Formozov A.A.* *Researchers of the antiquities of Moscow and the Moscow region.* Moscow: Manuscript Monuments of Ancient Rus, ed. A. Koshelev, 2007. (In Russ)
7. *Formozov AA.* *Stories about scholars.* Moscow: Flinta, 2011. (In Russ)

8. Клейн Л.С. История Российской археологии: учения, школы и личности. Т.1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. – 704 с.
9. Клейн Л.С. История археологической мысли. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2011–2014. В 2-х тт.
10. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России: (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. – 674 с.
11. Мироненко М.П. Судьба русского археолога на переломе эпох // Традиционные и инновационные методы изучения социальной истории России XII–XX веков: сборник статей в честь Елены Николаевны Швейковской. М.: Новый хронограф, 2021. С. 185–193. DOI 10.31168/94881-516-9.15
12. Дойков Ю.В. История на Голгофе: Краеведы севера и их судьбы // Смирнов В.И. Город Архангельск в начале 30-х годов XX столетия. Архангельск: [Б.и.], 2012. С. 13–14.
13. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества / под ред. и с предисл. гр. П.С. Уваровой. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1888–1916. Выпуски 1–14.
14. Уварова П.С. Кавказ: путевые заметки. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1887. – 326 с
15. Martel É.A. La Côte d'Azur russe (Riviera du Caucase) voyage en Russie méridionale, au Caucase occidental et en Transcaucasie (Mission du gouvernement russe, 1903). Paris: Delagrave, 1909. – 423 p.
16. Пиотровский Ю.Ю. Дольмен и человек в современном мире // Дольмены: современники древних цивилизаций. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 2001. С. 8–10.
17. Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1979. – 128 с.
18. Виноградов А.Ю., Каштанов Д.В., Казачков Ю.А. Крестово-купольный храм в Хосте – забытый памятник «абхазской школы» X века // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. С. 415–417.
19. Виноградов А.Ю. Неизвестный крестово-купольный храм X века в Хосте (Краснодарский край) // Архитектурное наследие. Вып. 72. 2020. С. 13–20.
8. Klejn L.S. *History of Russian archaeology: teachings, schools and personalities. Vol. 1. General overview and pre-revolutionary time.* Saint-Petersburg: EVRAZIA, 2014. (In Russ)
9. Klejn L.S. *History of archaeological thought.* St. Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., 2011–2014. (In Russ)
10. Tunkina IV. *Russian science of classical antiquities of the South of Russia: (XVIII – mid-XIX century).* Saint-Petersburg: Nauka, 2002. (In Russ)
11. Mironenko MP. The fate of a Russian archaeologist at the turning point of epochs. *Traditional and innovative methods of studying the social history of Russia in the XII–XX centuries: collection of articles in honor of Elena Nikolaevna Shveikovskaya.* Moscow: Novy Khronograf, 2021: 185–193. DOI 10.31168/94881-516-9.15
12. Doikov YuV. History on Golgotha: local historians of the North and their fates. *Smirnov V.I. The city of Arkhangelsk in the early 30s of the XX century.* Arkhangelsk: [N.p.], 2012.: 13–14. (In Russ)
13. *Materials on the archaeology of the Caucasus, collected by the expeditions of the Moscow Archaeological Society, ed. and with a preface by Countess P.S. Uvarova.* Moscow: Typography of A. I. Mamontov and Co., 1888–1916. (In Russ)
14. Uvarova PS. *The Caucasus: travel notes.* Moscow: Typography of A. I. Mamontov and Co., 1887.
15. Martel É.A. *La Côte d'Azur russe (Riviera du Caucase) voyage en Russie méridionale, au Caucase occidental et en Transcaucasie (Mission du gouvernement russe, 1903).* Paris: Delagrave, 1909.
16. Piotrovsky YuYu. Dolmen and man in the modern world. *Dolmens: contemporaries of ancient civilizations.* Krasnodar: Krasnodar Book Publ., 2001: 8–10. (In Russ)
17. Voronov YuN. *Antiquities of Sochi and its surroundings.* Krasnodar: Krasnodar Book Publ., 1979. (In Russ)
18. Vinogradov AYu., Kashtanov DV., Kazachkov YuA. The cross-domed church in Khosta – a forgotten monument of the "Abkhazian school" of the 10th century. *Caucasus in the system of cultural relations of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. XXX "Krupnov readings" on the archaeology of the North Caucasus. Materials of the International Scientific Conference.* Karachaevesk, April 22–29. 2018: 415–417. (In Russ)
19. Vinogradov AYu. Unknown cross-domed church of the 10th century in Khosta (Krasnodar Territory). *Architectural Heritage.* 2020; 72: 13–20. (In Russ)

Поступила в редакцию 26.02.2025

Принята в печать 17.03.2025

Опубликована 15.03.2026

Received 26.02.2025

Accepted 17.03.2025

Published 15.03.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH22131-42>

Исследовательская статья

Нефляшева Наима Аминовна
к.и.н., старший научный сотрудник, доцент
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
innef@mail.ru

ИЗ ЕКАТЕРИНОДАРА ДО ДЖИДДЫ. К ВОПРОСУ О ПАЛОМНИЧЕСКИХ МАРШРУТАХ АДЫГОВ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. Статья посвящена неизученной проблеме паломнических маршрутов адыгов Кубанской области в Мекку и Медину. Автор поставил своей задачей характеристику маршрута хаджа адыгов-мусульман Кубанской области, включая важнейшие железнодорожные и морские остановки, выявление локальных акторов, вовлеченных в организацию хаджа. Ключевую роль в организации хаджа мусульман Российской империи сыграли «Временные правила о паломничестве мусульман» 1903 г. В начале XX в. у властей Кубанской области сложилась устойчивая практика выдачи соответствующих документов для будущих паломников. Главную организационную роль для адыгских хаджи играл меценат и предприниматель Л.Н. Трахов. Он не только давал им консультации о будущей поездке, но и помогал с покупкой билетов, в том числе отправлял некоторых хаджи за свой счет. Оформление документов проходило в Екатеринодаре, где паломники предъявляли гарантии от аульного старшины, заверяющие их платежеспособность и лояльность, и прошение на выезд. Дальнейший маршрут проходил по железной дороге от Екатеринодара до Новороссийска. Из Новороссийска хаджи добирался на пароходах РОПиТ до Севастополя, а из Севастополя в Джидду или Янбо через Константинополь. В Севастополе на берегу моря для хаджи был устроен хаджилар Караван Сарай. До Константинополя можно было добраться пароходами Севастопольско-Константинопольской и Анатолийской линий. Для перевозки хаджи РОПиТ выделило специальную линию Персидского залива. На кораблях для хаджи создавались условия, отвечающие потребностям их ритуальных практик. В Константинополе хаджи регистрировались в генеральном консульстве Российской империи. С момента получения документа в Екатеринодаре до регистрации в Константинополе могло пройти от 7 дней до 1 месяца.

Ключевые слова: хадж; паломнические маршруты; Российская империя; Кубанская область; Русское общество пароходства и торговли; адыги; мусульмане.

Для цитирования: Нефляшева Н.А. Из Екатеринодара до Джидды. К вопросу о паломнических маршрутах адыгов Кубанской области в начале XX в. // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. No 1. С. 31-42. doi.org/10.32653/CH22131-42

© Нефляшева Н.А., 2026

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH22131-42>

Research paper

Naima A. Nefliasheva
Cand. Sci., Senior Researcher, Assoc. Prof.
Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia
innef@mail.ru

FROM YEKATERINODAR TO JEDDAH: ON THE PILGRIMAGE ROUTES OF THE ADYGHE OF THE KUBAN REGION IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Abstract. This article addresses the previously unexamined issue of the pilgrimage routes taken by the Adyghe of the Kuban region to Mecca and Medina. The author aims to characterize the Hajj routes of Kuban's Adyghe Muslims, including major railway and maritime waypoints, while identifying the local actors involved in organizing the pilgrimage. A pivotal role in organizing the Hajj for Muslims of the Russian Empire was played by the "Temporary Rules on Muslim Pilgrimage" of 1903. By the early 20th century, the authorities of the Kuban region had established a consistent practice for issuing the necessary documentation to prospective pilgrims. A central organizational figure for the Adyghe pilgrims was the philanthropist and entrepreneur L.N. Trakhov. He not only provided consultations regarding the upcoming journey but also assisted with ticket purchases, even funding the pilgrimage for some individuals at his own expense. The processing of documents took place in Yekaterinodar, where pilgrims submitted petitions for departure along with guarantees from their village elders (aul starshina) certifying their solvency and loyalty. The subsequent route proceeded by rail from Yekaterinodar to Novorossiysk. From Novorossiysk, the pilgrims traveled via Russian Steam Navigation and Trading Company (ROPIT) steamers to Sevastopol, and from there to Jeddah or Yanbu via Constantinople. In Sevastopol, the Hajilar Caravan Sarai was established on the coast to accommodate the pilgrims. Constantinople could be reached via the Sevastopol-Constantinople and Anatolian lines. For the transport of pilgrims, ROPIT allocated a specific Persian Gulf line, where conditions on board were adapted to meet the requirements of their ritual practices. In Constantinople, pilgrims registered at the Consulate General of the Russian Empire. The duration between receiving documents in Yekaterinodar and registering in Constantinople could range from seven days to one month.

Keywords: Hajj; pilgrimage routes; Russian Empire; Kuban region; Russian Steam Navigation and Trading Company (ROPIT); Adyghe; Muslims

For citation: Nefliasheva N.A. From Yekaterinodar to Jeddah. On the issue of pilgrimage routes of the Adyghe of the Kuban region in the early XXth century. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 1. P. 31-42. doi.org/10.32653/CH22131-42

Введение

Актуальность темы статьи определяется растущим с 1990-х гг. интересом российского академического сообщества к изучению системы взаимоотношений центральной власти Российской империи с ее мусульманскими подданными. Современные исследователи отмечают, что к началу XX в. в России была выстроена система взаимоотношений Петербурга с мусульманскими регионами, в которой лояльность православной империи не была противопоставлена этнической и религиозной самоидентификации мусульман. Система включала духовные управления-муфтиаты, созданные для мусульман Крыма, Закавказья, Поволжья и Центральной Азии как органы государственного контроля за духовной и гражданской жизнью мусульман империи, шариатское судопроизводство, своеобразно адаптированное имперским судопроизводством, институт вакуфной собственности, мусульманское образование и сами мусульманские элиты, сконструированные российским законодательством как сословие [1, с. 161].

В этой системе организация хаджа – ежегодного паломничества мусульман в святые города ислама Мекку и Медину – занимала особое место как государственный проект, отражающий способность империи к решению политических, идеологических, финансовых, логистических задач, порожденных самим фактом существования хаджа, только на первый взгляд воспринимаемый как организация перемещения тысяч подданных по разработанным сверху железнодорожным и морским маршрутам.

Цель государственного регулирования хаджа, сформулированная впервые еще российскими послом в Константинополе и консулами в Джидде и Багдаде, поставлявшими в Петербург аналитические записки, определялась решением нескольких задач, лежащих как в сфере идеологии, так и в сфере безопасности и бюрократии.

Регулируя хадж, власти стремились оградить российских мусульман от идей панисламизма, минимизировать риски распространения чумы и холеры, которые паломники могли завезти на территорию Российской империи, заблокировать пути караванного нелегального хаджа и предложить для паломников морские маршруты, адекватные и для комфорта паломников, и для сохранения их лояльности за пределами своей родины. В контексте проблемы организации хаджа важное место заняли и условия получения паломнического паспорта для мусульман.

А. Кейн выражает мысль о государственном контроле за хаджем мусульман России, прибегая к образу символической «невидимости» паломников для чиновников в империи и за границей, преодоление которой становилось государственной задачей [2; 3].

Цель данной статьи – выявить паломнические маршруты адыгов-мусульман Кубанской области от Екатеринодара до Джидды в начале XX в. после утверждения Госсоветом «Временных правил о паломничестве мусульман» в 1903 г. Правила определили порядок следования мусульман Российской империи, функциональные обязанности МВД и местных властей по контролю за маршрутами хаджа и состоянием здоровья возвращающихся паломников. Пребывание мусульман Кубанской области в Мекке и Медине, санитарные карантин, маршруты их возвращения домой, а также экономика хаджа требуют отдельного внимания и будут исследованы в последующих статьях.

К числу задач исследования относились формирование круга источников, релевантных цели исследования, характеристика маршрута хаджа мусульман Кубанской области, включая важнейшие железнодорожные и морские остановки, выявление локальных акторов, вовлеченных в организацию хаджа, описание алгоритма паломнического маршрута от Екатеринодара до Джидды. Данные исторических источников анализировались методами логического, сравнительно-исторического и ретроспективного анализа. Методологической базой исследования послужили принципы системности, историзма и объективности.

Источники, на основании которых стало возможно такое исследование, исходят из внешнеполитических ведомств Российской империи – это переписка, отчеты, отзывы министерства иностранных дел, посольства в Константинополе, консульства в Джидде. Конец XIX в. отмечен появлением единичных источников, написанных мусульманами – для данной статьи особое значение имел отчет штабс-капитана А.А. Давлетшина [5], командированного с секретной миссией в Хиджаз в 1898 г. для оценки потенциальной опасности хаджа для Российской империи. Большое значение для реализации задач

статьи имели иллюстрированные путеводители крупнейшей частно-государственной транспортной кампании России – Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) [6], чья роль в перевозке мусульманских паломников была определяющей при организации хаджа как государственного проекта. Кампания взяла на себя роль в развитии пассажирских перевозок между портами черноморского побережья России и портами Аравии, обеспечив регулярность и безопасность хаджа для российских мусульман.

Для характеристики количественного состава паломников, сроков их передвижения между Екатеринодаром, где они получали документ для проезда в Мекку, и Стамбулом (Константинополем), где их личные данные фиксировались в генеральном консульстве Российской империи, имели значение «книги засвидетельствования паспортов русско-подданных, ездивших в Мекку» 1900–1908 гг. Для реализации цели статьи оказалось продуктивным обращение к материалам местной прессы – Кубанских областных ведомостей, еженедельной газеты, выходившей на Кубани с 1863 до 1917 гг. На страницах газеты эпизодически появлялись заметки, описывающие некоторые аспекты хаджа мусульман Кубанской области.

Проблематика маршрутов хаджа, узловых городов, в которых останавливались российские паломники на своем пути, приобретает в современной историографии самостоятельное значение. Вопрос о маршрутах хаджа из России впервые был поставлен в статьях Е.А. Резвана и С.Б. Григорьева [7; 8], маршрутам хаджа посвящены ряд статей и раздел в монографии А. Сибгатуллиной [9]. В статье И.А. Нуриманова анализируется процесс становления паломнических маршрутов мусульман из разных регионов России, выявляются традиционные и альтернативные малоиспользуемые пути хаджа [10].

Объектами академического исследования становятся и отдельные города Российской империи, имевшие важное значение в ходе паломнического пути. З.Р. Хабибуллина исследовала путь через г. Батуми, получивший развитие в Российской империи [11]. Автор статьи поставила вопрос о маршрутах движения мусульман через Закавказье и социокультурных взаимодействиях на пути к Мекке. В своей обстоятельной статье Д. Брилев рассмотрел роль Одессы как ключевого транспортного узла в паломническом маршруте российских мусульман [12]. Автор показал, как на протяжении XIX – начала XX вв. формировалась инфраструктура хадж-индустрии в Одессе, и какое влияние она оказывала на формирование одесской мусульманской общины.

Из зарубежной академической литературы отдельного упоминания заслуживает монография историка из Connecticut College Айлин Кэйн, в 2021 г. переведенная и опубликованная на русском языке [2; 3]. Один из выводов автора заключается в том, что «Россия спонсировала, фактически активизировала исламский институт хаджа» [2, р. 6]. Новаторский ракурс данной работы определяется тем, что автор рассматривает перемещение паломников с точки зрения «этнографии движения»: «Историки Российской империи часто воспринимают пространство как нечто само собой разумеющееся. Отслеживая маршруты паломников, совершающих хадж, мы можем начать видеть империю в новом пространственном измерении. Империя — гибкий термин, и я использую его для обозначения географического пространства иной формы и более широкого, чем формальная территория Российской империи, обозначенная на карте» [2, р. 12]. Отдельные упоминания о хаджи из России содержатся в монографии турецкого ученого М. Озюксе, посвященной роли Хиджазской железной дороги, протянувшейся от Дамаска до Мекки, в экономическом и дипломатическом развитии Османской империи [4].

Петербургский ученый М.С. Албогачиева внесла вклад в изучение этнографических аспектов хаджа, основываясь на собственном опыте совершения паломничества в 2008 г. [13].

Впервые сведения о направлениях паломничества российских мусульман появились в российских источниках к концу XIX в. В подробной «Записке о паломничестве мусульман, значении его и мерах к упорядочению» в 1896 г. Министерства внутренних дел, основанной на отчетах русских консульств в Джидде, Багдаде и Мешхеде, не только содержались сведения о том, каким образом мусульмане Российской империи обычно совершают хадж, и описывались три главных маршрута российских хаджи на пути в Мекку, но и подчеркивалась необходимость государственного вмешательства в организацию хаджа — в связи с санитарными, политическими и экономическими рисками, порожденными паломничеством.

Три направления паломничества российских мусульман фиксировались также в знаменитом отчете штабс-капитана А. Давлетшина о командировке в Хиджаз и в сочинении поручика В.И. Ярово-

го-Равского, по поручению генерал-губернатора Туркестана С.М. Духовского составившего аналитическую записку, в основе которой лежали отчеты российского консула в Джидде А.Д. Левитского за 1893 и 1894 гг. [14]

Согласно упомянутым выше источникам первый маршрут российских хаджи проходил по Закавказью и северной части Персии через Керманшах, Ханекин, Багдад, Кербелу и Неджеф, а затем через Аравию к Мекке и Медине; второй путь – через Самарканд и Бухару в Афганистан, далее на Мазар-и Шариф, Кабул, Пешавар, Бомбей, оттуда морем в Джидду и Янбо; третий – через Одессу, Севастополь или Батум морским путем в Константинополь, Суэц, Джидду и Янбо, а оттуда в Мекку и Медину.

В контексте цели нашей статьи представляется важным выделить то, что известно о маршруте мусульман-суннитов с Кавказа. В.И. Яровой-Равский писал, что «третьим путем, наиболее легким и коротким, из портов Черного моря на Константинополь и Суэц пользуются все российские татары, кавказские сунниты и ближайшие киргизы, дающие ежегодно, все вместе, до 2–3 тысяч паломников» [14, с. 146]. А. Давлетшин называет Одессу и Севастополь портами следования для мусульман внутренней России и Сибири и «Батум (Батуми) для едущих из Средней Азии и Закаспийского края» [15, с. 66].

Российские паломники в 1880–1890-е гг. приобретали билеты только до Константинополя. Перевозкой паломников от Константинополя до Джидды или Янбо занимались четыре пароходных общества. Русское Общество Пароходства и Торговли (РОПиТ), доставлявшее их только до Александрии, где пассажиры передавались агенту другого пароходного общества, Магри Рини и К^о, перевозившего их по железной дороге в Суэц для дальнейшей отправки на своих пароходах. В перевозках российских паломников участвовали также бывшие египетские хедивские пароходы, в конце XIX в. купленные английской компанией Khedivial Mail Steamship and Graving Dock, а также турецкие казенные пароходы¹.

Но эти судоходные операции не были регулярными и не отличались большой численностью пассажиров [16, с. 31].

В зависимости от того, к какому порту причаливали пароходы с хаджи, определялось дальнейшее направление их движения: один поток паломников сначала направлялся в Янбо и после посещения могилы Пророка Мухаммада в Медине следовал до Мекки сухопутным путем; второй поток, прибывавший в Джидду, затем следовал в Мекку и после совершения хаджа – караванным путем отправлялся в Медину². Из Мекки в Медину можно было идти двумя путями. Первый путь – сухопутный на верблюдах (12 дней). Второй путь – на Джидду (из Мекки до Джидды 2 дня), затем из Джидды в Янбо (морем 1 день) и в Медину (от Янбо до Медины 4–5 дней)³.

До развития пароходства и строительства Суэцкого канала Дамаск (место сбора сирийского каравана) и Каир (здесь собирался египетский караван) служили главными сборными пунктами для мусульман, отправляющихся в Хиджаз с севера и запада. «Поклонников мусульман русско-подданных проходит через Египет обыкновенно много», – писал в отчете за 1881 г. министру иностранных дел России Н.К. Гирсу генеральный консул России в Египте И.А. Лекс [17, с. 125]. Сирийский караван формировался в Дамаске, где российские паломники присоединялись к своим единоверцам из Сирии, Персии, Анатолии и под охраной особого вооруженного отряда добирались до священных городов ислама⁴.

На данные В.И. Яровой-Равского и А. Давлетшина о маршрутах хаджа, существовавших до того, как хадж стал государственным проектом Российской империи, опираются в своих исследованиях современные ученые Е.А. Резван, С.Е. Григорьев, А.Т. Сибгатуллина и И. Нуриманов (последний называет эти три маршрута «северным, или черноморским»; «закавказским» и «среднеазиатским»).

А. Сибгатуллина выделила пути паломников из России в Стамбул, появившиеся в связи с модернизацией железнодорожного и морского сообщения, называя их «направлениями» по названиям городов, откуда начинался паломнический путь непосредственно за границу империи – московское направление (поездом из Москвы через Варшаву и Вену хаджи мог добраться до Стамбула за 6 дней), севастьяпольское направление (пароходом из Севастополя до Стамбула, время в пути от 30 часов до двух суток в зависимости от погоды), батумское направление (для кавказских мусульман, время в пути до Стамбула при благоприятной погоде 7–8, а при плохой за 10–12 суток), одесское направление (для паломников из Туркестана, Поволжья и Урала) [9, с. 25].

1 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2904. По проекту правил о паломничестве мусульман. Л. 22.

2 АВПРИ. Ф. Турецкий стол (новый). Оп. 502/2. Д. 3319. Л. 21

3 АВПРИ. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 5316. Л. 330б.

4 АВПРИ. Ф. Турецкий стол (новый). Оп. 502/2. Д. 3272, раздел «Паломничество в Аравию».

Таким образом, анализ существующей академической литературы о хадже кавказских мусульман Российской империи показал, что при наличии сложившейся отечественной историографической традиции проблемы паломнических маршрутов, информация о маршрутах хаджа в начале XX в. носит общий характер и отражает, скорее, взгляд из Петербурга на паломнический путь абстрактных «кавказских мусульман» и «кавказских суннитов», но не отражает региональной конкретики и специфики. Ни в одном из вышеупомянутых исследований нет информации, из какого именно порта уезжали мусульмане Северного Кавказа и какой порт был предпочтителен для мусульман определенных кавказских субрегионов. Предполагается, что данная статья частично восполнит этот пробел.

Исторический фон

Начало 1890-х гг. и XX в. – время интенсивных совещаний и консультаций по вопросу организации хаджа из Российской империи. Перед империей, мусульманское население которой увеличилось во второй половине XIX в. за счет присоединения Северного Кавказа и Центральной Азии, стояла задача такой организации хаджа, которая позволила бы сохранить лояльность своих граждан, поставив их, по выражению консула в Джидде С. Тухолки, «под наш контроль и защиту»⁵.

Впервые комплексное осмысление хаджа как обязательного для мусульман религиозного обряда, имеющего для империи целый ряд последствий – политических, экономических, финансовых, медицинских – появляется в конце XIX – начале XX вв. в проекте Министерства иностранных дел (1896 г.), в аналитических записках, письмах в посольство в Константинополе консула в Джидде В.В. фон Циммермана (1899)⁶, Чумной комиссии (1900), секретаря Генерального консульства в Константинополе С. Тухолки (1902)⁷, Эпидемического отдела Министерства внутренних дел. «Все, что имеет соприкосновение к хаджу, далеко не может быть лишено для нас значения и интереса»⁸, – писал фон Циммерман послу в Турцию И.А. Зиновьеву в Константинополь.

В начале XX в. разработка правил организации паломничества переходит из ведения МИДа в сферу МВД. В 1901 г. МВД по приказу министра внутренних дел Д. Сипягина начинает разработку общеимперских правил совершения хаджа. Правила в целом будут носить ограничительный характер. Уже к осени был подготовлен проект «Правил о паломничестве мусульман» из 23 статей. 25 октября 1901 г. МВД направит этот проект в Военное министерство для «согласования». «Временные правила»⁹ были утверждены императором Николаем II 8 июня 1903 г. «Временные правила» были напечатаны также и как приложение к статье 187 «Устава о паспортах».

В документе осталось 7 пунктов, которые можно свести к решению трех основных задач. Во-первых, мусульманам выдавались паспорта особого образца. Во-вторых, правилами предписывалось, чтобы мусульмане-паломники как подданные Российской империи, так и иностранцы, возвращались из паломничества только через порты Черного и Каспийского морей, определенные Министром внутренних дел. В-третьих, отдельные предписания касались врачебного контроля – в упомянутых портах и пограничных пунктах мусульмане-паломники обязательно подвергались «врачебно-санитарной очистке и всем мерам, устанавливаемым для лиц, прибывающих из неблагополучных в санитарном отношении местностей». Отметка о пройденной «врачебно-санитарной очистке» ставилась в паспорте паломника, а также на особом талоне паспорта, который отсылался губернатору по месту жительства или приписки паломника. На губернатора возлагалась организация мер контроля и наблюдения за состоянием здоровья вернувшегося хаджи.

Паломник, уклонившийся от исполнения требований Правил, привлекался к уголовной ответственности «за несоблюдение мер предосторожности против распространения прилипчивых и повальных болезней», а также подвергался местными властями врачебно-санитарной очистке и другим врачебно-санитарным мерам по существовавшим протоколам санитарного надзора.

В ноябре 1903 г. В.К. Плеве разослал всем губернаторам Российской империи циркуляр, в котором сообщил о новых правилах мусульманского паломничества и предписал применять их.

5 АВПРИ. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 5316. Л. 310б.

6 АВПРИ. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 5316. Л. 16–280б

7 АВПРИ. Ф. Турецкий стол (новый). Оп. 502/2. Д. 3272. Л. 2–140б; АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 5316. Л. 31–38.

8 АВПРИ. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 5316. Л. 16.

9 Устав о паспортах № 121. Свод законов Российской империи. Т. XIV. Издание 1903 года.

«Правила» были перепечатаны в 1904 г. в «Кубанском календаре»¹⁰, специальном издании Кубанского областного статистического комитета, в котором ежегодно печаталась справочная информация по Кубанской области. Публикация «Правил» означала их доступность для владеющих русской грамотой мусульман Кубанской области.

Хадж адыгов Кубанской области

После окончания Кавказской войны западные адыги были включены в Кубанскую область, образованную из Кавказской губернии в 1860 г. В 1897 г. в Кубанской области проживали 1 918 881 жителей, из них самая большая группа – русские¹¹ – насчитывала 1 737 908 чел. (90,6%), адыги – 52 798 чел. (2,75%), карачаевцы – 26 877 чел. (1,4%), греки – 20137 чел. (1%), армяне – 13 926 чел. (0,7%)¹². Административно-территориальное деление Кубанской области менялось несколько раз. В 1890–1910-х гг. адыгское население было сконцентрировано в трех из семи отделах области: Екатеринодарском (33 аула), Майкопском (13 аулов), в Баталпашинском отделе в 35 аулах проживали адыги, карачаевцы, абазинцы, ногайцы. Также в Таманском отделе Кубанской области существовали аул Суворов-Черкесский (Хатрамтук) и станица Гривенско-Черкесская [18, с. 35–40].

Хадж мусульман-адыгов начинался в областной столице, в г. Екатеринодаре. Екатеринодар представлял для адыгов-мусульман не просто транзитный пункт на пути в Мекку, а освоенное коммуникативное пространство. Интересно, что адыги Екатеринодарского отдела называли Екатеринодар не именем собственным, а «кьалэ», что означает «город», тем самым подчеркивая его особый статус среди городов Кубанской области.

К началу XX в. город насчитывал более 65 тыс. человек [20, с. 194], был динамично развивающимся торгово-промышленным центром. Как место проведения ежегодных ярмарок город сыграл важную роль в черкесо-казацких взаимоотношениях, был «полигоном для отработки методов экономического сотрудничества и взаимодействия русских переселенцев и горцев» [21, с. 102]. Сначала, в 1830-х гг. посещение адыгами ярмарок было единичным, а затем стало массовым явлением. Так, в мае 1845 г. на Троицкую ярмарку в Екатеринодаре с левого берега Кубани прибыло более 7 тыс. «мирных» и 2,5 тыс. «немирных» черкесов, и более 4 тыс. арб [22, с. 97].

Екатеринодар был центром притяжения адыгов и как образовательный центр. Адыги учились в Екатеринодарской войсковой гимназии, в 1897 г. по инициативе начальника Кубанской области были открыты три стипендии в Кубанской учительской семинарии и Екатеринодарской военно-фельдшерской школе. Аульные общества участвовали в субсидировании этих вакансий, оплачивая половину расходов.

В начале XX в. Екатеринодар становится центром черкесского активизма, в основании которого органично и неразрывно сочетались этнокультурные и мусульманские практики. Первые были представлены через организацию в городе двух Черкесских благотворительных вечеров и работу Черкесского благотворительного общества, объединившего самых образованных черкесов и нацеленного на реализацию социальных и образовательно-просветительских проектов среди адыгов близлежащих аулов.

Мусульманский активизм выражался в участии мусульман-адыгов в работе «совещания духовенства и представителей мусульман Кубанской области» осенью 1908 г. в Екатеринодаре, обсуждавшего создание духовного управления (муфтиата) для мусульман области. В условиях отсутствия собственно муфтиата участники совещания предлагали упорядочить работу местных кадиев, порядок избрания и увольнения мулл, постройку мечетей¹³.

С определенной долей условности можно говорить о существовании в городе мусульманской инфраструктуры. В Екатеринодаре действовала мечеть, построенная успешным промышленником

10 Об утверждении временных правил для паломников-мусульман // Кубанский календарь на 1904 г. Екатеринодар, 1904. Т. X. С. 248–249.

11 В источниках понятие «русские» включает собственно русских, украинцев и белорусов.

12 Подсчеты сделаны мною на основании таблиц, помещенных в разделе Северный Кавказ в зеркале имперской статистики конца XIX – начала XX в., таблицы 9. Распределение населения по родному языку и таблицы 10. Динамика роста населения российского Северного Кавказа в составе Кавказского наместничества. 1867–1915. См.: [19, с. 385–395].

13 *Кабардей П.* Духовно-религиозные нужды мусульман Терской и Кубанской областей // Новая Русь. СПб., 1910. № 109; Мусульманин. 1910. № 13.

и меценатом Л.Н. Траховым¹⁴, ему же принадлежал целый городской квартал по ул. Екатерининской – построенные из кирпича собственной выработки жилые дома, гостиницы, бесплатная столовая для неимущих, баня, пансион для нуждающихся черкесов, мечеть. Небольшая домовая мечеть находилась при доме Трахова, вскоре он выстроил на территории своего участка двухэтажную мечеть. С 1896 г. в ней проводились богослужения для всех мусульман города.

Именно в таком городском пространстве начиналось бюрократическое оформление будущей поездки паломника в святые земли Аравии. Уже после принятия правительством «Временных правил для паломников-мусульман» у властей Кубанской области сложилась устойчивая практика выдачи соответствующих документов для будущих паломников. Мусульманин, желающий совершить хадж, подавал стандартное прошение Начальнику Кубанской области и Наказному атаману Кубанского казачьего войска в Екатеринодаре о желании посетить Мекку и Медину с просьбой выдать удостоверение на выезд. Будущий хаджи давал подписку, что обязуется отправиться морским путем через один из черноморских портов и возвратиться также морским путем через Феодосию или Батум. Пакет документов включал также удостоверение из аульного правления за подписью аульного старшины в том, что будущий хаджи является лояльным и законопослушным гражданином, «поведения хорошего, под судом и следствием не состоит и что за ним в настоящее время никаких долгов ни обществу, ни правительству, ни частным лицам не числится». Удостоверение выдавалось на выезд за границу на 6 месяцев. В нем оговаривалось, что человек «отправляется с целью паломничества, а не переселения».

Екатеринодар – Новороссийск

Вопрос о том, в какой из черноморских портов отправлялись будущие паломники после получения документа, позволяющего им отправиться в хадж, является одним из ключевых для данного исследования. Отправной точкой для прояснения этого сюжета послужило письмо Л.Н. Трахова в редакцию «Кубанских областных ведомостей»¹⁵. Письмо содержит информацию, позволяющую понять логику хаджа для мусульман Кубанской области, а также некоторые нюансы его организации в данном регионе. Л. Трахов являлся главной фигурой при организации хаджа адыгов в Кубанской области. В письме он подчеркивает – «мне легко собирать хаджиев Кубанской области, так как я живу в областном городе и все горцы, зная меня, обращаются ко мне по своим делам»¹⁶.

Через редакцию газеты Л. Трахов обратился в дирекцию Русского общества пароходства и торговли. Он сообщал о том, что ему не были предоставлены скидки при массовой закупке билетов. Более того, о наличии скидок Трахов узнал от агентов РОПиТ уже в Стамбуле (Константинополе). Трахов сообщал, что некий комиссионер Курманов в Новороссийске, у которого был договор с РОПиТ, наживался на процентах с проданных билетов, сверх оговоренного в договоре. Трахов просил вернуть излишки, выплаченные им в ходе хаджа при покупке билетов в 1906 г. и 1907 г.

Трахов сообщал, что маршрут хаджи Кубанской области пройдет от Новороссийска до Севастополя, затем в Джидду или Янбо, а обратно через Феодосию. Таким образом, часть маршрута хаджи Кубанской области на основании письма Трахова выглядит так – Екатеринодар – Новороссийск – Севастополь – Константинополь – Джидда или Янбо.

Из Екатеринодара в Новороссийск в начале XX в. можно было добраться и на лошадях, и по железной дороге. О поездке на лошадях свидетельствует рассказ Айтека-хаджи из аула Габукай, опубликованный адыгским писателем Джафаром Чуяко в местной прессе – «до Черного моря мы ехали на лошадях. Затем лошадей отдавали сопровождавшим нас людям перед тем, как сесть на корабль до Стамбула»¹⁷.

14 Трахов Л.Н. (1856–1914) – один из первых адыгских предпринимателей в Кубанской области. Член попечительских советов, екатеринодарских и общероссийских благотворительных организаций «Общество борьбы с нищенством», «Красный крест». На свои средства построил каменные мечети в 3 аулах, училище при мечети в ауле Шенджий, помогал адыгам в финансировании хаджа, оказывал денежную поддержку екатеринодарской городской больнице, поощрял школьное образование. Вместе с сыновьями активно работал в Черкесском благотворительном обществе г. Екатеринодара, организованном в 1912 г. для оказания материальной и гуманитарной помощи соотечественникам. См. о нем [23].

15 Трахов Л.Н. Письмо в редакцию // Кубанские областные ведомости. 1907. №252. С. 2.

16 Там же.

17 Рассказ Айтека-хаджи // Адыгэ макъ. 1992. 24 января.

У хаджи появляются новые возможности с открытием 5 июня 1888 г. железнодорожной ветки Владикавказской железной дороги Екатеринодар – Новороссийск, ставшим событием государственной важности. До Новороссийска стало возможным добраться поездом от станций Усть-Лабинская (ближайшая для мусульман Майкопского отдела) или Екатеринодар.

Советский историк Л.В. Куприянова, посвятившая ряд исследований анализу становления капиталистического города на Северной Кавказе, писала о том, что с проведением Новороссийской линии Владикавказской ж. д. «весь Екатеринодарский отдел, вместе с областным центром г. Екатеринодаром, и северная часть Майкопского отдела (до станиц Белореченской, Гиагинской и Пшизовского аула) оказались в сфере влияния линии Тихорецкая – Екатеринодар – Новороссийск, стали тяготеть к ее участку Динская – Пластуновская – Екатеринодар – Афипская – Северская – Васюринская – Усть-Лабинская – Ладовская [24, с. 85].

Немаловажное значение имел тот факт, что Екатеринодарское отделение Владикавказской железной дороги с 1897 г. возглавлял адыг Батырбек Шарданов, инженер, выпускник Санкт-Петербургского института путей сообщения. Б. Шарданов известен как активный участник различных социальных проектов Кубани – он входил в число членов Кубанского попечительного комитета о тюрьмах, был почётным блюстителем Екатеринодарского общества Владикавказской железной дороги, Кубанского войскового приюта для девиц, Кубанского поощрительного скакового общества. С 1912 г. он возглавлял Черкесское благотворительное общество. Логично предположить, что Б. Шарданов мог помогать своим землякам при организации их массовых поездок на железной дороге из Екатеринодара в Новороссийск.

Для организации хаджа особо важную роль играл Новороссийский порт. Порт был построен акционерным Обществом Владикавказской железной дороги и фактически был в его собственности [25, с. 289]. В 1888 г., когда порт был соединен с Владикавказской ж. д., начинается его история как нового порта Северного Кавказа. В «Путеводителе по русским торговым портам» 1905 г. говорится, что в Новороссийске находилось пять пристаней Владикавказской железной дороги и две частные пристани для отгрузки зерна и отправки нефти¹⁸.

Использовать порт Новороссийск для перевозки паломников предлагал ещё русский консул в Джидде А.Д. Левитский в докладной записке Чумной Комиссии 4 декабря 1900 г. «О способах упорядочения паломничества русских мусульман»¹⁹. Для перенаправления паломников с караванных путей на черноморский маршрут из портов, указанных заранее, консул рекомендовал в числе прочих мер направлять паломников большими партиями к портам Черного моря: мусульман Средней Азии по Закаспийской и Закавказской железным дорогам на Батум, кавказских – на Батум и Новороссийск, а из европейской части России – на Новороссийск, Севастополь и Джидду»²⁰.

О значении Новороссийска как важного логистического узла для хаджи Кубанской области свидетельствует ответ начальника Кубанской области на запрос МВД 1901 г. Циркуляр МВД предписывал губернаторам и начальникам областей с мусульманским населением представить свои соображения о результатах хаджа 1900–1901 гг. Губернаторы и начальники областей должны были ответить на шесть вопросов²¹. Они касались соблюдения правил паломничества – наличия специальных паломнических паспортов и соблюдения маршрутов хаджа только через предписанные государством черноморские порты. Несколько вопросов содержали запрос по поводу случаев тайного паломничества и мер местных властей для его устранения. Наконец, МВД интересовало, как отправлялись паломники – партиями или в индивидуальном порядке, в каких населенных пунктах собирались партии и какова их численность, какое участие в формировании партий принимала местная администрация, выбирались ли старосты партий.

Начальник Кубанской области в ответ на запрос МВД сообщал, что из мест своего жительства паломники отправлялись группами в один из черноморских портов, преимущественно в Новороссийск и что он не имеет сведений об отправлении паломников вне установленного морского пути через черноморские порты. Из Кубанской области «не наблюдалось тайного паломничества», а паломники отправлялись и поодиночке, и партиями. При путешествии группами паломники сами избирали

18 Муринов М.А., Суворов Б.А. Путеводитель по русским торговым портам. Справочная книга. СПб., 1905. С. 147.

19 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2904. Л. 8.

20 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2904. Л. 28–28об.

21 АВПРИ. Ф. Турецкий стол (новый). Оп. 502/2. Д. 3272. Л. 22.

старшего в партии, распоряжениям которого в пути строго подчинялись. Этот человек уже был ранее в Мекке, отвечал за продовольствие паломников в пути и рассчитывался с пароходными компаниями²².

Новороссийский порт идеально подходил для перевозки хаджи. Расположенный в северо-западной части Цемесской бухты, порт был чрезвычайно удобен для судоходства. Общая площадь бухты составляет около 4770 га. Ее глубина почти равномерна на всем ее протяжении и достигает 25–32 м, бухта никогда не замерзала. Эти выгодные естественные условия в значительной мере обусловили Новороссийску репутацию одного из лучших торговых портов России.

Новороссийск был развивающимся молодым и, согласно докладу члена правления РОПиТ Н.А. Ржевуского, прекрасно оборудованным портом [26, с. 96]. Порт активно использовался и русскими православными паломниками, направляющимися в Иерусалим [6, с. 388].

Севастополь

Из Новороссийска в Севастополь адыги-хаджи Кубанской области добирались пароходами Крымско-Кавказской пассажирской линии РОПиТ. Крымско-Кавказская линия начала действовать со второй половины 1870-х гг. после обустройства новых портов на Черноморском побережье Кавказа (Анапа, Новороссийск, Геленджик, Туапсе, Сухуми).

В Севастополе на берегу моря для приюта хаджи был устроен Хаджилар караван-сарай, к которому с одной стороны подавались вагоны с паломниками, а с другой – паломнический пароход. Хаджилар – это большое каменное здание в три этажа. На двух этажах размещались хаджи, а в третьем – молельня, лавка, кухня, ванна, горячая и холодная вода и прочие удобства. Плата в день составляла 30 коп. с человека [27, с. 58]²³. На основании доступных в данное время источников не представляется возможным определить, пользовались ли хаджи Кубанской области караван-сараям в Севастополе, однако важен сам факт, что такая возможность существовала.

Уже из Севастополя кораблями РОПиТ паломники добирались морем до Джидды через Константинополь. В Константинополе пересекались рейсы нескольких заграничных линий РОПиТ – Севастопольско-Константинопольской, Анатолийской и линии Персидского залива.

Пароход Севастопольско-Константинопольской линии отправлялся из Севастополя раз в неделю. Пароход Анатолийской линии, между Одессой и Батуми с заходом в Константинополь отправлялся один раз в две недели [6, с. 104]. Линия Персидского залива была выделена специально для перевозки хаджи [26, с. 18]. Русское общество пароходства и торговли 29 апреля 1903 г. заключило с отделом торгового мореплавания Министерства финансов договор о содержании регулярных судоходных рейсов между Одессой и портами Персидского залива и Багдадом. Соглашением предполагалось организовать в течение последующих двенадцати лет ежегодно 4 обязательных («срочных») рейса из Одессы в Басру. Устанавливался регулярный заход пароходов в Константинополь, Дарданеллы, Смирну, Бейрут, Яффу, Порт-Саид, Суэц, Джидду, Жибути, Аден, Маскат, Бендер-Аббас, Ленге и Бушир. Кроме того, компании давалось право по «собственному желанию» при наличии коммерческих интересов направлять суда в Мерсину, Триполи (Ливан), Александрию, Янбо, Ходейду, Кувейт и Мохаммеру [26, с. 18; 6]. Абсолютное большинство пассажиров составляли паломники, совершавшие хадж.

Н.А. Ржевуский писал, что в планах РОПиТ было предоставление для хаджи услуг, удовлетворяющих бытовые потребности мусульман – «путешествие обставлено, применяясь к обычаям и удобствам паломников». Предполагалось, что на пароходах будут находиться врачи. Каждому паломнику планировалось предоставить койку, выделить на пароходе специальные места для совершения омовения. Паломники должны были быть бесплатно обеспечены холодной и горячей водой. Для приготовления пищи паломникам было разрешено иметь мангалы. Деньги и ценные вещи можно было хранить на пароходе – «с целью оберегания хаджи от обирания». «Во время стоянок хаджи, посещая днем город, на ночь могут возвращаться на пароход, избегая расходов на гостиницу» [26, с. 18].

22 АВПРИ. Ф. Турецкий стол (новый). Оп. 502/2. Д. 3272. Л. 22.

23 ЦГА КБР. ф. 6. оп. 1. д. 687, т. 1. л. 90. Цит. [27, с. 58].

В Стамбуле паломники останавливались на несколько дней, регистрировались в генеральном консульстве Российской империи. Судя по списку паломников, они проходили регистрацию группами, формируемыми по региональному принципу – как правило, это были люди, проживающие в одном ауле. Между получением удостоверения на выезд в Екатеринодаре и регистрацией паломника из Кубанской области в генеральном консульстве проходило от 7 дней до месяца.

Заключение

Хадж адыгов-мусульман Кубанской области – одна из неизученных кавказоведческих тем. Отследить маршруты хаджа представляется возможным только с начала XX в., когда государство активно вмешивается в организацию и регулирование мусульманского паломничества, а также обеспечивает этот процесс бюрократическим сопровождением. Важно отметить, что мухаджирское движение, появившееся в ходе Кавказской войны, осуществлялось адыгами под предлогом совершения «богомолья в Мекку и Медину». Именно на таком основании мухаджиры получали возможность на официальный выезд в Османскую империю. Хронологический период, рассматриваемый в настоящей работе, отличается от предшествующего тем, что источниковая база предоставляет возможность проследить пути возвращения паломников в места их постоянного проживания, в частности, через портовые города Батум и Феодосию.

В начале XX в. с появлением законодательно утвержденных «Временных правил о паломничестве мусульман» для адыгов Кубанской области сложился паломнический маршрут Екатеринодар – Новороссийск – Севастополь – Стамбул – Джидда или Янбо. От Екатеринодара до Новороссийска хаджи добирались по железной дороге, морской путь обеспечивали пароходы Русского общества пароходства и торговли. На кораблях, перевозивших хаджи, предусматривались бытовые удобства, отвечающие потребностям их ритуальных практик. Ключевую роль в организации хаджа адыгов Кубанской области играл Л.Н. Трахов – он консультировал паломников и обеспечивал им приобретение билетов через агентства РОПиТ в Екатеринодаре или Новороссийске.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нефляшева Н.А. Из России в Мекку: хадж как опыт социокультурного пограничья // PAX ISLAMICA. 2008.№1. С. 160–169.
2. Kane Eileen. Russian Hajj: Empire and the Pilgrimage to Mecca. Cornell University Press, 2015;
3. Кейн А. Российский хадж. Империя и паломничество в Мекку. М.: Новое литературное обозрение, 2021;
4. Özyüksel M. The Hejaz Railway and the Ottoman Empire: Modernity, Industrialisation and Ottoman Decline. I.B. Tauris, 2014. 320 p.
5. Давлетшин А.А. Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз. Санкт-Петербург: Воен. тип., 1899. IV. 145 с.
6. Путеводитель Русского общества пароходства и торговли. Одесса, 1909. – 476 с.
7. Резван Е.А. Хадж из России // Восток: история и культура. СПб.: Наука, 2000. С. 129–146
8. Григорьев С.Е. Российские паломники в святых городах Аравии в конце XIX – начале XX в. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб.: Изд-во С-Петербургского университета, 1999. Вып. 18. С. 88–109.
9. Сибгатуллина А.Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. – 266 с.

REFERENCES

1. Nefliasheva NA. From Russia to Mecca: Hajj as an experience of socio-cultural borderland. *Pax Islamica*. 2008: 1:160-169. (In Russ).
2. Kane Eileen. *Russian Hajj: Empire and the Pilgrimage to Mecca*. Cornell University Press, 2015:256.
3. Kane Eileen. *Russian Hajj: Empire and the Pilgrimage to Mecca*. Moscow, 2021:296. (In Russ).
4. Özyüksel M. *The Hejaz Railway and the Ottoman Empire: Modernity, Industrialisation and Ottoman Decline*. I.B. Tauris, 2014 :320.
5. Davletshin AA. *Report of Staff Captain Davletshin on a mission to Hejaz*. Saint-Petersburg: Military Press, 1899 :145. (In Russ).
6. *Guide of the Russian Society of Shipping and Trade*. Odessa, 1909:476. (In Russ).
7. Rezvan EA. Hajj from Russia. *East: history and culture*. Saint-Petersburg: Publishing House Nauka, 2000:129-146. (In Russ).
8. Grigoriev SE. Russian pilgrims in the holy cities of Arabia in the late 19th – early 20th centuries. *Historiography and source studies of the history of Asian and African countries*. Saint-Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University, 1999; Iss.18: 88-109. (In Russ).

10. Нуриманов И.А. Становление паломнических маршрутов мусульман Российской империи в Аравию во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Московского университета. Сер. 13. ВОСТОКОВЕДЕНИЕ. 2019. № 2. С. 74–90.
11. Хабибуллина З.Р. Батуми в маршрутах хаджа (паломничества) российских мусульман // История и педагогика естествознания. 2020. № 3–4. С. 72–74. DOI:10.24412/2226-2296-2020-3-4-72-74
12. Брилев Д. На пути в Мекку: Одесса как общеимперский центр мусульманского паломничества // Islamology. 2020. №1. С. 130–143. DOI: <http://dx.doi.org/10.24848/islmlg.10.1.08>
13. Албогачиева М.С. Хадж глазами этнографа // Восточная коллекция. М., 2010. № 1. С. 68–76.
14. Яровой-Равский В.И. Паломничество (хадж) в Мекку и Медину // Сборник материалов по мусульманству. [Т. 1] / сост. по распоряжению [и указаниям] туркест. ген.-губернатора, ген.-от-инфантерии Духовского; под ред. поручика В.И. Ярового-Равского. Санкт-Петербург, 1899. 29с.
15. Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз // Хадж российских мусульман. № 2. Ежегодный сборник путевых заметок о хадже. Н. Новгород: ИД «Медина», 2009. С. 66.
16. Барышников М.Н., Федотьев Д.С. Паломничество как фактор развития морского судоходства: Русское общество пароходства и торговли в 1884–1894 гг. // Вопросы истории. 2021. №5. С. 26–39. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202105Statyiu7
17. Египет глазами россиян середины XIX – начала XX вв. Политика. Экономика. Культура. Сб. документов. М., 1992.
18. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар: Кн. изд-во, 1986. 394 с.
19. Северный Кавказ в составе Российской империи / авт. кол.: Д. Ю. Арапов и др. М.: Новое лит. обозрение, 2007. – 460 с.
20. Оборнев А.А. К истории экономического развития Екатеринодара за полвека гражданского состояния (1867–1917 гг.) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. №67. С. 193–197.
21. Дзуганов Т.А. Очерки экономической истории Черкесии XV–XIX вв. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 136 с.
22. Екатеринодар – Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях [1793–1993]. Материалы к летописи. Краснодар: Кн. изд-во, 1993. 798 с.
23. Бузаров Аз.К. У истоков частной благотворительности в Адыгее // Благодарение (Тхам инешИу). 1997. №1 (79)
24. Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века: К проблеме развития капитализма вширь. М.: Наука, 1981. 232 с.
25. Куприянова Л.В. Новороссийский порт и Владикавказская железная дорога в пореформенный период // Исторические записки, 1963. Т. 73. С. 289–300.
26. Доклад члена правления Русского общества пароходства и торговли Н.А. Ржевуского о поездке в Черное и Азовское моря и Одессу, для ознакомления с деятельностью Общества. Санкт-Петербург: Тип. Э. Арнольда, 1905. 363с.
27. Думанов Х.М. Вдали от родины. К 130-летию окончания Кавказской войны (1864–1994). Сборник архивных документов. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 253 с.
9. Sibgatullina A. *Contacts between Turks-Muslims of the Russian and Ottoman Empires at the turn of the XIX-XX centuries*. Moscow: Istok, 2010:266 (In Russ).
10. Nurimanov IA. Formation of the Muslim pilgrimage roots from the Russian Empire to Arabia in the second half of the 19th – early 20th centuries. *The Moscow University Herald. Series 13*. 2019; 2:74-90. (In Russ).
11. Khabibullina ZR. Batumi in the hajj (pilgrimage) route of Russian Muslims. *History and Pedagogy of Natural Science*. 2020; 3-4 :72-74. DOI:10.24412/2226-2296-2020-3-4-72-74. (In Russ).
12. Brylov D. On the way to Mecca: Odessa as an imperial center of Muslim pilgrimage. *Islamology*. 2020; 1:130-143. DOI: <http://dx.doi.org/10.24848/islmlg.10.1.08>. (In Russ).
13. Albogachieva MS. Hajj through the eyes of an ethnographer. *Oriental Collection*. 2010; 1:68-76. (In Russ).
14. Yarovoy-Ravsky VI. Pilgrimage (Hajj) to Mecca and Medina. *Collection of materials on Islam*. Vol. 1. Saint-Petersburg, 1899:29. (In Russ).
15. Staff Captain Davletshin's Report on a Trip to Hejaz. *Hajj of Russian Muslims. Annual Collection of Travel Notes on the Hajj*. Nizhniy Novgorod: Medina Publishing House, 2009; 2: 66. (In Russ).
16. Baryshnikov MN., Fedotiev DS. Pilgrimage as a factor of sea shipping development: Russian Steam navigation and Trading company in 1884-1894. *Voprosy Istorii*. 2021; 5:26-39. (In Russ).
17. *Egypt through the Russians Eyes from the Middle 19th Century and Early 20th Century. Politics. Economy. Culture*. Moscow: IEA RAN Publ.,1992: 331. (In Russ.)
18. *The main administrative-territorial transformations in Kuban (1793-1985)*. Krasnodar: Book publishing house, 1986:394. (In Russ.)
19. *The Northern Caucasus in Imperial Russia*. Ed. by: V. Bobrovnikov and I. Babich. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007:460.
20. Osborne AA. On the history of economic development of Yekaterinodar for half a century of civil status (1867-1917). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2008; 67:193-197. (In Russ).
21. Dzukanov TA. *Essays on the economic history of Circassia of the XV-XIX centuries*. Nalchik: editorial and public department of the IGI KBNC RAS, 2018 :136. (In Russ).
22. *Ekaterinodar-Krasnodar. Two centuries of the city in dates, events, and memories (1793–1993)*. Materials for the chronicle. Krasnodar: Book Publishing House, 1993:798 (In Russ).
23. Buzarov AzK. At the origins of private charity in Adygea. *Gratitude (Txam ineshIu)*. 1997. No. 1 (79). (In Russ).
24. Kupriyanova LV. *The cities of the North Caucasus in the second half of the 19th century: on the problem of the development of capitalism in breadth*. Moscow: Nauka, 1981:232. (In Russ).
25. Kupriyanova LV. The Novorossiysk Port and the Vladikavkaz Railway in the post-reform period. *Historical Notes*. 1963; 73: 289-300. (In Russ).
26. Report by NA. Rzhhevuski, board member of the Russian Society of Shipping and Trade, on his trip to the Black and Azov Seas and Odessa to learn about the Society's activities. Saint-Petersburg: E. Arngold Press, 1905:363. (In Russ).
27. Dumanov KhM. *Far from the Homeland. On the 130th Anniversary of the End of the Caucasian War (1864–1994)*. Collection of Archival Documents. Nalchik: El-Fa, 1994:253.

Поступила в редакцию 23.02.2025
Принята в печать 27.08.2025
Опубликована 15.03.2026

Recieved 23.02.2025
Accepted 27.08.2025
Published 15.03.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH22143-55>

Исследовательская статья

Сундетова Акмарал Нагашбаевна
магистр и.н., старший преподаватель;
Международный Казахско-Турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави, Туркестан, Казахстан;
Западно-Казахстанский медицинский университет им. М. Оспанова, Актобе, Казахстан
akmar.sundet@gmail.com

Бекназаров Рахым Агибаевич
д.и.н., проректор по науке и инновациям
Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова, Актобе, Казахстан
r.beknazarov@gmail.com

Хазретали Турсун Маханович
доктор исторических наук, профессор
Международный Казахско-Турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави, Туркестан, Казахстан
tursunhazret@mail.ru

ЗАПАДНЫЙ КАЗАХСТАН В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКИХ ДЕПОРТАЦИЙ С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение процесса депортации северокавказских народов СССР на территорию Западного Казахстана в период Великой Отечественной войны, особенностей их социального положения и адаптации. Объектом исследования выступает размещение и условия проживания спецпереселенцев на территории Актюбинской, Западно-Казахстанской и Гурьевской областей. Методом исследования выступил контент-анализ имеющихся на сегодняшний момент публикаций по этническим депортациям в Республике Казахстан и Российской Федерации. Также авторами были привлечены некоторые европейские исследования по данной проблеме. В процессе исследования были проанализированы документы локальных архивов западноказахстанских областей, которые сопоставлялись с материалами главных российских архивов и центральных архивов Республики Казахстан, а также данные Военного архива ФРГ, находящиеся в открытом онлайн доступе. В процессе работы по сбору и анализу имеющихся документов выявились противоречивые данные областных и центральных архивных фондов о количестве спецпереселенцев, расселении и трудоустройстве на территории Западного Казахстана. Также нами обнаружены ранее не введенные в научный оборот материалы, переданные западноказахстанскими областными УМВД в областные архивные фонды. На основании анализа научных работ о депортации и выявленных архивных источников следует заключить, что в Западном Казахстане основная часть спецпереселенцев располагалась в Актюбинской области, остальные были дислоцированы на строительстве «Казахстаннефестрой» в Гурьевской области и курировались непосредственно НКВД. В процессе исследования были обнаружены существенные лакуны и противоречия в учетных данных о спецпереселенцах Северного Кавказа на территории западноказахстанских областей, что дает потенциал для дальнейшего изучения механизмов и особенностей региональной депортационной политики.

Ключевые слова: этническая депортация; спецпереселенцы; Западный Казахстан; Северный Кавказ; чеченский народ; социальные условия

Для цитирования: Сундетова А.Н., Бекназаров Р.А., Хазретали Т.М. Западный Казахстан в контексте этнических депортаций с Северного Кавказа // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 1. С. 43-55. doi.org/10.32653/CH22143-55

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH22143-55>

Research paper

Akmaral N. Sundetova

Master of Hist. Sci., Senior Lecturer

Khoja Ahmed Yasawi International Kazakh-Turkish University, Turkestan, Kazakhstan

West Kazakhstan Marat Ospanov Medical University, Aktobe, Kazakhstan;

akmar.sundet@gmail.com

Rakhym A. Beknazarov

Dr. Sci., Vice-Rector for Research and Innovation

K. Zhubanov Aktobe Regional University, Aktobe, Kazakhstan

r.beknazarov@gmail.com

Tursun M. Khazretali

Dr. Sci., professor

Khoja Ahmed Yasawi International Kazakh-Turkish University, Turkestan, Kazakhstan

tursunhazret@mail.ru

WESTERN KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF ETHNIC DEPORTATIONS FROM THE NORTH CAUCASUS

Abstract. This article examines the deportation of North Caucasian peoples within the USSR to Western Kazakhstan during the Great Patriotic War, focusing on their social status and subsequent adaptation. The study investigates the resettlement and living conditions of “special settlers” within the Aktobe, West Kazakhstan, and Guryev regions. The research utilizes content analysis of contemporary publications on ethnic deportations from both the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation, supplemented by European scholarship on the subject. The authors analyzed documents from local archives in Western Kazakhstan, cross-referencing them with materials from the primary central archives of Russia and Kazakhstan, as well as publicly available online data from the German Federal Military Archive. The analysis revealed significant discrepancies between regional and central archival records regarding the total number of special settlers, their geographic distribution, and their employment status in Western Kazakhstan. Additionally, the authors introduce previously unpublished materials transferred from regional departments of the Ministry of Internal Affairs (UMVD) to regional archival funds. The study concludes that the majority of special settlers in Western Kazakhstan were concentrated in the Aktobe region, while the remainder were stationed at the “Kazakhstanneftestroy” construction project in the Guryev region under the direct supervision of the NKVD. The identification of substantial gaps and contradictions in the accounting of North Caucasian special settlers highlights a significant opportunity for further research into the mechanisms of regional deportation policy.

Keywords: ethnic deportation; special settlers; Western Kazakhstan; North Caucasus; Chechen people; social conditions

For citation: Sundetova A.N., Beknazarov R.A., Khazretali T.M. Western Kazakhstan in The Context of Ethnic Deportations from The North Caucasus. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 1. P. 43-55. doi.org/10.32653/CH22143-55

© Sundetova A.N., Beknazarov R.A., Khazretali T.M. 2026

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2026

Введение

Республика Казахстан является одним из самых многонациональных государств на постсоветском пространстве. Основной причиной этого явления можно считать национальную политику советского государства, проводимую И. Сталиным. Придя к власти, он начал применять особые методы установления коммунистической идеологии в СССР. Начав с репрессий отдельных личностей, он продолжил применять свои жесткие меры уже по отношению к целым народам республик Советского Союза. Переселение определенной части населения первоначально выступала как социальная высылка. Так называемые «кулаки», «середняки», считавшиеся чуждым элементом, высылались обживать и строить «социалистическое общество» в более отдаленные территории, одной из которых стал Казахстан. К 1932 г. здесь насчитывалось уже 175 178 чел. спецпереселенцев социальной категории кулаки [1, с. 48]. Казахская республика постепенно становилась одной из основных территорий высылки неудобных власти людей и целых народов.

Материалы и методы исследования

В процессе исследовательской работы по изучению этнических депортаций с территории Северного Кавказа в Казахстан, производился анализ имеющихся публикаций о массовых этнических репрессиях российских, казахстанских и других зарубежных изданий. Он позволяет констатировать существенный вклад российских исследователей, заложивших фундаментальные основы понимания механизмов репрессивной политики. Работы Земскова В.М., Бердинских В.А., Бугая Н. демонстрируют масштабы депортаций и системы спецпоселений Советского государства. В исследованиях авторского коллектива под руководством Козлова В.А. рассмотрено место чечено-ингушского народа в дихотомии национальной самобытности и системе как имперской, так и советской власти. Казахские исследователи вводят в научный оборот новые данные, извлекаемые Специальной комиссией при Президенте Республики Казахстан в рамках государственной программы по реабилитации жертв политических репрессий. Однако еще достаточная часть имеющихся в наличии сведений о спецпереселенцах на территории Республики Казахстана не рассекречена и находится в закрытом доступе для ученых.

В процессе исследования были использованы материалы Государственного Архива РФ, Центрального Государственного Архива РК, Архива Президента РК, Национального Архива г. Астаны, а также государственные областные архивы Западного региона РК. Следует отметить и Военный Архив ФРГ, который располагает документами о разведывательных операциях Абвера на территории Кавказа в период Великой Отечественной войны. Материалы германской разведки были привлечены для объективного подхода в изучении причин насильственного выселения чечено-ингушского народа. В данном контексте была использована работа Jeronim Perovic, который рассматривает историческую трансформацию Северного Кавказа под имперской властью, коммунистической эпохой, и непосредственно в период депортации народов.

Таким образом, на основании материалов центральных и локальных местных архивов, был проведен количественный и качественный контент-анализ. Нарративные источники личного происхождения привлекались в ограниченном количестве, что обусловлено необходимостью верификации субъективных данных через перекрестный анализ с официальными документами.

Казахстан накануне депортаций народов с территории Северного Кавказа

Территория Западного Казахстана включала в себя на момент массовых этнических переселений Актюбинскую, Гурьевскую и приграничную прифронтовую Западно-Казахстанскую области. Здесь уже размещались спецпереселенцы из Украины и Белоруссии, корейцы, немцы и греки (Табл. 1).

Демографическая ситуация в республике, после двух голодоморов, репрессий в отношении казахского народа и перекочевки на сопредельные территории была катастрофической. Сокращение местного этноса за 1930–1933 гг. составило 59,2%. К 1933 г. в целом по республике из 6,2 млн чел. погибло от голода от 2,5 до 3 млн, не учитывая в 1,3 млн чел., откочевавших за пределы республики [3, с. 12]. По сведениям Нархозучета по Казахской АССР, сокращение сельского казахского населения с 1930 по 1933 гг. составило 3,3 млн чел. [4, с. 44]. Хозяйственные изменения Ф. Голощекина, руководившего республикой в 1925–1933 гг., привели к катастрофе в казахской степи. Провозгласив политику «Малого Октября», под лозунги «советизации аулов» и «классовой борьбы против баев», он менял устои традиционного кочевого паттерна, приведшие к экономическому и демографическому кризису казахского социума. Местное население сокращалось из-за мобилизации на фронт и тяжелых социальных условий. Динамика численности населения Казахстана с 1926 по 1939 г. была следующей: общее число жителей республики на 1926 г. составляло 6 198 467, из них казахов 3 627 612 (58,5%), в 1939 г. эта цифра достигла 6 093 507, из них казахов 2 313 674 (38,0%) [5, с. 187]. Население региона увеличивалось только за счет прибывающих спецпереселенцев и эвакуированных.

Провозглашенный курс на индустриализацию требовал больших человеческих ресурсов. Эти факторы и сыграли немаловажную роль при определении места дислокации спецпереселенцев, депортируемых из разных уголков страны. Поток этнических депортаций на территорию республики начался с финнов–ингерманландцев, поляков и прибалтийских народов приграничных территорий, корейцев Дальнего Востока.

Осложнял ситуацию в республике и прибывающий поток эвакуированных, которых необходимо было обеспечить жильем и рабочими местами. По состоянию на 1 января 1943 г. их прибыло 484149, не считая тех, которые не состояли на учете¹.

Следует учитывать тот факт, что Казахская ССР являлась тылом и обязана была выполнять обязательства по мясозаготовкам и другой сельскохозяйственной продукции. За период 1941–1942 гг. заработали 144 эвакуированных предприятия [6, с. 319]. Уже на момент насильственной депортации корейцев в 1937–1938 гг. отмечалась неготовность к хозяйственному устройству такого большого количества людей. Секретарь ЦК КП(б) Казахстана Л. Мирзоян в своем докладе сообщал, что прибывший контингент в 22 000 семей спецпереселенцев Дальневосточного края равен 5 средним районам Казахстана, а это, с учетом территориальных делений республики, огромные масштабы. На обеспечение всех жильем, продовольственными товарами, оборудованием для ведения хозяйства средств не хватало². Такая же катастрофическая ситуация с размещением и продовольственным обеспечением происходила и с другими депортированными на территорию республики народами.

Табл. 1. Статистические данные о населении Казахстана на 2 июня 1939 г. / Table 1. Statistical Data on the Population of Kazakhstan as of June 2, 1939 [1].³

Области Западного Казахстана	1926 год	1937 год	1939 год
Актюбинская область	367 468	291 243	294 441
Гурьевская область	253 875	224 248	230 164
Западно-Казахстанская область	440 062	338 739	345 702

Депортация народов с Северного Кавказа на территорию Западного Казахстана

Обоснованием начала этнических депортаций с территории Кавказа послужил ряд документов Верховного Совета СССР о предательстве и пособничестве фашистским оккупантам. Указами Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 г. ликвидировались Карачаевская область⁴, следом

1 Центральный Государственный Архив Республики Казахстан. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 17. Л. 10.

2 Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 725. Оп. 2. Д. 717. Л. 17–24.

3 Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 2/3. Д. 86. Л. 25.

4 Государственный архив Российской Федерации (здесь и далее - ГАРФ). Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 198. Л. 79–80.

27 декабря 1943 г. Калмыцкая АССР⁵, 7 марта 1944 г. Чечено-Ингушская АССР⁶, и 8 апреля 1944 г. Кабардино-Балкарская АССР преобразовалась в Кабардинскую АССР⁷. Коллективная вина в предательстве вменялась не только проживающим непосредственно на территории Кавказа народам, но и представителям этих народов, служивших в рядах Советской Армии.

Примечательно, что власти сначала переселяли народы Северного Кавказа на другие территории, а потом уже официально издавались соответствующие документы о ликвидации территориальных объединений. Инкриминацию в предательстве целых этносов априори, еще не совершившим противоправные действия, можно считать нонсенсом в юридической практике. Однако именно такие нормативные документы широко применялись сталинской номенклатурой при этнической депортации в СССР. Различные исследования, затрагивающие вопросы причин выселения кавказских народов в период Великой Отечественной войны, основываются на архивных материалах, представленных рапортами и отчетами НКВД и других органов советской номенклатуры о бандитизме кавказцев и пособничестве фашистской Германии. Однако обращение к материалам военной разведки нацистской Германии Военного Архива ФРГ показывает иные результаты. Документы Абвера включают донесения агентов, отчеты о вербовочной деятельности и оценку лояльности местного населения. Так, например, рапорты старшего лейтенанта Эдхарта Ланге, заброшенного в Чечено-Ингушскую АССР для создания диверсионных групп, указывают, что никакой поддержки от местного населения не последовало, миссия была провалена. Сам Ланге в форме рекомендации вообще предложил больше не рисковать «ценными специалистами в будущем» для заброски в этот регион⁸. Однако к данным разведки Абвера в исследованиях о депортации с территории Северного Кавказа апеллируют только зарубежные ученые, как например Jeronim Perovic [7]. По мнению самих вайнахов здесь имела место личная неприязнь Л.П. Берии, который лично выезжал в Чечено-Ингушскую АССР для регулирования процесса выселения людей [8, с. 18]. Однако причины депортации чечено-ингушского народа не столь поверхностные. Весь период адаптации чеченцев и ингушей к устоям как царской, так и советской парадигмы государственности проходил сложно. Неприятие чуждых традиций, иного административного устройства влекли за собой неоднократные протесты и восстания.

Первыми в Казахстан прибыли карачаевцы. По плану высшего руководства на сентябрь месяц 1943 г. предполагалось отправить в Казахстан 11 тыс. семей из выселяемых 16 тыс.⁹. Однако в ноябре 1943 г. прибыло 15986 семей – 68 614 чел. Восполнение скота и продуктов, питания, жилища, строительных материалов, вплоть до обеспечения одеждой и бельем вменялось руководству Казахской ССР. С учетом тяжелого военного времени, когда все ресурсы отправлялись на фронт, а также беря во внимание приток большого количества эвакуированных и спецпереселенцев, это влекло большие сложности. Помимо размещения депортированных народов и эвакуированных, специальные директивы Центрального комитета ВКП(б) требовали пополнения зерна в государственные резервы, что давало еще большую экономическую нагрузку на республику¹⁰.

Депортация калмыцкого народа осуществлялась на территорию Новосибирской и Омской областей, а также Алтайского и Красноярского края. В Казахскую ССР калмыки расселялись на территорию Кызыл-Ординской области в г. Аральск в рыболовецкие поселки [9]. Данных о прибытии калмыцкого народа на территорию областей Западного Казахстана ни в центральных, ни в местных архивах не найдено. Однако, в Архиве Президента РК обнаружены сведения о наличии спецпереселенцев калмыков на 1 января 1951 г.: в Актюбинской области 9 семей в количестве 21 чел., в Гурьевской области 10 семей в количестве 14 чел., Западно-Казахстанской – 2 семей в количестве 2 чел.¹¹. Предположительно, перемещение депортированных калмыков в Западный Казахстан произошло уже после окончания Великой Отечественной войны, где они трудились на промышленных предприятиях.

Советские административные органы, введя в официальный оборот собирательный термин «вайнахи», объединивший чеченцев и ингушей, создали предпосылки для возникновения статических неточностей в учетных документах периода депортации.

5 ГАРФ. Ф. 73-7523. Оп. 75. Д. 363. Л. 13-14.

6 ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 17. Д. 1370. Л. 1-3.

7 ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 102. Л. 1-2.

8 Военный Архив ФРГ. RW 49/143.

9 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 137. Л. 34.

10 Государственный Архив Атырауской области. Ф. 855. Оп. 1. Д. 224. Л. 7.

11 Архив Президента РК. Ф. 708. Оп.1/1. Д. 22. Л. 126

Согласно донесению заместителя начальника УНКВД по Актыбинской области, майора государственной безопасности Шанина от января 1944 г., в 14 районах Актыбинской области предполагалось разместить около 40 000 спецпереселенцев с Северного Кавказа¹². В последующем число планируемых к расселению спецпереселенцев снизилось до 30 000, которых предполагалось расселить в 9 районах¹³. В марте 1944 г. в Казахскую ССР прибыло 180 эшелонов, в которых находилось 405 941 чел. В пути по разным причинам умерло 1361 чел. и госпитализировано 1070 чел.¹⁴ Согласно справке начальника Управления при СНК КазССР по хозяйственному устройству спецпереселенцев и эвакуированных Д. Родина, весной в республику прибыло 405 192 чеченцев и ингушей [10, с. 152]. Разница в количественных данных спецпереселенцев в 749 чел. предположительно произошла при неверном учете людей в пути следования и смерти по прибытии в места высылки.

Среди погибших имелись и дети с диагнозом «истощение»¹⁵, часто встречалась причина смерти «умершие от старости», «умершие по преклонности лет»¹⁶. Также вызывает сомнение диагноз «малярия», который ставили спецпереселенцам кавказцам в период с февраля по апрель. В донесениях уполномоченных органов не указывается, кто ставил диагнозы и констатировал смерть. По постановлению Государственного Комитета Обороны СССР №5073/сс от 31 января 1944 г. на каждый эшелон со спецпереселенцами должны были выделять 1 врача и 2 медицинских сестер [10, с. 89]. Однако документы, подтверждающие наличие медицинского персонала при перевозке депортированных людей, ни в центральных, ни в локальных архивах не найдены. Указанные причины смерти в пути следования не соответствуют медицинским стандартам констатации смерти. Также, в пути следования, как рапортовал Наркомторг, спецпереселенцам выделили мяса – 270 т, рыбы – 196 т, животного масла 33,6 т, растительного масла – 33,5 т, а также на станциях следования организовали пункты с горячей едой¹⁷. Однако, если питание и условия проезда до пункта назначения были адекватно организованы, то каким образом имели место смерти по причине истощения, сыпного тифа, кишечных заболеваний. Беря во внимание бюрократичность советской системы, когда для получения выделенных средств для перевозки депортированных народов требовалось достаточно продолжительное время и подтверждения различных инстанций, обеспечение продуктами питания и медикаментами в пути следования скорее всего в указанном объеме не производилось. Да и учитывая хозяйственный кризис военных лет продовольствие расхищалось в пути следования. По воспоминаниям очевидцев высылки, первые 3 дня вагоны эшелонов вообще не открывались, и они питались тем, что успели захватить с собой в дорогу [8, с. 683].

21 марта 1944 г. в Актыбинскую область прибыло 7 эшелонов, в которых было учтено 20 337 чел.¹⁸. Начальник 3 управления Наркома Государственной безопасности СССР Мильштейн сообщает о прибытии 27 309 чел. [11, с. 32]. По отчетам секретаря Актыбинского Обкома партии Тайбекова заместителю начальника УНКВД Шанину, в марте 1944 г. в области размещены 2320 семей – 12053 чел.

Основную часть спецпереселенцев отправили на предприятия угольной промышленности и совхозы области. Специалистов разных профессий было учтено 436. Из них учителей – 124, ветеринарных работников – 6, медицинских работников – 2, зоотехников – 2, агрономов – 1. Остальные спецпереселенцы имели рабочие специальности. Работали по профессии только токари, слесари, бурильщики, трактористы, плотники, сапожники, портные. Учителям работу не предоставляли. Также среди прибывших спецпереселенцев числились 9 районных партийных и 1 областной руководитель. В отчете указывалась фамилия Мамаев, который будучи на Родине секретарем Обкома комсомола, стал работать бригадиром одного из совхозов области¹⁹.

С апреля по май 1944 г. на территорию Актыбинской области продолжали прибывать депортированные с Северного Кавказа чеченцы. По данным на 4 мая 1944 г. председателя Областного исполкома исполнительного совета Уразбаева Ш. зафиксировано: всего в область прибыло 4 129 семей чеченцев, в них 20 248 чел., в том числе мужчин 3860, женщин 3467, детей до 16 лет 10 944 и подростков

12 Государственный архив Актыбинской области (здесь и далее - ГААО). Ф. 13. Оп. 13. Д. 31. Л. 5.

13 ГААО. Ф. 13. Оп. 13. Д. 22. Л. 8.

14 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 182. Л. 234.

15 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 182. Л. 95, 101

16 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 182. Л. 74.

17 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 12. Л. 216.

18 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 182. Л. 234.

19 ГААО. Ф. 13. Оп. 13. Д. 31. Л. 6 и оборот.

от 16 до 18 – 1977. Спецпереселенцы были расселены в 10 районах – Актюбинском, Челкарском, Темирском, Родниковском, Степном, Мартукском, Хобдинском, Джурунском, Ключевом и Новороссийском. 2300 семей (12053 чел.) – в колхозах, 607 семей (2717 чел.) – в совхозах, 73 семьи (365 чел.) – на нефтепромыслы, 733 семьи (3023 чел.) – в угольную промышленность, 37 семей (165 чел.) – на рудники Никельгау, 126 семей (589 чел.) – в подсобных хозяйствах железнодорожного транспорта, 93 семьи (480 чел.) – в промышленные артели, 140 семей (607 чел.) – в различных хозяйственных организациях и учреждениях. По карточной системе снабжались 1809 семей, пайком по нормам 100 г муки, 50 г пшена – 2320 семей²⁰. Данные центральных и местных архивов о количестве спецпереселенцев, фактически прибывших на территорию области, разнятся. В рапорте начальника отдела перевозок НКВД Аркадьева Д.В. Берии Л.П. от 20 марта 1944 г. указывались данные о транспортировке в Актюбинскую область 20 309 вайнахов из 402 922 [2, с. 467]. Отчет начальника Отдела спецпоселений НКВД СССР Кузнецова указывает фактическое количество спецпереселенцев чеченцев Актюбинской области – 20 337 чел.²¹, а по отчетам местных органов указывается цифра – 20 248 чел., что, по нашему мнению, является более достоверным источником, так как прибывших спецпереселенцев фиксировали уже по факту. Также, как утверждал исследователь Земсков В.М., при переброске такого количества человек возникали неточности, могли учитываться дважды одни и те же люди. Бердинских В.А. также обращает внимание на недостаточную ответственность работников комендатур при документировании спецпереселенцев, дела на которых заполнялись годами [12, с. 148].

Следует учитывать тот факт, что в документальных источниках иногда прописывается наименование «спецпереселенцы – выселенцы», хотя «выселенцы» имели иной юридический статус. В этом случае не всегда удастся указывать точные сведения. В докладной записке «О продовольственных затруднениях среди выселенцев в Казахской ССР» указывалась необходимость оказания помощи остро нуждающимся выселенцам с Северного Кавказа, которых в области было расселено 9172 семьи – 30 112 чел. по данным на 1 апреля 1944 г. [11, с. 55]. Также под категорию спецпереселенцев с Северного Кавказа могли попасть и другие национальности, что тоже создает некоторую погрешность при расчетах. В официальных документах о «переселении вайнахов» учитывались чеченский и ингушский народы как один национальный субстрат, а также национальности с пометкой «другие». Документы по прибытии в отдаленные районы областей Западного Казахстана заполнялись не всегда достаточно грамотными людьми. В связи с чем возникали неточности в указании имен, года рождения и т.д. Следует учитывать тот факт, что иногда количество семей увеличивалось, в связи с их разъединением. Относительно точные цифры по выселенным народам появляются только к 1948–1949 гг. В конце 1948 г. МВД СССР провело переучет и составило алфавитный список спецпоселенцев. В результате обработки данных в сравнении с предыдущими годами, отсутствующими на местах спецпоселений на момент 1 января 1949 г., было 22 431 спецпереселенцев-выселенцев [8, с. 42].

Социальное устройство спецпереселенцев

Вопреки всем директивам и указаниям центральных органов СССР и докладов о готовности Казахской ССР к принятию спецпереселенцев, обеспечение жильем, теплыми вещами и продовольствием имело место только на бумаге. О бедственном положении прибывающего населения с Северного Кавказа на местах расселения говорилось в постановлении СНК ЦК КП(б) Казахстана №67-128с от 17 ноября 1944 г. Из прибывших в республику 29 812 семей не имели жилплощади, проживали в необжитых бараках и на уплотнении, продовольственная доля продуктов им порой вовсе не выдавалась, возникли проблемы с теплыми вещами и обувью. Во всем обвиняли местные власти, которые не могли обеспечить должным образом жизнь спецпереселенцев²².

По прибытию на распределительные пункты для дальнейшего расселения спецпереселенцы должны были пройти дезокамеры и вошебойки. Однако не на всех станциях прибытия спецпереселенцев имелась возможность для санитарной обработки, так как в наличии не имелось ни мыла, ни каких-либо других дезинфицирующих средств и лекарств. Уже в пути следования в эшелонах, отправляемых

20 ГААО. Ф. 13. Оп. 13. Д. 31. Л. 7-8.

21 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 182. Л. 234.

22 Государственный Архив Атырауской области. Ф. 855. Оп. 1. Д. 224. Л. 19-23.

в Казахстан и Киргизию, были отцеплены 70 вагонов, в которых находились заболевшие тифом [2, с. 467]. Умерших по дороге спецпереселенцев не всегда даже успевали хоронить. О фактах преступного отношения к погребению человеческих тел докладывала комиссия при Бюро Актюбинского обкома КП(б) Казахстана: «По состоянию на март 1944 г. в мертвецкой при городской больнице находятся 35 трупов, некоторые лежали здесь еще с декабря 1943 г.», что было угрозой распространения различных эпидемиологических заболеваний²³.

Сыпной тиф распространялся в Мартукском, Ключевом, Челкарском, Темирском и Новороссийском районах, то есть в местах, где работа по санитарной обработке шла с перебоями. На заседании Бюро Актюбинского обкома партии от 30 апреля 1944 г. заведующий областным отделом здравоохранения Мусабеков докладывал о росте заболеваемости среди спецпереселенцев и контактировании последних с местным населением, что могло привести к срыву работ в сельском хозяйстве и промышленности. Райкомы обвинялись в халатном отношении санитарной обработки спецпереселенцев по прибытии их на места расселения и неоказании им соответствующей помощи²⁴. В целом в республике на тот момент существовала острая нехватка медицинских кадров, поэтому отдельные штатные единицы не выделялись для обслуживания спецпереселенцев, даже в условиях эпидемий. Большинство медицинских работников не имели достаточного стажа работы, узких специалистов не было как таковых [10, с. 20]. Медицинская помощь в районах с эпидемиологическими больными спецпереселенцами по факту не оказывалась, что приводило к высокой смертности заболевших.

Помимо сыпного тифа, спецпереселенцы по прибытии массово заражались септической ангиной (алиментарно-токсическая алейкия), возбудителем которой был грибок, поражавший колосья пшеницы, перезимовавшей в поле. В постановлении заседания чрезвычайной областной комиссии по борьбе с заболеваниями септической ангиной под председательством Тургамбаева было вынесено решение о прекращении сбора с полей колосьев прошлогоднего урожая и употребления этих колосьев в пищу, запретить руководителям выдавать населению зерно вместо муки, а также произвести обмен зараженного зерна на продовольственное зерно. Число заболевших возросло до 333 чел. в Ключевом районе, в Мартукском районе – 69 чел., в Хобдинском районе – 100 чел. и Родниковском – 50 чел.²⁵ Такая критичная ситуация сложилась из-за мизерного пайка, который получали даже не все спецпереселенцы. Для 1809 семей паек составлял по нормам 100 г муки, для 2320 семей паек составлял всего из 50 г пшеницы²⁶. Но даже на это минимальное обеспечение могли рассчитывать только те, кто вступал в колхозы и совхозы, либо числившиеся за какими-либо предприятиями. Но трудоустраивались тоже не все, так как в составе прибывающих спецпереселенцев были пожилые люди, инвалиды, матери с малолетними детьми, которые не могли работать.

Области Западного региона были не готовы к такому количеству депортированных народов. Особенно тяжелая ситуация складывалась на промышленных предприятиях региона. Отправленные в марте 1944 г. на Шубар-Кудукские шахты «Актюбинскугля» спецпереселенцы были размещены в палатках: по 20–40 чел. на 35 м² помещения. Прибывшие спецпереселенцы были обессилены изнуряющей дорогой, климатом, недоеданием и болезнями. По прибытию на шахты и осмотре медперсоналом, 77 семьям из 162 выставлен диагноз «истощение» помимо инфекционных заболеваний²⁷. Ситуация на шахтах не улучшилась вплоть до наступления зимы. Из 114 семей на квартирах разместили только 60 из них, остальные оставались в палатках²⁸. Такая же ситуация с жильем и продовольствием наблюдалась на шахтах Курашасай Актюбинской области. По сообщению заведующего инструкторским отделом Актюбинского Обкома Тлеухабулова, спецпереселенцы Алгинского нефтехимического комбината размещались в неотапливаемых каркасных бараках по 26 чел. на 36 м², либо по 18 чел. на 10 м². Сами бараки разбирались по частям для отопления помещений. Из 500 чел. на комбинате работало 115 чел. Остальные считались иждивенцами. Не имевшие заработков спецпереселенцы собирали всевозможные отходы. Такая ситуация вменялась в вину руководству комбината и спецкомендатуре Алгинского района, которые не обеспечивали их топливом и продуктами питания²⁹. Даже к зиме 1944 г. ситуация

23 ГАО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 22. Л. 7.

24 ГАО. Ф. 13. Оп. 13. Д. 22. Л. 31.

25 ГАО. Ф. 13. Оп. 13. Д. 22. Л. 33 и оборот.

26 ГАО. Ф. 13. Оп. 13. Д. 22. Л. 34.

27 ГАО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-9.

28 ГАО. Ф. 13. Оп. 13. Д. 31. Л. 11.

29 ГАО. Ф. 13. Оп. 13. Д. 31. Л. 2.

с размещением спецпереселенцев, прикрепленных к Актюбхимкомбинату, не улучшилась. В докладной записке секретаря Обкома КП(б)К Козлова В. «О расселении спецпереселенцев от 26 декабря 1944 г.» значилось: «в поселке Алга, завод Актюбхимкомбинат, чеченцы живут в неотапливаемых бараках, скученно (в комнате 26 м² – 26 чел., в 10 м² – 18 чел.), помещения внутри и снаружи загажены и находятся в антисанитарном состоянии, люди истощены, плохо одеты. Больные чеченцы не работают, больные от здоровых своевременно не изолируются, и необходимая медицинская помощь им оказывается плохо, поэтому среди чеченцев большая смертность, но трупы покойников своевременно не убираются и не хоронятся»³⁰. Катастрофическая ситуация с жилыми помещениями и продуктами питания для спецпереселенцев складывалась и в колхозах. Из отчетов области о трудовом и хозяйственном устройстве на июнь 1944 г. указывалось, что из прибывших 2 351 семей вступило в колхозы 1462, причем приусадебные участки получили 63,8%³¹. Однако у спецпереселенцев отсутствовали семена для посева. Приусадебные участки традиционно не рассматривались в Западном Казахстане как источник получения хорошего урожая овощей и фруктов из-за климатических особенностей. Основным источником существования местного населения всегда был скот. По директиве, при переселении на руки спецпереселенцам выдавались квитанции за скот и несобранный урожай. По постановлению СНК всем спецпереселенцам чеченцам, ингушам, карачаевцам, балкарцам, калмыкам надлежало выдавать продуктивный скот (телки) весом не более 200 кг или овцематки или 3 козوماتки³². При прибытии на место квитанции следовало обменять на аналогичные продукты. Так как депортация северокавказского населения проводилась в краткие сроки, не все успели получить квитанции. По прибытии на территорию Западного Казахстана начали возникать трудности с обменом. Руководство республики в тяжелое военное время не имело возможности восполнить все оставленные спецпереселенцами ресурсы.

Также в директивах давалось указание обеспечить прибывших спецпереселенцев меховой одеждой и обувью, с чем местные власти справлялись с трудом. По Актюбинской области кожаное сырье, выделенное для кавказского населения в сентябре 1944 г., покрывало только 10% нужд от всего количества спецконтингента³³. Помимо бытовых нужд острым вопросом стояло строительство и покупка домов. В целом, согласно Указу Президиума Верховного Совета, депортированным народам Кавказа должны были выплачивать компенсацию за оставленное имущество в размере 1 тыс. руб. на семью, однако по факту сумма, выдаваемая непосредственно на руки спецпереселенцам, составляла, от 40 до 100 руб. [14].

Такой суммы было недостаточно для покупки или постройки собственного жилья. В этом случае государство предоставляло ссуды и кредиты для спецпереселенцев, которые, однако, не осваивались в предполагаемом объеме. Причиной этому служила, скорее всего, надежда спецпереселенцев вернуться после окончания войны на Родину. Но более распространенной причиной была коррумпированность государственных органов, бюрократия советской системы при обеспечении строительными материалами. По распоряжению Исполкома Актюбинского Областного Совета депутатов трудящихся от 26 апреля 1947 г. выделялись кредиты на сумму 700 тыс. руб. для строительства домов спецпереселенцев, распределенных по 9 районам области³⁴. Следовало реализовать все денежные средства на строительство или покупку домов. Однако в последующем проверкой было установлено, что не вся сумма государственной ссуды была распределена: местные органы присвоили средства, использовали их не по назначению. Также широко распространялась практика, когда полученные кредиты попросту отнимались у спецпереселенцев руководящими работниками государственных структур. Проверки распределения средств неоднократно выявляли неправомерные действия чиновников. Так проверкой председателя Исполкома Семина в 1947 г. было выявлено, что отпускаемые кредиты на строительство и покупку домов для спецпереселенцев чеченцев использовались нерационально: «Выданные ссуды по Степному району 55 тысяч рублей, по Мартукскому 10 тысяч рублей, Новороссийскому 14,5 тысяч рублей до сих пор не переоформлены на непосредственных заемщиков и погашение их платежей не производится»³⁵. В основном, имея негативный опыт общения с руководством, спецпоселенцы не обращались в государственные инстанции с заявлениями о недополучении средств или неправомерном

30 ГАОО. Ф. 13. Оп. 13. Д. 31. Л. 1.

31 ГАОО. Ф. 13. Оп. 13. Д. 22. Л. 38.

32 Государственный Архив Атырауской области. Ф. 855. Оп. 1. Д. 224. Л. 89.

33 ГАОО. Ф. 13. Оп. 13. Д. 31. Л. 12.

34 ГАОО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 690. Л. 6.

35 ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 690. Л. 7.

обращении с ними руководящих работников. Чеченская община существовала обособленно и внутри своего сообщества все так же руководствовалась традиционным адатом [8, с. 46].

Положение спецпереселенцев на предприятиях «Казнефтестроя» Гурьевской области

На территорию Гурьевской области спецпереселенцы с Кавказа отправлялись на строительство «Казнефтестроя» – масштабного предприятия, курируемого НКВД. В докладной записке руководства Гурьевской области секретарю ЦК КП(б) Казахстана Боркову Г.А. от 6 июня 1945 г. «О трудоустройстве спецпереселенцев из Крыма и Северного Кавказа в Гурьевской области» говорится о размещении 1489 семей спецпереселенцев в составе 5241 чел.; в том числе 1235 семей из Крыма в составе 4 200 чел. и 254 семьи из Северного Кавказа в составе 1041 чел., которые числились в основном за предприятиями нефтепромысловых объединений «Казахстаннефть»³⁶. Данные ГАРФ указывают что чечено-ингушей, прибывших в Гурьевскую область, было 254 семьи, в количестве 1049 чел.³⁷ По прибытию на места разработки нефтепромыслов спецпереселенцы были истощены и не пригодны для тяжелой физической работы, многие из них болели сыпным тифом. Все прибывшие спецпереселенцы с Северного Кавказа, включая инвалидов, стариков и детей прикрепили к строительной конторе №2 и №3 в Сагизе, бывшем отделении печально известного Прорвинского лагеря и Байчунасе на строительство нового нефтяного промысла Тентяк-сор. 23/1-1945³⁸. По прибытии на места расселения медицинская помощь им практически не оказывалась из-за недостатка медицинского персонала. В переписке строительных участков нефтяных предприятий на 1944 г. указывалась нехватка 21 единицы врачей разных квалификаций, в особенности инфекционистов, травматологов, педиатров. Впрочем, и лечебные учреждения находились в непригодных для лечения больных помещениях и в антисанитарных условиях³⁹. Докладывая в вышестоящие инстанции, начальники строительных участков, управляющий «Казнефтестроя» Пилипец, начальник НКВД Забелов отмечали полное обеспечение спецпереселенцев соответствующими условиями проживания, горячей пищей, спецодеждой и бытовыми вещами. Однако проверки условий содержания спецпереселенцев, согласно имеющимся отчетам Обкома Гурьевской области, установили, что они находятся в тяжелых материально-бытовых условиях: перебои с питанием были повсеместно, элементарно не имелось в наличии ни белья, ни обуви, а также люди проживали в неотапливаемых бараках. На промыслах использовался труд несовершеннолетних детей, рабочий день которых длился 11–12 часов. Работали на строительстве нефтепромыслов и инвалиды, и старики старше 60 лет, и многодетные матери. Еще более удручающая ситуация сложилась с 45 семьями спецпереселенцев, которых вообще не трудоустроили и соответственно они не имели в принципе никаких средств к существованию⁴⁰.

Как указывалось выше, всех спецпереселенцев с Северного Кавказа следовало также обеспечить продуктивным скотом весом не более 200 кг, либо овцематками или козوماتками⁴¹. Для Гурьевской области обеспечение скотом было еще более проблематично, чем Актюбинской области, так как здесь изначально, вследствие природно-климатических условий, существовало очень малое количество колхозов и совхозов. Экономика региона строилась на рыболовецких хозяйствах и промышленных предприятиях по добыче природных ресурсов. Даже при предъявлении квитанций, руководство области не имело возможности обеспечить всех скотом.

Условия размещения и проживания спецпереселенцев на предприятиях «Казнефтестроя» не улучшились и с окончанием Великой Отечественной войны. Особо сложная ситуация на предприятии сложилась с детьми спецпереселенцев. Согласно донесениям спецкомендатуры УМВД по Гурьевской области «115 детей из-за отсутствия одежды и обуви не посещают школу. При чем 32 из них в поселке Индер Испульского района, родители которых заняты на прорабском участке трестов «Казнефтестрой», город

36 Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 9. Д. 127. Л. 47-50.

37 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 245. Л. 65.

38 Государственный Архив Атырауской области. Ф. 294. Оп. 1. Д. 117. Л. 2.

39 Государственный Архив Атырауской области. Ф. 855. Оп. 1. Д. 178. Л. 12.

40 Государственный Архив Атырауской области. Ф. 855. Оп. 1. Д. 98. Л. 1, 21.

41 Государственный Архив Атырауской области. Ф. 855. Оп. 1. Д. 224. Л. 89.

Гурьев, родители которых заняты на работах в основном на заводе треста «Казнефтестрой» и 18 на нефтепромыслах Макат и Досор Макатского района»⁴².

Отношение местного населения к спецпереселенцам, которые уже прибыли с клеймом «врагов народа» и «предателей Родины», было амбивалентно. В основной массе казахский народ относился сочувственно к прибывшим депортированным народам Кавказа. Согласно воспоминаниям чеченского народа, несмотря на тяжелое материальное положение периода военного времени, они получали поддержку от местных жителей. Вместе с тем архивными источниками установлены случаи неправомерного обращения со спецпереселенцами: нарушение установленных норм трудового учета отработанных дней в колхозах и совхозах, распределении продовольственных пайков на предприятиях⁴³. Часто бесправность спецпереселенцев порождала многочисленные случаи безнаказанности, жестокого обращения с ними местной администрации. В документе «Об исполнении постановления бюро ОК КП(б)К от 3 июня 1950 г. «О трудовом использовании и хозяйственном устройстве выселенцев» были зарегистрированы многочисленные факты грубости и беззакония по отношению к выселенцам в Темирском районе, где «бригадир колхоза им. Сталина Байдашев за опоздание на работу избил до потери сознания выселенку-чеченку Осаеву Сажу, вследствие чего Осаева Сажа потеряла временную трудоспособность и в течении 4 дней не могла работать. Кроме того, Байдашев нанес несколько ударов височным замком Габаеву Гаирбеку, пытавшемуся прекратить избияния Осаевой Саджи»⁴⁴. Схожие ситуации по отношению к спецпереселенцам происходили повсеместно в Мартукском, Степном, Новороссийском районах⁴⁵. Социальная неустроенность, сложная адаптация к местным условиям существования, моральные страдания привели к высокой смертности среди спецпереселенцев.

В первом квартале 1945 г. численность чеченцев и ингушей по Казахской ССР составляла 360 405 чел., из которых умерли 9428 чел., включая 4096 детей до 16 лет [11, с. 531]. За второй квартал этого же года количество умерших спецпереселенцев достигло уже 11 372 чел., из которых 5349 были детьми до 16 лет [11, с. 536].

При переучете НКВД в феврале 1949 г. общие потери чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев составили 144 704 чел. при первоначальном количестве спецпереселенцев 608 749 чел. [10, с. 185]. Отдельно рассматривая чеченцев и ингушей с момента высылки с территории Кавказа в Казахстан в количестве 405 941 чел. и при переучете на 1 января 1953 г. в количестве 325 518 чел., можно предполагать, что погибло приблизительно 79 674 чел.

Окончание Второй мировой войны не остановило репрессии в СССР. Сталин продолжал депортации с такой же интенсивностью. В этом потоке намечалась вторая, внутренняя депортация чечено-ингушского народа на территории Казахской ССР. Согласно документам Архива Президента РК, инициатива по выселению кавказских народов с мест проживания в более отдаленные районы областей исходила от высшего руководства республики. Так, в секретном донесении Маленкову от Председателя совета Министров Казахской ССР Е. Тайбекова и Секретаря ЦК КП(б) Ж. Шаяхметова сообщалось: «В городах, на крупных железнодорожных станциях и в ряде районных центров Казахстана, в результате послабления контроля осело много спецпереселенцев чеченцев, ингушей, балкарцев. Не работают, спекулируют, ведут антиобщественный и паразитический образ жизни. Предлагается в течении 2 полугодия 1952 и 1 квартала 1953 г. переместить 12 892 хозяйства – 39 986 чел. в отдаленные колхозы и совхозы»⁴⁶. Далее, количество предполагаемых к выселению людей увеличивается уже до 85 487 чел. К выселению из Актюбинской области – 1500 семей, 4820 чел., из них 3916 взрослых, к выселению из Гурьевской области – 1500 семей, 6903 чел., из них взрослых 4082⁴⁷. Западно-Казахстанская область переселение на своей территории не предполагала, так как «никаких жалоб на спецпереселенцев не имеется» (Табл. 2.)⁴⁸

42 Государственный Архив Атырауской области. Ф. 294. Оп. 1. Д. 149. Л. 1.

43 ГАО. Ф. 932. Оп. 1. Д. 107. Л. 7-10.

44 ГАО. Ф. 13. Оп. 20. Д. 409. Л. 5.

45 ГАО. Ф. 13. Оп. 20. Д. 409. Л. 14-29.

46 Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 16/2. Д. 55. Л. 3.

47 Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 16/2. Д. 55. Л. 6.

48 Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 707. Оп. 16/2. Д. 54. Л. 255.

Таблица 2. Контингент, намеченный к отселению / Table 2. Contingent Scheduled for Resettlement.

Наименование области	Намечено к отселению			Что имеют эти хозяйства сейчас		
	Количество семей	Количество населения	Из них взрослых	домов	скота	Задолженность гос. тыс. руб.
Актюбинская	1500	4820	3916	Н. д.	Н. д.	Н. д.
Гурьевская	1500	6903	4082	Н. д.	Н. д.	Н. д.
Западно-Казахстанская	-	-	-	-	-	-

В двух других областях региона подготовка к выселению шла активно. Помимо кавказских народов выселению подвергались немцы. Если выселение кавказских народов объяснялось «антиобщественным образом жизни», то выселение немецкого населения не имело официального обоснования. На весь процесс переселения предполагалось затратить огромные средства. По предварительным подсчетам, согласно единому тарифу на перевозку грузов автотранспортом, утвержденному Постановлением Совета Министров Союза ССР №5321 от 24 декабря 1951 г., общая сумма по транспортным расходам составила 923 500 рублей⁴⁹. Только смерть И. Сталина остановила очередной этап насильственных пертурбаций кавказских народов на территории Казахской ССР.

Заключение

В системе принудительных миграций периода Великой Отечественной войны Казахская ССР занимала ключевую позицию, выступая одновременно как важнейший элемент исправительно-трудовой системы ГУЛАГа и как основной регион размещения депортированных народов. Исследование, проведенное на основе всестороннего анализа документов центральных архивов Республики Казахстан, Российской Федерации, а также региональных архивных фондов, позволило выявить новые данные о масштабах и особенностях адаптации депортированных народов Северного Кавказа в западных областях Казахской ССР в условиях спецпоселений. География расселения спецпереселенцев ограничивалась преимущественно Актюбинской и Гурьевской областями. Проживание в условиях спецпоселений происходило в исключительно сложных условиях. Кардинальная смена хозяйственно-культурного типа, острая нехватка продовольствия и жилья, неудовлетворительное медицинское обслуживание привели к серьезным демографическим потерям. Систематическое нарушение прав депортированных народов в сочетании двойным отношением местного населения привело к глубокой психоэмоциональной травматизации памяти. Помимо депортации 1944 г. властями намечалось следующее выселение внутри республики, в еще более отдаленные районы.

В процессе исследования были обнаружены существенные лакуны и противоречия в учетных данных о спецпереселенцах Северного Кавказа на территории западноказахстанских областей, что дает потенциал для дальнейшего изучения механизмов и особенностей региональной депортационной политики.

49 Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 16/2. Д. 55. Л. 20.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР: 1930–1960. М.: Наука, 2005. 304 с.;
2. Сталинские депортации 1928–1953 / Под общей ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М.: МФД, Материк, 2005. 904 с.
3. Асылбеков М.-А.Х., Асылбекова Ж. М.-А. Социально-демографическое развитие населения Казахстана в 1926–1939 годы. Алматы: «Казак университеты», 2016. 146 с.
4. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. М.: Наука, 1996. 153 с.
5. Асылбеков М.Н., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980). Алма-Ата: «Гылым», 1991. 190 с.
6. Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы / Сост. Г. Анес. Алматы: Арыс-Казахстан, 1998. 413 с.
7. Jeronim Perovic. From Conquest to Deportation: The North Caucasus under Russian Rule. Oxford University press, 2018. 456 p.
8. Козлов В.А., Козлова М.Е., Бенвенути Ф. Парадоксы этнического выживания: сталинская ссылка и репатриация чеченцев и ингушей после Второй мировой войны (1944 – начало 1960-х гг.). СПб.: Нестор-История, 2016. 128 с.
9. Жакисхева С. А., Балтабаева К. Н., Кабульдинов З. Е., Смагулова А. М. «Я выслан навечно»: к 80-летию депортации калмыцкого народа (по материалам архивов Казахстана) // *Oriental Studies*. 2023; 16(6). С. 1523–1540
10. Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20–50 годы XX века). VII том. Депортированные в Казахстан народы и спецпоселенцы. Сб. док-тов и мат-лов / Под общей редакцией Е.Т. Карина. Астана: ТОО «Литера М», 2024.
11. Антология выселения чечено-ингушского народа: Сб. док-тов / Сост.: М.М. Мурдалов, А.А. Алаудинов. Екатеринбург: Издательские решения, 2021. 782 с.
12. Орымбаев А.Т. Депортация чеченского и ингушского народов в Казахстан в годы Великой Отечественной Войны и их положение в послевоенные годы. Астана: «Парасат Алемы», 2006. 84 с.
13. Бердинских В.А. Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 768 с.
14. Осмаев М.К. О фактах коррупции в период и после депортации чеченцев и ингушей // *Вестник Калмыцкого университета*. 2020. №1(45). С. 34–40

REFERENCES

1. Zemskov VN. *Special settlers in the USSR: 1930–1960*. Moscow: Nauka, 2005. (In Russ)
2. *Stalinist deportations 1928–1953*, ed. by Acad. A.N. Yakovlev; comp. by N.L. Pobol, P.M. Polyak. Moscow: MFD, Materik, 2005. (In Russ)
3. Asylbekov M-AKh., Asylbekova ZhM-A. *Socio-demographic development of the population of Kazakhstan in 1926–1939*. Almaty: “Kazak Universitety”, 2016. (In Russ)
4. Zhiromskaya VB., Kiselev IN., Polyakov YuA. *Half a century classified as secret: All-union census of 1937*. Moscow: Nauka, 1996. (In Russ)
5. Asylbekov MN., Galiev AB. *Socio-demographic processes in Kazakhstan (1917–1980)*. Alma-Ata: “Gylym”, 1991. (In Russ)
6. *Peoples deported to Kazakhstan: time and fates*, comp. by G. Anes. Almaty: Arys-Kazakhstan, 1998. (In Russ)
7. Perovic J. *From conquest to deportation: the North Caucasus under Russian rule*. Oxford University Press, 2018.
8. Kozlov VA., Kozlova ME., Benvenuti F. *Paradoxes of ethnic survival: Stalinist exile and repatriation of Chechens and Ingush after the Second World War (1944 - early 1960s)*. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. (In Russ)
9. Zhakisheva SA., Baltabaeva KN., Kabuldinov ZE., Smagulova AM. “I am exiled forever”: to the 80th anniversary of the deportation of the Kalmyk people (based on materials from the archives of Kazakhstan). *Oriental Studies*. 2023; 16(6): 1523-1540. (In Russ)
10. *Materials of the State commission for the full rehabilitation of victims of political repressions (20–50s of the XX century)*. Vol. VII. *Peoples deported to Kazakhstan and special settlers. Collection of documents and materials*, ed. by E.T. Karin. Astana: Litera M, 2024. (In Russ)
11. *Anthology of the eviction of the Chechen-Ingush people: collection of documents*, comp. by M.M. Murdalov, A.A. Alaudinov. Yekaterinburg: Publishing Solutions, 2021. (In Russ)
12. Orymbayev AT. *Deportation of the Chechen and Ingush peoples to Kazakhstan during the Great Patriotic War and their situation in the post-war years*. Astana: “Parasat Aley”, 2006. (In Russ)
13. Berdinskikh VA. *Special settlers: political exile of the peoples of Soviet Russia*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obzrenie, 2005. (In Russ)
14. Osmayev MK. On the facts of corruption during and after the deportation of Chechens and Ingush. *Bulletin of Kalmyk University*. 2020; 45(1): 34-40. (In Russ)

Поступила в редакцию 23.02.2025

Принята в печать 27.08.2025

Опубликована 15.03.2026

Received 23.02.2025

Accepted 27.08.2025

Published 15.03.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH22156-65>

Исследовательская статья

Хубулова Светлана Алексеевна
доктор исторических наук, профессор
Северо-Кавказский институт-филиал РАНХиГС», Пятигорск, Россия
главный научный сотрудник
Ставропольский государственный педагогический институт-филиал, Ессентуки, Россия
hubul@yandex.ru

Хаблиева Лариса Черменовна
кандидат педагогических наук, доцент
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия
lara6715@yandex.ru

Кулиев Фарман Мурувват оглы
доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой
Северо-Кавказский институт-филиал РАНХиГС», Пятигорск, Россия
kyliev_farman@mail.ru

Хубулова Эда Владимировна
кандидат исторических наук, заместитель директора
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал
Владикавказского научного центра РАН, Владикавказ, Россия
dudieva63@mail.ru

ФОНД ОБОРОНЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Статья посвящена одному из важных вопросов истории Великой Отечественной войны – взаимодействию партийно-советских структур и общества в оказании всемерной помощи РККА на материалах Северо-Осетинской АССР. Одна из проблем, которая нуждается в современном рассмотрении – это патриотические инициативы населения для поддержания воинов Красной армии: денежные пожертвования, сбор подарков и теплых вещей для фронтовиков, инициативы по строительству танковых колонн и авиаэскадрилий, участие в военных займах и денежно-вещевых лотереях, воскресниках и др. Выявлен ряд трудностей и проблем, сопровождавших сбор средств. Анализ отложившихся в архивохранилищах РСО-Алания материалов позволяет утверждать, что патриотические инициативы и их реализация под руководством и при организующей роли партийно-советских органов имели большое значение для укрепления обороноспособности страны. На основе архивных источников авторы рассматривают мероприятия по оказанию всемерной помощи Красной армии. Отложившиеся источники позволяют показать исторический опыт работы партийно-советских структур в решении задач оказания финансовой, материальной и иной помощи Красной армии в регионе. Особое внимание уделяется патриотическим инициативам населения Северо-Осетинской АССР. Источниковая база и имеющаяся историография по теме исследования дают возможность определить трудности и недостатки в работе по созданию и пополнению Фонда обороны. В результате исследования были сделаны выводы о том, что общественные инициативы населения Северной Осетии сыграли большую роль в оказании материальной и финансовой помощи фронтовикам. Приведенные факты свидетельствуют о героизме, самопожертвовании граждан Осетии.

Ключевые слова: Фонд обороны; Великая Отечественная война; автономии Северного Кавказа; материальная и финансовая помощь Красной армии; патриотические инициативы

Для цитирования: Хубулова С.А., Хаблиева Л.Ч., Кулиев Ф.М., Хубулова Э.В. Фонд обороны и общественные инициативы населения Северо-Осетинской АССР в годы Великой Отечественной войны // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. No 1. С. 56-65. doi.org/10.32653/CH22156-65

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH22156-65>

Research paper

Svetlana A. Khubulova,
Dr. Hist. Sci., Professor
North Caucasus Institute-Branch of RANEPА, Pyatigorsk, Russia;
Chief Researcher, Stavropol State Pedagogical Institute-Branch, Essentuki, Russia
hubul@yandex.ru

Larisa Ch. Khablieva,
Cand. Ped. Sci., Assoc. Prof.
North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia
lara6715@yandex.ru

Farman M. Kuliev,
Dr. Hist. Sci., Professor, Head of Dep.
North Caucasus Institute-Branch of RANEPА, Pyatigorsk, Russia
kyliev_farman@mail.ru

Eda V. Khubulova,
Cand. Hist. Sci., Deputy Director
North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – Branch of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS, Vladikavkaz, Russia
dudieva63@mail.ru

THE DEFENSE FUND AND PUBLIC INITIATIVES IN THE NORTH OSSETIAN ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. This article examines a critical aspect of the history of the Great Patriotic War: the interaction between Party-Soviet structures and the public in providing comprehensive support to the Red Army, specifically within the North Ossetian ASSR. A key issue requiring modern re-evaluation is the scope of patriotic initiatives aimed at supporting Red Army soldiers. These included monetary donations, the collection of gifts and warm clothing for front-line troops, initiatives to fund the construction of tank columns and air squadrons, participation in war loans and lotteries, and voluntary labor shifts (voskresniks). The study identifies a range of difficulties and systemic problems encountered during these fundraising efforts. An analysis of archival materials from the Republic of North Ossetia-Alania suggests that these patriotic initiatives – implemented under the leadership and organizational guidance of Party and Soviet bodies – were vital to strengthening the country's national defense. Drawing on these archival sources, the authors evaluate the measures taken to provide multifaceted aid to the Red Army and highlight the historical experience of regional authorities in managing financial and material contributions. The research concludes that public initiatives in North Ossetia played a significant role in supporting the front, serving as a testament to the heroism and self-sacrifice of the Ossetian people.

Keywords: Defense Fund; Great Patriotic War; North Caucasus autonomies; material and financial aid to the Red Army; patriotic initiatives

For citation: Khubulova S.A., Khablieva L.Ch., Kuliyeв F.M., Khubulova E.V. The Defense Fund and Public Initiatives in The North Ossetian Assr During the Great Patriotic War. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 1. P. 56-65. doi.org/10.32653/CH22156-65

История Великой Отечественной войны была одной из самых исследуемых в советской историографии, но ученые останавливались лишь на положительных фактах, обходя молчанием те трудности, с которыми приходилось сталкиваться армии и тыловому населению. Современная научная тенденция ориентирована на всесторонний анализ совокупности фактов и процессов, имевших место в истории Великой Отечественной войны. В настоящее время в научное поле включаются проблемы, которые ранее рассматривались односторонне и имели заданные результаты.

Научно-общественный интерес представляет региональный аспект истории Великой Отечественной войны. Северная Осетия в военные годы стала тем местом, где ковалась победа, шли ожесточенные бои за каждый населенный пункт, где на прочность проверялась дружба народов СССР.

Предметом изучения являлись всенародная помощь фронту и деятельность партийных и советских органов по мобилизации населения на помощь Красной армии [1; 2; 3], массовые патриотические движения населения тыла [4], возможности людских, экономических, военно-технических ресурсов для защиты Родины [5], историографический обзор всенародной помощи тыла фронту [6], и др.

Определенный интерес представляют работы зарубежных исследователей, которые преодолели устоявшуюся позицию коллег о второстепенной роли Красной армии в ходе Второй мировой войны и предприняли попытки объективного ее освещения [7; 8; 9; 10].

В последние годы в орбиту научного поиска стали включать темы, которые получили освещение в советской историографии, но в новых условиях развития исторической науки нуждаются в дополнении, переосмыслении: деятельность по мобилизации различных ресурсов в условиях военного времени [11; 12; 13], вклад рабочего класса Северной Осетии в достижение победы над врагом [14; 15], трудовые процессы, происходившие в тылу [16; 17; 18; 19], материально-бытовая помощь семьям военнослужащих в годы Великой Отечественной войны [20; 21; 22], неналоговые формы привлечения средств населения [23], различные аспекты деятельности партийно-советских органов [24; 25] и чрезвычайных органов власти и управления республики [26–29] по пополнению Фонда обороны. Открывшиеся возможности позволяют глубоко изучить вопросы, связанные с патриотическим движением населения региона, в том числе финансовой помощью Красной армии. В определенной степени тема нашла отражение в работах историков региона, но пока нет исследований комплексного характера.

Цель статьи – проанализировать основные направления финансового и материального участия населения в формировании Фонда обороны на основе архивных материалов, отложившихся в архивохранилищах РСО-Алания.

Выявленные материалы позволяют проследить, как решались задачи по финансовой, материальной и иной помощи Красной армии, с какими трудностями приходилось сталкиваться, как они преодолевались, какую роль в общественных инициативах играли партийно-советские органы республики [25, с. 138]. Авторы применили в своей работе научные методы, которые позволили установить объемы и масштабы финансовых и материальных акций, инициатив по строительству танковых колонн и авиаскадрилий, участие в военных займах и денежно-вещевых лотереях, воскресниках и т.д.

Патриотическое воспитание граждан СССР было поставлено на такую высоту, что уже после объявления по радио о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз началась работа по перестройке экономики на военные рельсы. Места ушедших на фронт мужчин занимали женщины и подростки, которые в короткие сроки осваивали новые профессии для бесперебойной работы предприятий [14]. Тыл перестраивался, лозунг «Все для фронта, все для победы!» стал нравственным смыслом тысяч граждан республики.

Патриотические инициативы были разнообразны: участие в партизанских, ополченческих, истребительных отрядах, добровольчество, ударный труд на предприятиях и колхозных полях, донорство, материальная и финансовая помощь Красной армии.

В условиях военного времени остро стояла проблема финансов. С первых дней войны граждане через разные организации вносили средства для пополнения государственного бюджета, по собственной инициативе стали перечислять деньги для поддержания Красной армии. В июле 1941 г. встал вопрос о создании Фонда защиты или его еще называли Фонд обороны: «...стали поступать сотни писем с предложением создать народный фонд обороны, – отмечала газета «Правда». Целые коллективы и отдельные граждане отчисляют однодневный заработок, вносят определенные суммы, облигации, золотые вещи, заявляя при этом, что готовы и впредь участвовать в расширении фонда обороны»¹.

1 Мазин Н.П. К трудящимся г. Орджоникидзе // Социалистическая Осетия. 1941. 20 ноября. С. 3.

Народная инициатива нашла организационную поддержку со стороны партийно-советского руководства, которое выполняло координирующие функции, объединяло властные механизмы с общественными посылами, создавая, таким образом, согласованную политику, направленную на помощь фронту.

Анализ отложившихся документов позволяет проследить на всех этапах войны тесную связь партийно-советской и общественной работы по формированию Фонда обороны.

Главным источником пополнения Фонда обороны стала добровольная финансовая помощь населения. С 1 августа 1941 г. во всех сберегательных кассах на специальные счета можно было перечислять средства в помощь фронту. При всех гор- и райисполкомах формировались специальные комиссии, куда входили представители от партийно-советских структур и общественности, они организовывали и контролировали поступление финансов, размещение военных займов, проведение денежных лотерей и сбором подарков для Красной армии.

Граждане перечисляли в Фонд обороны значительные суммы. Так, только 6-7 июля 1941 года в г. Орджоникидзе населением было перечислено 284 тыс. руб.² 7-го августа 1941 г. Северо-Осетинский обком ВКП (б) рассмотрел возможности организации отделения Фонда обороны в республике. Пополнение Фонда осуществлялось через разные формы участия населения: отчисление однодневного заработка, внесение личных накоплений, драгоценностей, передача облигаций государственных займов, продовольственные обозы, средства, полученные от участия в субботниках и воскресниках и т.д.³

Все эти акции, как правило, освещались по радио и в газетах. Газета «Социалистическая Осетия» писала: «За два дня 14-15 августа в Центральную сберкасса гор. Орджоникидзе поступило 360300 руб. облигациями. В народный Фонд обороны педагогический институт им. К.Л. Хетагурова внес облигаций на 31530 руб., институт цветных металлов – на 9505 руб. Рабочие и служащие Алагирского района в растущий Фонд обороны внесли 186 тыс. руб.»⁴ Работники флагмана индустрии республики завода «Электроцинк» заявили о своей готовности вносить однодневный заработок для того, чтобы дать в руки бойцам еще больше новейшего оружия⁵. Кроме того, уже в начале августа 1941 г. они передали в Фонд более 100 тыс. руб. Только за два месяца войны в Фонд обороны от трудящихся г. Орджоникидзе поступил 1 млн 300 тыс. руб., сданы облигации на сумму свыше 4,5 млн руб.⁶ В движение включились домохозяйки, которые оказывали не только финансовую помощь, но «закупили много папирос, одеколону, туалетного мыла и пуховые подушки...»⁷.

Русская православная церковь приняла посильное участие в финансовой поддержке фронтовиков. Учитывая, что в предвоенные десятилетия на церковь осуществлялся серьезный нажим, религиозное пространство ограничивалось до предела, не было возможности иметь доходы от деятельности, клир и паства смогли преодолеть обиды от ущемления, наравне с остальными гражданами страны встать на защиту родины. В конце 1942 г. митрополит Сергей обратился ко всем священнослужителям страны с призывом не оставаться в стороне от помощи армии и жертвовать средства в Фонд обороны⁸. Только на строительство танковой колонны «Дмитрий Донской» верующие пожертвовали более 8 млн руб., на них было построено 40 современных танков [30]. Владикавказская епархия поддержала почин, опубликовав в местной газете обращение к И.В. Сталину: «Желая помочь Красной армии столкнуть войска кровавого злодея Гитлера в пропасть, верующие религиозной общины Ильинской церкви г. Дзауджикау внесли в фонд Красной Армии 125 тыс. руб.»⁹

Большую роль в пополнении Фонда обороны сыграли субботники и воскресники, которые в годы войны проводились довольно часто и стали частью повседневной жизни населения. Особенно активны были молодежь и дети. Комсомольская организация завода «Электроцинк» регулярно проводила субботники по сбору лома цветных металлов, удалось собрать 32 тонны¹⁰.

2 К трудящимся Осетии // Социалистическая Осетия, 1942, 10 мая. С. 1.

3 Гаглоев Г. Трудящиеся Северной Осетии Красной Армии // Социалистическая Осетия. 1941, 30 октября. С. 4.

4 Коцоев Г. К осетинскому народу, к народам Северо-Осетинской АССР // Социалистическая Осетия. 1941, 17 декабря. С. 1.

5 Протокол №8 сессии Орджоникидзевского городского Совета депутатов трудящихся Северо-Осетинской АССР // ЦГА РСО-А, ФР. 56. Оп.1. Д. 35. Л. 19

6 Хугаев Г. Флагман промышленности республики – для фронта // Социалистическая Осетия. 1942, 12 февраля. С. 3.

7 Агжацев В. «Электроцинк» опять впереди. // Социалистическая Осетия. 1942, 3 июля. С. 2.

8 Русская православная церковь и Великая Отечественная война. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.mgarsky-monastery.org/kolokol/3986>

9 Письмо тов. Сталину от православных граждан г. Дзауджикау // Социалистическая Осетия. 1944, 15 февраля. С. 2.

10 Нехамкин Г.А. Новые танки и самолеты для Красной армии – на средства трудящихся // Социалистическая Осетия. 1943, 16 февраля. С. 2.

Пионеры республик принимали участие в общественных инициативах. Школьники возродили тимуровское движение, помогая семьям фронтовиков, работали на колхозных полях, ухаживали за ранеными в госпиталях, отправляли посылки на фронт. В своих воспоминаниях «ребенок войны» И. Джибилова, чей отец был на фронте, отмечает, что в их селении все дети помогали взрослым на поле во время уборки. На вырученные деньги они покупали для своих близких, соседей, которые с оружием в руках защищали страну, одежду, сладости и отправляли в посылках на фронт [32]. Школьники Северной Осетии включились в соревнование по сбору металлолома. Был объявлен сбор средств на постройку авиазвена «Защитник Владикавказ», в котором пионеры и школьники приняли посильное участие [33]. Всего по стране пионерами и школьниками к 1943 г. было перечислено в Фонд обороны более 500 млн руб.¹¹ Учащиеся только одного Кировского района в 1943 г. собрали более 12 т металла. Учащиеся школ республики в короткое время собрали более 18 тыс. руб. в местное отделение Фонда обороны, постельное белье, музыкальные инструменты и канцелярские товары были направлены в госпитали [34, с. 319].

Реализация государственных военных займов и участие в денежно-вещевых лотереях также помогли финансированию Фонда обороны. Известно, что в период 1941–1945 гг. было выпущено четыре военных займа на сумму более 70 млрд руб., что помогло обеспечить примерно четверть затрат за армию.

В 1942 г. многие подавали заявления об отчислении однодневного заработка, «направляют однодневный заработок на подписку на Военный заем 1942 г.»¹². В предыдущем году в Фонд обороны только населением г. Владикавказ было сдано облигаций и залоговых квитанций более чем на 5 млн руб. Следующий военный заем должен был увеличить поступления в фонд на 800 млн руб. В результате разверстки по регионам на Северную Осетию была возложена сумма в 310 млн руб. День объявления займа – 14 апреля 1942 г. – сопровождался мощной агитационной поддержкой. В результате многие организации выполнили план на 110 и более процентов [35].

Однако в результате тяжелых боев на территории региона, частичная его оккупация, обнищание населения оставили глубокие следы на экономике Северного Кавказа. Военный заем 1943 г. удалось выполнить с трудом. В районы направляли членов обкома ВКП (б), которые добивались 100%-го выполнения плана. В основном задание было выполнено. Последующие займы выполнялись с большим подъемом. Всего от жителей СОАССР, к примеру, по военным займам было перечислено 1550 млн руб.¹³.

Еще одним источником пополнения Фонда обороны были денежно-вещевые лотереи. Хотя предполагалось, что участие в лотерее – дело добровольное, однако на практике каждый гражданин страны должен был поддержать ее проведение материально. В каждый район республики «для успешного и своевременного проведения реализации займа» направлялись работники Северо-Осетинского обкома ВКП (б)¹⁴.

Устраивал Всесоюзные лотереи и ЦС Осоавиахима. Так, в 1942 г. Осоавиахим по г. Орджоникидзе получил контрольное задание по реализации билетов 16-й лотереи со следующей разверсткой: Промышленный район – 125 тыс. руб., Ленинский – 125 тыс. руб., Затеречный – 70 тыс. руб.: «...Провести партийно-комсомольские собрания, – указывалось в постановлении Орджоникидзевского горкома ВКП (б), – по вопросу реализации лотереи Осоавиахима, увязав этот вопрос с укреплением оборонной массовой работы в предприятиях, учреждениях и оказать практическую помощь...»¹⁵.

Наряду с финансовой помощью армия остро нуждалась в продовольствии. Еще одной формой помощи населения стало движение колхозов, получившее название «красных обозов». В колхозах засеивались сверхплановые посевные площади, названные «гектарами обороны». Перевыполняя плановые задания, колхозники Орджоникидзевского района собрали 200 подвод с пшеницей, мукой, картофелем¹⁶. Вслед за Орджоникидзевским в почине приняли участие остальные районы республики, они поставили на приемные пункты более 4 т зерна, 1,5 т овощей, более 600 кг твердого сыра, меда, туши крупного рогатого скота¹⁷. «Красный обоз», собранный жителями высокогорных сел Махчского

11 Взнос пионеров и школьников. <https://lektsia.com/16x2a86.html> (дата обращения 30.06.2024)

12 О ходе выполнения решения Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны о подписке на Военный заем 1942 г. // ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп. 2. Д. 48. Л. 120.

13 О состоянии работы городской организации ВЛКСМ // ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп. 2. Д. 64. Л. 13

14 О мероприятиях по реализации государственного военного займа на 1942 год // ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 145. Л. 57.

15 Протокол совещания республиканского Осоавиахима // ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 189. Л. 32.

16 Алеги З. Поставки колхозников Северной Осетии в фонд обороны // Социалистическая Осетия. 1942, 24 сентября. С. 3.

17 Газданов И. Ко всем колхозникам Северной Осетии // Социалистическая Осетия. 1942, 20 июля. С. 3.

района, включал тонны пшеницы, сотни голов мелкого скота, яйца, деньги; труженики Садонского района собрали 5 тыс. кг мяса, 160 куриных тушек, 40 тыс. руб. [31].

Анализ документов позволил реконструировать картину, далекую от нормальной: во-первых, в 1941 г. не был выполнен план по подъему зяби, в 1942 г. предстояло увеличить работу в этом направлении в 3 раза, при этом количество работников в сельском хозяйстве уменьшилось в разы; во-вторых, тяжелые погодные условия, поздняя и холодная весна тормозили посевную кампанию; в-третьих, во второй половине 1942 г. Северная Осетия из глубокого тылового региона превратилась в прифронтной, а потом и фронтной, что серьезно сказывалось на состоянии сельского хозяйства, в том числе.

Тяжелая обстановка складывалась вокруг животноводства. Если в первый год войны колхозники республики смогли не только выполнить план 1941 г., но авансом сдать государству свыше 3000 ц мяса, более 2000 ц молока, то, начиная с лета 1942 г. в связи с осложнением обстановки на Юге страны 230 тыс. голов крупного и мелкого скота были переправлены в Закавказье¹⁸. Тем не менее в Фонд обороны продолжали поступать животноводческая продукция. Например, в октябре 1942 г., несмотря на оккупацию части территории республики, колхозники других районов смогли поставить в Фонд обороны более 900 ц мяса¹⁹.

Третье направление общественных инициатив – это предметы одежды, белья, личной гигиены. «Зимняя война», как называли советско-финскую войну, показала, что невнимание к обмундированию Красной армии привело к большому количеству обмороженных, которое превысило количество боевых потерь.

Инициатива сбора теплых вещей в очередной раз исходила из народа. Власть поддержала данное начинание, и 18 июля 1941 г. было опубликовано постановление Государственного комитета обороны «О мероприятиях по обеспечению Красной армии теплыми вещами на период 1941–1942 гг.». Чтобы ввести патриотическое движение в организованное русло, местные партийно-советские органы организовали при райкомах специальные комиссии, контролировавшие поступление и распределение теплых вещей. Во всех регионах подобные комиссии возглавлялись первыми лицами. Также о важности проводимой акции говорит и тот факт, что вопрос о теплых вещах регулярно включался в повестку заседаний все уровней.

Первый раз вопрос обсуждался 8 сентября 1941 г. на бюро Орджоникидзевского горкома ВКП (б) и было отмечено, что «работа по проведению сбора должна проводиться не в порядке благотворительности, а как важнейшее государственное дело»²⁰. В коллективах, среди неработающего населения проводилась довольно активная агитационная кампания, часто с привлечением представителей воинских частей, с разъяснением о необходимости пожертвовать теплые вещи для бойцов Красной армии²¹.

В соответствии с инструкцией Центральной комиссии по сбору теплых вещей на приемных пунктах принимали вещи по установленной номенклатуре. Принимались как новые, так и ношенные, но в хорошем состоянии вещи. На приемных пунктах происходила сортировка: новые вещи складывались отдельно от других, рассортированные вещи «укладываются в мешки, кипы или ящики, переложённые бумагой. На каждой упаковке вывешивается ярлык с указанием названия вещей, их количества и качества»²².

Уже в первый месяц объявленного сбора из Садонского комбината (СО АССР) на приемный пункт поступило 305 пар носков, 10 кисетов, 35 пар белья [36, с. 50]. Работа была продолжена в 1942 г. На очередном заседании горкома партии было предложено «обеспечить стопроцентное участие всех рабочих, служащих и домохозяек в сборе теплых вещей для Красной армии». В результате сообщалось, что «имеется перевыполнение по отдельным видам плана: шапок-ушанок из плана 420, выполнено 577 штук, меховых жилетов по плану 125 штук, поставлено 350 штук»²³. По Затеречному району г. Владикавказа с 1 января по 16 июля 1942 г. было собрано: полушубков из овчины 160 штук, теплого белья 870 пар, 900 простыней и 1200 наволочек²⁴.

18 Отчет о работе сектора сельского хозяйства Северо-Осетинского обкома ВКП (б) // ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 334. Л. 8.

19 Из протокола заседания Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны // ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17. Л. 59.

20 О сборе теплых вещей для Красной армии // ГАНИ РСО-А. Ф. 56. Оп. 2. Д. 38. Л. 6.

21 Лом цветных металлов – для нужд обороны (передовица) // Социалистическая Осетия. 1941, 2 декабря. С. 194

22 Постановление Орджоникидзевского комитета ВКП (б) о ходе сбора теплых вещей для Красной армии // ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 189. Л. 9.

23 Протокол №28 заседания Орджоникидзевского горсовета о ходе сбора теплых вещей и белья для Красной армии // ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп.1. Д. 46. Л. 19.

24 Протокол заседания бюро Орджоникидзевского городского комитета ВКП (б) о выполнении постановления Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны // ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 187. Л. 105

Большая потребность ощущалась варежках, шерстяных носках и шарфах [36]. Женщинами Северного Кавказа было связано более 200 тыс. шерстяных изделий: «Наша задача, – отметили в своем обращении к женщинам республики жительницы г. Владикавказа, – окружить воинов Красной армии вниманием и заботой. Приближается суровая зима. Давайте же, дорогие женщины, подумаем о том, что может сделать каждая из нас для бойцов. Организуем отправку теплых вещей на фронт борьбы с немецким фашизмом!»²⁵. За годы войны из Северного Кавказа на фронт было организовано более 5000 вагонов теплой одежды и подарков [11, с. 67].

Вместе с тем, анализ отложившегося материала (протоколы заседаний горкома и райисполкомов) позволяет отметить и то обстоятельство, что сбор теплых вещей проходил не всегда организованно, что отмечалось и в других регионах страны. Можно выделить несколько причин, которые этому сопутствовали: во-первых, плохо поставленная разъяснительная работа в ряде районов республики: «в основном вся работа проводилась по линии сбора средств для закупки теплых вещей и белья вместо проведения большой разъяснительно-политической работы среди трудящихся города по сбору теплых вещей») [25, с. 79], во-вторых, население само испытывало острую нехватку одежды, белья: «У меня не было чулок и обуви, – вспоминала «ребенок войны» З. Демшинова, – я из глины рисовала подобие обуви и в таком виде шла в школу» [35, с. 73], боец трудовой армии Парфенова в своем письме на имя Председателя местного комитета обороны писала, что заболела пневмонией на строительстве окопов, т.к. не имела теплой одежды [31]. Так, ориентировочный план сбора теплых вещей в 1943 г. предполагал в количественном отношении: полушубков 575 шт., овчинных жилетов – 335 шт., валеенок – 625 шт., шапок-ушанок – 1500 шт., носков и портянок – 3000 шт., теплого белья – 3000 шт.²⁶. Как следует из документов, план был перевыполнен, но не по тем показателям, которые определены в плане. В постановлении обкома ВКП (б) были вскрыты ошибки и недоработки местных партийцев: «Районные комиссии недостаточно проводили массово-разъяснительную работу среди населения района и не сумели привлечь широкие массы трудящихся к активному участию в сдаче своих личных вещей... В последнее время сбор теплых вещей в ряде районов среди трудящихся по существу прекратился»²⁷. Данное обстоятельство во многом связано с тем, что население освобожденных районов республики, обобранное оккупантами, не имело возможности выполнять план в полном объеме. И все же, работа продолжалась, и в армию поступали теплые вещи от населения региона.

Еще одной формой проявления общественных инициатив стал сбор средств в Фонд обороны на постройку именных авиаэскадрилий, танковых колонн и другой военной техники.

В Осетии первыми о своем желании объявили молодые рабочие завода «Электроцинк», обратившись через газету к молодежи республики собрать средства на танковую колонну им. Северо-Осетинской АССР: «В современной войне очень трудно бороться пехоте без танков. Как указала партия, нужно свести к нулю превосходство немцев в танках, и тем самым, коренным образом улучшить положение»²⁸. Инициативу электроцинковцев поддержали в районах республики и к февралю 1942 г. в фонд поступили следующие средства: Ленинский район города перечислил 187491 руб., облигациями 40270 руб., Промышленный собрал 162257 руб. деньгами и 30475 руб. облигациями, Кировский район – 60784 руб., 60785 руб. облигациями. Всего на строительство танковой колонны собрано 909474 руб., облигациями 199670 руб., трудовыми – 37676 трудовыми, кукурузы – 18 т.

В 1942 г. колхозники перечислили более 3 млн руб. на танковую колонну «Колхозник Осетии». Инициаторами этого почина выступили колхозники ст. Архонской, которые призывали всех сельских жителей республики поучаствовать в сборе денег на колонну, «которая поможет нашим славным воинам громить и истреблять врага» [36, с. 521]. Уже в первую неделю объявленного сбора колхозники Дарг-Кохского района внесли более 40 тыс. руб., Дигорского района – 52 тыс., колхозники с. Ногир – 109 тыс. руб. [50, с. 2]. Немало было и личных вкладов. Бригадир тракторной колонны того же села внес 4,5 тыс. руб., мать 5 сыновей-красноармейцев Г. Цомаева сказала, что обещала им работать в колхозе по-военному и теперь хочет помочь им громить врага и вносит 200 руб. своих сбережений²⁹. Почин жителей Осетии был оценен Председателем ГКО И. Сталиным, который направил телеграмму: «Передайте колхозникам и колхозницам Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической

25 Борщенко В. Колхозники Северной Осетии – помощь фронту // Социалистическая Осетия. 1941. 17 декабря. С. 319.

26 Ориентировочный план сбора теплых вещей для РККА в 1943 г. // ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп.1. Д. 167. Л.18

27 Ход сбора теплых вещей по Промышленному району г. Орджоникидзе // ГАНИ РСО-А. Ф.53. Оп. 1. Д. 190. Л. 4

28 Лом цветных металлов – для нужд обороны (передовица) // Социалистическая Осетия. 1941, 2 декабря. С. 4.

29 Выполнение колхозами своих обязательств, помощь Красной армии // Социалистическая Осетия. 1943, 2 ноября. С. 1.

Республики, собравшим 3047214 рублей на строительство танковой колонны «Колхозник Северной Осетии», мой братский привет и благодарность Красной Армии»³⁰.

В благодарность за героизм, проявленный советскими летчиками при освобождении Осетии, жители республики начали сбор средств на строительство именного авиазвена «Защитник Владикавказ»³¹. Только за один месяц объявленного сбора в Государственный банк было внесено 550 тыс. руб.³².

Был построен на народные средства бронепоезд «Владикавказец»³³. В пришедшем в адрес вагоноремонтного завода письме экипаж бронепоезда «Владикавказец» благодарил за качественную работу и докладывал о своих успехах на фронте, где им «было уничтожено более 5 тыс. солдат врага, 20 танков и 47 минометов»³⁴. В последующие годы сбор средств на целевое использование был продолжен: республиканские медики инициировали сбор денег на танковую колонну «Медицинский работник Северной Осетии», крестьяне Осетии перечислили более 200 тыс. руб. на эскадрилью «Социалистическая Осетия»³⁵.

В архивных документах были найдены сведения о том, что поступившие на фронт танки, самолеты, созданные за счет средств трудящихся, и дальше опекались тыловыми регионами. Между жителями и экипажами боевых машин устанавливалась связь, которая выражалась, с одной стороны, в шефской помощи, с другой – письмами благодарности, делегациями и т.д. Например, известный летчик-истребитель из Осетии Герой Советского Союза И. Дзусов получил именную самолет, построенный на средства земляков; он регулярно извещал в письмах о своих достижениях и благодарил их. Танковый экипаж колонны «Колхозник Осетии» имел возможность прибыть на вагоноремонтный завод в г. Орджоникидзе и лично поблагодарить за современный танк. Кстати, танк дошел до Праги, практически без серьезного ремонта³⁶. Таким образом, каждый чувствовал свою причастность к приближению победы.

Однако следует отметить и проблемы в сборе средств в Фонд обороны, характерные для большинства регионов страны. Проблемой являлась традиционная практика некоторых партийно-советских работников жестко регулировать процесс сбора средств у населения. Особенно сильно нажим осуществлялся при проведении займовых мероприятий. Некоторые ретивые руководители считали, что планомерная и кропотливая работа не дает таких результатов, как давление и нажим. Серьезные материальные проблемы испытывало население, оказавшееся на некоторое время в оккупации. К ним следовало подходить в более щадящем режиме, но это не всегда на практике получалось.

В заключение следует отметить, что в осуществлении каждого из направлений формирования и функционирования Фонда обороны отчетливо проявляется тесное сотрудничество власти и общества. Народные инициативы не остались без внимания политических и государственных структур, которые стали организующим началом в патриотическом движении помощи Красной армии.

Деятельность различных фондов, в первую очередь Фонда обороны, финансовые и материальные акции, инициативы по строительству танковых колонн и авиаэскадрилий, участие советских граждан в военных займах и денежно-вещевых лотереях способствовали тому, что за годы Великой Отечественной в стране ни разу не прибегали к денежной эмиссии, и государственные цены оставались стабильными на протяжении всего военного времени.

С создания Фонда обороны, по существу, началась помощь фронту. Это были не только индивидуальные взносы личных средств граждан, коллективные взносы и отчисления заработной платы в городах и трудодней в колхозах. Население сдавало в Фонд продовольствие, обмундирование, теплые вещи, обувь и т.д. Помимо денежных средств граждане передавали в Фонд обороны облигации государственных займов, драгоценности, золотые изделия, серебро, продукты сельского хозяйства. Но самой главной седи патриотических инициатив по оказанию помощи фронту являлась помощь денежными средствами.

30 Приветственная телеграмма И.В. Сталина трудящимся Северо-Осетинской АССР // Социалистическая Осетия. 1943, 17 февраля. С. 1.

31 Отчеты военного отдела при Северо-Осетинском обкоме ВКП (б) о состоянии сбора денег населением республики // ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп.1. Д. 188. Л. 191

32 О задачах республиканских партийных организаций // ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 1.Д. 780. Л. 106

33 Протокол №290 заседания бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) о сборе средств на строительство бронепоезда «Владикавказец» // ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп.1. Д. 675. Л. 18

34 Переписка Северо-Осетинского обкома ВКП (б) // ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп.4. Д.135. Л. 1

35 Постановление бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) о состоянии оборонно-массовой работы в республике // ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1482. Л. 328

36 Отчет военного отдела Северо-Осетинского обкома ВКП (б) за май 1945 г. // ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 3. Д. 870. Л. 12.

Деятельность Фонда обороны и фонда Красной армии являются ярким показателем невиданного патриотического подъема и проявления гражданственности, в котором участвовали все категории граждан. В такое непростое и чрезвычайное для страны время граждане страны, несмотря на ощутимо снизившиеся доходы, направили свои силы на сбор средств в помощь фронту.

Патриотические инициативы и их реализации под руководством и при организующей роли партийно-советских органов имели большое значение для укрепления обороноспособности страны.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № проекта № 23-28-00326

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation Project no. 23-28-00326

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесник А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны: Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М.: Наука, 1982. – 328 с.
2. Кулаев Ч.С. Военно-организаторская и политическая работа местных партийных организаций в годы Великой Отечественной войны. Черкесск, 1981. – 280 с.
3. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Т.Г. Курбат. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2012. – 284 с.
4. Синицын А.М. Всенародная помощь фронту: о патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – 2-е изд. М.: Воениздат, 1985. – 319 с.
5. Поляков Ю.А. Победа – одна на всех. (Вклад союзных республик СССР в завоевание Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) // Новая и новейшая история. 2011. № 4. С. 199–201.
6. Черепанов В.В. Всенародная помощь фронту в годы Великой Отечественной войны: дисс. ... докт. ист. наук. М., 1994. – 493 с.
7. Jukes G. Hitler's Stalingrad Decisions. Berkeley, CA: University of California Press, 1985. 266 p.
8. Hayward J. Hitler's Quest for Oil: The Impact of Economic Considerations on Military Strategy, 1941–1942. // The Journal of Strategic Studies. 1995. Vol. 18. No. 4. P. 94–135.
9. Бежташвили Г., Гогитидзе М. Трудовой подвиг Грузинской ССР во время Великой Отечественной войны Советского Союза в 1941–1945 гг. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: мат-лы Международной научной конференции (17–19 марта 2016 г.). СПб., 2016. С. 280–285.
10. Гусейнова И.М., Алиев Н.А. Азербайджан и Кавказско-Каспийский регион в период Второй мировой войны (1939–1945). Баку, 2019. – 216 с.
11. Худалов Т.Т. Северная Осетия в Великой Отечественной войне 1941–1945. Владикавказ: Сев.-Осет. ин-т гуманист. исслед., 1992. – 317 с.
12. Шенкао М.Б. Вклад тружеников тыла Черкесской автономной области в Великой Отечественной войне // Актуальные проблемы Великой Отечественной войны: современное осмысление. Межрегиональная заочная научно-практическая конференция. Черкесск: КЧИГИ, 2015. С. 296–305.
13. Тетуев А.И. Отечественная историография об участии народов Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 54–61.
14. Абаев А.И. Рабочий класс Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны. Орджоникидзе: ИР, 1978. – 114 с.
15. Гузова М.Х. Кабардино-Балкария накануне и в начальный период Великой Отечественной войны // Вестник КБИГИ. 2018 2 (37). С. 23–29.
16. Цуцулаева С.С. Чечено-Ингушетия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историография вопроса // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. №3. С. 102–105.
17. Каймаразов Г.Ш. Вклад трудящихся Северного Кавказа в победу над фашистской Германией // Очерки истории культу-

REFERENCES

1. Kolesnik AD. *The RSFSR during the Great Patriotic War: problems of the rear and nationwide assistance to the front*. Moscow: Nauka, 1982. (In Russ)
2. Kulaev ChS. *Military-organizational and political work of local party organizations during the Great Patriotic War*. Cherkessk, 1981. (In Russ)
3. Matishov GG., Afanasenko VI., Krinko EF., Kurbat TG. *War. South. Turning point (summer 1942 - autumn 1943)*. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishing House, 2012. (In Russ)
4. Sinitsyn AM. *Nationwide assistance to the front: on the patriotic movements of the Soviet people during the Great Patriotic War of 1941–1945. 2nd ed.* Moscow: Voensizdat, 1985. (In Russ)
5. Polyakov YuA. Victory - one for all. (Contribution of the Union Republics of the USSR to achieving Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945). *Modern and Contemporary History*. 2011; 4: 199–201. (In Russ)
6. Cherepanov VV. *Nationwide assistance to the front during the Great Patriotic War. Doctoral Diss.* Moscow, 1994. (In Russ)
7. Jukes G. *Hitler's Stalingrad decisions*. Berkeley, CA: University of California Press, 1985.
8. Hayward J. Hitler's quest for oil: the impact of economic considerations on military strategy, 1941–1942. *The Journal of Strategic Studies*. 1995; 18(4): 94–135.
9. Bezhitashvili G., Gogitidze M. Labor feat of the Georgian SSR during the Great Patriotic War of the Soviet Union in 1941–1945. *Material factor and entrepreneurship in the everyday life of the Russian population: history and modernity: materials of the International Scientific Conference (March 17-19, 2016)*. Saint-Petersburg, 2016: 280–285. (In Russ)
10. Guseinova IM., Aliev NA. *Azerbaijan and the Caucasus-Caspian region during the Second World War (1939–1945)*. Baku, 2019. (In Russ)
11. Khudalov TT. *North Ossetia in the Great Patriotic War of 1941–1945*. Vladikavkaz: North Ossetian Institute for Humanitarian Research, 1992. (In Russ)
12. Shenkao M.B. Contribution of the home front workers of the Cherkess Autonomous Region in the Great Patriotic War. *Current problems of the Great Patriotic War: modern understanding. Interregional correspondence scientific-practical conference*. Cherkessk: KCHIGI, 2015; 296–305. (In Russ)
13. Tetuev AI. Domestic historiography on the participation of the peoples of Kabardino-Balkaria in the Great Patriotic War of 1941–1945. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the RAS*. 2015; (4): 54–61. (In Russ)
14. Abaev AI. *The working class of North Ossetia during the Great Patriotic War*. Ordzhonikidze: Ir, 1978. (In Russ)
15. Gugova MKh. Kabardino-Balkaria on the eve and in the initial period of the Great Patriotic War. *Bulletin of the KBIGI*. 2018; 37(2): 23–29. (In Russ)
16. Tsutsulaeva SS. Chechen-Ingushetia during the Great Patriotic War of 1941–1945: historiography of the issue. *Izvestia Vuzov. North Caucasus Region. Social Sciences*. 2009; 3: 102–105. (In Russ)
17. Kaimarazov GSh. Contribution of the workers of the North Caucasus to the victory over Nazi Germany. *Essays on the history of culture of the peoples of Dagestan in modern and contempo-*

ры народов Дагестана нового и новейшего времени. Махачкала: АЛЕФ, 2013. С. 567–580.

18. Мирзабеков М.Я. Дагестан в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Кемеровского университета. 2016. №4. С. 74–87.

19. Секинаев С.А. Северная Осетия в годы Великой Отечественной войны в региональной историографии // Известия СОИГСИ. 2021. № 42(81). С. 61–69.

20. Хаблюева Л.Ч. Материально-бытовая помощь семьям военнослужащих в годы Великой Отечественной войны (на материалах Северной Осетии) // Научный диалог. 2017. № 8. С. 317–324.

21. Осмаев М.К. Героический труд работников тыла Чечено-Ингушской АССР // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 2 (67). С. 31–38.

22. Исакиева З.С., Масаева Р. Участие населения Чечено-Ингушской АССР в помощи фронту и семьям военнослужащих // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. Vol. 12-2 (75). Pp. 28–32.

23. Хубулова С.А., Сосранова З.В. Неналоговые формы привлечения средств населения в годы Великой Отечественной войны (на материалах Северо-Осетинской АССР) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 2 (49). С. 67–71.

24. Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (документы и материалы) / Сост.: Какагасанов Г.И., Бутаев М.Д., Джамбулатова Р.И., Чекулаев Н.Д. Махачкала, 2005. – 784 с.

25. Городские партийно-государственные органы управления в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Орджоникидзе/Владикавказ). Документы и материалы. В 3 т. Июнь 1941 г. – июль 1942 г. /сост.: Е.В. Туфанов, С.А. Хубулова, Л.Ч. Хаблюева и др. – Ставрополь: АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2022. Т. 1. – 272 с.

26. Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Док-ты и материалы / Сост. М.Д. Бутаев, и др. Махачкала: Изд.-полиграф. центр ДГУ, 1995. – 765 с.

27. Лики войны. Сборник док-тов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Сост.: Р.М. Ашхотова и др. Нальчик, 1996. – 498 с.

28. Грозненский городской комитет обороны: Док-ты и материалы /сост. А.М. Бугаев. Грозный: Изд.-полиграф. комплекс «Грозненский рабочий», 2015. – 400 с.

29. Деятельность Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны и органов государственной власти и управления Северо-Осетинской АССР в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны: сборник документов и материалов / сост. Л. Ч. Хаблюева. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2020. – 356 с.

30. Кутикова Н.А. Патриотическая деятельность русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны. М., 2018. – 198 с.

31. Хубулова С.А., Хаблюева Л.Ч., Батыров А.Е. Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны (1941–1944 гг.). Сборник док-тов и материалов. Владикавказ, 2012. – 315 с.

32. Я вспоминаю: воспоминания детей войны. Владикавказ, 2012. – 104 с.

33. Тедеева У.Ш., Хаблюева Л.Ч., Джазаева И.А.-А. Повседневная жизнь детей в годы Великой Отечественной войны: содержание, ресурсы, возможности (по материалам газеты «Социалистическая Осетия») // Исторический бюллетень. 2023. Т. 6. № 5. С. 167–174.

34. Жукова О.Г. Обеспечение фронта тёплым обмундированием как вызов Великой Отечественной войны и важный фактор социокультурной политики государства // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2022. № 2. С. 83–97.

35. История Владикавказа (1781–1990 гг.): сборник док-тов и материалов / сост: М.Д. Бетоева, Л.Д. Бирюкова. Владикавказ, 1991. – 1013 с.

36. Магомедов А.А. Разгром немцев под Владикавказом. Владикавказ: Ир, Проект-Пресс, 2015. – 911 с.

rary times. Makhachkala: Alef, 2013: 567-580. (In Russ)

18. Mirzabekov MYa. Dagestan during the Great Patriotic War (1941-1945). *Bulletin of Kemerovo University*. 2016; 4: 74-87. (In Russ)

19. Sekinaev SA. North Ossetia during the Great Patriotic War in regional historiography. *Izvestia SOIGSI*. 2021; 81(42): 61-69. (In Russ)

20. Khablieva LCh. Material and household assistance to families of military personnel during the Great Patriotic War (based on materials from North Ossetia). *Scientific Dialogue*. 2017; 8: 317-324. (In Russ)

21. Osmaev M.K. Heroic labor of home front workers of the Chechen-Ingush ASSR. *Caspian Region: Politics, Economy, Culture*. 2021; 67(2): 31-38. (In Russ)

22. Isakieva ZS., Maseeva R. Participation of the population of the Chechen-Ingush ASSR in assistance to the front and families of military personnel. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022; 75(12-2): 28-32. (In Russ)

23. Khubulova SA., Sosranova ZV. Non-tax forms of raising funds from the population during the Great Patriotic War (based on materials from the North Ossetian ASSR). *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2020; 49(2): 67-71. (In Russ)

24. *Peoples of Dagestan during the Great Patriotic War of 1941–1945 (documents and materials)*, comp. by G.I. Kakagasanov et al. Makhachkala, 2005. (In Russ)

25. *City party-state management bodies during the Great Patriotic War (based on materials from Ordzhonikidze/Vladikavkaz)*. Documents and materials. Vol. 1. June 1941 – July 1942, comp. by E.V. Tufanov et al. Stavropol: AGRUS, 2022. (In Russ)

26. *Dagestan during the Great Patriotic War (1941–1945): documents and materials*, comp. by M.D. Butaev et al. Makhachkala: DGU Publishing House, 1995. (In Russ)

27. *Faces of war. Collection of documents on the history of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War (1941–1945)*, comp. by R.M. Ashkhotova et al. Nalchik, 1996. (In Russ)

28. *Grozny City Defense Committee: documents and material*, comp. by A.M. Bugaev. Grozny: Groznensky Rabochy, 2015. (In Russ)

29. *Activities of the Ordzhonikidze (Vladikavkaz) Defense Committee and state authorities and management of the North Ossetian ASSR in emergency conditions of the Great Patriotic War: collection of documents and materials*, comp. by L.Ch. Khablieva. Vladikavkaz: IPTS SOGU, 2020. (In Russ)

30. Kutikova NA. *Patriotic activity of the Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War*. Moscow, 2018. (In Russ)

31. Khubulova SA., Khablieva LCh., Batyrov AE. *Ordzhonikidze (Vladikavkaz) Defense Committee (1941–1944)*. Collection of documents and materials. Vladikavkaz, 2012. (In Russ)

32. *I remember: memoirs of children of the war*. Vladikavkaz, 2012. (In Russ)

33. Tedeeva USh., Khablieva LCh., Dzazaeva IA-A. Everyday life of children during the Great Patriotic War: content, resources, opportunities (based on the newspaper “Socialist Ossetia”). *Historical Bulletin*. 2023; 6(5): 167-174. (In Russ)

34. Zhukova OG. Providing the front with warm uniforms as a challenge of the Great Patriotic War and an important factor of the state's socio-cultural policy. *Scientific Works of the Moscow University for the Humanities*. 2022; 2: 83-97. (In Russ)

35. *History of Vladikavkaz (1781-1990): collection of documents and materials*, comp. by M.D. Betoeva, L.D. Biryukova. Vladikavkaz, 1991. (In Russ)

36. Magometov A.A. *The defeat of the Germans at Vladikavkaz*. Vladikavkaz: Ir, Proekt-Press, 2015. (In Russ)

Recieved 06.11.2024

Accepted 07.05.2025

Published 15.03.2026

Поступила в редакцию 06.11.2024

Принята в печать 07.05.2025

Опубликована 15.03.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH22166-74>

Исследовательская статья

Жамгарян Гагик Агасиевич
к.и.н., научный сотрудник
Институт истории, НАН РА, Ереван, Армения
zhamgaryangagik@yahoo.com

Хачатрян Карен Гамлетович
д.и.н., заместитель директора, профессор
Институт истории, НАН РА, Ереван, Армения
karkhach@yahoo.com

Сукиасян Амо Каренович
к.и.н., старший научный сотрудник, доцент
Институт истории, НАН РА, Ереван, Армения
hamosukiasyan@gmail.com

АРМЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Аннотация: Начавшийся ещё в конце XIX в. кризис гуманитарных наук в XX столетии спровоцировал поиски новых методологических и эпистемологических подходов изучения истории. В следствии этого появились новые направления историографических исследований, одним из которых является история повседневности. С 1970–1980-х гг. история повседневности позиционируется как самостоятельная отрасль исторического знания, которая получила широкое признание и в западной, и в постсоветской, особенно в российской историографии. В условиях неиссякаемого интереса к данной парадигме, для армянской исторической мысли также стали актуальными дискуссии относительно создания армянской научной школы по истории повседневности. Целью настоящей статьи является представление широкой научной публике исследовательских инициатив по изучению советской повседневности в армянской историографии. В контексте изучения армянского общества советского периода выполнен обобщённый историографический обзор наиболее примечательных исследовательских работ данного направления. В частности, освещены методологические проблемы, занимавшие армянских специалистов: проблема определения предмета истории повседневности, методологические основы исследования, а также подходы, применяемые при эвристическом анализе разнотипных источников. Методом качественного контент-анализа представлен основной круг тематических направлений армянских исследований, охватывающих различные стороны социальной жизни Советской Армении. Основываясь на современном состоянии историографии изучения истории повседневности в Армении, в статье рассматривается также вопрос актуальности и перспектив развития данной отрасли исторического знания. История повседневности для армянской историографии может считаться предвестником антропологически ориентированных исследований, опирающихся на междисциплинарные принципы исследования. Богатый методологический инструментарий, разнообразные тематические направления, ориентирующиеся на изучение не только политического, но и более широкого круга аспектов человеческой деятельности, образуют новые подходы изучения советского прошлого. В связи с этим в статье сделан вывод, что история повседневности, как концепция исторических исследований, открывает новые возможности для более комплексного изучения истории Советской Армении.

Ключевые слова: армянская историография; история повседневности; устная история; Советская Армения; советская повседневность; методология истории

Для цитирования: Жамгарян Г.А., Хачатрян К.Г., Сукиасян А.К. Армянские исследования советской повседневности (историографический обзор) // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 1. С. 66-74. doi.org/10.32653/CH22166-74

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH22166-74>

Research paper

Gagik A. Zhamharyan
Cand. Sci., Researcher
Institute of History of NAS RA, Yerevan, Armenia
zhamharyangagik@yahoo.com

Karen H. Khachatryan
Dr. Sci., Deputy Director, Professor
Institute of History of NAS RA, Yerevan, Armenia
karkhach@yahoo.com

Hamo K. Sukiasyan
Cand. Sci., Senior Researcher, Assoc. Professor
Institute of History of NAS RA, Yerevan, Armenia
hamosukiasyan@gmail.com

ARMENIAN STUDIES OF SOVIET EVERYDAY LIFE: A HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

Abstract. The crisis of the humanities that began in the late 19th century triggered a search for new methodological and epistemological approaches to historical study throughout the 20th century. This evolution led to the emergence of new historiographical directions, one of which is the history of everyday life. Since the 1970s and 1980s, the history of everyday life has established itself as an independent branch of historical knowledge, gaining widespread recognition in Western, post-Soviet, and particularly Russian historiography. Amidst the enduring interest in this paradigm, discussions regarding the formation of an Armenian scholarly school dedicated to the history of everyday life have become increasingly relevant within Armenian historical thought. The purpose of this article is to introduce the broader scientific community to research initiatives focused on Soviet everyday life within Armenian historiography. In the context of studying Soviet-era Armenian society, this paper provides a generalized historiographical review of the most notable works in this field. Specifically, it highlights the methodological challenges addressed by Armenian specialists: defining the subject matter of the history of everyday life; establishing methodological foundations for research; developing approaches for the heuristic analysis of diverse source materials. Using qualitative content analysis, the article outlines the primary thematic areas of Armenian research, covering various aspects of social life in Soviet Armenia. Based on the current state of historiography in the region, the paper also examines the relevance and developmental prospects of this field. The history of everyday life may be considered a precursor to anthropologically oriented research in Armenian historiography, relying on interdisciplinary principles. Its rich methodological toolkit and diverse thematic scope, focusing not only on political history but on the broader spectrum of human activity, create new avenues for studying the Soviet past. Consequently, the article concludes that the history of everyday life, as a conceptual framework, offers new opportunities for a more comprehensive study of the history of Soviet Armenia.

Keywords: Armenian historiography; history of everyday life; oral history; Soviet Armenia; Soviet everyday life; historical methodology

For citation: Zhamharyan G.A., Khachatryan K.H., Sukiasyan H.K. Soviet everyday life in Armenian studies (historiographical review). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 4. P. 66-74. doi.org/10.32653/CH22166-74

Введение

Первые исследования в рамках истории повседневности в Республике Армения начались с конца 1990-х годов и постепенно стали более активными. Ключевой вехой исследовательских инициатив можно считать проведение в июле 2009 г. в Ереване летней школы молодых историков стран СНГ под эгидой Международной ассоциации Институтов истории стран СНГ. Тематика летней школы – «История повседневности в исследованиях истории стран СНГ» [1, с. 1–141] в среде армянских учёных вызвала большое воодушевление, тем самым стимулировав исследования по данной тематике. Интерес к истории повседневности в армянской историографии связан в основном с советологическими исследованиями. В них более развернуто изучаются различные аспекты повседневности советского периода (1920–1991).

Методология и источники исследований

Несмотря на колоссальный массив исследований по всему миру, вопрос о конкретном объекте истории повседневности и по сей день остаётся предметом дискуссий. Причиной тому является антропологическая направленность этой исторической парадигмы, ставящей в центре человека в многообразных проявлениях его активности. Так как данный подход подразумевает междисциплинарные принципы исследования, этим и затрудняется определение чётких границ предметного поля и методологических основ истории повседневности. На пути преодоления данной проблемы в армянской историографии изучение международного исследовательского опыта является важнейшим направлением научного поиска. Известные исследования в этой области оказали существенное влияние на формирование в армянской исторической среде базового понимания задач истории повседневности. Предложенные в них теоретические и методологические подходы служат важными ориентирами при выборе исследовательских стратегий. Например, для объяснения междисциплинарного контекста истории повседневности, Г. Жамгарян рассматривает её в связке с социологической теорией [2, с. 121–130]. Такой подход объясняется очевидным суждением, что для понимания «истории повседневности» нужно прежде всего понять «повседневность». Решение данной задачи автор видит в изучении тезисов феноменологической социологической теории, основанной Альфредом Шюцем, Питером Бергером и Томасом Лукманом, где повседневность выступает как универсальный феномен социальной реальности [3; 4]. Большое влияние на армянские исследования оказали также работы Альфа Людтке, Карло Гинзбурга и Шейлы Фицпатрик. Идеи о новых подходах изучения повседневности нацистской Германии, описанные А. Людтке, по сути являются практическим руководством изучения воздействия тоталитарных режимов на социальное сознание и повседневную жизнь обычных людей [5]. К. Гинзбург, известный как один из основоположников микроисторического анализа, в своих исследованиях демонстрирует своеобразную технику работы с судебными материалами, тем самым обозначая их ценность как исторических источников [6; 7; 8]. Ш. Фицпатрик исследует социальную действительность России 1930-х годов в свете применяемых повседневных стратегий выживания обычными советскими людьми [9; 10].

Так как Армения была частью советского пространства, при более предметном изучении единых, характерных для советского общества социальных практик, особую важность представляет богатый опыт российской историографии. В этой связи стоит упомянуть некоторые работы российских исследователей – Игоря Орлова, Елены Зубковой, Натальи Лебиной, Олега Лейбовича. В объемной монографии И. Орлова представлена не только историография проблемы повседневности, но и описаны различные подходы изучения бытовых и социальных институтов советского общества [11]. Е. Зубкова, обращаясь к послевоенной эпохе в контексте перехода от войны к миру, исследует важные изменения социальных настроений и взаимоотношения общества и советской власти в новых реалиях [12]. Широко известен подход изучения советской повседневности в контексте дихотомии нормы-аномалии, предложенный Н. Лебиной [13]. О. Лейбович вместе с А. Казанковым расширяют понимание повседневности, рассматривая его как методологический концепт изучения разных периодов советской истории [14, с. 82–88; 15, с. 74–84].

Многоаспектность предметного поля истории повседневности требует комплексного подхода при выборе соответствующей источниковой базы и при оценке релевантности и эвристического

потенциала каждого типа используемых источников. Традиционными для истории повседневности считаются источники личного происхождения (дневники, мемуары, письма). Однако исследователи часто указывают на трудности их анализа. А. Курьянович, например, утверждает, что некоторая часть этих источников «в силу своей малочисленности и расплывчатости в архивах является недоступной для исследования» [16, с. 44–49]. Стоит добавить, что и при доступности таких источников иногда их фрагментарность и недостаточная информативность затрудняет реконструкцию повседневной жизни и понимание исторического контекста. Поэтому глубокий анализ предполагает привлечение разнообразных источников, не всегда однородных, но соответствующих единому пониманию релевантности. К таким источникам возможно применить методологический подход, описанный российским исследователем Натальей Пушкаревой – «диалог с источником». Как утверждает Пушкарёва, для анализа повседневности характерно иное вчитывание в текст источника, с попыткой проникнуть в его внутренние смыслы, с учётом «недоговоренного и случайно прорвавшегося, в связи, казалось бы, с самым обыденным, профанным, незаметным» [17, с. 12–13].

Подход «диалог с источником» расширяет понимание источников повседневности, так как фокусируется не на их принадлежности конкретному типу, а на способности передавать внутренние мотивы человеческой деятельности и описывать социальный опыт индивидов. В армянских исследованиях данный методологический подход широко применяется при работе с источниками, иллюстрирующими взаимоотношения общества с властью. К данной категории источников относятся письма во власть с прошениями, жалобами или доносами. По этим документам изучены социальные реалии времён политических репрессий 1930-х годов и Великой Отечественной войны. Письма во власть наряду с официальными документами являются ценными источниками также при исследовании неформальных экономических отношений [18, с. 227–239].

Изучение различных форм социальных девиаций опирается на специфический тип источников – судебные материалы. На их основе можно проанализировать не только правовые, но и социально-психологические аспекты различных правонарушений. По этим документам можно, например, проанализировать коллизии между традиционным мышлением и коммунистической идеологией. Так, на основе большого массива следственно судебных материалов двух послевоенных десятилетий были изучены факты бытового насилия. Количественный и качественный контент-анализ этих документов показал, что особенно в сельских областях большинство случаев насилия над детьми и женщинами было обусловлено преобладающими в армянском обществе патриархальными представлениями о социальном доминировании мужчин и неэффективностью не только государственно-правовых, но и идеологических механизмов воздействия на данные правонарушения [19, с. 210–219].

В армянских исследованиях активно практикуются также методы устной истории. Этнографами и историками проводятся интервью с представителями разных социальных групп армянского общества. Обсуждаемые в этих интервью вопросы охватывают различные стороны социальной жизни: сталинские репрессии, социальные девиации, повседневность репатриантов, национальное мышление и так далее [20; 21]. В изучении советского прошлого метод устной истории весьма востребован, так как данные получаются непосредственно от носителя информации, а именно, от исторического актора. Этим, как отмечает П. Томпсон, устная история способна «при фиксации исторического знания – будь то книги, музеи, радиопередачи или фильмы – вернуть людям, делавшим и переживавшим историю, центральное место в ней, давая им возможность заговорить в полный голос» [22, с. 15]. Воспоминания интервьюера сопровождаются живыми эмоциями, личными интерпретациями тех или иных событий с ценными к ним комментариями. Их эмоциональная вовлечённость в собственный рассказ создаёт эффект присутствия духа исторической эпохи, иногда недоступный при анализе других источников.

Нужно отметить, что если для этнографов устные источники являются первичными, то историками они в большинстве случаев используются как вторичные источники, которые по возможности подтверждены другим фактологическим материалом. Это связано с уязвимостью интервью в плане их объективности. Так как свидетельства часто строятся на эмоциональных оценках, при этом одно и то же событие может быть представлено по-разному в зависимости от личных убеждений интервьюеров, то в данном случае говорить о достоверности получаемой информации нужно с оговорками. Добавим, что материалы устной истории используются после применения к ним особых методик обработки, благодаря которым устные свидетельства образуются в исторический источник. Данные техники армянскими историками также осваиваются.

Тематические направления

Армянские исследования советской повседневности охватывают широкий спектр тем. Они рассматриваются в общем контексте, который особенно привлекает внимание специалистов, а именно в контексте социальных механизмов адаптации общества к советским реалиям. В этой связи довольно обширно освещены проблемы социальной жизни, касающиеся повседневности различных социальных групп общества (партийцев, интеллигенции, духовенства, крестьян, армян-переселенцев, армян-репатриантов и др.). Рассмотрены проблемы взаимоотношений индивид–общество–государство, а также взаимодействий национальной и советской культуры. Отдельные публикации посвящены воздействиям ключевых социально-политических сдвигов на повседневную жизнь граждан (социально-экономические преобразования, политические репрессии, Великая Отечественная война, этап национального пробуждения, времена «застоя», перестройки и т.д.). В других исследованиях освещаются проблемы, связанные с теневыми сторонами советской жизни (злоупотребление служебным положением, взяточничество, коррупция, социальные девиации и т.д.).

Важным аспектом исследования повседневной жизни является изучение идеологических установок государственно-партийного мышления и их трансформаций в общественном сознании. К данной проблеме обратился Г. Жамгарян, который в своей статье с одной стороны представляет основные идеологические тезисы, по которым определялись требования к моральному и гражданскому облику советского гражданина, с другой стороны анализирует воздействия данных тезисов на индивидуальное и коллективное мышление. В исследовании рассматриваются идеологические требования к моральному облику коммуниста в 1920–1930-х годах и их проявления в поведении партийных работников низшего звена [23, с. 81–88]. Здесь показано, как под идеологическим натиском модель «советской семьи» в семьях армянских коммунистов меняла традиционные представления о личном пространстве, приватном и публичном, о гендерных и социальных ролях, и как идеологические вмешательства порой приводили к противоречиям между традиционными и партийными ценностями. В публикациях А. Сукиасяна, Г. Казаряна и Г. Жамгаряна обсуждаются также адаптивные социальные практики армянского духовенства в условиях религиозной политики советских властей, которая в разные периоды варьировалась от репрессивного характера к более терпимому [24, с. 83–107; 25, р. 107–114].

В армянской историографии широко освещена также повседневная жизнь армянских переселенцев и репатриантов. В этой связи К. Хачатрян и Г. Жамгарян выявлено достаточно много интересных особенностей неоднозначных взаимоотношений местного населения и переселенцев, перебравшихся в 1920-х годах из разных стран в Советскую Армению [26, с. 109–115]. Впервые наглядно показано, что интеграция переселенцев в советское армянское общество, в силу различий их духовных, социальных и политических ценностей, была комплексным и противоречивым процессом, сопровождавшимся значительными адаптационными трудностями. Данная проблема освещена также в исследованиях, касающихся «Большой репатриации» армян 1946–1948 годов. Рассмотрены проблемы расселения репатриантов, сложностей их интеграции в советское общество, вызванных противоречиями, а порой и конфликтами в взаимоотношениях с властями и коренным населением. Освещены вопросы, касающиеся привнесения репатриантами изменений в повседневную жизнь советских армян, выраженных в чуждых для советского общества традициях и бытовых новшествах. Например, в Армении кофе в обиход ввели именно репатрианты, после чего этот напиток стал популярен особенно среди интеллигенции [27, с. 186–195; 28, с. 445–484]. А. Степанян, К. Хачатрян и Г. Казарян изучены также вопросы пассивного противостояния репатриантами советской системе, выражавшегося иногда незаконными групповыми пересечениями советско-турецкой и советско-иранской границ по политическим, социально-бытовым и морально-психологическим причинам [29, с. 82–268; 30, с. 120–131; 31, с. 67–89; 32, с. 151–162].

Данные исследования дают возможность в корне пересмотреть утвердившиеся в историографии представления о социальной солидарности армянского советского общества. Они дают также возможность исследовать советскую повседневность в контексте взаимодействий национальной и советской культур. Данный феномен проявлялся не только культурной интеграцией, но и культурным конфликтом. В качестве примера культурной интеграции можно привести успешное внедрение советских

праздников в армянский быт. Объектом исследования Г. Казарян по данной тематике стали государственные праздники и парады, которые рассматриваются не только как важнейший идеологический инструмент для продвижения в массовое сознание идей социалистического единства, но и как повод всенародной радости, как элемент повседневной жизни, тепло принимаемый населением [33, с. 159–173; 34, с. 174–197].

Проблема культурных конфликтов фигурирует в исследованиях разных контекстов повседневной жизни. В них анализируются вопросы продвижения в массовое сознание концепта советской культуры, её противоречий с культурными традициями армянского общества, а также критика негативных сторон советской жизни в антисоветской художественной литературе. В контексте изучения средств идеологического воспитания отдельные исследования посвящены школьным будням, воспитательному процессу и борьбы с неграмотностью [35, с. 186–198; 36; 37, с. 61–78].

Политический контекст социально-адаптивных практик можно рассмотреть через призму взаимоотношений государства и общества, сложные механизмы которых особенно ярко проявляются в периоды социально-политической напряжённости. Индивидуальные и коллективные поведенческие практики обычных людей, особенно те, что направлены на самосохранение в сложных политических ситуациях, выступают под общим названием «стратегии выживания». Г. Жамгарян данный феномен рассмотрел в контексте трансформаций морально-психологического климата, которые произошли в армянском обществе в годы сталинских репрессий. В те суровые дни одной из стратегий выживания была практика доносов. Доносами люди не только пытались огородить себя от политических преследований, но и, воспользовавшись общей нездоровой обстановкой, извлечь практические выгоды [38, с. 83–131].

Серьёзным испытанием для армянского общества были тяжёлые социально-экономические условия времён Великой Отечественной войны. Н. Овсепяном и А. Сукиасяном повседневность военного времени показана в контексте суровых условий жизни и труда сельского населения. В их работах освещены вопросы, касающиеся проблем мобилизации, трудностей организации школьного образования, отношения населения к демобилизованным, а также распространённым в армянском обществе убеждениям о всеобщем патриотическом долге, о важности самопожертвования во имя победы и так далее. Одной из распространённых форм стратегий выживания в те годы были письма в высшие инстанции власти с жалобами и доносами на противоправные действия некоторых местных чиновников [39, с. 42–53; 40, с. 222–233; 41, с. 7–19].

Следующее тематическое направление относится к социальным отклонениям, таким как злоупотребления служебным положением, хищения государственного имущества, неравномерное распределение материальных благ, алкоголизм, хулиганство и так далее. В соответствующих исследованиях они рассматриваются не только с правовой, но и социальной точки зрения, как формы адаптации к неустойчивым и сложным экономическим условиям 1950–80-х годов. Кроме эффективности борьбы властных структур с этими явлениями, в своих исследованиях Л. Манукян, Г. Казарян и А. Сукиасян анализируют и местные специфики их проявления [42, с. 93–116; 43, с. 132–142; 44, с. 143–156].

Повседневная жизнь Советской Армении в условиях новых политических реалий СССР послевоенных лет, в частности критики культа личности и последующих политических и социальных преобразований, также стали объектом исследований. В соответствующей работе Г. Жамгаряна упор сделан на изучение изменений общественного сознания в свете наступления относительных свобод времен «хрущёвской оттепели». В Армении они дали новый толчок развитию национальных идей, которые в исследованиях рассматриваются в контексте их распространения и влияния на подъем национального сознания 1960-х годов [45, с. 143–161].

Армянскими историками изучены также новые реалии периода перестройки. В исследовании Г. Жамгаряна и А. Сукиасяна, на основе материалов журнала «Работница Армении», отказ от аскетизма в перестроечный период трактуется как адаптивная стратегия выживания, отражающая смену ценностей и стремление населения к приспособлению к новым социально-экономическим реалиям [46, р. 107–121].

Заключение

Таким образом, армянская историография советской повседневности сосредоточена преимущественно на практиках выживания в условиях идеологического и политического контроля советской системы. В то же время такие аспекты, как быт, досуг и поведенческие нормы, остаются сравнительно менее разработанными. Подобный тематический уклон отражает этап становления исследовательской традиции, указывая при этом на перспективы расширения аналитических рамок. Актуальным остаётся и вопрос интеграции международного исследовательского опыта в армянские проекты по изучению истории советской повседневности.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по высшему образованию и науке Республики Армения в рамках научного проекта № 21Т6А-274.

Acknowledgements. The research was supported by the Higher Education and Science Committee of the Republic of Armenia, within the framework of research project No. 21T6A-274.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История повседневности в изучении истории стран СНГ. Материалы международной IV летней школы. Ереван: Институт истории, 2009. – 141 с.
2. Жамгарян Г. Социологическая основа истории повседневности. теоретические и методологические наблюдения // История и культура. 2023. № 2 (20). С. 121–130. (на арм. яз.). DOI 10.46991/hc.2023.20.2.121.
3. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. – 323 с.
5. Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. – 271 с.
6. Гинзбург К. Судья и историк. М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 208 с.
7. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: РОССПЭН, 2000. – 272 с.
8. Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. Сборник статей. М.: Новое издательство, 2004. – 348 с.
9. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. М.: РОССПЭН, 2008. – 336 с.
10. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. М.: РОССПЭН, 2001. – 422 с.
11. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: ВШЭ, 2010. – 317 с.
12. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. – 229 с.
13. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 488 с.
14. Казанков А.И., Лейбович О.Л. Понять повседневность: эвристический потенциал концепции в исследованиях советской эпохи // Вестник Пермского университета. История. 2017. № 3 (38). С. 82–88. DOI: 10.17072/2219-3111-2017-3-82-88.
15. Казанков А.И., Лейбович О.Л. Агрегатная повседневность сталинской эпохи: К постановке проблемы // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 4 (47). С. 74–84. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-4-74-84.

REFERENCES

1. *History of everyday life in the study of the history of CIS countries. Materials of the IV international summer school.* Yerevan: Institute of History, 2009. (In Russ)
2. Zhamharyan G. Sociological basis of the history of everyday life: theoretical and methodological observations. *History and Culture.* 2023; 20(2): 121-130 (in Arm). DOI 10.46991/hc.2023.20.2.121.
3. Schutz A. *Selected works: the world glowing with meaning.* Moscow: ROSSPEN, 2004. (In Russ)
4. Berger P., Luckmann T. *The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge.* Moscow: Medium, 1995. (In Russ)
5. Ludtke A. *The history of everyday life in Germany. New approaches to the study of labor, war and power.* Moscow: ROSSPEN, 2010. (In Russ)
6. Ginzburg C. *The judge and the historian.* Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2021. (In Russ)
7. Ginzburg C. *The cheese and the worms. The cosmos of a sixteenth-century miller.* Moscow: ROSSPEN, 2000. (In Russ)
8. Ginzburg C. *Myths-embles-clues: morphology and history. Collection of articles.* Moscow: New Publishing House, 2004. (In Russ)
9. Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism.* Moscow: ROSSPEN, 2008. (In Russ)
10. Fitzpatrick S. *Stalin's peasants.* Moscow: ROSSPEN, 2001. (In Russ)
11. Orlov IB. *Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation.* Moscow: HSE, 2010. (In Russ)
12. Zubkova EYu. *Post-war soviet society: politics and everyday life. 1945–1953.* Moscow: ROSSPEN, 1999. (In Russ)
13. Leбина NB. *Soviet everyday life: norms and anomalies. From war communism to the big style.* Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2015. (In Russ)
14. Kazankov AI., Leibovich OL. Understanding everyday life: heuristic potential of the concept in the research of the soviet era. *Perm University Herald. History.* 2017; 38(3): 82-88. DOI: 10.17072/2219-3111-2017-3-82-88. (In Russ)
15. Kazankov AI., Leibovich OL. Aggregate everyday life of the Stalin era: towards the formulation of the problem. *Perm University Herald. History.* 2019; 47(4): 74-84. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-4-74-84. (In Russ)

16. Курьянович А.В. История повседневности: проблемы источниковой базы // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. 2002. № 1. С. 44–49.
17. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «Истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
18. Жамгарян Г. Адресованные к органам власти письма — как источники исследования истории повседневности Советской Армении 1930-ых годов // Вопросы истории Армении. 2014. № 15. С. 227–239. (на арм. яз.)
19. Жамгарян Г.А. Семейное насилие по отношению к женщине в Советской Армении по материалам народного суда АрмССР (1960-е годы) // Ученые записки Ширакского государственного университета. 2019. № 2. Вып. II. С. 210–219. (на арм. яз.)
20. Харатян Г., Шагоян Г., Марутян А., Абрамян Л. Сталинские репрессии в Армении: история, память, повседневная жизнь. Ереван: Наука, 2015. — 440 с. (на арм. яз.)
21. Шагоян Г., Оганесян Э., Манучарян Н., Никогосян А., Григорян Г. Неуслышанные голоса: память и постпамять в устной истории. Ереван: Институт археологии и этнографии, 2018. — 375 с. (на арм. яз.)
22. Томпсон П. Голос Прошлого. Устная история. М.: Издательство «Весь Мир», 2003. — 368 с.
23. Жамгарян Г. Партийная этика в вопросах морали и семейных отношений в Советской Армении в 1920–30-ых годах // Ажунк. 2013. № 3 (9). С. 81–88.
24. Сукиасян А.К. Священнослужители в Советской Армении в 1920-е гг. (эпизоды повседневной жизни) // Вопросы истории Армении. 2019. № 20. С. 83–107. (на арм. яз.)
25. Zhamharyan G., Ghazaryan G. The Daily Life of the Armenian Clergy (Priests) in the Post-War Years (1946–1954). *Review of Armenian studies*. 2023, 2: 107–114. DOI: 10.54503/1829-4073-2023.3.107-114.
26. Хачатрян К., Жамгарян Г. Из истории повседневности западноармянских беженцев в Советской Армении (начало 1920-ых годов) // История и культура. 2017. № 1. С. 109–115. (на арм. яз.)
27. Сароян Т. Повседневность ереванского кафе 1920–1930 годов по биографическим воспоминаниям Егнше Чаренца // Литературный журнал. 2023. № 2. С. 186–195. (на арм. яз.) DOI: 10.54503/1829-0116-2023.2-186.
28. Бахчинян А.Г. Кофе и кофейная культура у армян (историко-филологический очерк) // *Handes Amsorya*. 2024. № 1–12. С. 445–484. (на арм. яз.)
29. Степанян А.А. Репатриация XX века в системе армянской идентичности. Ереван: Наука, 2010. — 371 с. (на арм. яз.)
30. Казарян Г. Из истории повседневной жизни репатриантов в Советской Армении (1946–1948-е годы) // Историко-филологический журнал. 2019. № 3. С. 120–131. (на арм. яз.)
31. Хачатрян К. Проблема нарушения границ армянами-репатриантами в годы «большой репатриации» (1946–1948 гг.) // «Белые страницы» повседневной жизни Советской Армении (1940–1960-е годы) / Под ред. К.Г. Хачатряна. Ереван: Институт истории, 2020. С. 67–89. (на арм. яз.)
32. Казарян Г.Х. Советская Армения 1946–1948 гг. в представлениях репатриантов // Вестник общественных наук. 2024. № 2. С. 151–161. (на арм. яз.) DOI: 10.53548/0320-8117-2024.2-151.
33. Казарян Г. Советский новый год и особенности его празднования в Армении // «Белые страницы» повседневной жизни Советской Армении (1940–1960-е годы) / Под ред. К.Г. Хачатряна. Ереван: Институт истории, 2020. С. 159–173. (на арм. яз.)
34. Казарян Г. Советские праздники в контексте бытовой жизни населения Армянской ССР // «Белые страницы» повседневной жизни Советской Армении (1940–1960-е годы) / Под ред. К.Г. Хачатряна. Ереван: Институт истории, 2020. С. 174–197. (на арм. яз.)
16. Kuryanovich AV. History of everyday life: problems of the source base. *Source Studies and Special Historical Disciplines*. 2002; 1: 44-49.
17. Pushkareva NL. Subject and methods of studying the “History of everyday life.” *Ethnographic Review*. 2004; 5: 3-19. (In Russ)
18. Zhamharyan G. Letters addressed to the authorities as sources for the study of the history of everyday life in Soviet Armenia in the 1930s. *Issues of Armenian History*. 2014; 15: 227-239 (in Arm). (In Russ)
19. Zhamharyan GA. Domestic violence against women in Soviet Armenia based on the materials of the people’s court of the ArmSSR (1960s). *Scientific Notes of Shirak State University*. 2019; 2(2): 210-219 (In Arm)
20. Kharatyan G., Shagoyan G., Marutyan A., Abrahamyan L. *Stalinist repressions in Armenia: history, memory, everyday life*. Yerevan: Science, 2015 (In Arm)
21. Shagoyan G., Hovhannisyan E., Manucharyan N., Nikoghosyan A., Grigoryan G. *Unheard voices: memory and post-memory in oral history*. Yerevan: Institute of Archaeology and Ethnography, 2018 (In Arm)
22. Thompson P. *The voice of the past. Oral history*. Moscow: Ves Mir Publ., 2003.
23. Zhamharyan G. Party ethics in matters of morality and family relations in Soviet Armenia in the 1920–30s. *Ajunc*. 2013; 9(3): 81-88. (In Russ)
24. Sukiasyan AK. Clergymen in Soviet Armenia in the 1920s (episodes of everyday life). *Issues of Armenian History*. 2019; 20: 83-107 (In Arm).
25. Zhamharyan G., Ghazaryan G. The daily life of the Armenian clergy (priests) in the post-war years (1946–1954). *Review of Armenian Studies*. 2023; 2: 107-114. DOI: 10.54503/1829-4073-2023.3.107-114.
26. Khachatryan K., Zhamharyan G. From the history of everyday life of Western Armenian refugees in Soviet Armenia (early 1920s). *History and Culture*. 2017; 1: 109–115 (In Arm)
27. Saroyan T. Everyday life of a Yerevan cafe in 1920–1930 based on the biographical memoirs of Yeghishe Charents. *Literary Journal*. 2023; 2: 186-195 (In Arm). DOI: 10.54503/1829-0116-2023.2-186.
28. Bakhchinyan A.G. Coffee and coffee culture among Armenians (historical and philological essay). *Handes Amsorya*. 2024; 1-12: 445-484 (In Arm)
29. Stepanyan AA. *Repatriation of the XX century in the system of Armenian identity*. Yerevan: Science, 2010 (In Arm)
30. Ghazaryan G. From the history of the everyday life of repatriants in Soviet Armenia (1946–1948). *Historical-Philological Journal*. 2019; 3: 120–131 (In Arm)
31. Khachatryan K. The problem of border violations by Armenian repatriants during the years of the “great repatriation” (1946–1948). “White pages” of everyday life in Soviet Armenia (1940–1960s), ed. by K.G. Khachatryan. Yerevan: Institute of History, 2020: 67-89 (In Arm)
32. Ghazaryan G.Kh. Soviet Armenia 1946–1948 in the perceptions of repatriants. *Bulletin of Social Sciences*. 2024; 2: 151-161 (In Arm) DOI: 10.53548/0320-8117-2024.2-151.
33. Ghazaryan G. Soviet New Year and features of its celebration in Armenia. “White pages” of everyday life in Soviet Armenia (1940–1960s), ed. by K.G. Khachatryan. Yerevan: Institute of History, 2020: 159-173 (In Arm)
34. Ghazaryan G. Soviet holidays in the context of everyday life of the population of the Armenian SSR. “White pages” of everyday life in Soviet Armenia (1940–1960s), ed. by K.G. Khachatryan. Yerevan: Institute of History, 2020: 174-197 (In Arm)
35. Sukiasyan AK., Zhamharyan GA. Essays on the everyday life of Soviet Armenia in Ler Kamsar’s feuillets “History of Religions” and “Sabotage”. *Issues of Armenian History*. 2016; 17: 186-198 (In Arm)

35. Сукиасян А.К., Жамгарян Г.А. Очерки повседневности Советской Армении в фелбетонах Лер Камсара «История религий» и «Саботаж» // Вопросы истории Армении. 2016. № 17. С. 186–198. (на арм. яз.)
36. Советская армянская культура. Понятие, восприятие и проявления. Сборник статей / Под ред. Ю. Антоняна. Ереван: Изд. ЕГУ, 2023. 332 с. (на арм. яз.)
37. Погосян В., Григорян Н., Мкртумян А., Степанян М. Советская школа и измерение повседневности образовательной системы (на примере строительства иджеванской школы) // Ученые ведомости Ванадзорского государственного университета. 2023. № 2. С. 61–78. (на арм. яз.) DOI: 10.58726/27382915-2023.2-61.
38. Жамгарян Г.А. Эпизоды из истории повседневной жизни советского периода Армении (1920–1930-е годы). Ереван: Институт истории, 2019. – 143 с. (на арм. яз.)
39. Овсепян Н.С. Мобилизация и будни села (1941–1945 гг.) // Вестник общественных наук. 2012. № 1. С. 42–53. (на арм. яз.)
40. Овсепян Н. Будни школы армянского села в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вопросы истории Армении. 2013. № 14. С. 222–233. (на арм. яз.)
41. Сукиасян А. Повседневная жизнь советской армянской деревни в годы Великой отечественной войны // «Белые страницы» повседневной жизни Советской Армении (1940–1960-е годы) / Под ред. К.Г. Хачатряна. Ереван: Институт истории, 2020. С. 7–19. (на арм. яз.)
42. Манукян Л. Жизнь в условиях дефицита: практики женской одежды в Ереване в 1970–1980 годах // Труды Института археологии и этнографии. 2017. № 1. С. 93–116. (на арм. яз.)
43. Казарян Г.Х. Злоупотребления должностным положением в повседневной жизни сотрудниками милиции Армянской ССР в первые послевоенные годы // Вопросы истории Армении. 2018. № 19. С. 132–142. (на арм. яз.)
44. Сукиасян А.К. Проявления хулиганства в повседневной жизни населения Советской Армении (вторая половина 1960-х годов) // Вопросы истории Армении. 2018. № 19. С. 143–156. (на арм. яз.)
45. Жамгарян Г.А. О вопросах идеологического контроля «национального подъема» в Советской Армении и его откликов в общественном сознании // Вопросы истории Армении. 2021. № 2 (23). С. 143–161. (на арм. яз.)
46. Zhamharyan G., Sukiasyan H. Reflection of Soviet Everyday Life During the Perestroika Period in the Magazine “Woman Worker of Armenia”. *Review of Armenian studies*. 2025, 1: 107–121. DOI: 10.54503/1829-4073-2025.1.107-121
36. *Soviet Armenian culture. Concept, perception and manifestations. Collection of articles, ed. by Y. Antonyan*. Yerevan: YSU Publ., 2023 (In Arm)
37. Poghosyan V., Grigoryan N., Mkrtyunyan A., Stepanyan M. Soviet school and the dimension of everyday life of the educational system (on the example of the construction of the Ijevan school). *Scientific Proceedings of Vanadzor State University*. 2023; 2: 61–78 (In Arm) DOI: 10.58726/27382915-2023.2-61.
38. Zhamharyan G.A. *Episodes from the history of everyday life of the Soviet period of Armenia (1920–1930s)*. Yerevan: Institute of History, 2019 (In Arm)
39. Hovsepyan N.S. Mobilization and everyday life of the village (1941–1945). *Bulletin of Social Sciences*. 2012; 1: 42–53 (In Arm)
40. Hovsepyan N. Everyday life of an Armenian village school during the Great Patriotic War (1941–1945). *Issues of Armenian History*. 2013; 14: 222–233 (In Arm)
41. Sukiasyan A. Everyday life of the Soviet Armenian village during the Great Patriotic War. “White pages” of everyday life in Soviet Armenia (1940–1960s), ed. by K.G. Khachatryan. Yerevan: Institute of History, 2020: 7–19 (In Arm)
42. Manukyan L. Living in conditions of scarcity: practices of women's clothing in Yerevan in 1970–1980. *Proceedings of the Institute of Archaeology and Ethnography*. 2017; 1: 93–116 (In Arm)
43. Ghazaryan G.Kh. Abuse of official position in everyday life by police officers of the Armenian SSR in the first post-war years. *Issues of Armenian History*. 2018; 19: 132–142 (In Arm)
44. Sukiasyan A.K. Manifestations of hooliganism in the everyday life of the population of Soviet Armenia (second half of the 1960s). *Issues of Armenian History*. 2018; 19: 143–156 (In Arm)
45. Zhamgaryan G.A. On the issues of ideological control of the “national awakening” in Soviet Armenia and its echoes in the public consciousness. *Issues of Armenian History*. 2021; 23(2): 143–161 (In Arm)
46. Zhamharyan G., Sukiasyan H. Reflection of Soviet Everyday Life During the Perestroika Period in the Magazine “Woman Worker of Armenia”. *Review of Armenian studies*. 2025, 1: 107–121. DOI: 10.54503/1829-4073-2025.1.107-121.

Поступила в редакцию 27.03.2025
 Принята в печать 25.07.2025
 Опубликована 15.03.2026

Received 27.03.2025
 Accepted 25.07.2025
 Published 15.03.2026

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH22175-97>

Исследовательская статья

Манасерян Нина

д.б.н., ведущий научный сотрудник

Лаборатория позвоночных животных Института зоологии

Научный центр зоологии и гидроэкологии НАН РА, Ереван, Армения

ninna_man@yahoo.com

Касабян Мамикон

к.б.н., старший научный сотрудник, заведующий

Лаборатория позвоночных животных Института зоологии

Научный центр зоологии и гидроэкологии НАН РА, Ереван, Армения

mghasabian@yahoo.com

Балян Люба

младший научный сотрудник

Лаборатория позвоночных животных Института зоологии

Научный центр зоологии и гидроэкологии НАН РА, Ереван, Армения

lubabalyan73@gmail.com

Нелли Барсемян

к.б.н., старший научный сотрудник

Лаборатория Ихтиологии Института Гидроэкологии и Ихтиологии

Научный центр зоологии и гидроэкологии НАН РА, Ереван, Армения

nelka.84@bk.ru

Асмик Багоян

младший научный сотрудник

Лаборатория позвоночных животных Института зоологии

Научный центр зоологии и гидроэкологии НАН РА, Ереван, Армения

bagoyanhasmik@yahoo.com

Андраник Генджян

к.б.н., научный сотрудник, руководитель научной группы

Лаборатория позвоночных животных Института зоологии

Научный центр зоологии и гидроэкологии НАН РА, Ереван, Армения

andgyonjyan@gmail.com

Для цитирования: Манасерян Н., Касабян М., Балян Л., Барсемян Н., Багоян А., Генджян А. Дополнение к краниологии современных и субфоссильных волков Армении // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 1. С. 75-97. doi.org/10.32653/CH22175-97

ARCHEOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH22175-97>

Research paper

Nina Manaseryan
Dr. Biol. Sci., Leading Researcher
Laboratory of Vertebrate Zoology, Institute of Zoology
Scientific Center of Zoology and Hydroecology of NAS RA, Yerevan, Armenia
ninna_man@yahoo.com

Mamikon Ghasabyan
Cand. Biol. Sci., Senior Researcher, Head of Laboratory
Laboratory of Vertebrate Zoology, Institute of Zoology
Scientific Center of Zoology and Hydroecology of NAS RA, Yerevan, Armenia
mghasabian@yahoo.com

Luba Balyan
Research Associate
Laboratory of Vertebrate Zoology, Institute of Zoology
Scientific Center of Zoology and Hydroecology of NAS RA, Yerevan, Armenia
lubabalyan73@gmail.com

Nelli Barseghyan
Cand. Biol. Sci., Senior Researcher
Laboratory of Ichthyology, Institute of Hydroecology and Ichthyology
Scientific Center of Zoology and Hydroecology of NAS RA, Yerevan, Armenia
nelka.84@bk.ru

Hasmik Bagoyan
Research Associate
Laboratory of Vertebrate Zoology, Institute of Zoology
Scientific Center of Zoology and Hydroecology of NAS RA, Yerevan, Armenia
bagoyanhasmik@yahoo.com

Andranik Gyonjyan
Cand. Biol. Sci., Head of Research Group
Laboratory of Vertebrate Zoology, Institute of Zoology
Scientific Center of Zoology and Hydroecology of NAS RA, Yerevan, Armenia
andgyonjyan@gmail.com

For citation: Manaseryan N., Ghasabyan M., Balyan L., Barseghyan N., Bagoyan H., Gyonjyan A. Addendum to the craniology of modern and subfossil wolves of Armenia. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 1 P. 75-97. doi.org/10.32653/CH22175-97

ДОПОЛНЕНИЕ К КРАНИОЛОГИИ СОВРЕМЕННЫХ И СУБФОССИЛЬНЫХ ВОЛКОВ АРМЕНИИ

Аннотация. В статье рассматривается проведенное впервые краниометрическое исследование семи волков, принесенных в жертву и захороненных в святилище раннебронзового века (XXVIII–XXVI вв. до н.э.) поселения Мец Сепасар. Исследование позволило выявить краниологические параметры черепа волков и морфометрическую изменчивость черепа в хронологическом диапазоне от ранней бронзы до современности. В сравнительном аспекте изучены параметры черепов субфоссильных собак и современных волков с территории Армении, хранящихся в коллекционных фондах Научного центра Института зоологии и гидроэкологии НАН РА; установлен диапазон индивидуальных вариаций, различия в размерах и строении черепа субфоссильных и современных представителей данного рода. Черепа волков из археологического памятника Мец Сепасар представляют собой уникальный материал, относящийся к раннему бронзовому веку, и могут свидетельствовать о различных аспектах экологии, а также культовых практиках того времени. Результаты исследования демонстрируют сходство абсолютных параметров субфоссильных и современных волков. Причем субфоссильные волки из святилища Мец Сепасар, отличаются более крупными размерами по сравнению с современными волками из других регионов Армении. Выявлено также, что субфоссильные собаки по всем параметрам довольно чётко отличаются как от современных, так и от субфоссильных волков. Полученные данные обогащают краниологические сведения по роду *Canis*, являясь ценным материалом для идентификации костных остатков для дальнейших краниологических и зоологических исследований, а их использование может значительно расширить понимание культурных и экологических аспектов взаимодействия человека с дикой природой в прошлом. Результаты исследования служат важным подспорьем для определения их костных остатков в материалах из раскопок археологических памятников и вносят вклад в реконструкцию экосистем Древней Армении.

Ключевые слова: субфоссильный волк; субфоссильная собака; бронзовый век; краниометрия; захоронения волков; Мец Сепасар

A CONTRIBUTION TO THE CRANIOLOGY OF MODERN AND SUBFOSSIL WOLVES IN ARMENIA

Abstract. This article presents the first craniometric study of seven wolves sacrificed and buried at an Early Bronze Age sanctuary (28th–26th centuries BCE) in the Mets Sepasar settlement. The study identifies specific craniometric parameters and analyzes morphometric skull variability across a chronological range from the Early Bronze Age to the present day. Comparative analyses were conducted using skull parameters of subfossil dogs and modern wolves from Armenia, sourced from the collections of the Scientific Center of Zoology and Hydroecology of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. The research establishes ranges of individual variation and highlights differences in cranial size and structure between subfossil and modern representatives of the genus *Canis*. The wolf skulls from the Mets Sepasar archaeological site represent unique Early Bronze Age material, as they constitute a unique dataset that reflect various aspects of ecology and ritual practices of the time. The results demonstrate similarities in the absolute parameters of subfossil and modern wolves; notably, the subfossil wolves from the Mets Sepasar sanctuary exhibit larger dimensions compared to modern wolves from other regions of Armenia. Furthermore, subfossil dogs were found to be clearly distinct from both modern and subfossil wolves across all measured parameters. These findings enrich the craniological data for the genus *Canis*, providing valuable comparative material for identifying bone remains in future craniological and zoological research. Such data significantly expands our understanding of the cultural and ecological dimensions of human-wildlife interaction in the past. These results serve as a critical tool for identifying skeletal remains in archaeological excavations and contribute to the reconstruction of Ancient Armenian ecosystems.

Keywords: subfossil wolf; subfossil dog; Bronze Age; craniometry; wolf burials; Mets Sepasar

Введение

Волк – *Canis Lupus Linnaeus, 1758* – является самым крупным представителем семейства псовых. Ареал распространения кавказского подвида охватывает Кавказ, Закавказье и смежные с ним территории Ирана и Турции. Считается, что волк был в изобилии во многих частях Закавказья, но его остатки редко идентифицируются в археологических раскопках.

Наиболее древние находки костных остатков хищных млекопитающих в Армении относятся к памятникам каменного века. Анализ костных остатков, обнаруженных в мустьерских пещерах Ереван 1 и Лусакерт, установил наличие в названных памятниках представителей отряда хищных (волк *Canis lupus*, шакал *Canis aureus*, лисица *Vulpes vulpes*, медведь *Ursus arctos*) [1].

В остеологических материалах из раскопок хронологически более поздних памятников голоценовой фауны находки костных остатков крупных хищных носят в значительной степени случайный характер, встречаются не во всех памятниках и обычно бывают представлены небольшим количеством. Одна из возможных причин этого обстоятельства – проблема достоверности определения элементов скелета, связанная с их плохой сохранностью и во многих случаях с частичной фрагментацией найденного материала. В частности, это касается представителей рода *псовых*, включающих современные виды, такие как волки, собаки и шакалы, немногочисленные остатки которых, черепа и отдельные кости посткраниального скелета, зафиксированы в хронологически разновременных археологических памятниках среднего голоцена [2; 3].

Сохранность субфоссильного материала не всегда оптимальна для определения вида, особенно в тех случаях, когда в материалах из раскопок присутствуют представители одного и того же семейства. Так, например, определение волка по костным остаткам затрудняется из-за схожести с костями крупных собак. Именно поэтому при определении вида в материалах из раскопок, необходимо подробное описание и знание параметров скелета рецентного вида.

В настоящем исследовании впервые проведено краниометрическое исследование семи волков, принесенных в жертву и захороненных в святилище раннебронзового века (XXVIII–XXVI вв. до н.э.) поселения Мец Сепасар. Святилище раннебронзового периода расположено на вершине горы Мец Сепасар, на севере Республики Армения. Мифологические предпосылки, которыми было определено местоположение святилища – гора (стоящие рядом горы-близнецы Мец Сепасар и Покр Сепасар), расположение гор на севере плоскогорья, вода (река Ахурян, разделяющая горы), также яма, подобно пещере на вершине вулканической горы, как точка прикосновения земли и неба, вход в потусторонний мир. Вершина Мец Сепасар воспринималась как ритуальное пространство, где наличие нужных предпосылок (гора, река, пещера) и стало основой для возникновения святилища.

В центре памятника, в вулканическом конусе, находилось святилище, со следами проводимых празднеств, сопровождавшихся жертвоприношениями. У очага святилища находились останки семи жертвенных волков [4].

Материал и методы

Исследования проводились в Институте зоологии Научного центра зоологии и гидроэкологии Национальной Академии Наук Республики Армения, в лаборатории зоологии позвоночных животных. Материалом для исследования послужили 7 черепов волка из раннебронзового поселения Мец Сепасар, период захоронения которых был определен с помощью измерения радиоуглеродного состава в Институте Фрэнсиса Крика (Лондон, Соединенное Королевство) и 18 черепов современных волков из научных коллекционных фондов Научного центра зоологии и гидроэкологии НАН РА, добытых из разных регионов Армении.

Кроме вышеупомянутых черепов, также были исследованы 14 черепов представителей рода *Canis* из 10 хронологически разновременных (III–I тыс. до н.э.) археологических памятников Армении – Ехегис, Шенгавит, Мохраблур, Цамакаберд, Севан, Айриванк, Гилли, Ширакаван, Мегри, Бениамин (рис. 1). В памятниках Мохраблур, Ширакаван, Севан и Цамакаберд обнаружено по 2 экземпляра [2; 3].

Посланные на определение в Институт Фрэнсиса Крика кости (petrous and tympanic bulla) представителей рода *Canis* из этих памятников, были идентифицированы как «non-human; dog», что позволило в тексте констатировать их как субфоссильные собаки.

В последние годы коллекции черепов рецентных волков пополнились новым остеологическим материалом с территории Армении путем конфискации Инспекционного органа по охране природы и недр РА в результате незаконной охоты, а также в редких случаях путем отстрела для научных целей [5]. Промеры черепов были проведены по общепринятым методикам [6] и в зависимости от поставленных задач и без разграничения по возрастным группам ввиду того, что все исследуемые экземпляры были половозрелыми. Для характеристики изучаемых черепов были использованы 20 самых характерных промеров (P1–P20) по von den Driesch [6] (рис. 2).

Для анализа пропорционального изменения черепов были использованы индексы семи основных краниометрических признаков, которые исследовались в процентах от P1 (Общая длина черепа). Были использованы следующие морфометрические признаки: P2 – Кондилобазальная длина; P3 – Основная длина; P30 – Скуловая ширина; P7 – Длина мозговой части; P29 – Ширина мозговой коробки; P33 – Наименьшая ширина между орбитами и P32 – лобная ширина. Достоверность различий полученных результатов оценивали по таблице стандартных значений критерия t-Стьюдента (t_{st}) для уровня значимости $P = 0,05$ [7; 8]. Вариационно-статистическая обработка проводилась по общепринятым методикам с использованием программного пакета STATISTICA 8.

Были рассчитаны средние значения признаков (M), а также пределы варьирования (min – max) и среднее квадратическое отклонение (σ , SD). Измерения признаков проводились с точностью до 1 мм. Значение показателя достоверности различий (t_{φ}) сравниваемых средних значений признаков вычисляли по формуле:

$$t_{\varphi} = \frac{|\overline{M}_1 - \overline{M}_2|}{\sqrt{\frac{(n_1 - 1) \times \sigma_1^2 + (n_2 - 1) \times \sigma_2^2}{n_1 + n_2 - 2} \times \frac{n_1 + n_2}{n_1 \times n_2}}}$$

для $n_1 \neq n_2$ и числа степеней свободы $k = n_1 + n_2 - 2$ [9].

Различия в длине краниометрических показателей изучаемых черепов (волки из Мец Сепасар, современные волки, субфоссильные собаки) были исследованы с помощью однофакторного дисперсионного анализа с последующим использованием апостериорных (post-hoc) тестов Тьюки по методу HSD при уровне значимости $p = 0,05$. Значение дисперсии F было получено с помощью одномерного дисперсионного анализа.

В качестве дополнительных методов при сравнении пропорциональных морфометрических признаков использовали метод главных компонент, кластерный анализ (дендрограммы сходства, метрик ближайшего сходства, метрика Евклидово расстояние).

Для кластерного анализа также были использованы индексы 7 основных краниометрических признаков (P2; P3; P7; P29; P30; P32; P33), полученные в результате деления последних на общую длину черепа (P1).

Результаты и обсуждения

При сравнении топографии черепов волка из памятника бронзового века Мец Сепасар обращают на себя внимание конфигурация свода черепа, визуально крупные размеры (наибольшая длина черепа 246–255 мм, кондилобазальная длина 220–229 мм, скуловая ширина 141–142 мм) с разной степенью стирания зубов. Слуховые пузыри велики, выпуклы и не смяты, что является отличительной чертой волка от собак. Хорошо развит сагиттальный гребень, скуловые кости широкие. Черепа имеют светло-коричневый цвет. Зубы сохранились не у всех черепов, у некоторых имеется хищнический зуб.

В данной работе мы ограничились характеристикой краниометрических данных волков как наиболее показательных для сравнительного краниологического анализа.

Описание черепов из памятника Мец Сепасар приводятся ниже и представлены на рис. 3.

Череп а – хорошей сохранности. Общая длина черепа составляет 248 мм, лицевая длина черепа составляет 142 мм. Мозговая часть черепа в области наименьшей ширины раздроблена. Длина составляет 121 мм. На черепе измерено 24 промера. Барабанные камеры раздроблены, с левой стороны имеется хищнический зуб (P⁴) и заднекоренной зуб (M²). Костное небо хорошо сохранено и составляет 111 мм.

Череп б – хорошей сохранности. Общая длина черепа составляет 251 мм, хорошо сохранена лицевая и мозговая часть черепа, составляя соответственно 143 мм и 122 мм. Носовые кости отсутствуют, точка для промера носовых костей хорошо выражена. Наибольшая длина носовых костей 91 мм. Скуловая ширина хорошо выражена, наибольшая длина ее составляет 109 мм.

Череп с – хорошей сохранности. Общая длина черепа 255 мм. Кондилобазальная длина черепа 229 мм. Левая часть черепа сломана. Носовые кости отсутствуют. Мозговая коробка с левой стороны раздроблена. Скуловая дуга черепа раздроблена с левой стороны. Барабанные камеры плохой сохранности. Длина костного неба 116 мм. Ширина мозговой коробки 66 мм. Высота черепа составляет 80 мм, высота черепа без сагиттального гребня составляет 66 мм.

Череп д – хорошей сохранности. Общая длина черепа 246 мм. Кондилобазальная длина черепа 220 мм. Левая часть черепа сломана. Носовые кости отсутствуют. Мозговая коробка с левой стороны раздроблена. Скуловая дуга черепа раздроблена с левой стороны. Барабанные камеры плохой сохранности. Длина костного неба 113 мм. Ширина мозговой коробки 64 мм. Высота черепа составляет 76 мм, высота черепа без сагиттального гребня составляет 65 мм.

Череп е – плохой сохранности. С левой стороны почти весь раздроблен. Левая часть лицевого отдела черепа отсутствует. Носовые кости отсутствуют. Мозговая коробка с левой стороны раздроблена. Скуловая дуга черепа раздроблена с правой стороны. Барабанные камеры плохой сохранности. Костное небо отсутствует. Зубной ряд слева сохранен частично P⁴; M¹; M², зуб M², с правой стороны сохранен почти весь зубной ряд, отсутствует только часть P⁴; M¹; M². Высота черепа составляет 78 мм, высота черепа без сагиттального гребня составляет 64 мм.

Череп ф – сильно разрушен. Передняя часть черепа отсутствует. Высота черепа составляет 72 мм. Высота черепа без сагиттального гребня – 64 мм. Костное небо отсутствует.

Череп г – плохой сохранности. Передняя часть черепа была раздроблена на мелкие куски, однако с их помощью удалось реконструировать и промерить общую длину черепа (234 мм). Сохранена лишь мозговая часть черепа и небольшая часть лицевого отдела. Длина мозговой части черепа составляет 114 мм. Сагиттальный гребень хорошо развит. Ширина мозговой коробки составляет 66 мм, наименьшая ширина черепа – 44 мм. Сохранена часть скуловой дуги с правой стороны. Барабанные камеры отсутствуют. Высота черепа составляет 70 мм. Высота черепа без сагиттального гребня – 62 мм. Костное небо отсутствует. Имеется правая лицевая часть черепа, в зубном ряду сохранился зуб P⁴.

Необходимо отметить, что по всем 20 абсолютным краниометрическим признакам средние показатели у волков из Мец Сепасар и современных волков значительно превалируют над таковыми у субфоссильных собак (табл. 1–3).

Таблица 1. Краниометрическая характеристика черепов субфоссильных волков из памятника Мец Сепасар (мм) / Table 1. Craniometric characteristics of subfossil wolf skulls from Mets Sepasar archaeological site (mm)

	n	Mean±SD	Lim	SE
P1	6	248,67 ± 8,43	234,00–258,00	3,44
P2	6	223,83 ± 6,01	217,00–233,00	2,46
P3	6	210,83 ± 4,62	204,00–217,00	1,89
P7	6	120,83 ± 3,92	114,00–126,00	1,60
P8	2	122,00 ± 2,83	120,00–124,00	2,00

P9	4	142,75 ± 3,30	139,00–147,00	1,65
P10	2	93,00 ± 2,83	91,00–95,00	2,00
P12	4	104,50 ± 4,65	99,00–110,00	2,33
P14	7	48,43 ± 1,90	45,00–50,00	0,72
P15a	3	103,67 ± 1,53	102,00–105,00	0,88
P16	4	31,00 ± 8,83	25,00–44,00	4,42
P37	4	39,25 ± 2,50	36,00–42,00	1,25
P29	7	66,43 ± 2,57	64,00–70,00	0,97
P30	6	142,83 ± 5,85	137,00–154,00	2,39
P31	6	42,83 ± 1,72	41,00–45,00	0,70
P32	6	66,33 ± 3,83	62,00–73,00	1,56
P33	6	52,67 ± 2,16	50,00–56,00	0,88
P38	7	77,00 ± 3,27	72,00–82,00	1,23
P39	7	64,29 ± 1,25	62,00–66,00	0,47
P13	4	112,25 ± 2,99	109,00–116,00	1,49

Примечания: n – количество измеренных черепов, Mean±SD – среднее арифметическое ± стандартное отклонение, Lim – минимальное–максимальное значение, SE – стандартная ошибка

Таблица 2. Краниометрическая характеристика черепов современных волков (мм) / Table 2. Craniometric characteristics of modern wolf skulls (mm)

	n	Mean±SD	Lim	SE
P1	18	244,89 ± 9,63	233,00–264,00	2,27
P2	18	224,89 ± 7,97	214,00–237,00	1,88
P3	18	211,94 ± 7,17	201,00–224,00	1,69
P7	18	117,44 ± 5,55	109,00–127,00	1,31
P8	18	125,00 ± 5,59	116,00–137,00	1,32
P9	18	139,78 ± 5,92	131,00–154,00	1,39
P10	16	98,13 ± 5,30	90,00–107,00	1,33
P12	17	104,35 ± 4,31	97,00–112,00	1,05
P14	16	44,75 ± 2,89	39,00–50,00	0,72
P15a	11	99,82 ± 3,68	96,00–106,00	1,11
P16	17	25,53 ± 1,42	23,00–28,00	0,34
P37	17	38,12 ± 1,90	35,00–41,00	0,46
P29	18	61,06 ± 3,33	50,00–66,00	0,79
P30	18	134,89 ± 8,28	118,00–148,00	1,95
P31	18	42,56 ± 2,01	39,00–47,00	0,47
P32	18	64,39 ± 6,06	53,00–73,00	1,43
P33	18	47,83 ± 4,12	40,00–56,00	0,97
P38	17	74,76 ± 4,49	70,00–87,00	1,09
P39	18	60,83 ± 2,79	56,00–67,00	0,66
P13	17	114,53 ± 3,54	108,00–120,00	0,86

Примечания: n – количество измеренных черепов, Mean±SD – среднее арифметическое ± стандартное отклонение, Lim – минимальное–максимальное значение, SE – стандартная ошибка

Таблица 3. Краниометрическая характеристика черепов субфосильных собак из археологических памятников Армении (мм) / Table 3. Craniometric characteristics of subfossil dog skulls from archaeological sites of Armenia (mm)

	n	Mean ± SD	Lim	SE
P1	14	196,29 ± 18,58	165,00–223,00	4,97
P2	14	183,43 ± 17,77	153,00–210,00	4,75
P3	14	175,36 ± 15,94	147,00–203,00	4,26
P7	13	94,92 ± 10,66	80,00–110,00	2,96
P8	9	102,33 ± 12,95	82,00–123,00	4,32
P9	9	118,89 ± 8,30	109,00–135,00	2,77
P10	8	80,00 ± 10,64	60,00–94,00	3,76
P12	7	84,86 ± 5,30	78,00–93,00	2,01
P14	11	39,91 ± 2,63	34,00–44,00	0,79
P15a	2	89,50 ± 4,95	86,00–93,00	3,50
P16	11	23,64 ± 2,20	20,00–27,00	0,66
P37	10	33,80 ± 2,20	31,00–38,00	0,70
P29	14	55,86 ± 2,44	51,00–60,00	0,65
P30	14	104,21 ± 12,49	80,00–120,00	3,34
P31	11	39,27 ± 1,35	37,00–41,00	0,41
P32	14	52,00 ± 8,26	36,00–63,00	2,21
P33	14	42,86 ± 8,50	30,00–56,00	2,27
P38	11	66,64 ± 4,70	60,00–73,00	1,42
P39	11	55,55 ± 1,97	53,00–59,00	0,59
P13	8	100,75 ± 6,45	94,00–110,00	2,28

Примечания: n — количество измеренных черепов, Mean±SD — среднее арифметическое ± стандартное отклонение, Lim — минимальное–максимальное значение, SE — стандартная ошибка

Статистический анализ краниометрических данных современных волков и субфосильных волков из погребений Мец Сепасар показал, что из 12 параметров лишь в 3 наблюдается достоверная разница: длина горизонтальной части небной кости (P14); ширина мозговой коробки (P29), высота черепа без сагиттального гребня (P39). Статистический анализ субфосильных черепов волков из Мец Сепасар и субфосильных собак из разных археологических памятников Армении (III – I тыс. до н.э.) показал, что по всем параметрам есть достоверная разница. Аналогичная картина наблюдается при анализе черепов современных волков и субфосильных собак, который выявил достоверную разницу 18 из 19 параметров. Достоверных различий не обнаружено только в измерении ширины между орбитами (P33) (табл. 4).

Таблица 4. Сравнение краниометрических параметров волков из Мец Сепасар (МСВ), современных волков (СВ) и субфоссильных собак (СС) из памятников Армении / Table 4. Cranial measurements of wolves from Mets Sepasar (МСВ), modern wolves (СВ), and subfossil dogs (СС) from archaeological sites of Armenia.

	Переменная	Средняя разница в длине ± SE	Значимость средней разницы (критерий Тьюки, HSD)
P1	МСВ / СВ	3,78 ± 1,17	p = 0,80447
	МСВ / СС	52,38 ± 1,52	p = 0,00000*
	СВ / СС	48,60 ± 2,70	p = 0,00000*
P2	МСВ / СВ	1,06 ± 0,58	p = 0,97975
	МСВ / СС	40,40 ± 2,29	p = 0,00000*
	СВ / СС	41,46 ± 2,87	p = 0,00000*
P3	МСВ / СВ	1,11 ± 0,20	p = 0,97200
	МСВ / СС	35,48 ± 2,37	p = 0,00000*
	СВ / СС	36,59 ± 2,57	p = 0,00000*
P7	МСВ / СВ	3,39 ± 0,29	p = 0,57335
	МСВ / СС	25,48 ± 1,36	p = 0,00000*
	СВ / СС	22,09 ± 1,65	p = 0,00000*
P8	СВ / СС	22,67 ± 3,00	p = 0,00001*
P9	СВ / СС	20,89 ± 1,37	p = 0,00001*
P10	СВ / СС	18,29 ± 2,44	p = 0,00001*
P12	СВ / СС	17,29 ± 0,96	p = 0,00001*
P14	МСВ / СВ	3,68 ± 0,00	p = 0,01009*
	МСВ / СС	8,52 ± 0,07	p = 0,00000*
	СВ / СС	4,84 ± 0,07	p = 0,00072*
P16	СВ / СС	1,89 ± 0,32	p = 0,010077*
P37	СВ / СС	4,32 ± 0,24	p = 0,000014*
P29	МСВ / СВ	5,37 ± 0,19	p = 0,00003*
	МСВ / СС	10,57 ± 0,32	p = 0,00000*
	СВ / СС	5,20 ± 0,13	p = 0,00048*
P30	МСВ / СВ	7,94 ± 0,43	p = 0,17436
	МСВ / СС	38,62 ± 0,95	p = 0,00000*
	СВ / СС	30,67 ± 1,39	p = 0,00000*
P31	МСВ / СВ	0,28 ± 0,23	p = 0,93792
	МСВ / СС	3,56 ± 0,30	p = 0,00035*
	СВ / СС	3,28 ± 0,07	p = 0,00090*
P32	МСВ / СВ	1,94 ± 0,14	p = 0,79173
	МСВ / СС	14,33 ± 0,64	p = 0,00008*
	СВ / СС	12,39 ± 0,78	p = 0,00056*
P33	МСВ / СВ	4,83 ± 0,09	p = 0,17575
	МСВ / СС	9,81 ± 1,39	p = 0,00203*
	СВ / СС	4,98 ± 1,30	p = 0,15928
P38	МСВ / СВ	2,24 ± 0,14	p = 0,48433
	МСВ / СС	10,36 ± 0,18	p = 0,00002*
	СВ / СС	8,13 ± 0,33	p = 0,00053*

P39	МСВ / СВ	3,45 ± 0,18	p = 0,00548*
	МСВ / СС	8,74 ± 0,12	p = 0,00000*
	СВ / СС	5,29 ± 0,06	p = 0,00004*
P13	СВ / СС	13,75 ± 1,42	P = 0,00001*

*Статистически значимая разница при P<0,05

Обзор исследований, посвященный краниометрической изменчивости, позволил выявить преобладание работ, изучающих данный вид на обширных географических территориях [10; 11; 12; 13]. Однако, практически нет работ, посвященных морфологической изменчивости волка в границах сравнительно небольших, участков ареала [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20]. Это обстоятельство послужило предпосылкой к предпринятому исследованию, которое позволило сфокусировать внимание на внутривидовом размерном краниологическом разнообразии серого волка в ограниченном пространственно-временном интервале.

Кавказский волк *Canis lupus cubanensis* [21; 22] распространен в горных лесах Кавказа и Закавказья, северной Турции и на северо-западе Ирана. Размеры кавказского волка средние. Кавказский подвид волка, *Canis lupus cubanensis* (syn. *Canis lupus hajastanicus*), изучен недостаточно и отличается большой вариабельностью размеров. Гептнер и др. [23] его обычно считают довольно некрупной формой волков. Так, по Огневу [21] кондилобазальная длина черепа у самцов кавказского волка *Canis lupus cubanensis* составляет 221–250 мм, а у самок – 209–234 мм. Общая длина черепа у самцов составляет 240,9 – 271,8 мм, у самок 224–250,5 мм (табл. 5).

Даль [24] в работе «К систематике волков Закавказья» по краниологическим данным диагностировал пять взрослых самцов и двух самок волков, хранившихся в Институте зоологии Академии наук Армянской ССР как *Canis lupus hajastanicus* subsp. nova. В дальнейшем эти коллекции пополнились черепами 13 волков, добытых из разных районов Армении, которые были впервые краниометрически обследованы с применением методики Сатунина [25]. Был выявлен диапазон индивидуальных изменений, а также различия в размерах и строении черепа самцов и самок [3].

Сопоставление размеров черепов *Canis lupus lupus* и *Canis lupus cubanensis* с полученными нами данными, наглядно показывает, что минимальные размеры черепов современных и субфоссильных волков с территории Армении находятся в пределах колебания размеров черепов *Canis lupus cubanensis*, что подтверждает размерная вариабельность черепов волков.

Таблица 5. Размеры черепа *Canis lupus lupus* и *Canis lupus cubanensis* в сравнении с другими подвидами / Table 5. Skull measurements of *Canis lupus lupus* and *Canis lupus cubanensis* compared to other subspecies.

		Кондилобазальная длина черепа самцов (мм)		Наибольшая длина черепа самцов (мм)		Скуловая ширина черепа самцов (мм)
<i>Canis lupus cubanensis</i> [21]	–	221–250 (235,7)	–	240–272	–	128–152
<i>Canis lupus lupus</i> [21]	–	218–253 (237,1)	–	229–275 (256,5)	–	119,9–153 (138,9)
<i>Canis lupus</i> (кол.фонд)	n = 18	169–236 (215,5)	n = 18	183–264 (235,5)	n = 18	106–148 (130,4)
<i>Canis lupus</i> (Мец Сена-сар)	n = 6	220–229 (223,2)	n = 6	246–255 (250,0)	n = 6	141–142 (141,5)

Интересные результаты дал кластерный анализ краниометрических признаков субфоссильных волков, собак и современных волков.

Нами при изучении краниометрических параметров черепов самцов и самок современных волков были выявлены достоверные различия по 3 признакам из 7: P30 (скуловая ширина), P33 (наименьшая ширина между орбитами) и P32 (лобная ширина). Так, у самцов значения P30, P33 и P32 оказались больше, чем у самок (табл. 6), что свидетельствует о наличии полового диморфизма у современных волков.

Таблица 6. Показатели краниометрических индексов самцов и самок современных волков / Table 6. Craniometric index values of male and female modern wolves.

Признаки	Современные волки				tφ
	Самка		Самец		t _{st} = 2,45
	M ± SD*	Lim	M ± SD	Lim	P = 0,05
В% от P1					
P2	92,16 ± 1,42	90,72–94,49	91,74 ± 1,47	89,43–94,12	0,56
P3	86,88 ± 1,29	85,65–88,98	86,46 ± 1,51	83,71–88,54	0,56
P30	53,06 ± 2,24	50,21–55,93	55,82 ± 1,18	54,20–58,68	9,12
P7	47,87 ± 1,09	46,38–49,15	47,98 ± 0,98	46,88–50,20	0,65
P29	25,13 ± 2,45	21,28–27,97	24,89 ± 1,06	23,11–26,47	0,29
P33	18,57 ± 1,14	17,02–19,92	19,89 ± 1,29	17,97–22,76	6,26
P32	24,52 ± 2,01	22,55–26,69	26,94 ± 1,49	23,95–28,86	7,98

Примечания: M ± SD — среднее арифметическое ± стандартное отклонение, Lim — минимальное–максимальное значение, *tst* – критическое значение *t*-критерия Стьюдента

Для более полной и объективной характеристики мы сравнили параметры черепов субфосильных и современных волков (самцов). Результаты сравнения показывают, что индексы P29 (ширина мозговой коробки) и P30 (скуловая ширина) достоверно уменьшаются у современных представителей (табл. 7).

Таблица 7. Показатели краниометрических индексов волков из Мец Сепасар и современных волков / Table 7. Craniometric index values of wolves from Mets Sepasar and modern wolves.

Признаки	Волки из Мец Сепасар		Современные волки		tφ
			Самцы		t _{st} = 2,57
	M ± SD	Lim	M ± SD	Lim	P = 0,05
В % от P1					
P2	90,04 ± 1,46	88,71–92,74	91,74 ± 1,47	89,43–94,12	2,34
P3	84,82 ± 1,29	83,67–87,18	86,46 ± 1,51	83,71–88,54	2,30
P30	57,44 ± 1,38	56,08–59,69	55,82 ± 1,18	54,20–58,68	2,65
P7	48,60 ± 0,38	47,84–48,84	47,98 ± 0,98	46,88–50,20	1,53
P29	26,89 ± 1,00	25,88–28,21	24,89 ± 1,06	23,11–26,47	3,89
P33	21,19 ± 0,90	20,32–22,76	19,89 ± 1,29	17,97–22,76	2,21
P32	26,66 ± 0,86	25,90–28,29	26,94 ± 1,49	23,95–28,86	0,41

Примечания: M ± SD — среднее арифметическое ± стандартное отклонение, Lim — минимальное–максимальное значение, *tst* – критическое значение *t*-критерия Стьюдента

По итогам сравнения пропорциональных индексов черепов субфосильных волков из Мец Сепасар и собак были выявлены достоверные отличия по индексам P2 (кондилобазальная длина), P3 (основная длина), P30 (скуловая ширина), при этом P2 и P3 достоверно выше у собак, а P30 – у волков (табл. 8).

Таблица 8. Показатели краниометрических индексов субфоссильных волков (Мец Сепасар) и субфоссильных собак / Table 8. Craniometric index values of subfossil wolves from Mets Sepasar and subfossil dogs.

Признаки	Мец Сепасар		Субфоссильные собаки		t _p
	M ± SD	Lim	M ± SD	Lim	t _{st} = 2,57
					P = 0,05
В % от P1					
P2	90,04 ± 1,46	88,71–92,74	93,44 ± 1,21	91,75–95,45	5,43
P3	84,82 ± 1,29	83,67–87,18	89,40 ± 2,39	86,60–95,76	4,40
P30	57,44 ± 1,38	56,08–59,69	53,02 ± 2,91	47,13–56,97	3,51
P7	48,60 ± 0,38	47,84–48,84	48,53 ± 1,24	45,98–50,25	0,13
P29	26,89 ± 1,00	25,88–28,21	28,69 ± 2,92	24,29–35,15	1,45
P33	21,19 ± 0,90	20,32–22,76	21,71 ± 3,00	17,24–27,45	0,41
P32	26,66 ± 0,86	25,90–28,29	26,23 ± 2,55	21,82–29,38	0,41

Примечания: M±SD — среднее арифметическое ± стандартное отклонение, Lim — минимальное–максимальное значение, *tst* – критическое значение *t*-критерия Стьюдента

Результаты кластерного анализа показали, что наиболее близки между собой субфоссильные волки из Мец Сепасар и самцы современных волков по P29 (ширина мозговой коробки) (Евклидово расстояние = 4,80) (рис. 8).

Наиболее близки между собой субфоссильные волки из Мец Сепасар и субфоссильные собаки по P32 (лобная ширина) (Евклидово расстояние = 4,81) (рис. 10).

Наиболее близки между собой самцы современных волков и субфоссильные собаки по следующим признакам: P2 (кондилобазальная длина), (Евклидово расстояние = 3,90) и P30 (скуловая ширина) (Евклидово расстояние = 2,93) (рис. 4, 6).

Наиболее близки между собой самки и самцы современных волков по следующим признакам: P3 (основная длина) (Евклидово расстояние = 3,86), P7 (длина мозговой части) (Евклидово расстояние = 1,92) и P33 (наименьшая ширина между орбитами) (Евклидово расстояние = 5,60) (рис. 5, 7, 9).

Результаты кластерного анализа показали, что из семи сравниваемых параметров черепа наиболее близки к волкам из Мец Сепасар современные волки по признаку P32, а по индексу P29 субфоссильные волки из Мец Сепасар и самцы современных волков. Учитывая также схожесть абсолютных размеров черепов волков из Мец Сепасар и самцов современных волков, можно предположить, что семь черепов, обнаруженных в памятнике Мец Сепасар, скорее всего, принадлежат самцам.

Заключение

Проведены краниологические исследования семи жертвенных волков из захоронения в святилище бронзового века (XXVIII–XXVI вв. до н.э.) Мец Сепасар. Рассмотрены в сравнительном аспекте параметры черепа субфоссильных и современных волков с территории Армении, хранящихся в коллекционных фондах Института зоологии.

Установлено, что свыше 90% параметров черепа волков из Мец Сепасар соответствуют таковым рецентных волков. Черепа волков из Мец Сепасар и современных волков из коллекционных фондов различаются между собой в широтных промерах и высоте черепа, причем признаки «ширина мозговой коробки» и «скуловая ширина» достоверно уменьшаются у рецентных волков.

Сравнение черепов субфоссильных волков из Мец Сепасар и субфоссильных собак выявило достоверные отличия по кондилобазальной и основной длине, которая выше у собак, а также по скуловой ширине, которая выше у волков. На основе остеометрического обследования черепов рецентных волков, установлены диапазоны индивидуальных вариаций, а также различия в размерах и строении черепа у самцов и самок, при этом показатели широтных параметров у самцов превышают таковые у самок, что указывает на наличие полового диморфизма.

Результаты кластерного анализа показали, что наиболее близки между собой самки и самцы современных волков по основной длине, длине мозговой части и наименьшей ширине между орбитами. Результаты исследования существенно дополняют данные по краниологии семейства *Canidae* и служат хорошим подспорьем для определения их костных остатков в материалах из раскопок археологических памятников. Учитывая, что Мец Сепасар находится в самом холодном регионе Армении, где зафиксированы экстремальные температуры до -40°C , а в недавнем прошлом (1960 г.) был установлен рекорд холода для Кавказа (-46°C), полученные результаты подтверждают гипотезу Бергмана [26] о том, что животные в холодных климатических условиях имеют тенденцию быть крупнее, так как увеличение массы тела способствует снижению теплопотерь. Это может объяснять, почему как современные, так и субфоссильные волки из Мец Сепасар отличаются более крупными размерами по сравнению с волками из других регионов Армении. Обнаруженные краниометрические различия могут быть связаны с локальной адаптацией, изменениями в экосистеме или эволюционными процессами, затрагивавшими популяцию волков из Мец Сепасар.

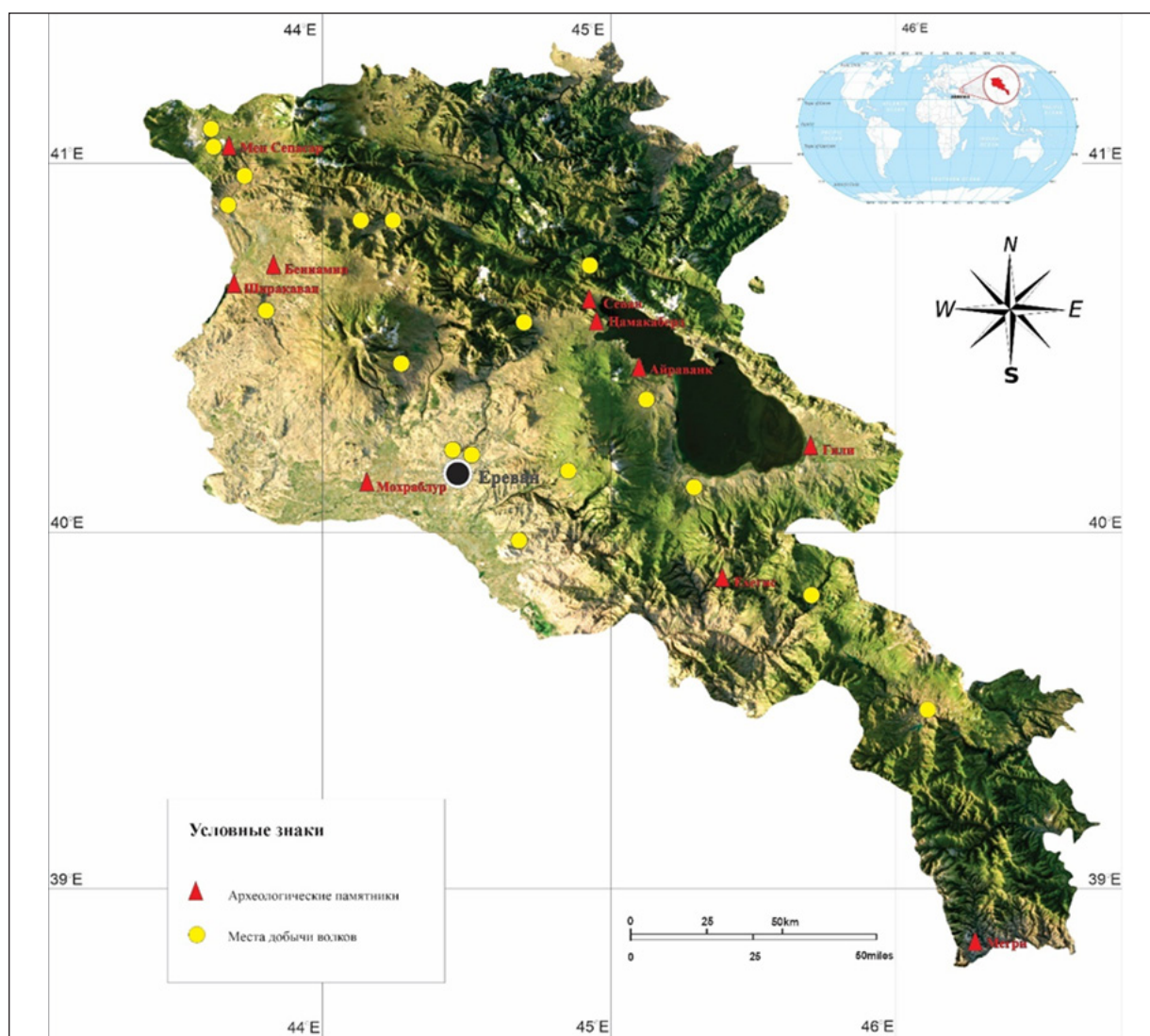

Рис 1. Карта, иллюстрирующая местонахождения археологических памятников и пункты сбора изучаемого материала. Археологические памятники — Мец Сепасар, Бениамин, Ширакаван, Севан, Цамакаберд, Айраванк, Гилли, Мохраблур, Егегис, Мегри. Места добычи волков — Арденис, Бердашен, Амасия, Мармарашен, Луйсахбюр, Джрашен, Лернанцк, Арташаван, Раздан, Гош, Норатус, Верин Геташен, Аштарак, Егвард, Севаберд, Веди, Кечут, Уйц

Fig. 1. Map showing archaeological sites and sampling locations of study material. Archaeological sites — Mets Sepasar, Beniamin, Shirakavan, Sevan, Tsamakaberd, Hayravank, Gilli, Mokhrablur, Yeghegis, Meghri. Sampling locations – Ardenis, Berdashen, Amasia, Marmarashen, Luysaghbyur, Jrashen, Lernantsk, Artashavan, Hrazdan, Gosh, Noratus, Verin Getashen, Ashtararak, Yeghvard, Sevaberd, Vedi, Kechut, Uys

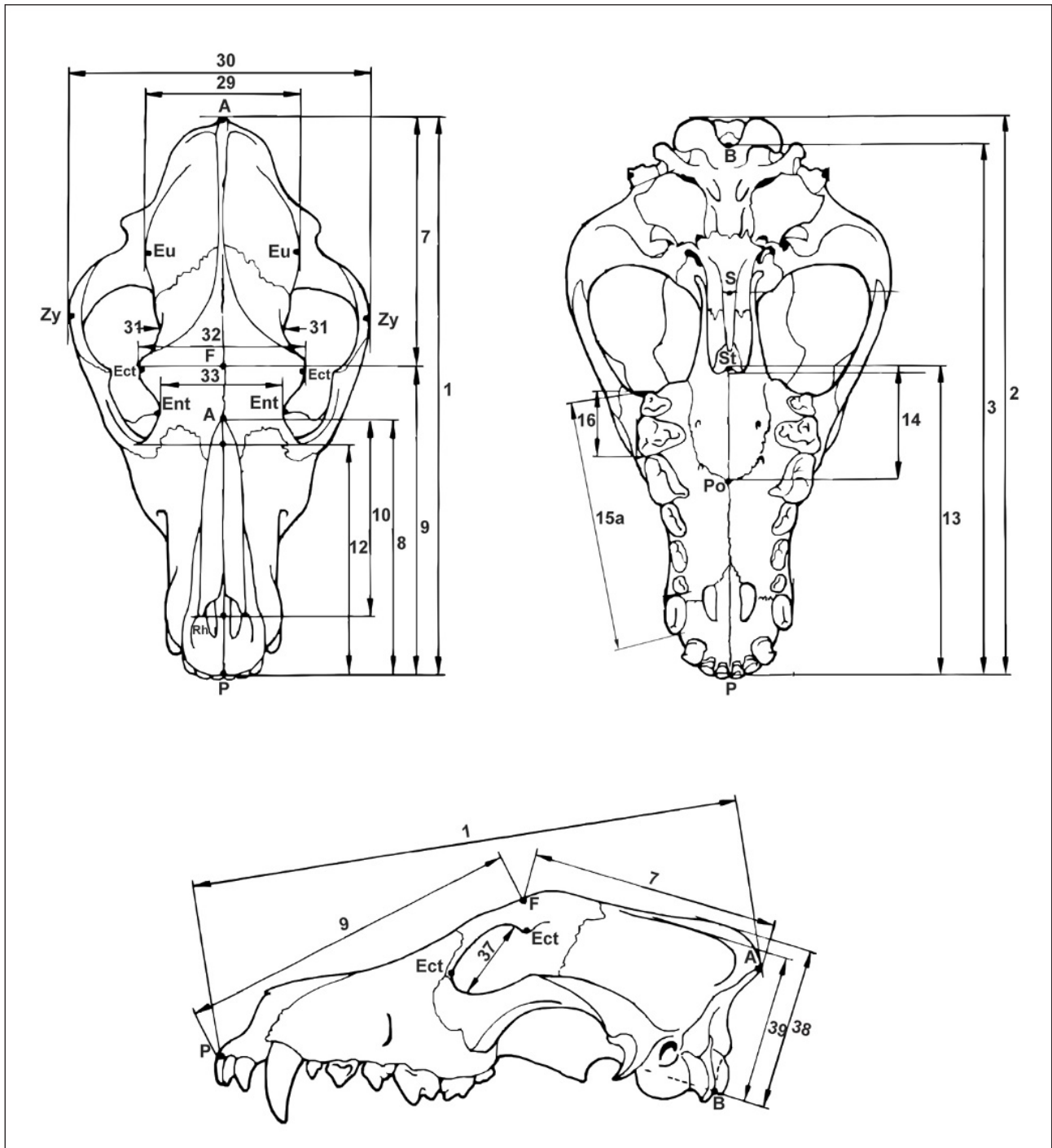

Рис 2. Схема промеров черепа псовых (Canidae) по: von den Driesch, 1976.

P1 – Общая длина черепа; P2 – Кондилобазальная длина; P3 – Основная длина; P7 – Длина мозгового отдела; P8 – Висцеральная длина; P9 – Длина лицевого отдела; P10 – Длина носовых костей; P12 – Лицевая длина; P14 – Длина горизонтальной части небной кости; P15a – Длина верхнего зубного ряда C1–M2; P16 – Длина коренных зубов M1–M2; P37 – Диаметр глазницы; P29 – Ширина мозговой коробки; P30 – Скуловая ширина; P31 – Наименьшая ширина черепа; P32 – Лобная ширина; P33 – Ширина между орбитами; P38 – Высота черепа в затылочном отделе; P39 – Высота черепа без сагиттального гребня; P13 – Длина костного неба

Fig. 2. Scheme of canine (Canidae) skull measurements by von den Driesch, 1976

P1 – Total length; P2 – Condylbasal length; P3 – Basal length; P7 – Neurocranium length; P8 – Viscerocranium length; P9 – Facial length; P10 – Greatest length of the nasals; P12 – ‘Snout’ length; P14 – Length of the horizontal part of the palatine; P15a – Length of the upper tooth row C1-M2; P16 – Length of the molar row M1-M2; P37 – Greatest inner height of the orbit; P29 – Greatest neurocranium breadth; P30 – Zygomatic breadth; P31 – Least breadth of skull; P32 – Frontal breadth; P33 – Least breadth between the orbits; P38 – Skull height; P39 – Skull height without the sagittal crest; P13 – Median palatal length

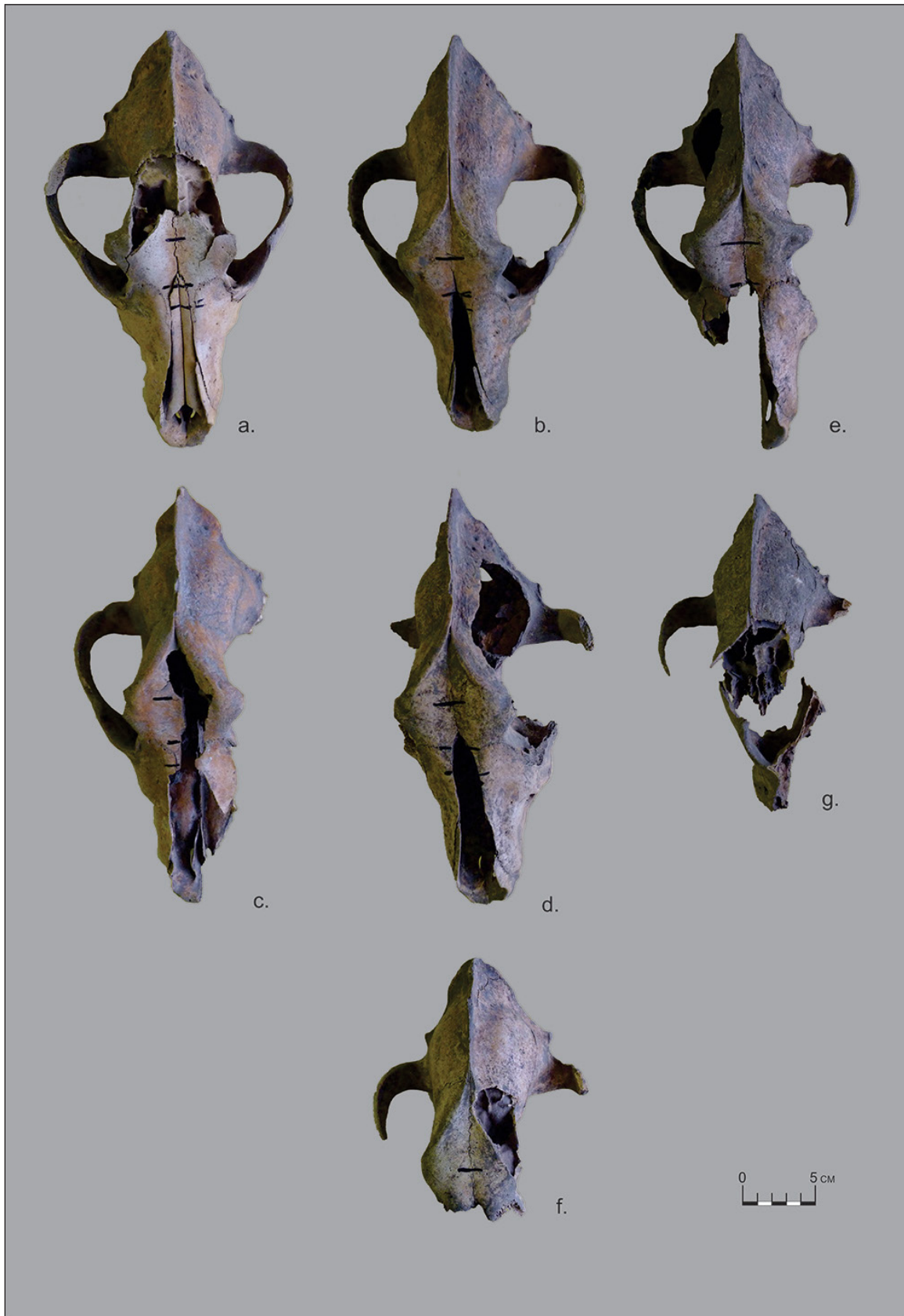

Рис 3. Черепа волков из раннебронзового памятника Мец Сепасар

Fig. 3. Wolf skulls from the Early Bronze Age sanctuary of *Mets Sepasar*

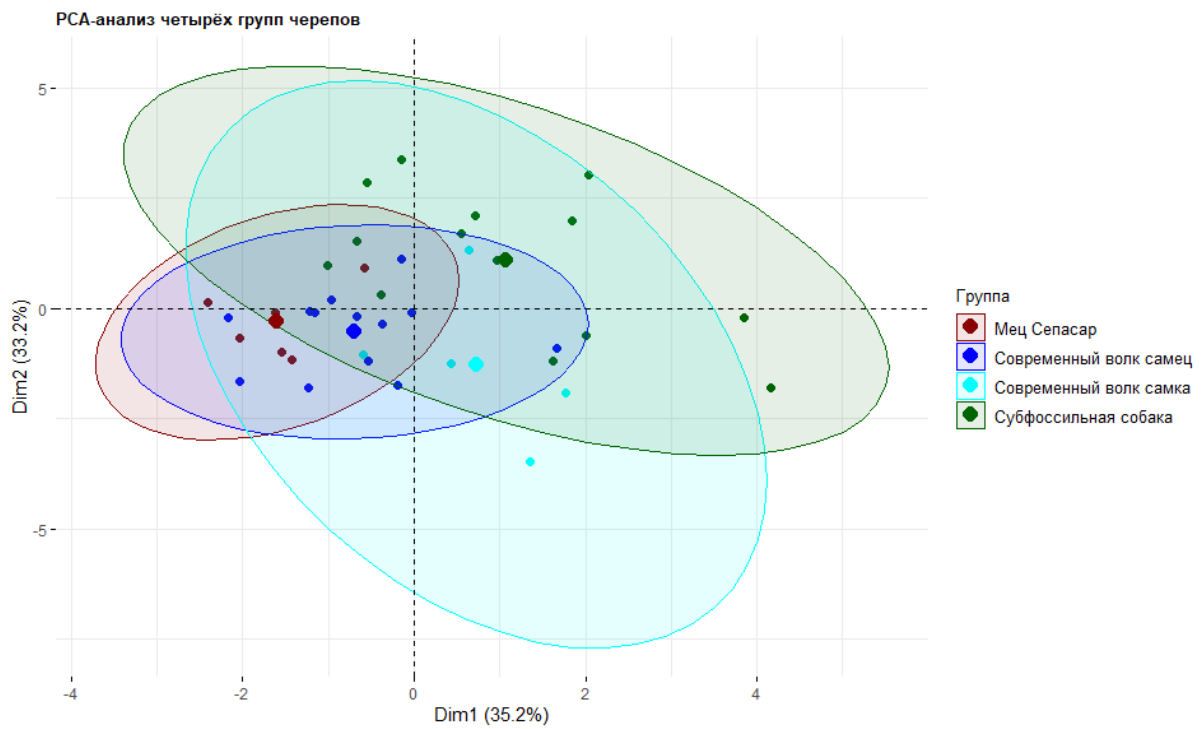
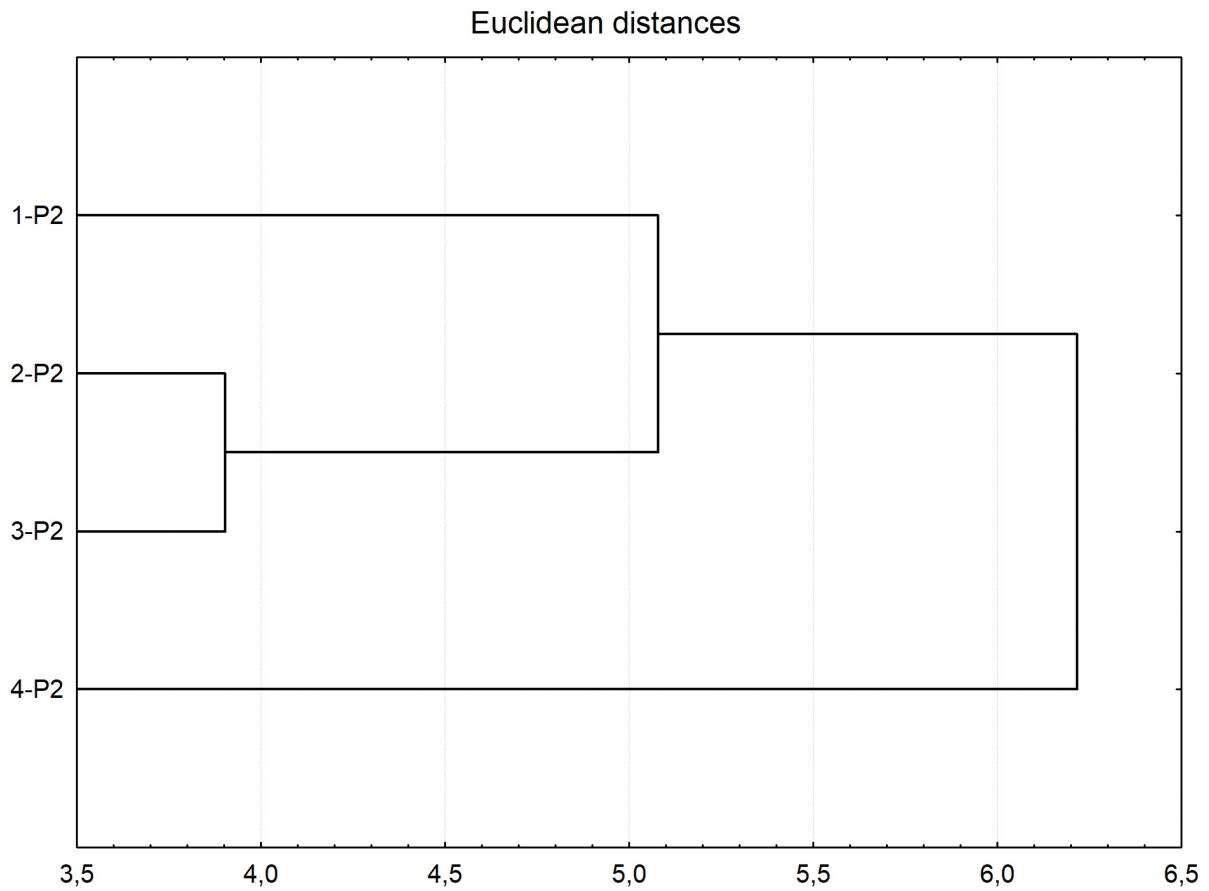

Рис 4. Дендрограмма сходства черепа по P2 у самцов современных волков (1), самок современных волков (2), субфоссильных собак (3), волков из Метс Сепасар (4)

Fig. 4. Dendrogram of skull similarity based on P2 for male modern wolves (1), female modern wolves (2), subfossil dogs (3), and wolves from Mets Sepasar (4)

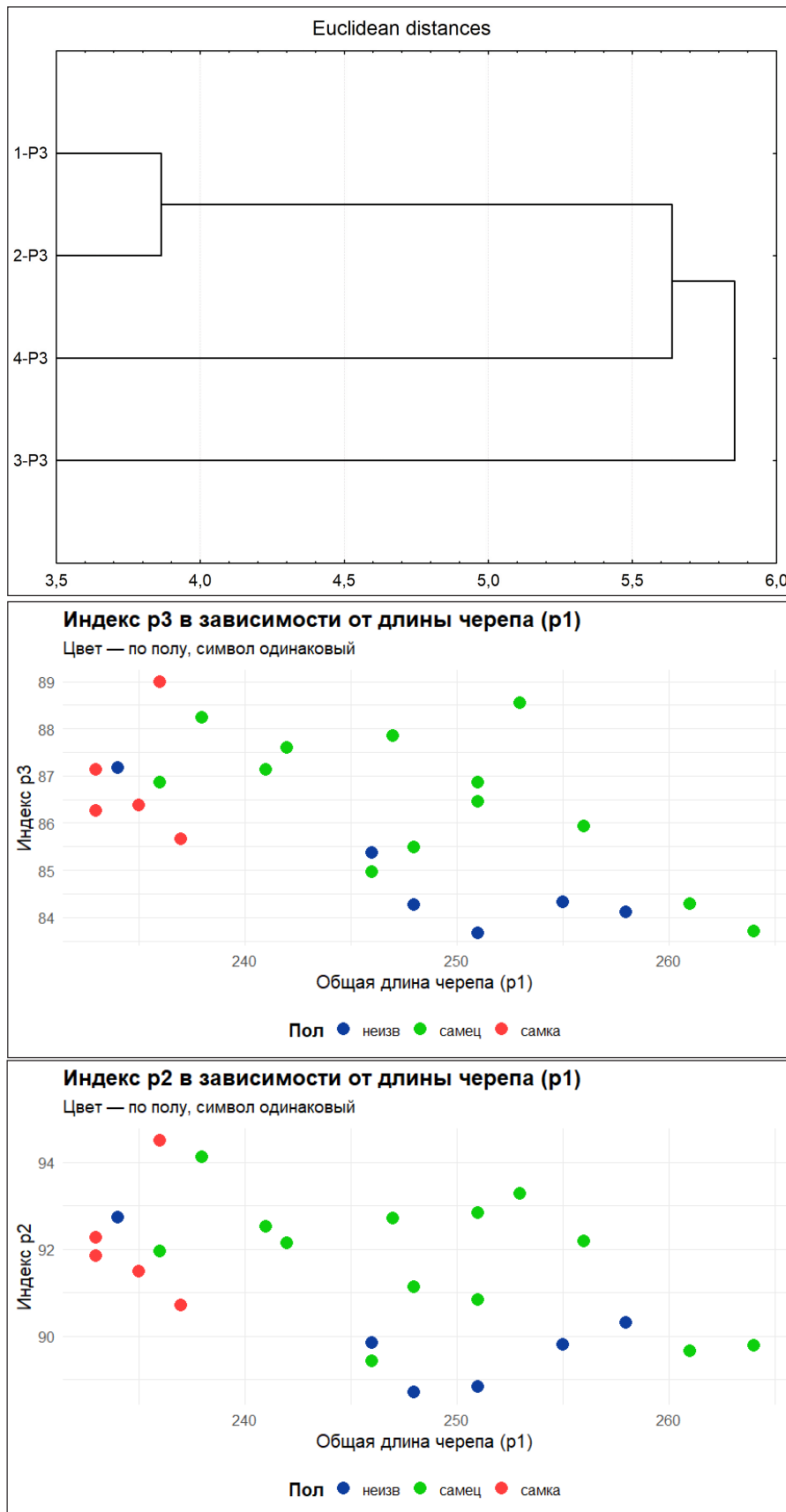
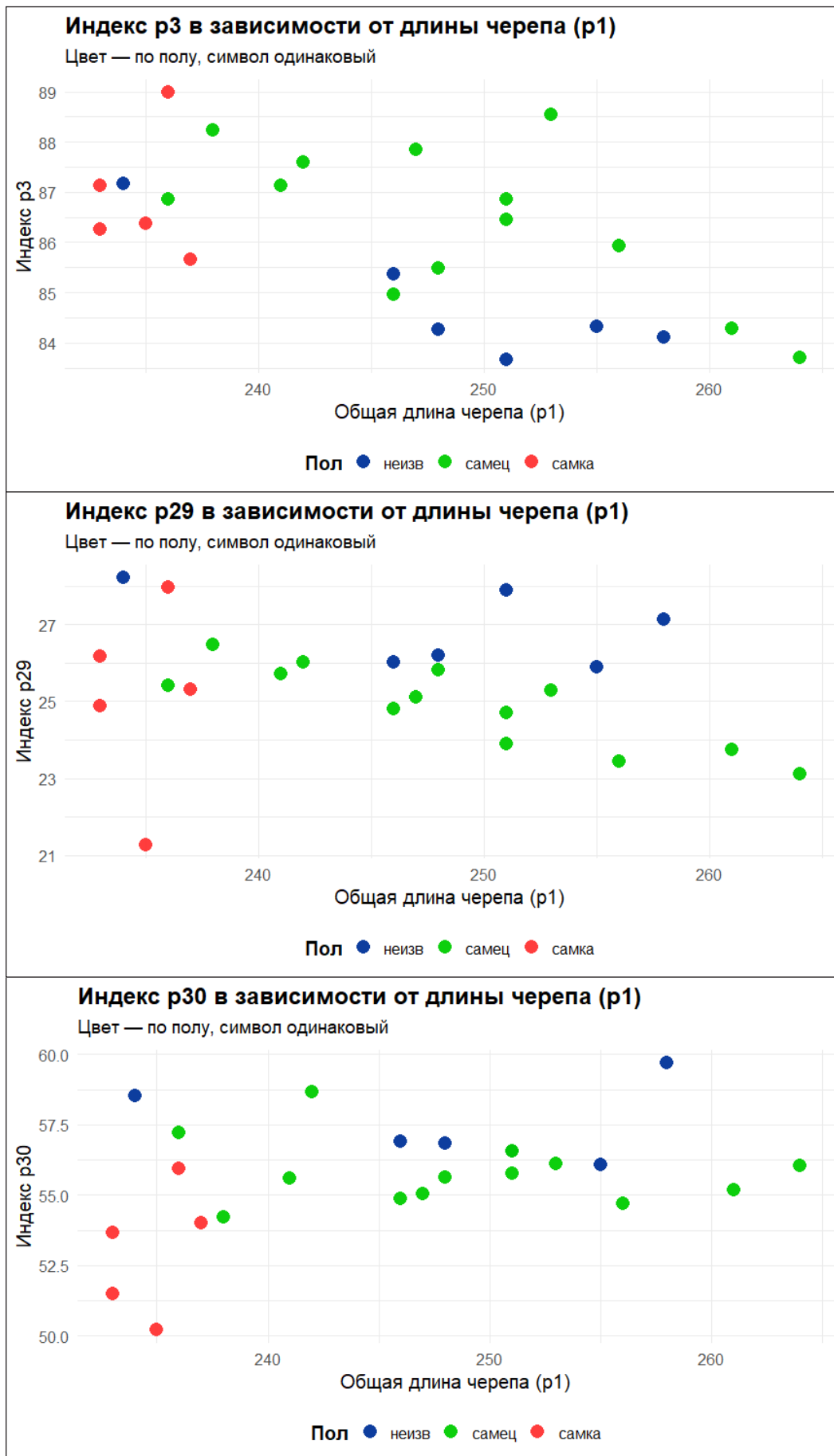
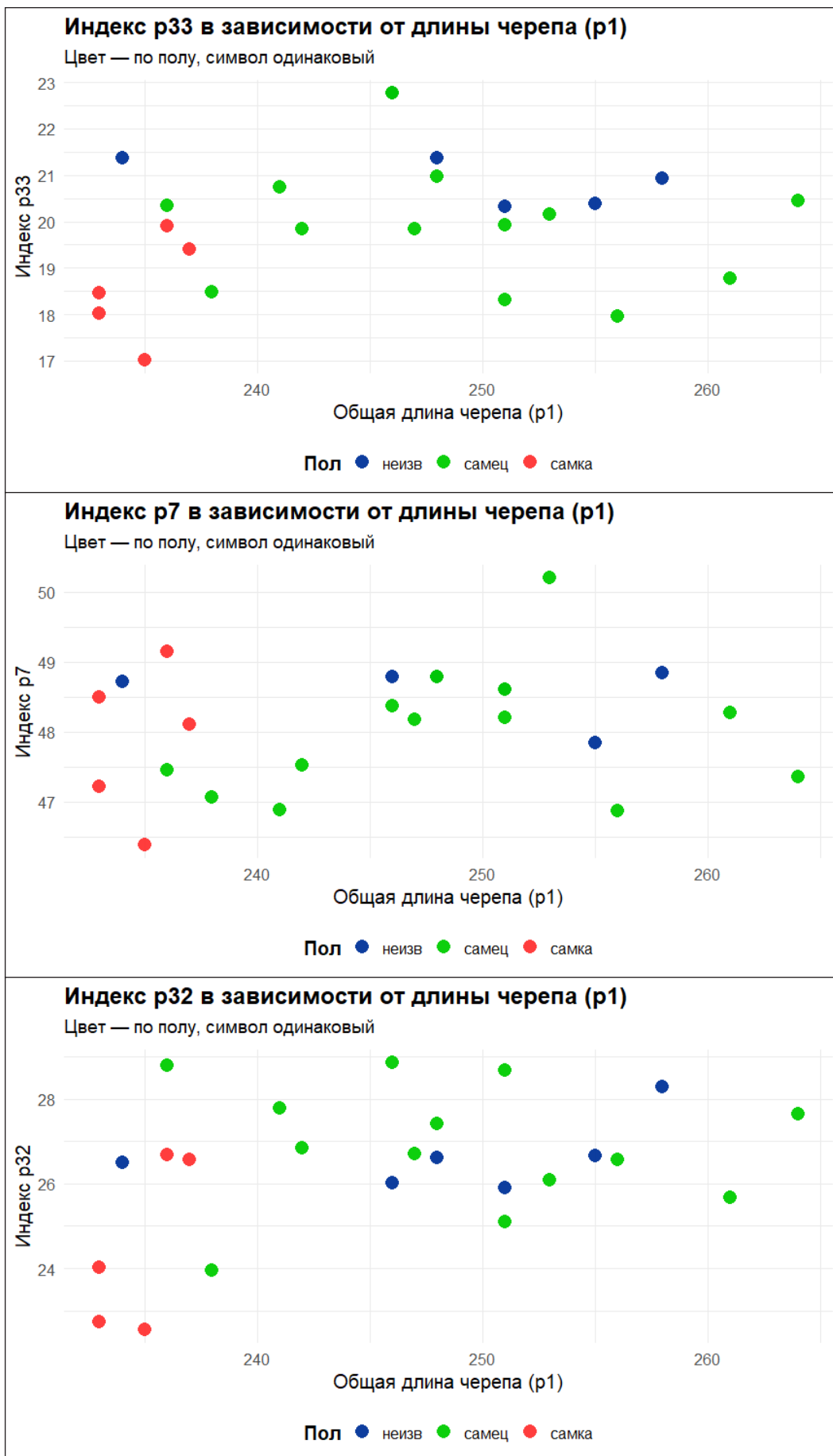

Рис 5. Дендрограмма сходства черепа по P3 у самцов современных волков (1), самок современных волков (2), субфоссильных собак (3), волков из Мец Сепасар (4)

Fig 5. Dendrogram of skull similarity based on P3 for male modern wolves (1), female modern wolves (2), subfossil dogs (3), and wolves from Mets Sepasar (4)

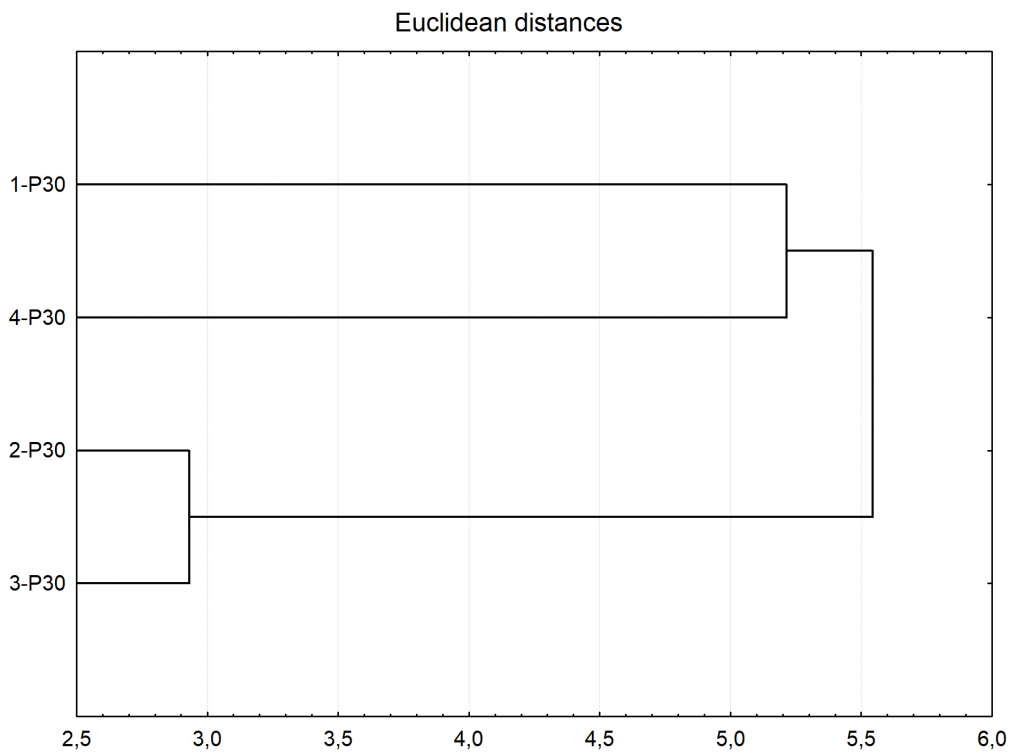

Рис 6. Дендрограмма сходства черепа по P30 у самцов современных волков (1), самок современных волков (2), субфосильных собак (3), волков из Мец Сепасар (4)

Fig. 6. Dendrogram of skull similarity based on P30 for male modern wolves (1), female modern wolves (2), subfossil dogs (3), and wolves from Mets Sepasar (4)

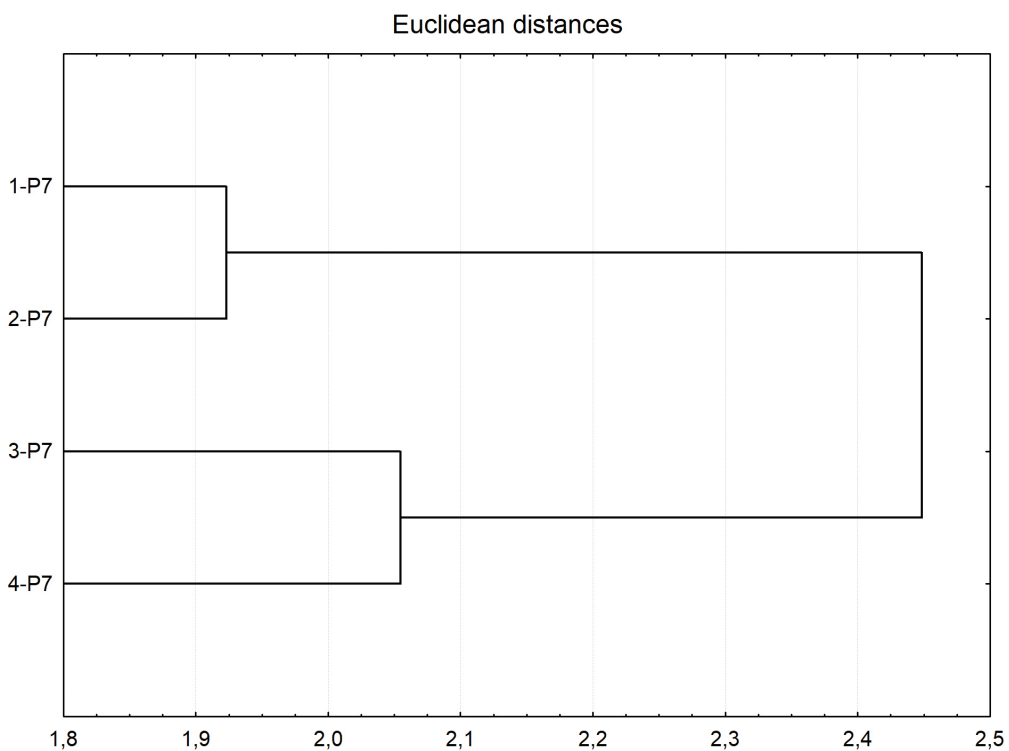

Рис 7. Дендрограмма сходства черепа по P7 у самцов современных волков (1), самок современных волков (2), субфосильных собак (3), волков из Мец Сепасар (4)

Fig. 7. Dendrogram of skull similarity based on P7 for male modern wolves (1), female modern wolves (2), subfossil dogs (3), and wolves from Mets Sepasar (4)

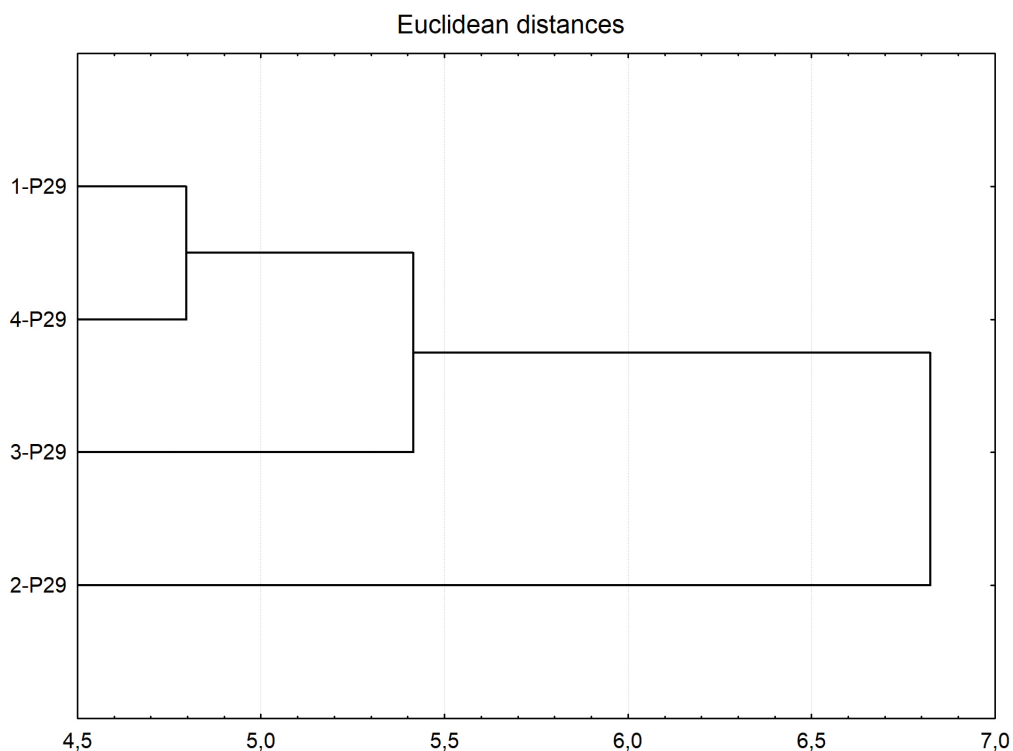

Рис. 8. Дендрограмма сходства черепа по P29 у самцов современных волков (1), самок современных волков (2), субфоссильных собак (3), волков из Мец Сепасар (4)

Fig. 8. Dendrogram of skull similarity based on P29 for male modern wolves (1), female modern wolves (2), subfossil dogs (3), and wolves from Mets Sepasar (4)

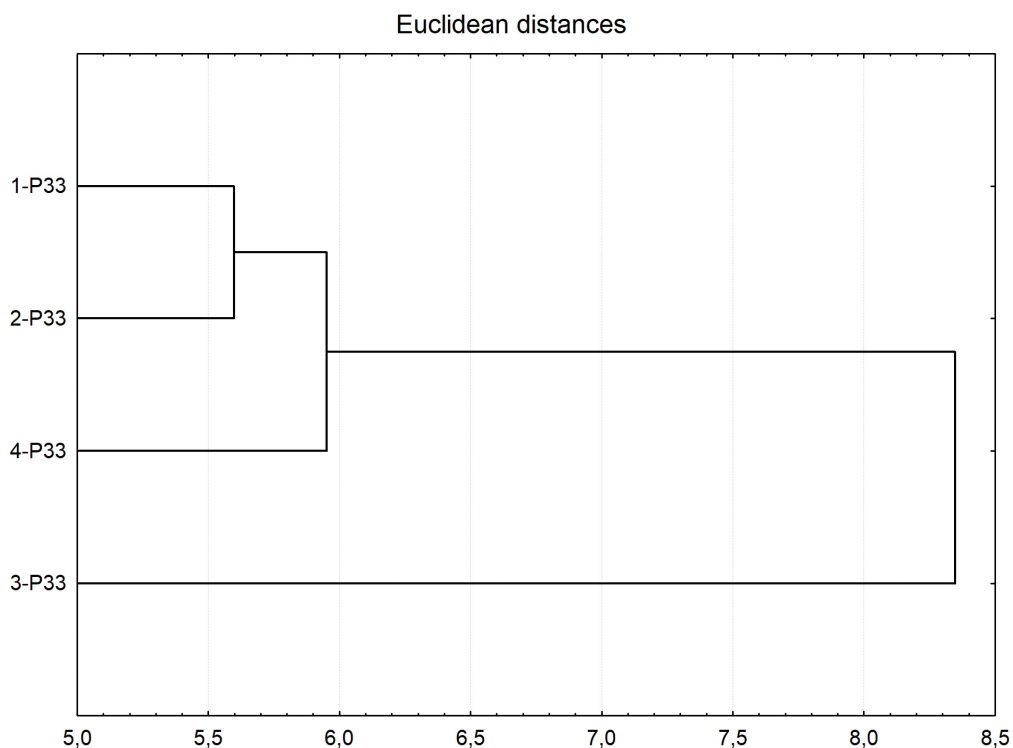

Рис 9. Дендрограмма сходства черепа по P33 у самцов современных волков (1), самок современных волков (2), субфоссильных собак (3), волков из Мец Сепасар (4)

Fig. 9. Dendrogram of skull similarity based on P33 for male modern wolves (1), female modern wolves (2), subfossil dogs (3), and wolves from Mets Sepasar (4)

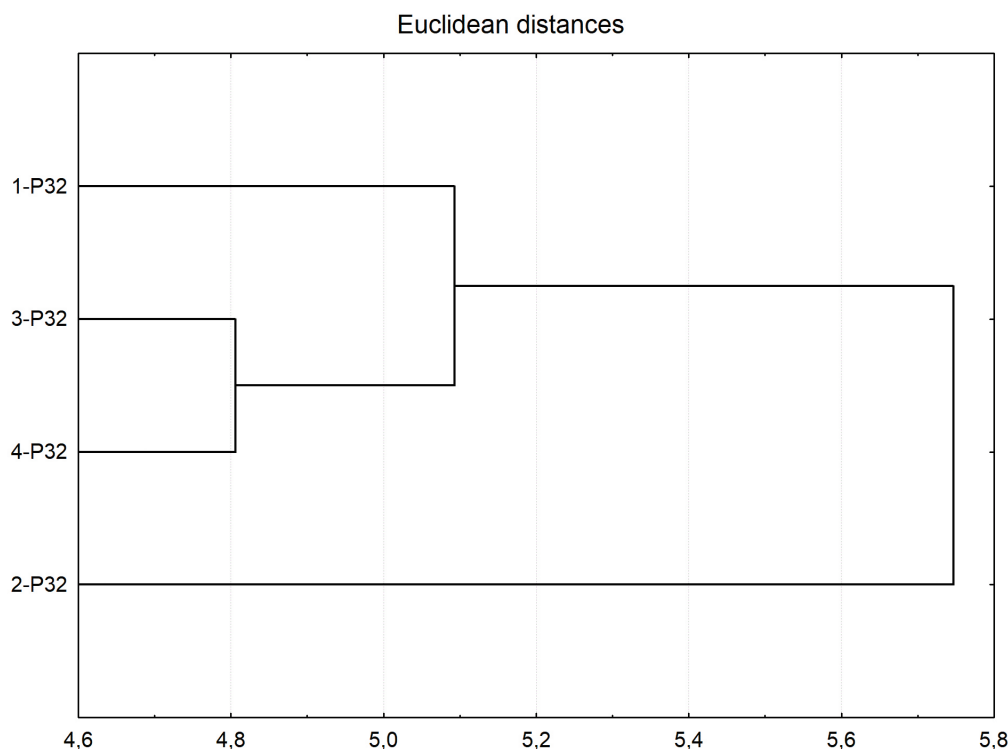

Рис 10. Дендрограмма сходства черепа по P32 у самцов современных волков (1), самок современных волков (2), субфосильных собак (3), волков из Мец Сепасар (4)

Fig. 10. Dendrogram of skull similarity based on P32 for male modern wolves (1), female modern wolves (2), subfossil dogs (3), and wolves from Mets Sepasar (4)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Межлумян С.К., Манасерян Н.У. Палеолитическая фауна «Ереванской пещеры» // Природа Армении. 1973. Вып. 1. С. 24–27.
2. Манасерян Н.У. Морфологическая характеристика черепа собак из археологических памятников Армении // Тезисы Республиканской научной конференции по зоологии (14–15 мая 1998 г., Ереван). Ереван: НАН РА, 1998. С. 70–71.
3. Мирзоян Л.Г. Дополнение к краниологии волков Закавказья // Материалы II Республиканской молодежной научной конференции. Ереван – Бюракан: ЕГУ, 2001. С. 217–222.
4. Егянян Л.В. Памятник раннебронзового периода Мец Сепасар в контексте индоевропейских верований и ритуалов // Труды Маргианской археологической экспедиции. М., 2012. Т. 4. С. 272–288.
5. Balyan L., Manaseryan N., Ghasabyan M., Kumelova M., Gyonjyan A. Osteometric data of Avian Fauna of Armenia: A baseline for zoologists and archaeozoologists // Data in Brief. 2024. Vol. 52. DOI: 10.1016/j.dib.2024.110059.
6. Driesch V.D. A Guide to the Measurement of Animal Bones from Archaeological Sites. Harvard: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, 1976.
7. Лакин Г.Ф. Биометрия. М.: Высшая школа, 1968. – 283 с.
8. Плохинский Н.А. Алгоритмы биометрии / под ред. Б.В. Гнеденко. М.: МГУ, 1980. – 150 с.
9. Лакин Г.Ф. Биометрия. М.: Высшая школа, 1990. – 350 с.
10. Россолимо О.Л., Долгов В.А. Закономерности изменчивости черепа волка (*Canis lupus* Linnaeus, 1758) на территории СССР // Acta Theriologica. 1965. Vol. 10. № 12. P. 195–207.

REFERENCES

1. Mezhlumyan SK., Manaseryan NU. Paleolithic fauna of the "Yerevan Cave". *Nature of Armenia*. 1973; (1): 24-7. (In Russ)
2. Manaseryan NU. Morphological characteristics of dog skulls from archaeological sites in Armenia. *Abstracts of the Republican Scientific Conference on Zoology (May 14-15, 1998, Yerevan)*. Yerevan: NAS RA, 1998: 70-71. (In Russ)
3. Mirzoyan LG. Addition to the craniology of wolves of Transcaucasia. *Materials of the II Republican Youth Scientific Conference*. Yerevan - Byurakan: YSU, 2001: 217-222. (In Russ)
4. Eganyan LV. The Early Bronze Age monument of Mets Sepasar in the context of Indo-European beliefs and rituals. *Transactions of the Margiana Archaeological Expedition*. Moscow, 2012; 4: 272-288. (In Russ)
5. Balyan L., Manaseryan N., Ghasabyan M., Kumelova M., Gyonjyan A. Osteometric data of Avian Fauna of Armenia: a baseline for zoologists and archaeozoologists. *Data in Brief*. 2024; 52. DOI: 10.1016/j.dib.2024.110059.
6. Driesch VD. *A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites*. Harvard: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, 1976.
7. Lakin GF. *Biometry*. Moscow: Vysshaya Shkola, 1968.
8. Plokhinsky NA. *Algorithms of biometry*, ed. by B.V. Gnedenko. Moscow: MSU, 1980. (In Russ)
9. Lakin GF. *Biometry*. Moscow: Vysshaya Shkola, 1990. (In Russ)
10. Rossolimo O.L., Dolgov V.A. Patterns of variation in the skull of the wolf (*Canis lupus* Linnaeus, 1758) on the territory of the USSR. *Acta Theriologica*. 1965; 10(12): 195-207. (In Russ)

11. Бибиков Д.И. Волк. Происхождение, систематика, морфология, экология. М.: Наука, 1985. – 606 с.
12. Юдин В.Г. Волк Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2013. – 412 с.
13. Филипченко Ю.А. Изменчивость и методы её изучения. М.: Государственное издательство, 1917. – 240 с.
14. Pilot M., Branicki W., Jędrzejewski W., Goszczyński J., Jędrzejewska B., Dykyy I., Shkvyrya M., Tsingarska E. Phylogeographic history of grey wolves in Europe // *BMC Evolutionary Biology*. 2010. Vol. 10. 104. DOI: 10.1186/1471-2148-10-104
15. Pilot M., Moura A.E., Okhlopov I.M., Mamaev N.V., Manaseryan N.H., Hayrapetyan V., Kopaliani N., Tsingarska E., Alagaili A.N., Mohammed O.B., Ostrander E.A., Bogdanowicz W. Human-modified canids in human-modified landscapes: The evolutionary consequences of hybridization for grey wolves and free-ranging domestic dogs // *Evolutionary Applications*. 2021. 14(10). Pp. 2433-2456. DOI: 10.1111/eva.13257
16. Корablёв Н.П., Корablёв М.П., Корablёв П.Н., Дикарёв С.В. Внутрипопуляционный полиморфизм симпатричных псовых (*Canis lupus*, *Vulpes vulpes*, *Nyctereutes procyonoides*): краниометрические данные // *Принципы экологии*. 2020. № 2. С. 17–39.
17. Корablёв Н.П., Корablёв П.Н., Корablёв М.П., Корablёв А.П., Седова Н.А., Зиновьев А.В. 2021. Изменчивость краниометрических признаков *Canis lupus*, *Carnivora*, *Canidae* в центре Европейской России // *Nature Conservation Research*. Заповедная наука. 2021. Т. 6. № 1. С. 50–67. DOI: 10.24189/ncr.2021.008
18. Климовский А.И., Колесов С.Д. Новые находки волка (*Canis lupus* L. 1758) в позднплейстоценовых отложениях Колымо-Индигоирской низменности. Природные ресурсы Арктики и Субарктики. 2022. 27(4). С. 592–599. DOI: 10.31242/2618-9712
19. Бондарев А.Я., Оводов Н.Д. О размерах черепов современных и плейстоценовых волков (*Canis lupus* L.) Алтая // *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2013. № 8 (106). С. 69–70.
20. Mashkour M., Monchot H., Trinkaus E., Reyss J.-L., Biglari F., Bailon S., Heydari S., Abdi K. Carnivores and their prey in the Wezmeh Cave (Kermanshah, Iran): A Late Pleistocene refuge in the Zagros. *International Journal of Osteoarchaeology*. 2009. 19(6). Pp. 678–694. DOI: 10.1002/oa.997
21. Огнев С.И. Звери Восточной Европы и Северной Азии. Хищные млекопитающие. Т. 2. М. – Л.: Госиздат, 1931. – 776 с.
22. Аристов А.А., Барышников Г.Ф. Млекопитающие России и сопредельных территорий. Хищные и ластоногие. СПб.: Зоологический институт РАН, 2001. – 558 с.
23. Гептнер В.Г., Наумов Н.П., Юргенсон П.Б., Слудский А.А., Чиркова А.Ф., Банников А.Г. Морские коровы и хищные Советского Союза. М.: Высшая школа, 1967. Т. II. Ч. 1. С. 1003.
24. Даль С.К. К систематике волков Закавказья // *Доклады АН АрмССР*. 1951. Т. XIV. С. 87–92.
25. Сатунин К.А. Млекопитающие Кавказского края. Тифлис: Тип. Канцелярии наместника Е. И. В. на Кавказе, 1920. 2 т. – 223 с.
26. Meiri S., Dayan T. On the validity of Bergmann's Rule // *Evolutionary Ecology Research*. 2003. № 5(5). С. 747–754. DOI: 10.1046/j.1365-2699.2003.00837.x
11. Bibikov D.I. *The wolf. Origin, systematics, morphology, ecology*. Moscow: Nauka, 1985. (In Russ)
12. Yudin V.G. *The wolf of the Russian Far East*. Vladivostok: Dalnauka, 2013. (In Russ)
13. Filipchenko YuA. *Variability and methods of its study*. Moscow: State Publishing House, 1917. (In Russ)
14. Pilot M., Branicki W., Jędrzejewski W., Goszczyński J., Jędrzejewska B., Dykyy I., Shkvyrya M., Tsingarska E. Phylogeographic history of grey wolves in Europe. *BMC Evolutionary Biology*. 2010; 10(104). DOI: 10.1186/1471-2148-10-104.
15. Pilot M., Moura A.E., Okhlopov I.M., Mamaev N.V., Manaseryan N.H., Hayrapetyan V., Kopaliani N., Tsingarska E., Alagaili A.N., Mohammed O.B., Ostrander E.A., Bogdanowicz W. Human-modified canids in human-modified landscapes: the evolutionary consequences of hybridization for grey wolves and free-ranging domestic dogs. *Evolutionary Applications*. 2021; 14(10): 2433-2456. DOI: 10.1111/eva.13257.
16. Korablev NP., Korablev MP., Korablev PN., Dikarev SV. Intrapopulation polymorphism of sympatric canids (*Canis lupus*, *Vulpes vulpes*, *Nyctereutes procyonoides*): craniometric data. *Principles of Ecology*. 2020; (2): 17-39. (In Russ)
17. Korablev NP., Korablev PN., Korablev MP., Korablev AP., Sedova NA., Zinoviev AV. Variability of craniometric characters of *Canis lupus*, *Carnivora*, *Canidae* in the center of European Russia. *Nature Conservation Research*. 2021; 6(1): 50-67. DOI: 10.24189/ncr.2021.008. (In Russ)
18. Klimovsky AI., Kolesov SD. New finds of the wolf (*Canis lupus* L. 1758) in the Late Pleistocene deposits of the Kolyma-Indigirka lowland. *Natural Resources of the Arctic and Subarctic*. 2022; 27(4): 592-599. DOI: 10.31242/2618-9712. (In Russ)
19. Bondarev AY., Ovodov ND. On the skull sizes of modern and Pleistocene wolves (*Canis lupus* L.) of Altai. *Bulletin of the Altai State Agricultural University*. 2013; 106(8): 69-70. (In Russ)
20. Mashkour M., Monchot H., Trinkaus E., Reyss J.-L., Biglari F., Bailon S., Heydari S., Abdi K. Carnivores and their prey in the Wezmeh Cave (Kermanshah, Iran): a Late Pleistocene refuge in the Zagros. *International Journal of Osteoarchaeology*. 2009; 19(6): 678-694. DOI: 10.1002/oa.997.
21. Ognev SI. *Animals of Eastern Europe and Northern Asia. Carnivorous mammals*. Vol. 2. Moscow - Leningrad: Gosizdat, 1931. (In Russ)
22. Aristov AA., Baryshnikov GF. *Mammals of Russia and adjacent territories. Carnivores and pinnipeds*. Saint-Petersburg: Zoological Institute of the RAS, 2001. (In Russ)
23. Heptner V.G., Naumov NP., Yurgenson P.B., Sludsky AA., Chirkova AF., Bannikov AG. *Sea cows and carnivores of the Soviet Union*. Vol. II. Pt. 1. Moscow: Vysshaya Shkola, 1967. (In Russ)
24. Dal SK. On the systematics of wolves in Transcaucasia. *Reports of the Academy of Sciences of the ArmSSR*. 1951; 14: 87-92. (In Russ)
25. Satunin KA. *Mammals of the Caucasian region*. Tiflis: Typography of the Chancellery of His Imperial Majesty's Viceroy in the Caucasus, 1920. (In Russ)
26. Meiri S., Dayan T. On the validity of Bergmann's Rule. *Evolutionary Ecology Research*. 2003; 5(5): 747-754. DOI: 10.1046/j.1365-2699.2003.00837.x.

Поступила в редакцию 06.02.2025

Принята в печать 28.04.2025

Опубликована 15.03.2026

Received 06.02.2025

Accepted 28.04.2025

Published 15.03.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH22198-118>

Исследовательская статья

Каширская Наталья Николаевна
кандидат биологических наук, старший научный сотрудник
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино, Россия
nkashirskaya81@gmail.com

Чернышева Елена Владиславовна
кандидат биологических наук, старший научный сотрудник
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино, Россия
chernysheva1988@gmail.com

Хомутова Татьяна Эдуардовна
кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино, Россия
khomutova-t@rambler.ru

Евстигнеев Алексей Максимович
независимый исследователь
Тульский государственный университет, Тула, Россия
eustigneeew.oleg2015@yandex.ru

Клещенко Александр Александрович
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
sansanych@bk.ru

Малашев Владимир Юрьевич
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
malashev@yandex.ru

Мимоход Роман Алексеевич
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
mimokhod@gmail.com

Зенюк Дмитрий Игоревич
младший научный сотрудник
Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, Азов, Россия
dspl-online@dspl.ru

Для цитирования: Каширская Н.Н., Чернышева Е.В., Хомутова Т.Э., Евстигнеев А.М., Клещенко А.А., Малашев В.Ю., Мимоход Р.А., Зенюк Д.И., Амаякян С.Г., Бобохян А.А., Борисов А.В. Микробиологические следы древней пищи в сосудах из погребений // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. No 1. С. 98-118. doi.org/10.32653/CH22198-118

© Каширская Н.Н., Чернышева Е.В., Хомутова Т.Э., Евстигнеев А.М., Клещенко А.А., Малашев В.Ю., Мимоход Р.А., Зенюк Д.И., Амаякян С.Г., Бобохян А.А., Борисов А.В., 2026
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2026

Амаякян Симон Геворгович
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт археологии и этнографии
Национальная академия наук Республики Армения, Ереван, Армения
s.hmayakyan@gmail.com

Бобохян Арсен Александрович
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт археологии и этнографии
Национальная академия наук Республики Армения, Ереван, Армения
arsen.bobokhyan@sci.am

Борисов Александр Владимирович
кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино, Россия
a.v.borisovv@gmail.com

МИКРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ ДРЕВНЕЙ ПИЩИ В СОСУДАХ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ

Аннотация. Цель работы заключалась во введении в научный оборот новой информации о трофической структуре и таксономической диагностике микроорганизмов, сохранившихся в придонном грунте заполнения ритуальных сосудов из погребений в различных регионах Кавказа, степной зоны России и Армении. Были исследованы образцы грунта из 42 сосудов. В 4 образцах оценка численности трофических групп микробных сообществ позволила установить отсутствие пищи, в 16 образцах – наличие низкокалорийной пищи и в 12 образцах – наличие пищи с высоким содержанием жира. В 16 образцах грунта, половина из которых принадлежала к группе с высоким содержанием жира, впервые была проведена оценка таксономического положения пищевых бактерий по результатам секвенирования последовательности гена 16Sp-ПНК, а также дрожжей по результатам секвенирования последовательности участка гена ITS1–5.8S–ITS2–28Sp-ПНК. Были идентифицированы штаммы бактерий, осуществляющих молочнокислое брожение – *Sporolactobacillus terrae*, *Sporolactobacillus vineae*, *Heyndrickxia coagulans* и *Heyndrickxia acidiproducens*, дрожжи *Candida sorbosivorans*, а также патогенные бактерии *Bacillus licheniformis* и *Clostridium botulinum*. Наличие *Clostridium botulinum* оценивалось методом люминесцентной микроскопии выделенных из грунта консорциумов клеток. Уточнено филогенетическое положение штамма *Sporolactobacillus vineae*, выделенного ранее из грунта заполнения античной ойнохой. Таксономическая диагностика микроорганизмов в грунте ритуальных сосудов необходима для оценки и мониторинга микробных сообществ погребальных комплексов, где захоронение пищевых продуктов способствовало обогащению микробного разнообразия и обеспечивало консервацию древних биотехнологически значимых штаммов.

Ключевые слова: Кавказ; Крым; погребения; горшки; пища; липолитические микроорганизмы; молочнокислые бактерии

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH22198-118>

Research paper

Natalya N. Kashirskaya
Cand. Biol. Sci., Senior Researcher
Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science, RAS, Pushchino, Russia
nkashirskaya81@gmail.com

Elena V. Chernysheva
Cand. Biol. Sci., Senior Researcher
Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science, RAS, Pushchino, Russia
chernysheva1988@gmail.com

Tatiana E. Khomutova,
Cand. Biol. Sci., Leading Researcher
Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science, RAS, Pushchino, Russia
khomutova-t@rambler.ru

Alexey M. Evstigneev,
Tula State University, Tula, Russia
Independent Researcher
eustigneev.oleg2015@yandex.ru

Alexander A. Kleshchenko,
Cand. Hist. Sci., Senior Researcher
Institute of Archaeology, RAS, Moscow, Russia
sansanych@bk.ru

Vladimir Yu. Malashev,
Cand. Hist. Sci., Senior Researcher
Institute of Archaeology, RAS, Moscow, Russia
malashev@yandex.ru

Roman A. Mimokhod,
Cand. Hist. Sci., Senior Researcher
Institute of Archaeology, RAS, Moscow, Russia
mimokhod@gmail.com

Dmitry I. Zenyuk,
Junior Researcher, Department of Archaeology
Azov History, Archaeology and Palaeontology Museum-Reserve, Azov, Russia
dspl-online@dspl.ru

For citation: Kashirskaya N.N., Chernysheva E.V., Khomutova T.E., Evstigneev A.M., Kleshchenko A.A., Malashev V.Yu., Mimokhod R.A., Zenyuk D.I., Hmayakyan S.G., Bobokhyan A.A., Borisov A.V. Microbiological Traces of Ancient Food in Vessels from Burials. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 1. P. 98-118. doi.org/10.32653/CH22198-118

© Kashirskaya N.N., Chernysheva E.V., Khomutova T.E., Evstigneev A.M., Kleshchenko A.A., Malashev V.Yu., Mimokhod R.A., Zenyuk D.I., Hmayakyan S.G., Bobokhyan A.A., Borisov A.V., 2026
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2026

Simon G. Hmayakyan
Cand. Hist. Sci., Senior Researcher
Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia,
Yerevan, Armenia
s.hmayakyan@gmail.com

Arsen A. Bobokhyan
Cand. Hist. Sci., Leading Researcher
Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia,
Yerevan, Armenia
arsen.bobokhyan@sci.am

Alexander V. Borisov
Cand. Biol. Sci., Leading Researcher
Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science, RAS, Pushchino, Russia
a.v.borisovv@gmail.com

MICROBIOLOGICAL TRACES OF ANCIENT FOOD IN VESSELS FROM BURIALS

Abstract. The objective of this study was to introduce new data regarding the trophic structure and taxonomic identification of microorganisms preserved in the bottom sediment of ritual vessels. Samples were collected from various regions across the Caucasus, the steppe zones of Russia, and Armenia. Soil samples from 42 vessels were analyzed. Based on the quantitative assessment of trophic microbial groups, it was determined that 4 samples contained no food remains, 16 samples contained low-calorie food, and 12 samples contained food with high-fat content. In 16 of these samples – half of which belonged to the high-fat group – the taxonomic classification of food-related bacteria was conducted for the first time using 16S rRNA gene sequencing. Additionally, yeast strains were identified through ITS1–5.8S–ITS2–28S rRNA gene sequencing. The study identified lactic acid fermentation bacteria, specifically *Sporolactobacillus terrae*, *Sporolactobacillus vineae*, *Heyndrickxia coagulans*, and *Heyndrickxia acidiproducens*, as well as the yeast *Candida sorbosivorans*. Pathogenic bacteria, including *Bacillus licheniformis* and *Clostridium botulinum*, were also detected. The presence of *Clostridium botulinum* was verified via luminescence microscopy of cell consortia isolated from the soil. Furthermore, the phylogenetic position of the *Sporolactobacillus vineae* strain, previously isolated from the sediment of an ancient oinochoe, was refined. Taxonomic diagnostics of microorganisms in the soil of ritual vessels is essential for assessing and monitoring microbial communities within burial complexes. In these contexts, the interment of food products contributed to increased microbial diversity and facilitated the preservation of ancient, biotechnologically significant strains.

Keywords: Caucasus; Crimea; burials; vessels; food; lipolytic microorganisms; lactic acid bacteria

Введение

Современная археология рассматривает пищу как важную составляющую материальной культуры и коллективной идентичности древних народов и племен [1; 2]. Рацион населения мог отражать расслоение общества, быть результатом климатических сдвигов или изменений ресурсной базы [1]. Большинство исследований археологической пищи относятся к археоботанике [3] и археозоологии [4; 5; 6; 7]. Археоботанические остатки, как правило, сохраняются благодаря обугливанию [8; 9; 3]. Без пирогенного воздействия могут сохраняться зерна крахмала [10]. Большой массив данных о характере растительной пищи был получен в результате многочисленных исследований посуды и инструментов, предназначенных для перетирания употребляемых растений [11; 12; 13; 14]. В области археозоологии применяется таксономическая оценка фрагментов костей животных [6; 15]; методы палеопротеомики [7] и палеогеномики [16]. Анализ остеологических материалов из погребений раннего железного века позволил установить особенности видового и анатомического состава костей животных в погребальных комплексах различных категорий. В категории «напутственная пища» чаще всего встречались мясные части туш МРС, а в категории «жертвенный комплекс» – головы лошадей, реже КРС или мясные части туш МРС [17]. При изучении поселения золотоордынского времени Подымалово-1 были установлены относительные объемы потребления мяса домашних копытных, с применением коэффициента кратности весовых показателей туш разных видов, причем основное значение как в хозяйстве, так и в мясном питании принадлежало крупному рогатому скоту и лошади [18]. В погребениях I–II вв. в окрестностях поселения Херсонес 1 мясо копытных животных, как правило, располагалось в сосудах открытых форм (тарелки, миски, чашки, блюда), а в погребениях III–IV вв. – непосредственно на земле или поверх костей погребенного [19]. В качестве дополнительного археозологического материала могут рассматриваться костяные украшения и бытовые орудия из кости [20].

Если повреждение костей затрудняет их морфологический анализ, для таксономической идентификации животных применяется фингерпринтинг («отпечатки пальцев») – масс-спектрометрия маркерных пептидов коллагена, характерных для каждого таксона [21]. Метабаркодирование ДНК/РНК костей животных позволяет идентифицировать сразу несколько видов в одном образце костной массы [22].

К наиболее сложным объектам экспериментальной археологии относятся остатки ферментированных продуктов: хлеб, сыр, алкогольные изделия. В древних обществах эти продукты были центральными компонентами рациона [23]. При ферментации простые сахара преобразуются в спирт, органические кислоты и углекислый газ в микроаэрофильных или анаэробных условиях. Благодаря деятельности пробиотических бактерий повышается питательная ценность продукта и подавляется развитие патогенных микроорганизмов [24; 25].

Считается, что процессы ферментирования зерна, винограда и фруктов были открыты в Египте и Месопотамии в 4 тысячелетии до н.э. [26]. Древняя выпечка содержала как дрожжи, так и молочнокислые бактерии [27]. Штаммы дрожжей в керамических порах древних гончарных сосудов оказались генотипически похожими на современные дрожжи традиционных африканских напитков [28]. Анализ генетического разнообразия европейских и ближневосточных дрожжей указывает на тесную взаимосвязь между дрожжами хлеба и пива [23]. К одним из наиболее ранних одомашненных штаммов могли принадлежать дрожжи, ДНК которых была выделена из сосудов, датированных 3150 г. до н. э. [29]. Однако, анализ ДНК современных дрожжевых штаммов, с учетом их генетических мутаций, позволяет предполагать, что одомашнивание древнейшего штамма *S. cerevisiae* произошло гораздо раньше, около 11000 лет назад [23].

Не менее длинной является история соложения. Возникновение пивоварения относится к начальным стадиям выращивания зерновых. В раннем неолитическом Китае соложение начали практиковать около 7000 лет до н.э. [30; 31], в Судане – около 9000 лет до н.э. [32; 33], в Греции его связывают с появлением первой керамики [34], а в Центральной Америке – с началом использования кукурузы [35]. О производстве пива из зерновых свидетельствует наличие орудий труда – каменных бассейнов,

точильных камней и очагов, а также остатков ячменя [36; 33]. К древнейшим методам соложения относится изготовление баппира – пивного хлеба, жевание зерна и применение плесневых грибов [37; 38]. В пивоварении молочнокислое брожение наиболее часто индуцируется молочнокислыми бактериями *Lactobacillus*, *Leuconostoc* и *Pediococcus* [39].

В отличие от редких находок пищевых артефактов, погребальные сосуды в захоронениях встречаются повсеместно. Исходное содержимое большинства сосудов полностью разложилось к настоящему времени, однако в грунте их заполнения могут сохраняться следы пищи: ферменты, связанные с ее разложением [40; 41; 42] и покоящиеся формы микроорганизмов, в том числе – бактерий, осуществляющих молочнокислое брожение [43]. Впервые наличие бактерий, способных к молочнокислому брожению, было показано Е.В. Демкиной при изучении содержимого сосуда эпохи бронзы катакомбной культуры XVI–XV вв. до н.э. [44].

Цель настоящей работы заключалась во введении в научный оборот новой информации о трофической структуре и таксономической диагностике микроорганизмов, сохранившихся в придонном грунте заполнения ритуальных сосудов из разновозрастных погребений на территории различных регионов. Исследование продолжает серию работ по комплексному изучению обширного блока образцов из древних сосудов, собранных на территории степной зоны, из могильников разных эпох и разной культурной принадлежности. Выбор степной зоны обусловлен минимальным влиянием внешних условий на микробные сообщества в грунте сосудов, поскольку промачивание почвы на глубину погребений в большей части случаев здесь не происходит, в отличие от лесной зоны. Ранее в этих же образцах нами проводилась оценка численности липолитических бактерий, использующих жиры в качестве источника питания, и комплексная оценка липазной активности [40–43]. В связи с тем, что полнота археологических данных в рассматриваемом блоке образцов сильно варьирует (для большинства сосудов известно только время погребения, но не известны внешний вид и величина сосуда, а также пол и возраст погребенного), в настоящей работе мы не ставили задачу оценить особенности погребальной пищи по микробиологическому следу в различных археологических контекстах. В задачи входило оценить соотношение трофических групп микробных сообществ в грунте сосудов, выделить консорциумы пищевых бактерий и провести таксономическую идентификацию биотехнологически значимых штаммов, выделенных в чистые культуры. Проведенная ранее диагностика чистой культуры, полученной из грунта заполнения античной ойнохой из погребения №370 грунтового могильника Волна-1, показала сходство выделенного штамма с известным штаммом *Sporolactobacillus pectinivorans* [43]. В настоящей работе идентификация этого штамма была уточнена, с учетом его более высокого генетического сходства с другим видом споролактобацилл – *Sporolactobacillus vineae*. Диагностика остальных биотехнологически значимых штаммов микроорганизмов, полученных из 16 образцов грунта погребальных сосудов, была проведена нами впервые. Мы полагаем, что настоящая работа важна для получения представлений о микроорганизмах, принимавших участие в ферментации пищевых продуктов прошлых эпох.

Объекты и методы исследования

Объектами исследования были пробы грунта из погребальных сосудов следующих археологических памятников (таблица 1): Братские-1 курганы (III–IV вв. н.э., аланская культура, Чеченская Республика), Октябрьский (III–I половина V в. н.э., аланская культура, РСО-Алания), Волна-1 (V–III вв. до н.э., Таманский полуостров), Литвиновский (III тыс. до н.э. – XIV в. н.э., Ростовская область), Волхонские выселки (XXVII–XXII вв. до н.э., Липецкая область), Нор-Армавир (VII в. до н.э., урартская культура, Армения), «Мецамор» (конец V тыс. до н.э., урартская культура, Армения).

Археологические сосуды пронумерованы в том порядке, в котором они будут приводиться в обсуждении результатов (табл. 2). Всего было проанализировано 42 образца грунта. Образцы отбирались в поле, с соблюдением асептических условий, из придонного слоя толщиной 1–2 см и хранились в лаборатории в герметически закрытых пластиковых пакетах при комнатной температуре.

Методы исследований

Исследование на всех этапах, за исключением таксономической идентификации бактерий и дрожжей, проводилось в лаборатории археологического почвоведения ИФХиБПП РАН. Определение таксономической принадлежности бактерий и дрожжей проводилось в ЦКП Биоинженерия ФИЦ «Фундаментальных основ биотехнологии» РАН.

Оценка численности трофических групп микроорганизмов. Для оценки численности трофических групп микроорганизмов, способных к участию в разложении пищевых продуктов, проводился посев из грунта на твердые питательные среды. Подробная методика посева и состав сред представлены в Приложении 1.

Липолитические микроорганизмы, растущие на твердой питательной среде с добавлением Твин-80, связаны с разложением жиров. Широкий спектр протеолитических микроорганизмов, участвующих в разложении белков, учитывался на мясопептонном агаре (МПА) или дрожжевом пептонном агаре (ДПА). В качестве диагностической среды для подсчета протеолитических бактерий, предпочитающих белки молока, мы выбрали среду М-17, используемую для роста молочнокислых бактерий. Амилолитические микроорганизмы, способные к усвоению крахмала, выращивались на крахмалоаммиачном агаре (КАА). Олиготрофная группа, к которой относится большинство почвенных микроорганизмов, использующих низкие концентрации органических веществ после их утилизации всеми вышеперечисленными группами, учитывалась на почвенном агаре (ПА).

Таблица 1. Типы сосудов и номера погребений (*отмечены сосуды, откуда проводилось выделение чистых культур биотехнологически значимых микроорганизмов (см. Приложение 3) / Table 1. Vessel types and burial numbers (*asterisks indicate vessels from which pure cultures of biotechnologically significant microorganisms were isolated; see Appendix 3).

№	Могильник	Погребение	Тип сосуда
1	Волна-1	681	Ойнохойя
2	Братские-1 курганы	1425	Кружка
3	Братские-1 курганы	1443	Кувшин
4	Братские-1 курганы	1373	Миска
5	Октябрьский I	861	Кувшинчик
6	Октябрьский I	837	Кувшин №1
7	Октябрьский I	1063	Кружка
8	Октябрьский I	1063	Кувшинчик
9	Братские-1 курганы	1395	Миска
10	Октябрьский I	802	Кувшинчик
11	Октябрьский I	838	Кувшин
12	Волна-1	370	Ойнохойя*
13	Волна-1	352	Амфора
14	Октябрьский I	857	Миска*
15	Братские-1 курганы	1469	Кувшин
16	Октябрьский I	815	Кувшинчик
17	Братские-1 курганы	1383	Кружка
18	Волна-1	680	Кувшин
19	Братские-1 курганы	1452	Кувшин*
20	Октябрьский I	815	Корчага*
21	Братские-1 курганы	1355	Миска*
22	Октябрьский I	814	Кружка
23	Литвиновский	К1(10)	Горшок*
24	Октябрьский I	837	Кувшин №2
25	Октябрьский I	14	Кувшинчик
26	Октябрьский I	14	Миска
27	Братские-1 курганы	1452	Кувшин (подношение)*

28	Литвиновский	К. 1 (16)	Курильница
29	Волхонские выселки	К. 1 (1)	Горшок
30	Братские-1 курганы	1355	Кувшинчик
31	Братские-1 курганы	1452	Кружка
32	Октябрьский I	265	Кувшинчик
33	Братские-1 курганы	1452	Миска*
34	Нор-Армавир	Раскоп Л-7	Горшок №2*
35		Раскоп Л-7	Горшочек №3*
36		Раскоп Л-7	Кубок №4*
37		Раскоп Л-7	Кувшин №5*
38		Раскоп Л-7	Кубок №6*
39		Раскоп Л-7	Кувшин №7*
40		Раскоп Л-7	Горшочек №10*
41	Мецамор	Культурный слой	Кувшинчик SF 223*
42		Культурный слой, сектор А1, контекст 687	Кувшинчик SJ 2*

Выделение консорциумов микроорганизмов, способных к молочнокислому брожению. Консорциумы (ассоциации) микроорганизмов, способных к ферментации пищевых продуктов, были выделены путем инкубирования образцов грунта в жидкой питательной среде Elliker, используемой для выделения из природных источников молочнокислых стрептококков [45] и на среде MRS, используемой для выделения молочнокислых бацилл [46]. Подробная методика выделения и состав сред представлены в Приложении 2. Оценка морфологии клеток в консорциумах проводилась методом люминесцентной микроскопии, после окраски препаратов акридином оранжевым.

Выделение чистых культур микроорганизмов, способных к молочнокислому брожению, и определение их таксономической принадлежности. Чистые культуры биотехнологически значимых микроорганизмов, способных осуществлять молочнокислое брожение, были выделены из грунта погребальных сосудов на среде Rogosa (см. Приложение 2). Выделение ДНК из биомассы бактерий проводили согласно методу [47]. Для оценки таксономической принадлежности бактерий проводилось секвенирование ПЦР-фрагментов гена 16Sр-РНК. Для оценки таксономической принадлежности грибов исследовался участок гена рибосомального оперона ITS1–5.8S–ITS2–28Sр-РНК. Более подробно методика оценки таксономической принадлежности микроорганизмов представлена в Приложении 3.

Результаты и обсуждение

Развитие микробных сообществ в погребальных сосудах после смешивания пищи с грунтом заполнения могильной ямы, в зависимости от характера пищи, могло происходить следующим образом. Твердые продукты с высоким содержанием жира и низкой его дисперсией (такие как жирное мясо, масло, сыр) формировали зоны с низкой доступностью кислорода, где преимущество получали бактерии, обладающие липолитической активностью и способные к росту в микроаэрофильных и анаэробных условиях. При этом нарушение воздушного режима почвы подавляло рост автохтонных олиготрофных бактерий. Жидкие продукты с низким содержанием питательных веществ не нарушали воздушный режим почвы и могли служить источником питания для олиготрофных почвенных микроорганизмов. Жидкие молочные продукты, включающие белок и жир в диспергированном состоянии [48], способствовали росту численности всех групп микроорганизмов, как пищевых, так и почвенных.

На рис. 1 представлена кластеризованная тепловая карта численности трофических групп микроорганизмов в образцах с низкой интенсивностью их роста на твердых питательных средах (до 1,5 млн КОЕ/г почвы). Преобладающими группами здесь были липолитические бактерии, утилизирующие жир, и олиготрофные бактерии, растущие на почвенном агаре.

В отдельный кластер выделен образец № 1 – ойнохойя из погребения 681 грунтового могильника Волна-1. Здесь численность всех трофических групп, кроме олиготрофов, не превышала 0,3 млн КОЕ/г почвы. Повышенная численность олиготрофных бактерий в образце свидетельствует о том, что

почвенное микробное сообщество могло принимать непосредственное участие в разложении напитка, который содержался в ойнохойе. Проведенная ранее таксономическая идентификация штамма *Sporolactobacillus*, выделенного нами из грунта ойнохойи, позволила с высокой вероятностью установить здесь исходное наличие вина [43].

Два объекта следующего кластера – № 2 (кружка из погр. 1425) и № 3 (кувшин из погр. № 1443) курганного могильника Братские-1 курганы – отличались относительно высокой численностью липолитических бактерий на фоне предельно низких значений численности остальных групп.

Остальные сосуды группировались в два крупных кластера по численности и соотношению липолитических и олиготрофных микроорганизмов. Низкая численность олиготрофных бактерий отмечена в образцах № 4–13. При этом в грунте из четырех сосудов (№ 8–11) микробный след не наблюдался. Эти сосуды могли быть пустыми или содержали только воду. Остальные варианты могли содержать низкокалорийную пищу. О возможности ее ферментации свидетельствуют смешанные бактериальные культуры, способные к сбраживанию молока, выделенные из сосудов № 1, 6, 12–14, 16, 18, 19 (табл. 2).

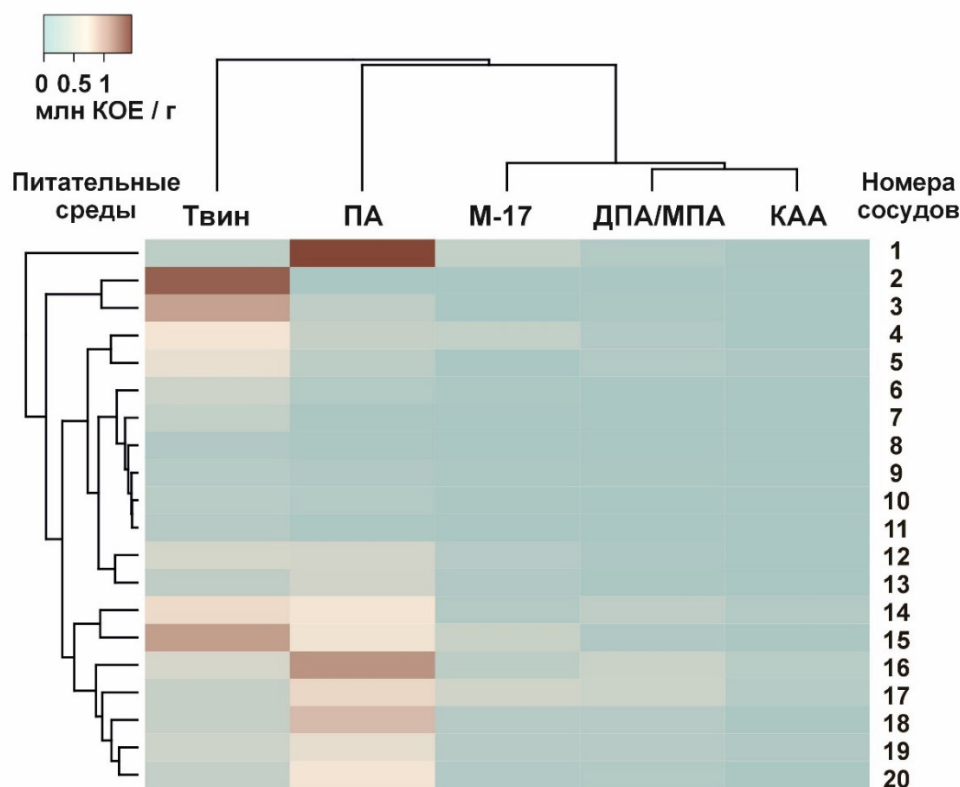

Рис. 1. Кластеризованная тепловая карта численности трофических групп микроорганизмов, растущих на твердых питательных средах (см. Приложение 1, табл. 1), в образцах грунта со дна сосудов, где была зафиксирована низкая интенсивность роста микроорганизмов (до 1,5 млн КОЕ/г почвы)

Fig. 1. Clustered heatmap of the abundance of microbial trophic groups grown on solid nutrient media (see Appendix 1, Table 1) in sediment samples from the bottom of vessels where low microbial growth intensity was recorded (up to 1.5 million CFU/g soil)

На рис. 2 представлены результаты кластерного анализа численности трофических групп в образцах с высокой интенсивностью их роста на питательных средах. Все эти сосуды содержали жирную пищу, о чем свидетельствует преобладание липолитических бактерий, численность которых достигала 12 млн КОЕ/г почвы. В отдельную группу выделялись миска и кружка из детских погребений (№ 21 и № 22). Здесь с наибольшей вероятностью можно предположить исходное присутствие жидких молочных продуктов, поскольку отмечено высокое изобилие протеолитических бактерий на содержащей лактозу среде М-17, а высокая численность олиготрофных микроорганизмов свидетельствует

о благоприятном воздушном режиме. Известно, что жир в плазме молока присутствует в диспергированном состоянии. Жировая фаза представлена микроскопическими шарообразными каплями, средний диаметр которых сопоставим с размерами микробных клеток – от 2 до 2,5 мкм [48]. Жидкие молочные продукты не нарушают воздушный режим почвы и не препятствуют развитию автохтонной почвенной микрофлоры.

Таблица 2. Результаты сбраживания молока консорциумами бактерий (культурами, состоящими из нескольких штаммов или видов), выделенными из археологических сосудов, при 40°C (*отмечены образцы, способные к сбраживанию молока при 30°C) / Table 2. Results of milk fermentation at 40°C by bacterial consortia (cultures consisting of several strains or species) isolated from archaeological vessels (*asterisks indicate samples capable of fermenting milk at 30°C).

Могильник	Образец	Время образования молочного сгустка смешанной культурой
Литвиновский	№ 28 курильница К.1 (П.16)	Более суток
Нор-Армавир	№ 34 горшок №2 (Л-7)	
	№ 35 малый горшок №3(Л-7)	
	№ 38 кубок №6 (Л-7)	
	№ 39 кувшин №7 (Л-7)	
Волна-1	№1 ойнохойя (681)	3 часа*
	№12 ойнохойя (370)	
	№18 кувшин (680)	6 часов
	№13 амфора (352)	
Братские-1 курганы	№33 миска (1452)	3 часа
	№31 кружка (1452)	Более суток
	№19 кувшин (1452)	
	№27 кувшин-подношение (1452)	
	№21 миска (1355)	
Октябрьский	№16 кувшинчик (815)	3 часа
	№6 кувшин №1 (837)	Длительное
	№14 миска (857)	Длительное
	№22 кружка (814)	Длительное

В отдельную подгруппу был выделен образец № 23 – горшок эпохи бронзы из курганного могильника Литвиновский. Грунт из этого горшка отличался максимальной численностью липолитических бактерий и низкой численностью остальных групп. Следы исходного продукта в горшке представляли собой тлен бурого цвета, комковато-порошистой структуры. В образце № 28 – курильнице из того же могильника – был обнаружен аналогичный тлен. Благодаря высокой численности липолитических бактерий курильница № 28 заняла отдельное положение в кластере III. Здесь могли содержаться жир или смола, употребляемые при совершении ритуалов погребального обряда.

Верхнюю подгруппу кластера III составили образцы № 24–26 – кувшин, кувшинчик и миска из курганного могильника Октябрьский. Ни в одном из этих сосудов не был обнаружен морфологически различимый тлен, однако ингибирование роста всех микробных групп, кроме липолитических бактерий, может свидетельствовать о создании анаэробных условий вследствие смешивания почвы с гидрофобной жировой фазой.

Нижняя подгруппа кластера III включала более равновесные варианты трофической структуры микробных сообществ. Здесь обращает на себя особое внимание образец № 27 – кувшин-подношение из коллективного погребения 1452. Грунт из кувшина отличался повышенной численностью бактерий, разлагающих белок. Инкубация микробного консорциума из грунта кувшина № 27 в анаэробных условиях, при 24% углекислого газа в отсутствие кислорода, позволила обнаружить с помощью люминесцентной микроскопии клетки возбудителя ботулизма – *Clostridium botulinum*. Такие же результаты были получены для кувшина № 19, принадлежавшего мужчине из погребения 1452, а в миске № 21 из детского погребения 1355 *C. botulinum* не выявлялся. Известно, что подавляющее число случаев ботулизма связаны с употреблением мяса [49], тогда как случаи заражения молочных продуктов клостридиями считаются достаточно редкими [50; 51; 52]. Попадание *C. botulinum* в пищевые продукты, как правило, происходит вследствие недостаточной очистки сырья от почвенных частиц, поэтому интенсивное заражение содержимого погребальных сосудов спорами *C. botulinum* очевидно, происходило после контакта пищи с грунтом заполнения могильной ямы. Но условия для прорастания спор возбудителя ботулизма могли быть благоприятными только в случае прекращения доступа кислорода. Кроме того, выделение кислот другими видами пищевых микроорганизмов могло блокировать рост *C. botulinum*. Порча продуктов в погребениях – как молочнокислое брожение (в случае молока), так и аэробное гниение (в случае мяса), сопровождалась увеличением кислотности среды. Однако в отдельных зонах заполнения погребального сосуда могли развиваться анаэробные условия, давая преимущество развитию почвенных клостридий, в том числе – *C. botulinum*. Необходимо отметить, что *C. botulinum* является одним из агентов анаэробного гниения белка в составе мяса, рыбы или продуктов растительного происхождения, тогда как маслянокислое брожение молока в анаэробных условиях вызывают другие виды клостридий – такие, как *C. butyricum* и *C. pasteurianum*. Таким образом, содержимое кувшинов № 19 и № 27 по наличию *C. botulinum* можно идентифицировать как не молочный белковый продукт.

Кластер IV, включающий кружку из коллективного погр. 1452 курганного могильника Братские-1 курганы, найденную у скелета женщины (№ 31) и кувшинчик из погр. 265 курганного могильника Октябрьский I (№ 32), характеризовался высокими значениями численности липолитических микроорганизмов – до 6 млн КОЕ / г почвы. Пища в этих сосудах была более калорийной, по сравнению с образцами из кластера III. В кружке №31 мог содержаться зерновой продукт, на что указывает высокая численность амилолитических бактерий, растущих на крахмалоаммиачном агаре.

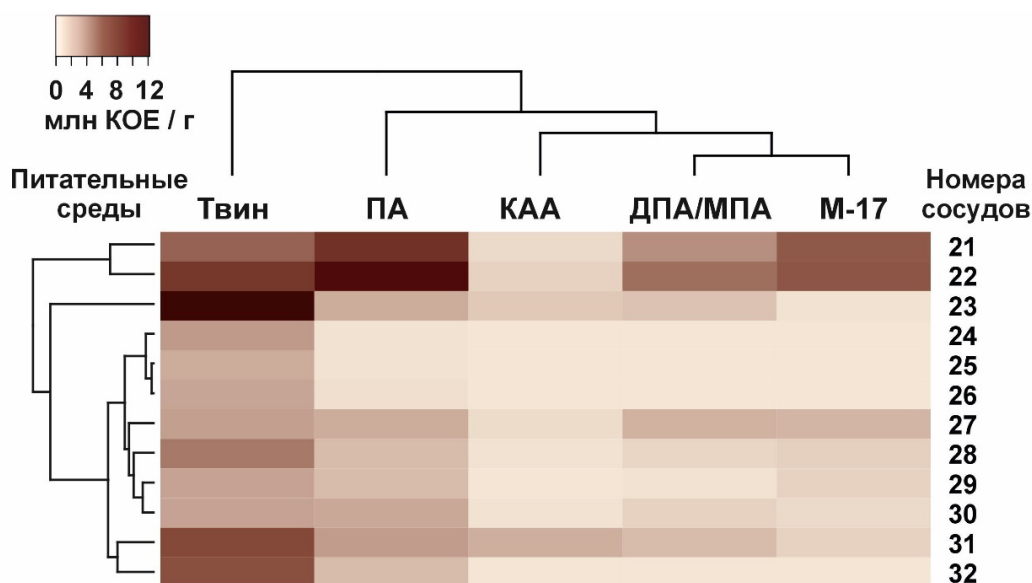

Рис. 2. Кластеризованная тепловая карта численности трофических групп микроорганизмов, растущих на твердых питательных средах (см. Приложение 1, табл. 1), в образцах грунта со дна сосудов, где была зафиксирована высокая интенсивность роста микроорганизмов (численность до 12 млн КОЕ / г почвы)

Fig. 2. Clustered heatmap of the abundance of microbial trophic groups grown on solid nutrient media (see Appendix 1, Table 1) in sediment samples from the bottom of vessels where high microbial growth intensity was recorded (up to 12 million CFU/g soil)

Таким образом, анализ двух групп образцов грунта, различающихся по биологической активности микробных сообществ, выявил частые случаи повышенной численности липолитических бактерий. Здесь же наблюдались наименьшие коэффициенты вариации 62–78%, по сравнению с остальными трофическими группами – от 100 до 150%. Таким образом, липолитические микроорганизмы, как наиболее устойчивые к условиям погребения, были выделены в качестве оптимального маркера присутствия пищи в погребальных сосудах.

В образце № 33 численность трофических групп микробного сообщества не оценивалась из-за чрезвычайно малого количества материала. Образцы № 34–42, в целом, характеризовались низкой интенсивностью роста микроорганизмов на питательных средах, однако по результатам генетического анализа выделенных культур, однозначно, содержали пищевые продукты.

Из 13 сосудов (табл. 3) были выделены и идентифицированы чистые культуры бактерий, способных к сбраживанию молока: *Sporolactobacillus terrae* (№ 23, 34–40); *Sporolactobacillus vineae* (№ 12); *Heyndrickxia coagulans* (№ 19, 33, 41); *Heyndrickxia acidiproducens* (№ 42). Из двух сосудов были выделены условно патогенные спорообразующих бациллы, перспективные для биотехнологии: *Bacillus licheniformis* (№ 21); *Bacillus thuringiensis* (№ 27). Дрожжи *Candida sp.* были выделены из сосудов № 14 и № 20. Филогенетическое положение выделенных штаммов представлено в приложении 4 (рис. 1–3).

Таблица 3. Результаты таксономической идентификации чистых культур микроорганизмов из грунта сосудов археологических памятников / Table 3. Taxonomic identification results of pure microbial cultures isolated from the sediment of vessels from archaeological sites.

Могильник	Образец	Микроорганизм
<i>Бактерии</i>		
Литвиновский	№ 23 Горшок К1(10)	<i>Sporolactobacillus terrae</i>
Нор Армавир	№ 34 Горшок №2 (Л-7)	
	№ 35 Горшочек №3 (Л-7)	
	№ 36 Кубок №4 (Л-7)	
	№ 37 Кувшин №5 (Л-7)	
	№ 38 Кубок №6 (Л-7)	
	№ 39 Кувшин №7 (Л-7)	
№ 40 Горшочек №10 (Л-7)		
Братские-1 курганы	№ 19 Кувшин (1452)	<i>Heyndrickxia coagulans</i>
	№ 33 Миска (1452)	
Мецамор, культурный слой	№ 41 Кувшинчик SF 223	<i>Heyndrickxia acidiproducens</i>
	№ 42 Кувшинчик SJ 2 (сектор А1, контекст 687)	
Волна-1	№ 12 Ойнохойя (370)	<i>Sporolactobacillus vineae</i>
Братские-1 курганы	№ 21 Миска (1355)	<i>Bacillus licheniformis</i>
	№ 27 Кувшин (1452)	<i>Bacillus thuringiensis</i>
<i>Дрожжи</i>		
Октябрьский I	№ 14 Миска (857)	<i>Дрожжи Candida sp.</i>
Октябрьский I	№ 20 Корчага (815)	

Представители рода *Sporolactobacillus* входят в состав пищевых продуктов [53], некоторые из них могут быть связаны с ферментацией вина [54]. Ранее была показана высокая вероятность присутствия вина для ойнохойи № 12 из погребения № 370 грунтового могильника Волна-1 [43]. Выделенный из ойнохойи №12 штамм *Sporolactobacillus*, по исходным результатам секвенирования ПЦР-фрагментов гена 16Sp-РНК [43], был генетически близок к перспективному для пищевой промышленности виду *S. pectinivorans* [55], однако после уточнения расположения штамма на филогенетическом древе, с учетом статистической достоверности порядка его ветвления, определенной с помощью анализа 1000 альтернативных деревьев, штамм в настоящее время отнесен к виду *Sporolactobacillus vineae*

(см. Приложение 4, рис. 1). Неоднозначный статус этого штамма указывает на его новизну, для доказательства которой необходима полная расшифровка генома.

Heyndrickxia coagulans (до 2020 года *Bacillus coagulans*) применяется в процессах изготовления йогурта [56]. Многочисленные пробиотические штаммы *H. coagulans* способствуют росту полезных бактерий и подавляют рост вредных, а также положительно влияют на иммунную систему человека и животных [57; 58; 59].

Другой вид *Heyndrickxia* – *H. Acidiproducens*, обладает мощной кислотообразующей способностью [60], вырабатывает антибактериальные и антиоксидантные метаболиты, эффективные в отношении патогенов с множественной лекарственной устойчивостью [61; 62], используется при ферментации йогурта на основе растительного сырья [63].

Bacillus licheniformis был выделен нами из детской миски, где микробиологическая реконструкция погребальной пищи показала наличие молочного жира и белка. Исходное присутствие *B. Licheniformis* в молочном продукте более вероятно, чем загрязнение из почвы, поскольку основной средой обитания этих бактерий является молоко и продукты его переработки [64]. В качестве одного из основных агентов порчи молока *B. Licheniformis* выступает благодаря своей способности к быстрому росту. Некоторые штаммы *B. Licheniformis* вырабатывают токсины и вызывают отравления [65], однако его безопасные пробиотические штаммы используются в производстве сыров [66].

Bacillus thuringiensis повсеместно встречается в окружающей среде и тесно связан с пищей [67].

Дрожжи *Candida sorbosivorans*, выделенные из миски и корчаги курганного могильника Октябрьский, являются частью естественной микрофлоры меда [68].

Таким образом, штаммы пищевых микроорганизмов, выделенные нами из грунта погребальных сосудов, оказались генетически близки к современным пробиотическим и патогенным штаммам.

Выводы

В качестве оптимального маркера присутствия пищи в погребальных сосудах может рассматриваться трофическая группа липолитических микроорганизмов, как наиболее устойчивая к условиям погребения.

В выборке из 42 сосудов, найденных в разновозрастных погребениях различных регионов, только в четырех случаях не удалось выявить микробиологические следы пищевых продуктов. В грунте из 16 сосудов установлена низкая интенсивность роста микроорганизмов на твердых питательных средах. Однако из половины сосудов рассматриваемой группы были выделены консорциумы бактерий, способных к сбраживанию молока, что может свидетельствовать об исходном присутствии ферментированной пищи – как молочной, так и мясной.

В 12 сосудах выявлена высокая численность микроорганизмов на твердых питательных средах. Максимальные показатели численности липолитических и протеолитических бактерий в таких сосудах могут быть связаны с исходным присутствием твердой пищи – продуктов типа сыра или творога.

В двух сосудах из детских погребений могильников Октябрьский и Братские-1 курганы с высокой вероятностью находился жидкий молочный продукт. Из грунта миски в детском погребении был выделен *Bacillus licheniformis*, основной средой обитания которого является молоко и продукты его переработки.

Впервые проведена оценка таксономической принадлежности бактерий и дрожжей из погребальных сосудов. Идентифицированы штаммы бактерий, осуществляющих молочнокислородное брожение – *Sporolactobacillus terrae*, *Sporolactobacillus vineae*, *Heyndrickxia coagulans* и *Heyndrickxia acidiproducens*, дрожжи *Candida sorbosivorans*, а также патогенные бактерии *Clostridium botulinum* и *Bacillus licheniformis*.

Обнаружение как пробиотических, так и патогенных микроорганизмов в грунте погребальных сосудов имеет важное значение для оценки и мониторинга микробных сообществ погребальных комплексов, где захоронение пищевых продуктов способствовало обогащению микробного разнообразия и обеспечивало консервацию древних биотехнологически значимых штаммов.

Приложение 1

Для оценки трофической структуры микробных сообществ придонного грунта погребальных сосудов использовались следующие питательные среды (таблица 1): среда для липолитических микроорганизмов на основе твин-80; среда для протеолитических микроорганизмов – дрожжевой или мясной пептонный агар – ДПА/МПА; среда М-17, используемая для выделения молочнокислых бактерий из природных источников; среда для амилитических микроорганизмов – крахмалоаммиачный агар КАА; среда для олиготрофных микроорганизмов – почвенный агар ПА.

Навеска почвы 1 г помещалась в стерильную пластиковую пробирку (50 мл) и заливалась 10 мл стерильного 0.5% раствора пиродифосфата натрия с добавлением 0.1% пирувата натрия. Почвенная суспензия обрабатывалась ультразвуком на дезинтеграторе QSONICA CL-188 на 30% мощности прибора. Суспензию разводили в 100 – 1000 раз путем последовательного перенесения 1 мл суспензии в 9 мл стерильной водопроводной воды. Затем 50 мкл. итогового разведения наносили на поверхность твердой питательной среды в чашках Петри. Инкубация колоний проводилась в термостатах при температуре 25 °С в течение 5 – 7 суток.

Таблица 1. Состав питательных сред для культивирования почвенных и пищевых микроорганизмов из грунта сосудов / Table 1. Composition of nutrient media for the cultivation of soil and food-related microorganisms isolated from vessel sediment.

Название питательной среды	Состав питательной среды (г/л)
Твин	Твин-80 (10), пептон (10), натрий хлористый (5), кальций хлористый (0.01), агар (20)
ДПА/МПА	Дрожжевой или мясной пептон (10), агар (20)
М-17	Лактоза (5), пептон соевый (5), пептон мясной (2.5), пептон казеиновый (2.5), экстракт дрожжевой (2.5), экстракт мясной (5), кислота аскорбиновая (0.5), натрия 3-глицерофосфат (19), магний серноокислый (0.25), агар (12.75)
КАА	Крахмал растворимый (10), аммоний серноокислый (2), калий фосфорнокислый двузамещенный (1), магний серноокислый 7-водный (1), натрий хлористый (1), кальций углекислый (3), агар (15)
ПА	Чернозем (200), агар (20)

Приложение 2

Для выделения чистых культур микроорганизмов, способных к ферментации пищевых продуктов, навеску придонного грунта заполнения из погребальных сосудов помещали в пробирку и заливали стерильным бульоном Elliker в соотношении 1:5. Инкубация накопительной культуры составляла от 2 суток (образцы из погребений Армении) до 30 суток (образцы из погребений юга России).

Для получения колоний смешанных культур молочнокислых бактерий и дрожжей после инкубации в жидких питательных средах были использованы следующие твердые питательные среды (таблица 2): Среда на основе томатного сока – томатно-соковый агар ТСА, стандартные среды MRS и Rogosa, дифференциальный агар Валлерштейна ДАВ, используемый для выделения молочнокислых бактерий, с подавлением роста плесневых грибов.

Инкубация колоний смешанных культур молочнокислых бактерий и дрожжей проводилась в анаэробных условиях «Anaerobic system BBL Gas Pac 100» при концентрации CO₂ более 10%.

Микропрепараты готовили с помощью бактериологической петли, клетки окрашивали акридином оранжевым в концентрации 0.05 мкг/мл, высушивали и просматривали под люминесцентным микроскопом «Leica DM 2000» с использованием синего светофильтра.

Таблица 2. Состав питательных сред для выделения бактерий, способных к сбраживанию молока, из грунта сосудов / Table 2. Composition of nutrient media for the isolation of milk-fermenting bacteria from vessel sediment.

<i>Название питательной среды</i>	<i>Состав питательной среды (г/л)</i>
Elliker (Sigma)	Казеина гидролизат (20), экстракт дрожжевой (5), желатин (2.5), глюкоза (5), лактоза (5), сахароза (5), натрий хлористый (4), натрий уксуснокислый (1.5), кислота аскорбиновая (0.5)
MRS (Sigma)	Пептон казеиновый (10), экстракт мясной (8), экстракт дрожжевой (4), глюкоза (20), калий фосфорнокислый двузамещенный (2), аммоний лимоннокислый двузамещенный (2), натрий уксуснокислый (5) магний сернокислый (0.2), марганец сернокислый (0.04)
TCA (Sigma)	Томатный порошок (20), гидролизат казеина (10), пептонизированное молоко (10), агар (11)
Rogosa (Sigma)	Пептон казеиновый (10), экстракт дрожжевой (5), глюкоза (20), калий фосфорнокислый однозамещенный (6), аммоний лимоннокислый (2), натрий уксуснокислый (15), магний сернокислый (0.575), сульфат железа II (0.034), марганец сернокислый (0.12), агар (15).
ДАВ (Sigma)	Циклогексимид (0.004), бромкрезоловый зеленый (0.022), кальций хлористый (0.125), казеина гидролизат (5), декстроза (50), хлорид железа III (0.0025), магний сернокислый (0.125), марганец сернокислый (0.0025), калий фосфорнокислый однозамещенный (0.55), калий хлористый (0.425), экстракт дрожжевой (4), агар (14)

Приложение 3

Для таксономической идентификации чистых культур проводилась полимеразная цепная реакция и дальнейшее секвенирование, с использованием универсальной праймерной системы (11f-1492r). Для оценки таксономической принадлежности бактерий проводилось секвенирование ПЦР-фрагментов гена 16Sp-РНК, для оценки таксономической принадлежности грибов – секвенирование ПЦР-фрагментов гена рибосомального оперона ITS1 – 5.8S – ITS2 – 28Sp-РНК. В данном случае использовалась праймерная система ITS5 – LR5, позволяющая амплифицировать участок ДНК, включающий межгенную область, 5.8s РНК и участок 28s РНК. Температурно-временной профиль ПЦР включал ряд циклов: первый – 94°C × 9 мин, 55°C × 1 мин, 72°C × 2 мин; последующие 30 циклов – 94°C × 1 мин, 55°C × 1 мин, 72°C × 2 мин; завершающий цикл – 72°C × 7 мин. Продукты ПЦР анализировали с помощью электрофореза в 1% геле агарозы (для бактерий) и 2% геле агарозы (для грибов) при напряженности электрического поля 6 В/см.

Выделение и очистку продуктов ПЦР проводили из легкоплавкой агарозы с применением набора реактивов Wizard PCR Preps (Promega, США), согласно рекомендациям производителя. Секвенирование полученных ПЦР-фрагментов проводили по методу Сэнгера с соавторами с помощью набора реактивов BigDye Terminator v.3.1 (Applied Biosystems, Inc., USA) на генетическом анализаторе 3730 (Applied Biosystems, Inc., USA) ЦКП “Биоинженерия” ФИЦ Биотехнологии РАН согласно инструкциям производителя. Филогенетический анализ полученных нуклеотидных последовательностей проводили на основе программы BLAST в базе данных NCBI GenBank (<http://www.ncbi.nlm.nih.gov>).

Приложение 4.

Филогенетическое положение выделенных штаммов определялось с использованием метода “maximum likelihood”. Цифрами показана статистическая достоверность порядка ветвления, определенная с помощью “bootstrap” – анализа 1000 альтернативных деревьев.

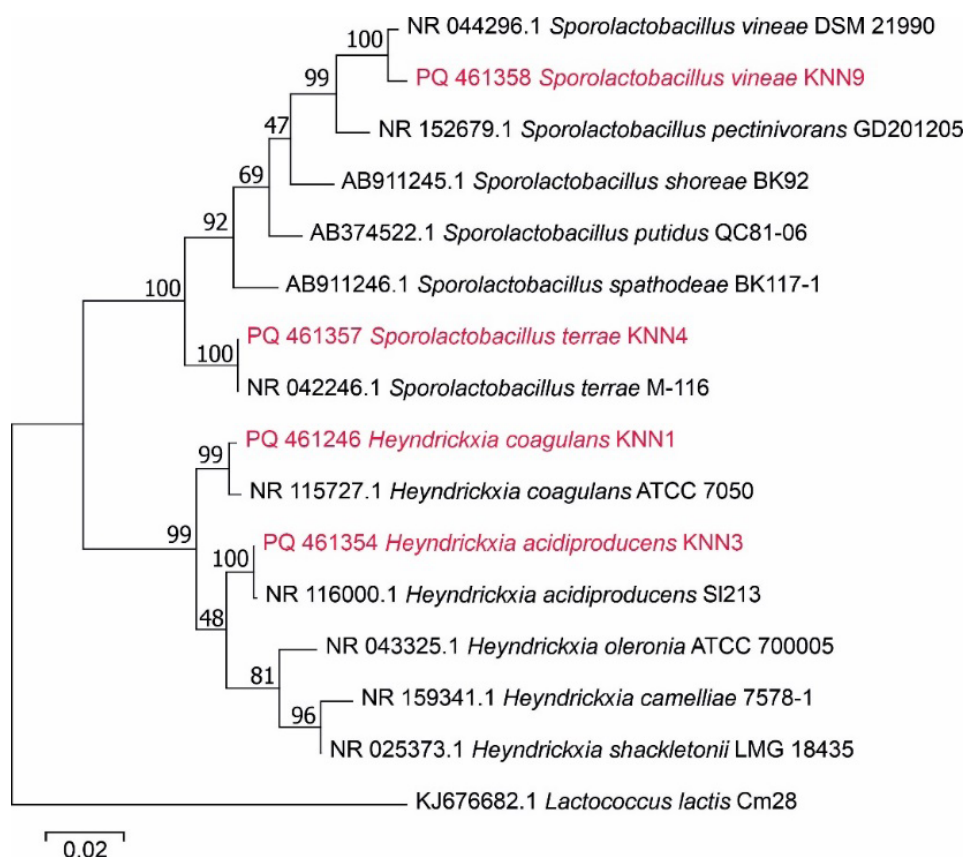

Рис. 1. Филогенетическое положение штаммов бактерий, осуществляющих молочнокислое брожение, выделенных из археологических источников и зарегистрированных в базе данных NCBI GenBank

Fig. 1. Phylogenetic position of lactic acid fermentation bacterial strains isolated from archaeological sources and registered in the NCBI GenBank database

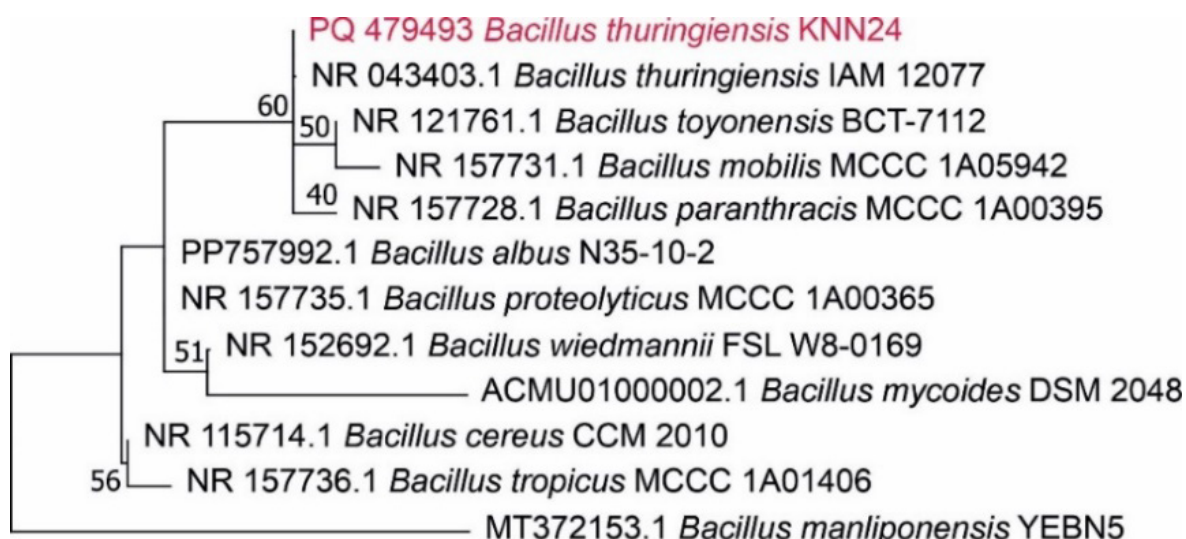

Рис. 2. Филогенетическое положение штамма *Bacillus licheniformis*, выделенного из археологического источника и зарегистрированного в базе данных NCBI GenBank

Fig. 2. Phylogenetic position of the *Bacillus licheniformis* strain isolated from an archaeological source and registered in the NCBI GenBank database

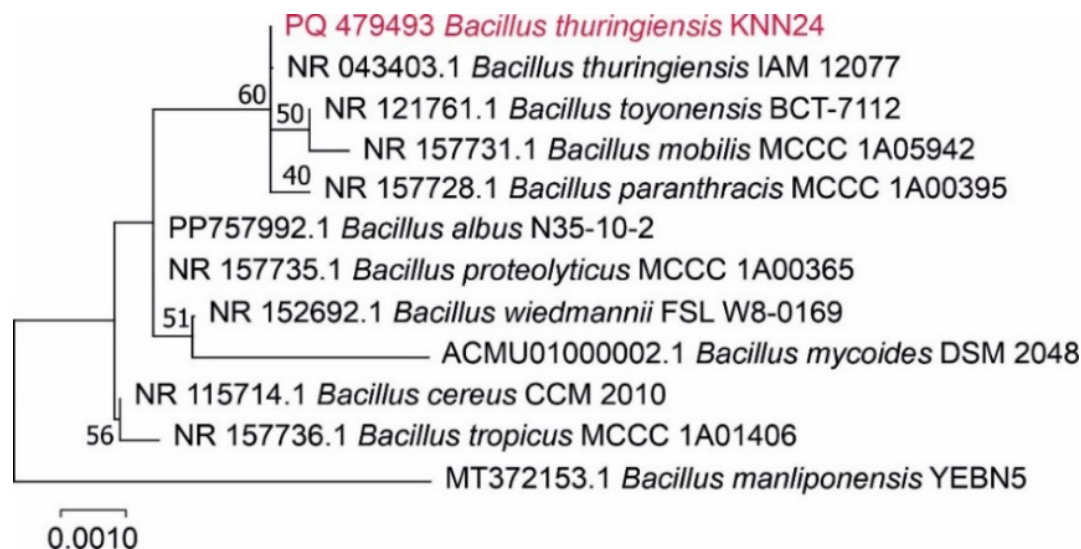

Рис. 3. Филогенетическое положение штамма *Bacillus thuringiensis*, выделенного из археологического источника и зарегистрированного в базе данных NCBI GenBank

Fig. 3. Phylogenetic position of the *Bacillus thuringiensis* strain isolated from an archaeological source and registered in the NCBI GenBank database

Благодарность: Авторы выражают благодарность Р. Овсепяну за консультации, отбор и транспортировку археологических материалов объекта Мецамор.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, грант 22-68-00010.

Acknowledgements: The authors would like to thank R. Hovsepyan for the consultations, selection and transportation of archaeological materials from the Metsamor site.

Financing. The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, grant 22-68-00010.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Twiss K. The archaeology of food and social diversity // *Journal of archaeological research*. 2012. Т. 20. С. 357–395. <https://doi.org/10.1007/s10814-012-9058-5>
2. Mitrović M. Special food on the feasting menu: Remains of archaeological meals served with ethnoanthropological aperitifs // *Antropologija*. 2024. Т. 24. №. 1. С. 27–47.
3. Berihuete-Azorin M., Kerfant C., Allué E., Burguet-Coca A., Burjachs F., Expósito Barea I., Fernández Iriarte T., Garay Palacios B., Revelles J., Robledo A., Rodríguez Antón D., Speciale C. Archaeobotany in an era of change and challenge: potential and fragility of macro-and micro-remains // *World Archaeology*. 2024. С. 1–16. <https://doi.org/10.1080/00438243.2024.2382140>
4. Антипина Е. Е. Современная археозоология: задачи и методы исследования 2016. Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых ученых). М.: ИА РАН, 2016. С. 96–117.
5. Clutton-Brock, J. The spread of domestic animals in Africa // *The Archaeology of Africa*. Routledge, 2014. С. 61–70.
6. Яворская Л.В. Археозоологическое исследование поселения Жемчужина-I и вопросы экономики Юго-Восточного Крыма в золотоордынский период // *Поволжская археология*. 2020. Т. 32. №. 2. С. 170–180. doi. Org/10.24852/pa2020.2.32.170.180
7. Allen M.S., Kahn J.G. Advances in East Polynesian zooarchaeology: Special Issue introduction, review (2016–2024), and assessment // *Archaeology in Oceania*. 2024. Т. 59. №. 2. С. 157–175. <https://doi.org/10.1002/arco.5329>

REFERENCES

1. Twiss K. The archaeology of food and social diversity. *Journal of Archaeological Research*. 2012; 20: 357-395. <https://doi.org/10.1007/s10814-012-9058-5>
2. Mitrović M. Special food on the feasting menu: remains of archaeological meals served with ethnoanthropological aperitifs. *Antropologija*. 2024; 24(1): 27-47.
3. Berihuete-Azorin M., Kerfant C., Allué E., Burguet-Coca A., Burjachs F., Expósito Barea I., Fernández Iriarte T., Garay Palacios B., Revelles J., Robledo A., Rodríguez Antón D., Speciale C. Archaeobotany in an era of change and challenge: potential and fragility of macro-and micro-remains. *World Archaeology*. 2024: 1-16. <https://doi.org/10.1080/00438243.2024.2382140>
4. Antipina E.E. *Modern archaeozoology: research goals and methods. Interdisciplinary Integration in Archaeology (based on lecture materials for postgraduate students and young scientists)*. Moscow: IA RAS, 2016: 96-117. (In Russ)
5. Clutton-Brock J. The spread of domestic animals in Africa. *The Archaeology of Africa*. Routledge, 2014: 61-70.
6. Yavorskaya LV. Archaeozoological study of the Zhemchuzhina-I settlement and issues of the economy of the South-Eastern Crimea during the Golden Horde period. *Povolzhskaya Archaeology*. 2020; 32(2): 170-180. doi.org/10.24852/pa2020.2.32.170.180
7. Allen MS., Kahn J.G. Advances in East Polynesian zooarchaeology: special issue introduction, review (2016–2024), and assessment. *Archaeology in Oceania*. 2024; 59(2): 157-175. <https://doi.org/10.1002/arco.5329>

8. Heiss A.G., Pouget N., Wiethold J., Delor-Ahü A., Le Goff I. Tissue-based analysis of a charred flat bread (galette) from a Roman cemetery at Saint-Memmie (Dép. Marne, Champagne-Ardenne, north-eastern France) // *Journal of Archaeological Science*. 2015. T. 55. C. 71–82. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2014.12.014>
9. González Carretero L., Wollstonecroft M., Fuller D.Q. A methodological approach to the study of archaeological cereal meals: a case study at Çatalhöyük East (Turkey) // *Vegetation History and Archaeobotany*. 2017. T. 26. C. 415–432. <https://doi.org/10.1007/s00334-017-0602-6>
10. Ramsey M.N., Nadel D. A new archaeobotanical proxy for plant food processing: Archaeological starch spherulites at the submerged 23,000-year-old site of Ohalo II // *Journal of Archaeological Science*. 2021. T. 134. C. 105465. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2021.105465>
11. Piperno D.R., Ranere A.J., Holst I., Iriarte J., Dickau R. Starch grain and phytolith evidence for early ninth millennium BP maize from the Central Balsas River Valley, Mexico // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2009. T. 106. №. 13. C. 5019–5024. <https://doi.org/10.1073/pnas.0812525106>
12. Evershed R.P. Organic residue analysis in archaeology: the archaeological biomarker revolution // *Archaeometry*. 2008. T. 50. №. 6. C. 895–924. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4754.2008.00446.x>
13. Colonese A.C., Hendy J., Lucquin A., Speller C.F., Collins M.J., Carrer F., Gubler R., Kühn M., Fischer R., Craig O.E. New criteria for the molecular identification of cereal grains associated with archaeological artefacts // *Scientific Reports*. 2017. T. 7. №. 1. C. 6633. <https://doi.org/10.1038/s41598-017-06390-x>
14. Ibáñez-Estévez J.J., Anderson P.C., Arranz-Otaegui A., González-Urquijo J. E., Jörgensen-Lindahl A., Mazzucco N., Pichon F., Richter T. Sickle gloss texture analysis elucidates long-term change in plant harvesting during the transition to agriculture // *Journal of Archaeological Science*. 2021. T. 136. C. 105502. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2021.105502>
15. Антипина Е.Е. Методы реконструкции особенностей скотоводства на юге Восточной Европы в эпоху бронзы // *Российская археология*. 1997. №. 3. С. 20–32.
16. Grealy A.C., McDowell M.C., Scofield P., Murray D.C., Fusco D.A., Haile J., Prideaux G.J., Bunce M. A critical evaluation of how ancient DNA bulk bone metabarcoding complements traditional morphological analysis of fossil assemblages // *Quaternary Science Reviews*. 2015. T. 128. C. 37–47. <https://doi.org/10.1016/j.quascirev.2015.09.014>
17. Григорьева И.М. Животные в погребальном обряде кочевников раннего железного века Оренбургского Приуралья в IV–II вв. до н. э. // *Археология евразийских степей*. 2023. №. 1. С. 39–44.
18. Рослякова Н.В., Григорьева И.М., Бачура О.П., Тузбеков А.И. Археозоологические материалы селища золотоордынского времени Подымалово-1 // *Уфимский археологический вестник*. 2024. T. 24. №. 3. С. 587–606.
19. Свиридов А.Н. К вопросу об особенностях расположения заупокойной пищи в погребениях конца I–IV в. из могильников ближайшей округи Херсонеса // *Воспоран readings*. С. 288.
20. Полянская Е.Ю., Антипина Е.Е. Животные в жизни фатьяновцев (по материалам костяных украшений и бытовых орудий из кости из Волосово-Даниловского могильника) // *Археология: история и перспективы. Сборник статей Одиннадцатой межрегиональной конференции*. Ярославль. 2024. С. 216–229.
21. Buckley M. Zooarchaeology by mass spectrometry (ZooMS) collagen fingerprinting for the species identification of archaeological bone fragments // *Zooarchaeology in Practice: Case Studies in Methodology and Interpretation in Archaeofaunal Analysis*. 2018. C. 227–247. https://doi.org/10.1007/978-3-319-64763-0_12
22. Seersholm F.V., Cole T.L., Grealy A., Rawlence N.J., Greig K., Knapp M., Stat M., Hansen A.J., Easton L.J., Shepherd L., Tennyson A.J.D., Scofield R.P., Walter R., Bunce M. Subsistence practices, past biodiversity, and anthropogenic impacts revealed
8. Heiss A.G., Pouget N., Wiethold J., Delor-Ahü A., Le Goff I. Tissue-based analysis of a charred flat bread (galette) from a Roman cemetery at Saint-Memmie (Dép. Marne, Champagne-Ardenne, north-eastern France). *Journal of Archaeological Science*. 2015; 55: 71-82. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2014.12.014>
9. González Carretero L., Wollstonecroft M., Fuller D.Q. A methodological approach to the study of archaeological cereal meals: a case study at Çatalhöyük East (Turkey). *Vegetation History and Archaeobotany*. 2017; 26: 415-432. <https://doi.org/10.1007/s00334-017-0602-6>
10. Ramsey M.N., Nadel D. A new archaeobotanical proxy for plant food processing: archaeological starch spherulites at the submerged 23,000-year-old site of Ohalo II. *Journal of Archaeological Science*. 2021; 134: 105465. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2021.105465>
11. Piperno D.R., Ranere A.J., Holst I., Iriarte J., Dickau R. Starch grain and phytolith evidence for early ninth millennium BP maize from the Central Balsas River Valley, Mexico. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2009; 106(13): 5019-5024. <https://doi.org/10.1073/pnas.0812525106>
12. Evershed R.P. Organic residue analysis in archaeology: the archaeological biomarker revolution. *Archaeometry*. 2008; 50(6): 895-924. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4754.2008.00446.x>
13. Colonese A.C., Hendy J., Lucquin A., Speller C.F., Collins M.J., Carrer F., Gubler R., Kühn M., Fischer R., Craig O.E. New criteria for the molecular identification of cereal grains associated with archaeological artefacts. *Scientific Reports*. 2017; 7(1): 6633. <https://doi.org/10.1038/s41598-017-06390-x>
14. Ibáñez-Estévez J.J., Anderson P.C., Arranz-Otaegui A., González-Urquijo J.E., Jörgensen-Lindahl A., Mazzucco N., Pichon F., Richter T. Sickle gloss texture analysis elucidates long-term change in plant harvesting during the transition to agriculture. *Journal of Archaeological Science*. 2021; 136: 105502. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2021.105502>
15. Антипина Е.Е. Методы для реконструкции особенностей скотоводства в южной Восточной Европе в Бронзовом веке. *Russian Archaeology*. 1997; 3: 20-32. (In Russ)
16. Grealy A.C., McDowell M.C., Scofield P., Murray D.C., Fusco D.A., Haile J., Prideaux G.J., Bunce M. A critical evaluation of how ancient DNA bulk bone metabarcoding complements traditional morphological analysis of fossil assemblages. *Quaternary Science Reviews*. 2015; 128: 37-47. <https://doi.org/10.1016/j.quascirev.2015.09.014>
17. Grigoreva I.M. Animals in the burial rite of the nomads of the early Iron Age of the Orenburg Ural region in the IV–II centuries BC. *Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2023; 1: 39-44. (In Russ)
18. Roslyakova N.V., Grigoreva I.M., Bachura O.P., Tuzbekov A.I. Archaeozoological materials of the Podymalovo-1 settlement of the Golden Horde period. *Ufa Archaeological Herald*. 2024; 24(3): 587-606. (In Russ)
19. Sviridov A.N. On the question of the features of the location of funeral food in the burials of the end of the I–IV centuries from the cemeteries of the immediate vicinity of Chersonesos. *Bosporan Readings*. 2024: 288. (In Russ)
20. Polyanskaya E.Yu., Antipina E.E. Animals in the life of the Fatyanovo people (based on materials of bone ornaments and household tools made of bone from the Volosovo-Danilovsky cemetery). *Archaeology: History and Perspectives. Collection of articles of the 11th interregional conference*. Yaroslavl, 2024: 216-229. (In Russ)
21. Buckley M. Zooarchaeology by mass spectrometry (ZooMS) collagen fingerprinting for the species identification of archaeological bone fragments. *Zooarchaeology in Practice: Case Studies in Methodology and Interpretation in Archaeofaunal Analysis*. 2018: 227-247. https://doi.org/10.1007/978-3-319-64763-0_12
22. Seersholm F.V., Cole T.L., Grealy A., Rawlence N.J., Greig K., Knapp M., Stat M., Hansen A.J., Easton L.J., Shepherd L., Tennyson A.J.D., Scofield R.P., Walter R., Bunce M. Subsistence practices, past biodiversity, and anthropogenic impacts revealed by

- by New Zealand-wide ancient DNA survey // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2018. Т. 115. №. 30. С. 7771–7776. <https://doi.org/10.1073/pnas.1803573115>
23. LeGras J.L., Merdinoglu D., Cornuet J.M., Karst F. Bread, beer and wine: *Saccharomyces cerevisiae* diversity reflects human history // *Molecular ecology*. 2007. Т. 16. №. 10. С. 2091–2102. <https://doi.org/10.1111/j.1365-294X.2007.03266.x>
24. Van Boekel M., Fogliano V., Pellegrini N., Stanton C., Scholz G., Lalljie S., Somoza V., Knorr D., Jasti P.R., Eisenbrand G. A review on the beneficial aspects of food processing // *Molecular nutrition & food research*. 2010. Т. 54. №. 9. С. 1215–1247. <https://doi.org/10.1002/mnfr.200900608>
25. Ran C., Qingqing Y., Meilin C., Zhang X., Wei Z. Screening and biological characteristics of excellent acid-producing lactic acid bacteria in corn silage // *China Brewing*. 2024. Т. 43. №. 8. С. 144–152. DOI: 10.11882/j.issn.0254-5071.2024.08.021
26. Tamang J.P., Samuel D. Dietary cultures and antiquity of fermented foods and beverages // *Fermented foods and beverages of the world*. 2010. Т. 1. №. 1.3. С. 1.
27. Wood, E. *World sourdoughs from antiquity*. 1996. Ten Speed Press. Berkeley, CA
28. Aouizerat T., Gutman I., Paz Y., Maeir A.M., Gadot Y., Gelman D., Szitenberg A., Drori E., Pinkus A., Schoemann M., Kaplan R., Ben-Gedalya T., Copenhagen-Glazer S., Reich E., Saragovi A., Lipschits O., Klutstein M., Hazan R. Isolation and characterization of live yeast cells from ancient vessels as a tool in bio-archaeology // *MBio*. 2019. Т. 10. №. 2. С. 10.1128/mbio.00388-19. <https://doi.org/10.1128/mbio.00388-19>
29. Fay J., Benavides J. Evidence for domesticated and wild populations of *Saccharomyces cerevisiae* // *PLoS genetics*. 2005. Т. 1. №. 1. С. 66–71. <https://doi.org/10.1371/journal.pgen.0010005>
30. McGovern P., Zhang J., Tang J., Zhang Z., Hall G., Moreau R., Nuñez A., Butrym E., Richards M., Wang C., Cheng G., Zhao Z., Wang C. Fermented beverages of pre-and proto-historic China // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2004. Т. 101. №. 51. С. 17593–17598. <https://doi.org/10.1073/pnas.0407921102>
31. Crawford G., Underhill A., Zhao Z., Lee G., Feinman G., Nicholas L., Luan F., Yu H., Fang H., Cai F. Late Neolithic plant remains from northern China: preliminary results from Liangchengzhen, Shandong // *Current Anthropology*. 2005. Т. 46. №. 2. С. 309–317. <https://doi.org/10.1086/428788>
32. Rojo Guerra M., Garrido Pena R., Martinez-de-Lagran I., Tejedor Ropdriguez C. Los preimeros agricultores y ganaderos del interior peninsular // *Diez años de investigaciones en el valle de Ambrona (Soria)*. Ayto. de Miño de Medinaceli, Junta de Castilla y León, Caja Duero y Adema, Soria, 2008.
33. Haaland R. Porridge and pot, bread and oven: food ways and symbolism in Africa and the Near East from the Neolithic to the present // *Cambridge Archaeological Journal*. 2007. Т. 17. №. 2. С. 165–182. <https://doi.org/10.1017/S0959774307000236>
34. Perlès, C. Les stratégies alimentaires dans les temps préhistoriques // *Histoire de l'alimentation*. 1996. С. 29–46.
35. Smalley J., Blake M. Sweet beginnings: Stalk sugar and the domestication of maize // *Current Anthropology*. 2003. Т. 44. №. 5. С. 675–703. <https://doi.org/10.1086/377664>
36. Stordeur D., Willcox G. Indices de culture et d'utilisation des céréales à Jerf el Ahmar // *De Méditerranée et d'ailleurs...: mélanges offerts à Jean Guilaine*. 2009. С. 693–710.
37. Samuel D., Bolt P. Rediscovering ancient Egyptian beer // *Brewer's Guardian*. 1995. Т. 124. №. Dec. С. 27–31.
38. Jennings J., Antrobus K., Atencio S., Glavich E., Johnson R., Loffler G., Luu C. “Drinking beer in a blissful mood” alcohol production, operational chains, and feasting in the ancient world // *Current Anthropology*. 2005. Т. 46. №. 2. С. 275–303. <https://doi.org/10.1086/427119>
39. Oyewole O. Lactic fermented foods in Africa and their benefits // *Food Control*. 1997. Т. 8. №. 5–6. С. 289–297. [https://doi.org/10.1016/S0956-7135\(97\)00075-3](https://doi.org/10.1016/S0956-7135(97)00075-3)
40. Каширская Н.Н., Чернышева Е.В., Удальцов С.Н., Плеханова Л.Н. Липазная и эстеразная активность в грунтах из древних погребальных сосудов // *Биофизика*. 2023. Т. 68. New Zealand-wide ancient DNA survey. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2018; 115(30): 7771–7776. <https://doi.org/10.1073/pnas.1803573115>
23. LeGras J.L., Merdinoglu D., Cornuet J.M., Karst F. Bread, beer and wine: *Saccharomyces cerevisiae* diversity reflects human history. *Molecular Ecology*. 2007; 16(10): 2091–2102. <https://doi.org/10.1111/j.1365-294X.2007.03266.x>
24. Van Boekel M., Fogliano V., Pellegrini N., Stanton C., Scholz G., Lalljie S., Somoza V., Knorr D., Jasti P.R., Eisenbrand G. A review on the beneficial aspects of food processing. *Molecular Nutrition & Food Research*. 2010; 54(9): 1215–1247. <https://doi.org/10.1002/mnfr.200900608>
25. Ran C., Qingqing Y., Meilin C., Zhang X., Wei Z. Screening and biological characteristics of excellent acid-producing lactic acid bacteria in corn silage. *China Brewing*. 2024; 43(8): 144–152. DOI: 10.11882/j.issn.0254-5071.2024.08.021
26. Tamang J.P., Samuel D. Dietary cultures and antiquity of fermented foods and beverages. *Fermented Foods and Beverages of the World*. 2010; 1(1.3): 1.
27. Wood E. *World sourdoughs from antiquity*. Berkeley, CA: Ten Speed Press, 1996.
28. Aouizerat T., Gutman I., Paz Y., Maeir A.M., Gadot Y., Gelman D., Szitenberg A., Drori E., Pinkus A., Schoemann M., Kaplan R., Ben-Gedalya T., Copenhagen-Glazer S., Reich E., Saragovi A., Lipschits O., Klutstein M., Hazan R. Isolation and characterization of live yeast cells from ancient vessels as a tool in bio-archaeology. *MBio*. 2019; 10(2): 10.1128/mbio.00388-19. <https://doi.org/10.1128/mbio.00388-19>
29. Fay J., Benavides J. Evidence for domesticated and wild populations of *Saccharomyces cerevisiae*. *PLoS Genetics*. 2005; 1(1): 66–71. <https://doi.org/10.1371/journal.pgen.0010005>
30. McGovern P., Zhang J., Tang J., Zhang Z., Hall G., Moreau R., Nuñez A., Butrym E., Richards M., Wang C., Cheng G., Zhao Z., Wang C. Fermented beverages of pre-and proto-historic China. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2004; 101(51): 17593–17598. <https://doi.org/10.1073/pnas.0407921102>
31. Crawford G., Underhill A., Zhao Z., Lee G., Feinman G., Nicholas L., Luan F., Yu H., Fang H., Cai F. Late Neolithic plant remains from northern China: preliminary results from Liangchengzhen, Shandong. *Current Anthropology*. 2005; 46(2): 309–317. <https://doi.org/10.1086/428788>
32. Rojo Guerra M., Garrido Pena R., Martinez-de-Lagran I., Tejedor Ropdriguez C. Los preimeros agricultores y ganaderos del interior peninsular. *Diez años de investigaciones en el valle de Ambrona (Soria)*. Ayto. de Miño de Medinaceli, Junta de Castilla y León, Caja Duero y Adema, Soria, 2008.
33. Haaland R. Porridge and pot, bread and oven: food ways and symbolism in Africa and the Near East from the Neolithic to the present. *Cambridge Archaeological Journal*. 2007; 17(2): 165–182. <https://doi.org/10.1017/S0959774307000236>
34. Perlès C. Les stratégies alimentaires dans les temps préhistoriques. *Histoire de l'alimentation*, 1996: 29–46.
35. Smalley J., Blake M. Sweet beginnings: stalk sugar and the domestication of maize. *Current Anthropology*. 2003; 44(5): 675–703. <https://doi.org/10.1086/377664>
36. Stordeur D., Willcox G. Indices de culture et d'utilisation des céréales à Jerf el Ahmar. *De Méditerranée et d'ailleurs...: mélanges offerts à Jean Guilaine*. 2009: 693–710.
37. Samuel D., Bolt P. Rediscovering ancient Egyptian beer. *Brewer's Guardian*. 1995; 124(Dec): 27–31.
38. Jennings J., Antrobus K., Atencio S., Glavich E., Johnson R., Loffler G., Luu C. “Drinking beer in a blissful mood” alcohol production, operational chains, and feasting in the ancient world. *Current Anthropology*. 2005; 46(2): 275–303. <https://doi.org/10.1086/427119>
39. Oyewole O. Lactic fermented foods in Africa and their benefits. *Food Control*. 1997; 8(5-6): 289–297. [https://doi.org/10.1016/S0956-7135\(97\)00075-3](https://doi.org/10.1016/S0956-7135(97)00075-3)
40. Kashirskaya NN., Chernysheva EV., Udaltsov SN., Plekhanova LN. Lipase and esterase activity in soils from ancient burial vessels. *Biophysics*. 2023; 68(6): 1200–1209. DOI: 10.31857/

№ 6. С. 1200–1209. DOI: 10.31857/S000630292306011X

41. Каширская, Н. Н., Чернышева, Е. В., & Малашев, В. Ю. Комплексный подход к выявлению жирной пищи в сосудах из погребений раннего этапа аланской культуры Северного Кавказа // История, археология и этнография Кавказа. Учредители: Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН. 2023. Т. 19. №. 1. С. 150–172. <https://doi.org/10.32653/CH191150-172>

42. Chernysheva E., Kashirskaya N., Demkina E., Khomutova T., Plekhanova L., Borisov A. Organic grave good-related soil microorganisms: Read-out of soil biological memory for archaeological research // *Catena*. 2025. Т. 254. С. 108955. <https://doi.org/10.1016/j.catena.2025.108955>.

43. Плеханова Л.Н., Каширская Н.Н., Мимоход Р.А., Сударев Н.И. Новые данные по определению характера пищи в сосудах античного могильника Волна 1 // Российская археология. 2024. №3. С. 101–116. DOI:10.31857/S0869606324030071

44. Дёмкина Е. В., Дорошенко Е. В., Бабич Т. Л., Миронов В. В., Борисов А. В., Дёмкина Т. С., Эль-Регистан Г. И. Погребенные почвы как нетрадиционный источник выделения биотехнологически значимых штаммов бактерий // *Микробиология*. 2019. Т. 88. №. 5. С. 605–618. DOI: 10.1134/S0026365619050057

45. Elliker, P. R., Anderson, A. W., & Hannesson, G. An agar culture medium for lactic acid streptococci and lactobacilli // *Journal of Dairy Science*. 1956. Т. 39. №. 11. С. 1611–1612. DOI: 10.3168/jds.S0022-0302(56)94896-2

46. de Man, J. D., Rogosa, D., & Sharpe, M. E. A medium for the cultivation of lactobacilli // *Journal of applied microbiology*. 1960. Т. 23. № 1. С. 130–135. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2672.1960.tb00188.x>

47. Birnboim, H., & Doly, J. A rapid alkaline extraction procedure for screening recombinant plasmid DNA // *Nucleic acids research*. 1979. Т. 7. №. 6. С. 1513–1523. <https://doi.org/10.1093/nar/7.6.1513>

48. Богатова О. В., Догарева Н. Г. Химия и физика молока. 2004. Издательство: Оренбургский государственный университет. 137 с.

49. Салиева С.Т., Кудайбердиева Ж.И., Жолдошев С.Т., Абдыраева Б.Р., Мурзакулова А.Б., Ташов К.Э. Этиотропный подход в анализе и диагностике ботулизма и пищевой токсикоинфекций // *Успехи современной науки*. 2016. Т. 10. №. 11. С. 54–60.

50. Ерусланов Б.В., Светоч Э.А., Мицевич И.П., Фурсова Н.К., Дятлов И.А. Ботулизм: характеристика возбудителя и лабораторные методы его диагностики // *Бактериология*. 2018. Т. 3. №. 4. С. 47–59. DOI: 10.20953/2500-1027-2018-4-47-59

51. Шадрова Н.Б., Прунтова О.В., Андреева С.В. Изучение биомаркеров различных видов клостридий для идентификации *clostridium botulinum* масс-спектрометрическим методом // *Актуальные вопросы ветеринарной биологии*. 2024. Т. 63. №. 3. С. 7–13. DOI: 10.24412/2074-5036-2024-363-7-13

52. Kostrova Y.B., Lyashchuk Y.O. Account of biological risk factors in foodstuffs for increase of food safety // *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe (East European Scientific Journal)*. 2017. Т. 26. №.10. С. 62–71.

53. Deak, T. A survey of current taxonomy of common foodborne bacteria: Part II. Gram-positive phyla of Firmicutes and Actinobacteria // *Acta Alimentaria*. 2011. Т. 40. №. 1. С. 95–116. <https://doi.org/10.1556/aalim.40.2011.1.13>

54. Sorci, E. H. A Study of Grapevine Growth and Performance in Vineyard and Non-Agricultural Portuguese Soils: дис. Instituto Superior de Agronomia, Universidade de Lisboa. 2022.

55. Lan Q X., Chen J., Lin L., Ye X.L., Yan Q.Y., Huang J.F., Liu C.C., Yang G. W. *Sporolactobacillus pectinivorans* sp. nov., an anaerobic bacterium isolated from spoiled jelly // *International Journal of Systematic and Evolutionary Microbiology*. 2016. Т. 66. №. 11. С. 4323–4328. <https://doi.org/10.1099/ijsem.0.001351>

56. Cao J., Yu Z., Zhang Q., Yu L., Zhao J., Zhang H., Chen W., Zhai Q. Effects of *Bacillus coagulans* GBI-30, 6086 as an adjunct starter culture on the production of yogurt // *Food Research International*. 2022. Т. 160. С. 111398. <https://doi.org/10.1016/j.foodres.2022.111398>

S000630292306011X

41. Kashirskaya NN., Chernysheva EV., Malashev VYu. An integrated approach to the identification of fatty foods in vessels from burials of the early stage of the Alan culture of the North Caucasus. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023; 19(1): 150-172. <https://doi.org/10.32653/CH191150-172> (In Russ)

42. Chernysheva E., Kashirskaya N., Demkina E., Khomutova T., Plekhanova L., Borisov A. Organic grave good-related soil microorganisms: read-out of soil biological memory for archaeological research. *Catena*. 2025; 254: 108955. <https://doi.org/10.1016/j.catena.2025.108955>. (In Russ)

43. Plekhanova LN., Kashirskaya NN., Mimokhod RA., Sudarev NI. New data on determining the nature of food in vessels of the ancient Volna 1 cemetery. *Russian Archaeology*. 2024; 3: 101-116. DOI: 10.31857/S0869606324030071 (In Russ)

44. Demkina EV., Doroshenko EV., Babich TL., Mironov VV., Borisov AV., Demkina TS., El-Registan GI. Buried soils as an unconventional source for the isolation of biotechnologically significant bacterial strains. *Microbiology*. 2019; 88(5): 605-618. DOI: 10.1134/S0026365619050057 (In Russ)

45. Elliker PR., Anderson AW., Hannesson G. An agar culture medium for lactic acid streptococci and lactobacilli. *Journal of Dairy Science*. 1956; 39(11): 1611-1612. DOI: 10.3168/jds.S0022-0302(56)94896-2

46. de Man JD., Rogosa D., Sharpe ME. A medium for the cultivation of lactobacilli. *Journal of Applied Microbiology*. 1960; 23(1): 130-135. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2672.1960.tb00188.x>

47. Birnboim H., Doly J. A rapid alkaline extraction procedure for screening recombinant plasmid DNA. *Nucleic Acids Research*. 1979; 7(6): 1513-1523. <https://doi.org/10.1093/nar/7.6.1513>

48. Bogatova OV., Dogareva NG. *Chemistry and physics of milk*. Orenburg: Orenburg State University, 2004. (In Russ)

49. Salieva ST., Kudaiberdieva ZhL., Zholdoshev ST., Abdyraeva BR., Murzakulova AB., Tashov KE. Etiotropic approach in the analysis and diagnosis of botulism and food toxicoinfections. *Successes of Modern Science*. 2016; 11(10): 54-60. (In Russ)

50. Eruslanov BV., Svetoch EA., Mitsevich IP., Fursova NK., Dyatlov IA. Botulism: characteristics of the pathogen and laboratory methods for its diagnosis. *Bacteriology*. 2018; 3(4): 47-59. DOI: 10.20953/2500-1027-2018-4-47-59 (In Russ)

51. Shadrova NB., Pruntova OV., Andreeva SV. Study of biomarkers of various clostridia species for the identification of *clostridium botulinum* by mass spectrometry. *Current Issues in Veterinary Biology*. 2024; 63(3): 7-13. DOI: 10.24412/2074-5036-2024-363-7-13 (In Russ)

52. Kostrova YB., Lyashchuk YO. Account of biological risk factors in foodstuffs for increase of food safety. *East European Scientific Journal*. 2017; 26(10): 62-71.

53. Deak T. A survey of current taxonomy of common foodborne bacteria: Part II. Gram-positive phyla of Firmicutes and Actinobacteria. *Acta Alimentaria*. 2011; 40(1): 95-116. <https://doi.org/10.1556/aalim.40.2011.1.13>

54. Sorci EH. *A study of grapevine growth and performance in vineyard and non-agricultural Portuguese soils*. Diss. Instituto Superior de Agronomia, Universidade de Lisboa, 2022.

55. Lan Q.X., Chen J., Lin L., Ye X.L., Yan Q.Y., Huang J.F., Liu C.C., Yang G.W. *Sporolactobacillus pectinivorans* sp. nov., an anaerobic bacterium isolated from spoiled jelly. *International Journal of Systematic and Evolutionary Microbiology*. 2016; 66(11): 4323-4328. <https://doi.org/10.1099/ijsem.0.001351>

56. Cao J., Yu Z., Zhang Q., Yu L., Zhao J., Zhang H., Chen W., Zhai Q. Effects of *Bacillus coagulans* GBI-30, 6086 as an adjunct starter culture on the production of yogurt. *Food Research International*. 2022; 160: 111398. <https://doi.org/10.1016/j.foodres.2022.111398>

57. Chang X., Kang M., Shen Y., Yun L., Yang G., Zhu L., Meng X., Zhang J., Su X. *Bacillus coagulans* SCC-19 maintains intestinal health in cadmium-exposed common carp (*Cyprinus carpio* L.) by strengthening the gut barriers, relieving oxidative stress and

57. Chang X., Kang M., Shen Y., Yun L., Yang G., Zhu L., Meng X., Zhang J., Su X. *Bacillus coagulans* SCC-19 maintains intestinal health in cadmium-exposed common carp (*Cyprinus carpio* L.) by strengthening the gut barriers, relieving oxidative stress and modulating the intestinal microflora // *Ecotoxicology and Environmental Safety*. 2021. T. 228. C. 112977. <https://doi.org/10.1016/j.ecoenv.2021.112977>
58. Guo S., Xi Y., Xia Y., Wu T., Zhao D., Zhang Z., Ding B. Dietary *Lactobacillus fermentum* and *Bacillus coagulans* supplementation modulates intestinal immunity and microbiota of broiler chickens challenged by *Clostridium perfringens* // *Frontiers in Veterinary Science*. 2021; 8: 680742. <https://doi.org/10.3389/fvets.2021.680742>
59. Liang J., Li C., Chen Z., Guo F., Dou J., Wang T., Xu Z.S. Progress of research and application of *Heyndrickxia coagulans* (*Bacillus coagulans*) as probiotic bacteria // *Frontiers in Cellular and Infection Microbiology*. 2024. T. 14. C. 1415790. <https://doi.org/10.3389/fcimb.2024.1415790>
60. Yu H., Huang D., Ou J., Chen Z., Tang J. Research on the characteristics of acid production and separation of acid-producing bacteria from Sichuan bran vinegar // *China Condiment*. 2017; 42, №. 5. C. 36–41.
61. Koilybayeva M., Shynykul Z., Ustenova G., Waleron K., Jońca J., Mustafina K., Amirkhanova A., Koloskova Y., Bayaliyeva R., Akhayeva T., Alimzhanova M., Turgumbayeva A., Kurmangaliyeva G., Kantureyeva A., Batyrbayeva D., Alibayeva Z. Gas chromatography – mass spectrometry profiling of volatile metabolites produced by some bacillus spp. and evaluation of their antibacterial and antibiotic activities // *Molecules*. 2023. T. 28. №. 22. C. 7556. <https://doi.org/10.3390/molecules28227556>
62. Huët M. A. L., Puchooa D. Bioremediation of heavy metals from aquatic environment through microbial processes: A potential role for probiotics // *Journal of Applied Biology & Biotechnology* Vol. 2017. T. 5. №. 6. C. 14–23. DOI:10.7324/jabb.2017.50603
63. Jeong S.Y., Kang S., Kim M.J., Kang E.S., Wu X., Lee N.R., Park S. Physicochemical properties of mulberry extract and silk protein added yogurt fermented with lactic acid bacteria isolated from vinegar and kimchi // *Journal of Applied Biological Chemistry*. 2018. T. 61. №. 1. C. 17–23. <https://doi.org/10.3839/jabc.2018.003>
64. Dai H., Ma L., Xu Z., Soteyome T., Yuan L., Yang Z., Jiao X.A. Invited review: Role of *Bacillus licheniformis* in the dairy industry – Friends or foes? // *Journal of Dairy Science*. 2024. T. 107 №.10. C. 7520–7532. <https://doi.org/10.3168/jds.2024-24826>
65. Mezian L., Chinha A.I., Vecchione A., Ghelardi E., Bonatto J.M.C., Marsaioli A.J., Moussa-Boudjemaa B. Aerobic spore-forming bacteria in powdered infant formula: Enumeration, identification by MALDI-TOF mass spectrometry (MS), presence of toxin genes and rpoB gene typing // *International Journal of Food Microbiology*. 2022; 368. C. 109613. <https://doi.org/10.1016/j.ijfoodmicro.2022.109613>
66. Zhao J., Ma M., Yan X., Zhang G., Xia J., Zeng G., Gong D. Expression and characterization of a novel lipase from *Bacillus licheniformis* NCU CS-5 for application in enhancing fatty acids flavor release for low-fat cheeses // *Food Chemistry*. 2022. T. 368. C. 130868. <https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2021.130868>
67. Damgaard P.H., Larsen H.D., Hansen B.M., Bresciani J., Jørgensen K. Enterotoxin-producing strains of *Bacillus thuringiensis* isolated from food // *Letters in Applied Microbiology*. 1996. T. 23. №. 3. C. 146–150. <https://doi.org/10.1111/j.1472-765X.1996.tb00051.x>
68. Carvalho C.M., Meirinho S., Estevinho M.L.F., Choupina A. Yeast species associated with honey: different identification methods // *Archivos de zootecnia*. 2010. T. 59. №. 225. C. 103–113.
- modulating the intestinal microflora. *Ecotoxicology and Environmental Safety*. 2021; 228: 112977. <https://doi.org/10.1016/j.ecoenv.2021.112977>
58. Guo S., Xi Y., Xia Y., Wu T., Zhao D., Zhang Z., Ding B. Dietary *Lactobacillus fermentum* and *Bacillus coagulans* supplementation modulates intestinal immunity and microbiota of broiler chickens challenged by *Clostridium perfringens*. *Frontiers in Veterinary Science*. 2021; 8: 680742. <https://doi.org/10.3389/fvets.2021.680742>
59. Liang J., Li C., Chen Z., Guo F., Dou J., Wang T., Xu ZS. Progress of research and application of *Heyndrickxia coagulans* (*Bacillus coagulans*) as probiotic bacteria. *Frontiers in Cellular and Infection Microbiology*. 2024; 14: 1415790. <https://doi.org/10.3389/fcimb.2024.1415790>
60. YuH., Huang D., Ou J., Chen Z., Tang J. Research on the characteristics of acid production and separation of acid-producing bacteria from Sichuan bran vinegar. *China Condiment*. 2017; 42(5): 36–41.
61. Koilybayeva M., Shynykul Z., Ustenova G., Waleron K., Jońca J., Mustafina K., Amirkhanova A., Koloskova Y., Bayaliyeva R., Akhayeva T., Alimzhanova M., Turgumbayeva A., Kurmangaliyeva G., Kantureyeva A., Batyrbayeva D., Alibayeva Z. Gas chromatography – mass spectrometry profiling of volatile metabolites produced by some bacillus spp. and evaluation of their antibacterial and antibiotic activities. *Molecules*. 2023; 28(22): 7556. <https://doi.org/10.3390/molecules28227556>
62. Huët MAL., Puchooa D. Bioremediation of heavy metals from aquatic environment through microbial processes: a potential role for probiotics. *Journal of Applied Biology & Biotechnology*. 2017; 5(6): 14–23. DOI: 10.7324/jabb.2017.50603
63. Jeong SY., Kang S., Kim MJ., Kang ES., Wu X., Lee NR., Park S. Physicochemical properties of mulberry extract and silk protein added yogurt fermented with lactic acid bacteria isolated from vinegar and kimchi. *Journal of Applied Biological Chemistry*. 2018; 61(1): 17–23. <https://doi.org/10.3839/jabc.2018.003>
64. Dai H., Ma L., Xu Z., Soteyome T., Yuan L., Yang Z., Jiao XA. Invited review: role of *Bacillus licheniformis* in the dairy industry – friends or foes? *Journal of Dairy Science*. 2024; 107(10): 7520–7532. <https://doi.org/10.3168/jds.2024-24826>
65. Mezian L., Chinha A.I., Vecchione A., Ghelardi E., Bonatto J.M.C., Marsaioli A.J., Moussa-Boudjemaa B. Aerobic spore-forming bacteria in powdered infant formula: enumeration, identification by MALDI-TOF mass spectrometry (MS), presence of toxin genes and rpoB gene typing. *International Journal of Food Microbiology*. 2022; 368: 109613. <https://doi.org/10.1016/j.ijfoodmicro.2022.109613>
66. Zhao J., Ma M., Yan X., Zhang G., Xia J., Zeng G., Gong D. Expression and characterization of a novel lipase from *Bacillus licheniformis* NCU CS-5 for application in enhancing fatty acids flavor release for low-fat cheeses. *Food Chemistry*. 2022; 368: 130868. <https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2021.130868>
67. Damgaard P.H., Larsen H.D., Hansen B.M., Bresciani J., Jørgensen K. Enterotoxin-producing strains of *Bacillus thuringiensis* isolated from food. *Letters in Applied Microbiology*. 1996; 23(3): 146–150. <https://doi.org/10.1111/j.1472-765X.1996.tb00051.x>
68. Carvalho CM., Meirinho S., Estevinho MLF., Choupina A. Yeast species associated with honey: different identification methods. *Archivos de Zootecnia*. 2010; 59(225): 103–113.

Поступила в редакцию 16.04.2025

Принята в печать 16.09.2025

Опубликована 15.03.2026

Received 16.04.2025

Accepted 16.09.2025

Published 15.03.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH221119-134>

Research paper

Reza Naseri
PhD (Archeology), Assoc. Prof.
Dep. of Archaeology, University of Zabol, Iran
rezanaseri@uoz.ac.ir

Morteza Khanipour
PhD (Archeology), Assoc. Prof.
Silk Road International University of Tourism and Cultural Heritage, Samarkand, Uzbekistan;
Samarkand State University, Samarkand, Uzbekistan
Khanipour73@yahoo.com

THE SOUTHERN EXTENT OF THE KURA-ARAXES CULTURE IN IRAN: EVIDENCE FROM GŪNESPĀN TEPE

Abstract. During the 4th millennium BC, the Kura-Arax culture emerged as an important archaeological phenomenon in the Caucasus and the Near East. Over the course of several centuries, the culture spread from Transcaucasia and northwestern Iran to southeastern Anatolia and Levant. The culture has been referred to in Iran by various names, including Yanik, Kura-Arax, and Godin IV. During archaeological excavations at Tepe Gūnespān, Malayer, in 2009, deposits containing Kura-Arax-type pottery were discovered, providing valuable insights into the final phase of this culture in the central Zagros region. Based on archaeological findings from this site, this article examines the characteristics of the Kura-Arax culture at its southernmost limit, as well as the timing and process of its decline. The results of the excavations indicate that Gūnespān was first inhabited during the Kura-Arax period, and that cultural deposits up to 250 cm thick belong to this phase. Although no architectural remains were identified due to excavation limitations, evidence suggests that this was a permanent settlement. The most distinctive feature of this culture is its gray-black burnished pottery, which can be categorized into seven groups at Gūnespān. Most of these ceramics are plain, with incised decorations being rare. The findings indicate that the gray-black burnished pottery tradition of the Kura-Araxes culture was widespread in the central Zagros region during the first half of the third millennium BCE, demonstrating its southernmost extent of influence. By the mid-third millennium BCE, painted buff ware emerged and gradually replaced the Kura-Araxes gray-black burnished pottery tradition.

Keywords: Central Zagros, Bronze Age, Kura-Araxes, gray-black burnished pottery

For citation: Naseri R., Khanipour M. The southern extent of the Kura-Araxes culture in Iran: evidence from Gūnespān tepe. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 1. P. 119-134. doi.org/10.32653/CH221119-134

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH221119-134>

Исследовательская статья

Насери Реза
к.и.н., доцент
Университет Забол, Иран
rezanaseri@uoz.ac.ir

Ханипур Мортеза
к.и.н., доцент
Международный университет туризма и культурного наследия «Шелковый путь»,
Самарканд, Узбекистан;
Самаркандский государственный университет, Узбекистан
Khanipoor73@yahoo.com

ЮЖНАЯ ГРАНИЦА РАСПРОСТРАНЕНИЯ КУРО-АРАКСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИРАНЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗ ГУНЕСПАН-ТЕПЕ

Аннотация. В IV тысячелетии до н.э. в Кавказском регионе и на Ближнем Востоке сформировалась куро-аракская археологическая культура. На протяжении тысячелетий эта культура распространилась из Закавказья и северо-западного Ирана в юго-восточную Анатолию и Левант. В Иране она известна под разными названиями, в том числе Яник, Кура-Аракс и Годин IV. Археологические раскопки на Гунеспан-тепе (округ Мелайер) в 2009 году выявили отложения, содержащие керамику куро-аракской культуры, что дало ценные сведения о заключительной фазе этой культуры в центральной части Загроса. На основе материалов данного памятника в статье рассматриваются особенности куро-аракской культуры на её самом южном рубеже распространения, а также хронология и характер процесса её исчезновения. Результаты раскопок показывают, что Гунеспан-тепе впервые был заселён именно в период куро-аракской культуры; мощность культурных отложений этого времени достигает 250 см. Хотя из-за ограниченного масштаба раскопок архитектурные остатки выявлены не были, имеющиеся данные свидетельствуют о постоянном характере поселения. Наиболее характерной чертой культуры является серая и чёрная лощёная керамика, которая на Гунеспан-тепе подразделяется на семь групп. Большая часть этой керамики гладкая (без декора), орнаментация врезными линиями встречается редко. Материалы указывают, что традиция серо-чёрной лощёной керамики куро-аракской культуры была широко распространена в центральном Загросе в первой половине III тысячелетия до н.э., демонстрируя южную границу её влияния. К середине III тысячелетия до н.э. появляется расписная светло-глиняная керамика, которая постепенно вытесняет традицию серо-чёрной лощёной посуды куро-аракской культуры.

Ключевые слова: Центральный Загрос; бронзовый век; куро-аракская археологическая культура; серо-чёрная лощёная керамика

Для цитирования: Насери Р., Ханипур М. Южная граница распространения Куро-Аракской культуры в Иране: по материалам из Гунеспан-тепе // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 1. С. 119-134. doi.org/10.32653/CH221119-134

© Насери Р., Ханипур М., 2026

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2026

Introduction

For the first time in the second half of the 19th century, polished red-black pottery was collected in the South Caucasus region [1: 23-24]. These ceramics later became the subject of archaeological research, leading to the identification of a culture in Transcaucasia associated with this distinctive pottery. This culture was named the Kura-Araxes culture because its sites were discovered between the Kura and Araxes rivers [2: 39-42; 1: 22-23]. The Kura-Araxes culture represents one of the most widespread cultural horizons of the Bronze Age in Southwest Asia [3: 231]. It marks a significant cultural transformation in the prehistoric archaeology of the South Caucasus, northwestern and western Iran, eastern Anatolia, and parts of the Levant, emerging in the fourth millennium BCE. Initially, the core area of this culture was limited, but after its formation in the middle Araxes Valley, it gradually expanded toward the Mediterranean (Levant) and northwestern and western Iran. At its peak, the Kura-Araxes culture covered vast areas of Transcaucasia, the northeastern Caucasus, eastern Anatolia, and Iran [4; 5]. Sagona believes that the Kura-Araxes culture should be regarded as a distinct material culture, or a “package,” which includes rectangular, semi-rectangular, and circular houses made of mudbrick, wattle and daub, and stone; fixed circular hearths and horseshoe-shaped andirons, often crafted in anthropomorphic or zoomorphic styles; burnished red and black pottery, or even entirely black pottery, often decorated with relief, incised, or excised designs; standardized horned animal figurines; and a limited range of metal and bone objects [1: 22].

In recent years, several attempts have been made to explain how the Kura-Araxes culture spread, addressing factors such as population movement, technology transfer, and the dissemination of ideas [6; 7]. Based on the circular architectural plans found at Kura-Araxes sites, Burney argued that its inhabitants were nomadic pastoralists [8: 48]. He believed they transmitted their cultural traditions through pottery, which remained consistent across different regions [9: 52-57]. Mason and Cooper also emphasized the nomadic nature of these communities [10]. In contrast, Kushnareva described their subsistence economy as based on both agriculture and animal husbandry [11: 183]. Some researchers have suggested that the Kura-Araxes culture followed a system of “semi-nomadism” combined with rain-fed agriculture [12: 35].

Contrary to earlier perspectives, recent studies indicate that early Kura-Araxes communities, particularly during the Early Bronze Age I, were more sedentary than previously assumed [13; 14: 42]. While they maintained agricultural and pastoral practices, they may have occasionally engaged in seasonal transhumance. Today, new archaeological discoveries have shifted perspectives on the origins and expansion of the Kura-Araxes culture from a unified model to one emphasizing dynamic cultural interaction between the Caucasus, central and eastern Anatolia, northeastern Iran, Syria-Mesopotamia, and the Levant. Increasingly, this culture is understood as a set of processes shaped over centuries through social, economic, and religious interactions [5: 1-9; 14: 23-25].

Despite extensive research on this culture, debates among archaeologists persist regarding its origins, formation process, expansion mechanisms, and even its nomenclature. One of the southernmost areas of Kura-Araxes expansion in Iran is Gūnespān Tepe in Malayer. Archaeological excavations at this site, conducted by the first author of this paper, have identified cultural deposits associated with the Kura-Araxes culture. These findings contribute to a better understanding of the southernmost extent of Kura-Araxes influence.

This research aims to examine the characteristics of the Kura-Araxes culture in the central Zagros region, as well as the timing and process of its decline, based on archaeological findings from the excavation of Gūnespān Tepe. The main research questions are: What culture was the Malayer plain influenced by during the Early Bronze Age? What are the characteristics of the Early Bronze Age pottery at Gūnespān? When and how did the Kura-Araxes culture disappear in the southernmost area of its expansion? To achieve the research objectives, this study first provides an overview of the Kura-Araxes culture in Iran. Then, the archaeological findings from the excavation of Gūnespān, which was conducted in 2009, are presented. Finally, this study attempts to provide a clearer understanding of the Early Bronze Age in this region through absolute chronology and comparison with data from other sites.

Archaeology of Malayer in the Central Zagros

The Central Zagros, located in western Iran, has always been a focal point of prehistoric archaeological studies [15; 16; 17]. Excavations at the sites of Giyan [18] and Godin [19; 20: 389; 21] have played a significant role in establishing the chronological sequence of the eastern part of this region, particularly during the Bronze Age. Archaeological findings from Godin, dating from the Early to Late Bronze Age, led to the identification of the Godin IV and III cultural phases, which correspond to the Early, Middle, and Late Bronze Age in the Central Zagros [22; 23].

Among these studies, the Malayer Plain is considered a key region for understanding cultural developments of this period. Despite several surveys and excavations in this plain [24; 25; 26; 27; 28], a comprehensive understanding of the Early Bronze Age in this area remains elusive. The results of recent excavations at the site of Gūnespān can contribute to a better understanding of this period in the central part of the Zagros.

Terminology of Black and Grey Burnished Pottery

Over the past few decades, Near Eastern archaeologists have studied black or grey burnished pottery and proposed various names for it across different regions and sites. Baiburtian [29] first introduced this pottery under the name Shengavit Culture. In 1940, Kuftin used the term Kura-Araxes for this culture [30]. William Albright also referred to grey pottery found in the Jordan Valley as Khirbet Kerak Ware [31: 27; 1: 22–23].

Burney [32: 165; 9: 44] classified this period as the Early Bronze Age of Eastern Anatolia, while Winifred Lamb [33] referred to it as the Northeastern Anatolian Culture.

In Anatolia, archaeologists primarily use the term Karaz Culture [34: 359–360], whereas Western scholars classify this pottery under the broader Transcaucasian Culture [35]. Dyson was the first to introduce the term Yanık for this cultural horizon [36: 310]. Young [21: 9] has also used the term Godin IV alongside Yanık to describe this period.

However, Burney, the excavator of Yanık Tepe, argued that applying the name “Yanık” to the entire culture is inaccurate. While Yanık Tepe is significant, he believed it was not the primary center of its formation. Therefore, naming the entire culture after this site is inappropriate [9: 44]. The same argument applies to terms such as Karaz and Khirbet Kerak Ware.

The Distribution of the Kura-Araxes Culture in Iran

Archaeological research conducted in Iran over the last hundred years shows that from the Neolithic period to the Iron Age, diverse cultures have formed in different regions of Iran. Based on ceramic diversity, archaeologists have divided Iran into different cultural zones, each with its own unique sequence. However, in certain periods, a relatively homogeneous culture spread across specific regions. One of the prominent Bronze Age cultures that covered vast areas of Iran is the Grey Ware Culture, known as Yanık, Kura-Araxes, or Godin IV.

The first evidence of this culture in northwestern Iran was discovered during Burton Brown’s excavations in Layer K of Goy Tepe [37: 39]. Subsequent excavations by Charles Burney at Yanık Tepe [38; 39: 139–161; 40] and Haftavan [41: 150; 42; 43; 44] also revealed traces of this period. Extensive surveys conducted by Kleiss and Kroll identified numerous sites associated with the Yanık Culture [45; 46]. Other notable sites of this culture in northwestern Iran include Gijlar Tepe [47], Baruj Tepe [48], Kul Tepe Jolfa [49], Kohneh Pasgah Tepe [50], and Qareh Qozlou Tepe [51].

The presence of this culture in western Iran was confirmed through excavations at Godin Tepe [21: 11, Fig: 11–12]. Additional evidence of this cultural horizon has been found at Pissa [52], Gourab Tepe [53], Shizar Tepe [54], Arastou Tepe, and Kellar Tepe in Kelardasht [55] and Sarsakhti Tepe [56], further extending its distribution into the Central Zagros, the Central Plateau, and northern Iran.

Gūnespān Site

The Gūnespān site is located 3 km southeast of Malayer County, in a village called Patape, near the Kalan River, approximately 1 km south of the Kalan Dam (fig 1). As it flows, it passes by the city of Malayer and the Nushijan Tepe. The site is an oval-shaped mound with a rocky foundation, measuring 160 meters in length and 130 meters in width. Its elevation is 1,936 meters above sea level and 27 meters above the surrounding plains (fig. 2).

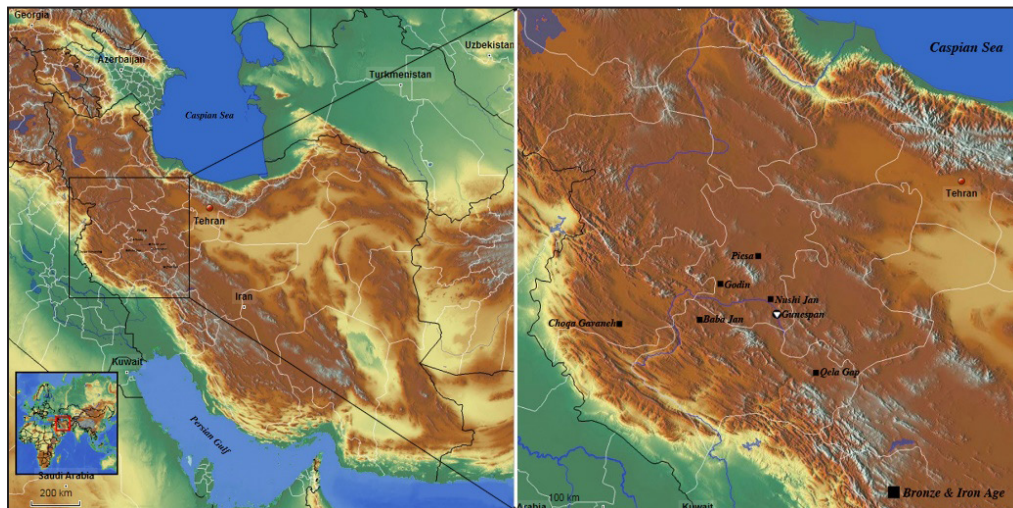

Fig. 1. The location of Gūnespān [69]

Рис. 1. Расположение Гунеспана на карте

Fig. 2. Overview of Gūnespān (photo by Reza Naseri)

Рис. 2. Общий вид Гунеспана (фото Резы Насери)

Excavations at Gūnespān

The site was excavated in six seasons between 2002 and 2010. The first season, led by Ali Khaksar, focused on the Islamic layers. The second season, under Hasan Rezvani, excavated both Islamic and Parthian layers. The third season, directed by Mehrdad Malekzadeh, excavated Parthian layers. The fourth (fig. 3) and fifth seasons, led by Reza Naseri, focused on Parthian, Seleucid, Iron Age III, Godin III, and Godin IV layers [57]. The sixth season, conducted by Hossein Tofiqian, concentrated on Iron Age III deposits [58].

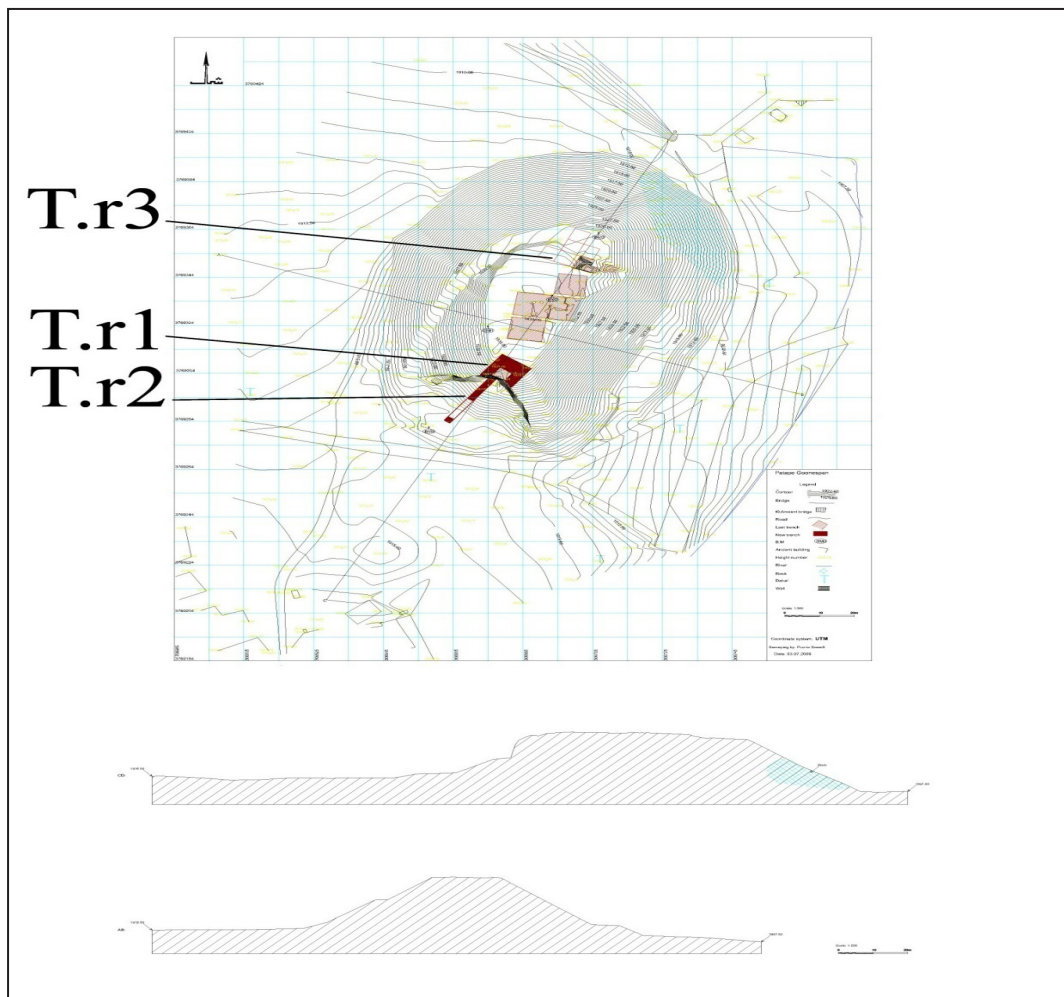

Fig. 3. Topography of Gūnespān and the Location of Trenches in the Fourth Excavation Season (map by Reza Naseri)

Рис. 3. Топографическая карта Гунеспана и расположение раскопов в четвертый сезон раскопок (карта Резы Насери)

Chronological Sequence of Gūnespān

Excavations conducted in 2009 revealed settlement layers from the Early Bronze Age to the Islamic period. Based on archaeological findings, the stratigraphic sequence of Gūnespān can be divided into five main periods:

Gūnespān I (Islamic Period): The upper layers of the site date back to the Islamic period, from which numerous architectural spaces have been discovered. The first two seasons of the excavation, led by Khaksar and Rezvani, excavated remains from this period [59; 60].

Gūnespān II (Parthian Period): Below the Islamic period deposits, there were deposits with pottery from the Parthian period. The presence of pottery from this period, along with a coin attributed to Ardawan V, indicates a Parthian settlement. The presence of glazed and buff-ware pottery, along with a coin attributed to Artabanus, suggests a Parthian occupation [60].

Gūnespān III (Iron Age III): Beneath the Parthian structures, a massive mudbrick fortress was discovered (fig 4). Architectural comparisons with sites such as Nushijan [61: Figure 1.9] and Godin II [23: Figure 2.8], along with ceramic analysis from Central Zagros and the Iranian Plateau as Zarbolagh [62], indicate that this fortress belonged to the Iron Age III [57].

Fig. 4. Architecture discovered from Gūnespān III Phase (photo by Reza Naseri)

Рис. 4. Архитектурные строения, открытые в слое Гунеспан III (фото Резы Насери)

Gūnespān IV (Middle and Late Bronze Age): Below the Iron Age III fortress, deposits containing buff-painted ceramics, characteristic of the Middle and Late Bronze Age in Central Zagros (previously identified at Giyan and Godin), were unearthed (fig. 5). This phase is further subdivided into five subphases: Gūnespān IV1 corresponds to Godin III p2; Gūnespān IV2 corresponds to Godin III:2; Gūnespān IV3 corresponds to Godin III:4; Gūnespān IV4 corresponds to Godin III:5; Gūnespān IV5 corresponds to Godin III:6

Gūnespān V (Early Bronze Age): The deepest layer contained gray-black burnished pottery, characteristic of the Early Bronze Age. These ceramics are identified with the Godin IV, Yanik, or Kura-Araxes cultures in Iran, making Gūnespān V the earliest occupation phase at the site.

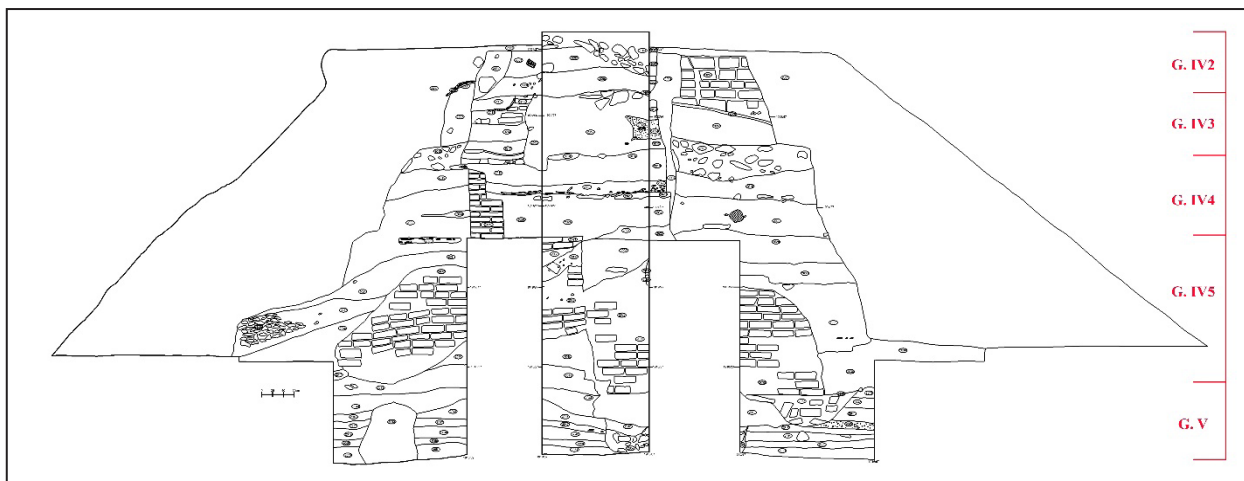

Fig. 5. Section of Trench Two and Its Phases (drawing by Reza Naseri)

Рис. 5. Разрез Раскопа 2 и его хронологические фазы (рисунок Резы Насери)

The Kura-Araxes Culture in Gūnespān

During the excavations at Gūnespān, layers containing gray-black burnished pottery, identified as Kura-Araxes or Godin IV, were discovered in the fourth season in Trench 2. This trench, starting at a depth of

597 cm from the fixed benchmark and extending down to the virgin soil, revealed deposits of this period with a thickness of approximately 255 cm. Based on the findings, it was determined that people associated with the Yanik culture initially settled in this location, representing the earliest occupation of the site in the Early Bronze Age. Due to the limited extent of the excavation and the location of the trench, no architectural remains from this period were identified. The deposits consisted of layers of accumulated soil and ash, which were distinguished during excavation based on their color, structure, density, and soil composition (fig. 6).

Fig. 6. Cultural Deposits Related to the Kura-Araxes Period at Gūnespān (photo by Reza Naseri)

Рис. 6. Культурные слои куро-аракского периода из Гунеспана (фото Резы Насери)

Kura-Araxes pottery from Gūnespān

During the excavation of Trench 2 at Gūnespān, gray-black burnished pottery – along with a limited amount of red pottery – was recovered from the ten lowest contexts of the trench, dating to the Godin IV period (fig. 7). In layers 2041 to 2015, gray-black burnished pottery was also found alongside buff and decorated red pottery (figs. 8–9). The color of the pottery varied from gray to black, and in some cases, color variations were observed on the surface of the sherds. All gray-black burnished ceramics were handmade. The inner and outer surfaces of most pots were burnished, though in some cases, only the outer surface was polished, as it was more exposed. Additionally, burnishing the outer surface of a vessel is easier than burnishing the inner surface. This process enhances the compactness and durability of the pottery.

The use of mineral temper was prevalent in the Yanik ceramics of Gūnespān, as only about 4% of the sherds contained a combination of mineral and organic temper. Notably, chaff temper alone was never used. The temper size was generally fine, with only a small percentage of coarser inclusions. The color of 92% of the sherds ranged from gray to black, while the remaining 8% had a brown or red.

Most of the sherds were plain, with only four sherds found with incised decoration. Excavations suggest that in the third phase of this culture (Kura-Araxes III), incised decoration disappeared and plain pottery became the norm, a trend also observed at sites such as Goy Tepe [37] and Pisa Tepe [63]. The form of vessels and the type of handles are other distinguishing characteristics of Kura-Araxes pottery. Among the Gūnespān ceramics, examples of the so-called Nakhchivan handle type were also found. Seven distinct ceramic types were identified for the Kura-Araxes pottery of Gūnespān:

Group I: This group consists of jars with cylindrical and relatively elongated necks, with convex bodies starting from the shoulder. The height is approximately 1.5 times the rim diameter.

Group II: This group includes open-mouthed bowls with a rim diameter 1.5 to 2 times their height. The rim usually forms a 45-degree angle inward.

Group III: This group consists of open-mouthed bowls with the so-called Nakhchivan handle attached to the rim and shoulder.

Group IV: These vessels have a rim diameter smaller than their height, with the neck and rim curving outward in an S-shape.

Group V: This group consists of large vessels with concave bodies and flat bases.

Group VI: This group features goblets with pronounced shoulders and vertical ring handles at the junction of the body and rim.

Group VII: These open-mouthed bowls have a 45-degree inward angle at the rim-body junction, creating a sharp, central indentation.

The pottery of Gūnespān is comparable to Godin [64: figs. 23, 24] and Gourab [53: figs. 6–7] in the central Zagros, Yanik Tepe [39: pl. LXXII, LXXI, LXX], Goy Tepe [37, figs. 7–10] and [51: figs. 6–7] in northwestern Iran.

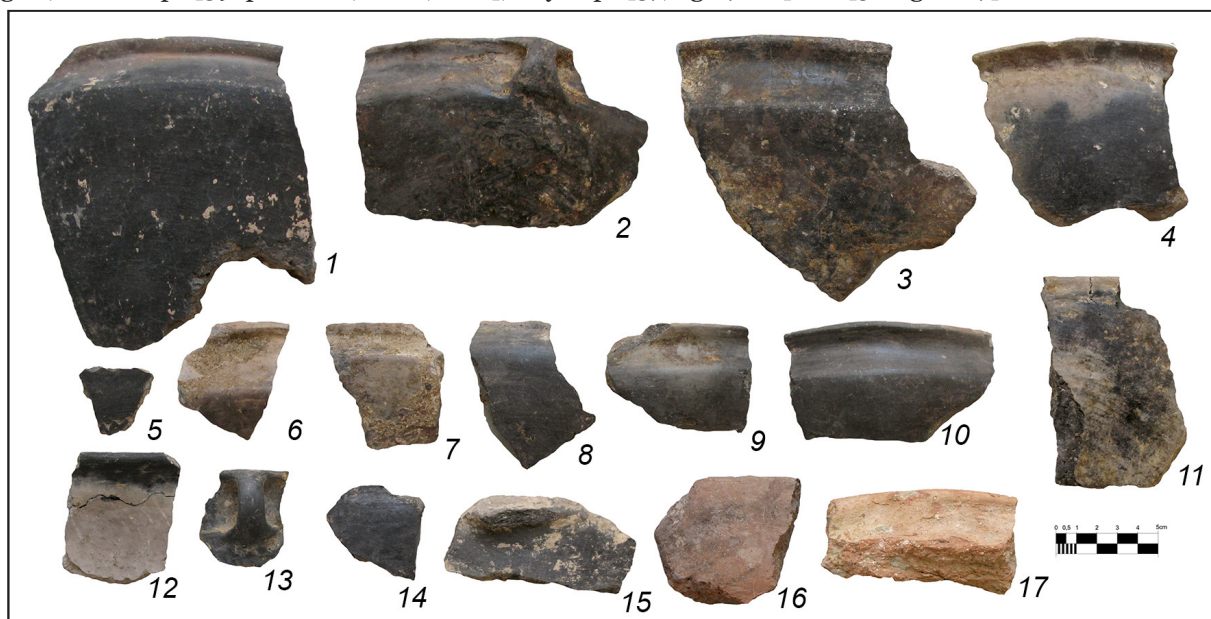

Fig. 7. Gray-black burnished pottery and red pottery from the Kura-Araxes Period at Gūnespān (photo by Reza Naseri)

Рис. 7. Черно-серая лощеная керамика и красная керамика куро-аракского периода из Гунеспана (фото Резы Насери)

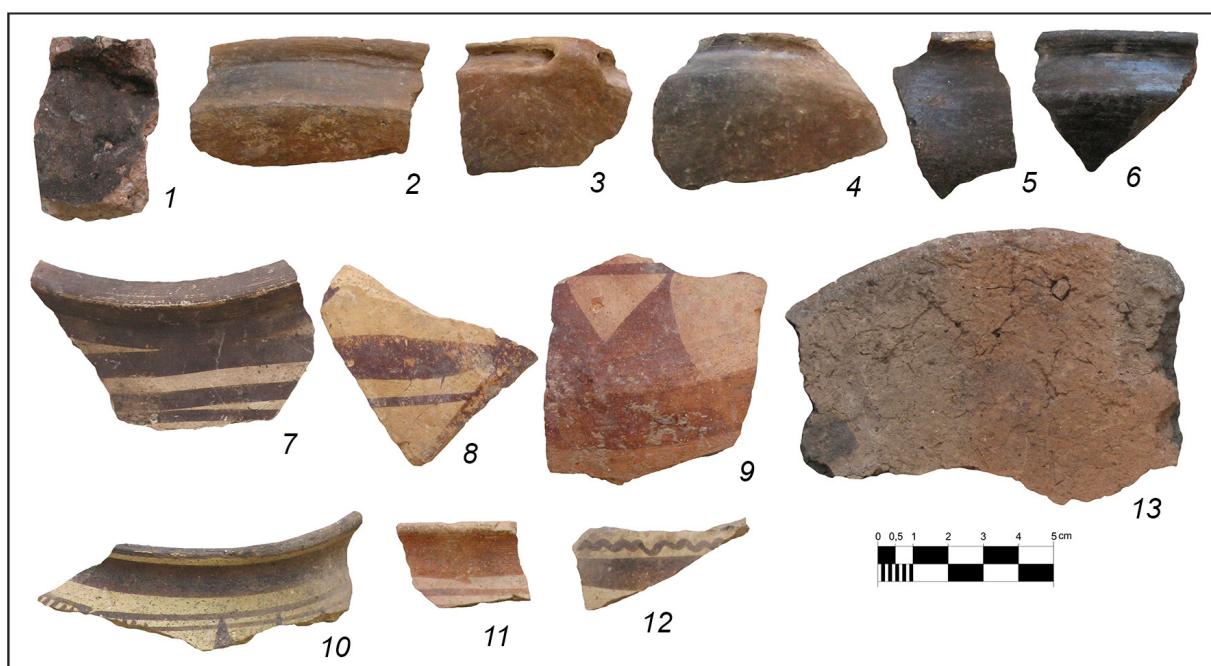

Fig. 8: Pottery Recovered from Phase IV5 at Gūnespān (photo by Reza Naseri)

Рис. 8. Керамика Хронологической Фазы IV5 из Гунеспана (фото Резы Насери)

Fig. 9. Pottery Recovered from Phase IV4 at Gūnespān (photo by Reza Naseri)

Рис. 9. Керамика Хронологической Фазы IV4 из Гунеспана (фото Резы Насери)

Small Finds from Gūnespān

Due to the limited scale of excavations, the most abundant cultural finds from the Early Bronze Age were pottery, while small finds included two reused pottery fragments, a stone tool, and a bone tool. The worked pottery consisted of ceramic fragments that appear to have been deliberately selected from broken vessels, shaped into roughly circular forms by breaking their edges. Various interpretations have been proposed

Fig. 10. Bone tool from Gūnespān [69]

Рис. 10. Костяное орудие из Гунеспана [69]

regarding the function of these pottery fragments. Some researchers believe that ground and rounded pottery pieces were used as tools for shaping and finishing ceramic vessels [65]. Schmandt-Besserat suggests that with the development of agriculture around 7500 BCE, the need for counting and accounting emerged to manage surplus production and redistributive economies [66: 162; 67: 147]. The rounded ceramic objects found at such sites are often interpreted as counters used in the administration of these early agricultural economies. It is possible that the ceramic objects from Gūnespān also served an accounting function, as they are more commonly found in layers associated with Godin III.

Additionally, a stone tool was discovered, consisting of a flint blade made from red chert. Both edges of this blade exhibit retouching, indicating continuous use. Further, the presence of sheen along the edges likely resulted from harvesting plants. Among the faunal remains from Gūnespān [68], a worked bone tool was identified – a metatarsal (cannon bone) of a sheep, with a polished shaft end, suggesting its probable use as an awl (fig. 10).

Chronology of the Kura-Araxes Culture in Gūnespān

One of the objectives of this study is to provide a chronological framework for the Kura-Araxes culture in the Central Zagros region. The lack of precise stratigraphy and, more importantly, the scarcity of absolute dates have resulted in the absence of a widely accepted chronology for the Kura-Araxes culture [70; 71; 72; 3]. Burney divided this culture into three phases: Transcaucasian I to III [9: 55], a classification that most researchers have adopted. Kushnareva proposed a four-phase chronology, dating the beginning of the Kura-Araxes culture to 3500 BCE and its end to 2300 BCE [11: 51]. Seyidov, however, argued for a single formative phase of the Kura-Araxes culture [73].

The limited presence of incised pottery and the replacement of gray-black burnished ceramics with buff-painted pottery suggest that the Gūnespān settlement belongs to the late phase of this culture, specifically Kura-Araxes III. Phase III ceramics in Iran have been identified at sites such as Yanik Tepe [38; 40], Haftavan Tepe [43; 44], Goy Tepe [37], Pisa Tepe [62] and Qareh Qozlou Tepe [51]. A radiocarbon sample from the deposits of this period at Gūnespān indicates a date range of approximately 2800–2600 BCE for Kura-Araxes III at the site. The radiocarbon results also show that around 2600 BCE, buff-painted pottery characteristic of the Godin III period began to appear. Consequently, it can be inferred that in the Central Zagros region, the Kura-Araxes culture likely disappeared around 2600 BCE, corresponding to the Early Bronze Age in the regional chronology.

The Fate of the Yanik Culture in the Central Zagros

The gray-black burnished pottery culture of the Early Bronze Age was widespread across a vast region. However, the timing and nature of its decline remain a subject of debate. Some researchers argue for a gradual transition, while others suggest a sudden transformation. This culture gradually disappeared from the Levant, as seen at Khirbet Kerak, around 2400 BCE [74: 89, 103], whereas its pottery continued to be used in eastern Anatolia until approximately 1800 BCE [2: 23, 358, 364; 14: 25].

Young [21] considers Godin III to be a continuation of Godin IV. In this regard, he argues that despite the obvious differences between the material culture of Godin IV and Godin III, the stratigraphic evidence does not indicate any gap between the two periods.

In contrast, Mason and Cooper [10] have assessed the transition from Godin IV to Godin III as abrupt. However, they also acknowledge that some ceramic types, such as the gray-black burnished pottery wares of Godin IV, continued into Godin III. Excavation evidence from Gūnespān indicates that gray-black burnished pottery was prevalent during the same period as Godin IV. However, around 2600 BCE, coinciding with the beginning of Godin III6 (also known as Gūnespān IV5), decorated buff pottery emerged alongside gray-black burnished pottery. This trend continued into the Godin III5 phase (Gūnespān IV4), where gray-black burnished pottery remained common (fig. 11). In the later phases of Gūnespān IV, only a single sherd of gray-black burnished pottery was recovered from each layer, making it unclear whether their presence was accidental or

if the people of this period used gray-black burnished pottery in an extremely limited manner. The absence of a stratigraphic break between Gūnespān IV and V suggests that this change was likely the result of a social transformation rather than population displacement.

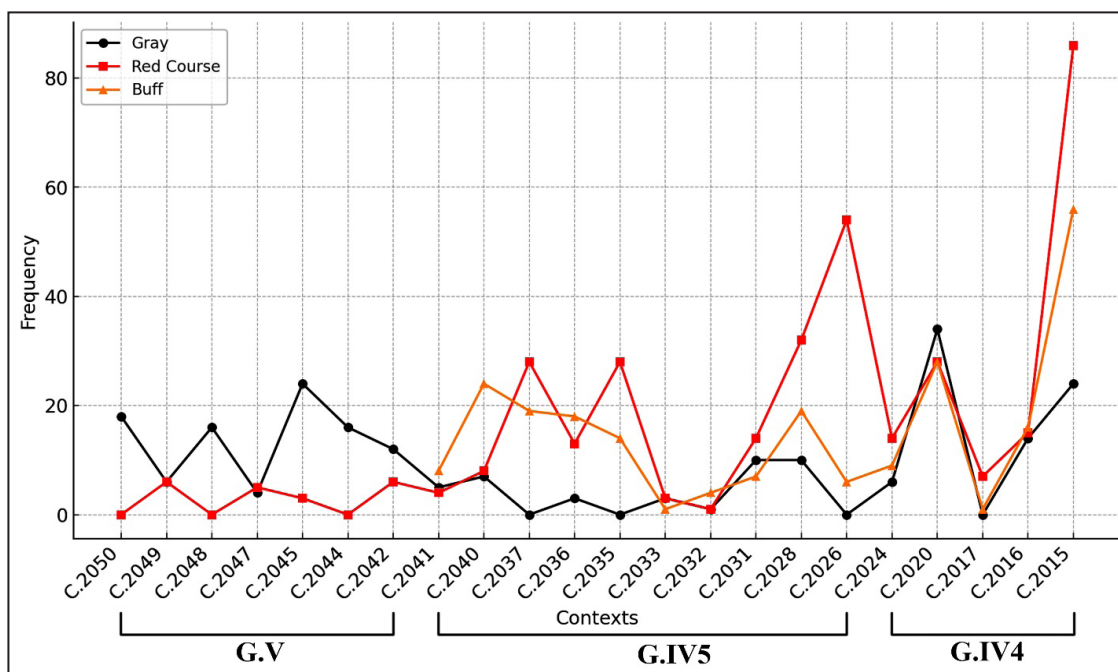

Fig. 11. Chart of Distribution of Grey-Black Burnished Pottery and Other Pottery Types in Phases V and IV of Gūnespān

Рис. 11. Диаграмма распределения серо-чёрной лощёной керамики и других типов керамики в Фазах V и IV Гунеспана

An analysis of data from other regions reveals similar trends. After the period of polished black-gray-black burnished pottery, painted pottery traditions spread across the Zagros, the Urmia Basin, and other regions. However, notable differences in ceramic traditions can be observed between northwest Iran, the central Zagros, and the central Iranian plateau. Burney [43] proposed a migration-based hypothesis, suggesting that the arrival of new groups played a role in these transformations. He points to the approximate contemporaneity of the appearance of painted pottery with the Kassite incursions into Mesopotamia and attributes these changes to this newly arrived group.

At Tepe Pisa, painted pottery (Godin III) has been found alongside polished gray-black burnished potteries in the final phases of the Yanik culture. Archaeobotanical and zooarchaeological evidence from Tepe Pisa indicates that economic and social changes occurred gradually from the late Early Bronze Age into the Middle Bronze Age. This transition included a decline in pastoralism and an increasing emphasis on agriculture and horticulture. Evidence of grape cultivation during this period has also been confirmed. Therefore, changes in ceramic technology and other aspects of material culture appear to have resulted primarily from internal regional transformations rather than large-scale population movements [63].

Christopher Edens [75] observed a similar process in the transition from the Yanik culture (Early Bronze Age) to Middle and Late Bronze Age cultures in the South Caucasus. He emphasizes increasing social stratification, economic shifts, and the expanded use of tin-bronze and trade as the main drivers of this transformation. Based on the available findings, it can be said that the changes observed in Godin IV and the transition to Godin III were mainly regional in nature rather than the result of external influences. However, the possibility of simultaneous changes occurring in several regions cannot be ruled out.

Conclusion

Excavations at Gūnespān have shown that the lowest layer of the site dates back to the Early Bronze Age. During this period, the gray-black burnished pottery culture, known as Godin IV or Kura-Aras, flourished

in the eastern half of the Central Zagros and extended to areas such as Malayer. The geographical features of this region provided favorable conditions for agriculture and animal husbandry in the Bronze Age. These societies were sedentary and semi-sedentary, but the significant amount of Early Bronze Age cultural deposits at Gūnespān indicate that societies of this period were settled in a sedentary manner at this site.

Archaeological excavations show that during the Early Bronze Age, there was a widespread cultural homogeneity in areas such as western and northwestern Iran, the Caucasus, Anatolia, and Levant. Unlike the preceding and subsequent periods, these regions used similar architectural patterns and pottery traditions, which also formed Gūnespān during this period. In the mid-3rd millennium BC, evidence of the appearance of Painted pottery is observed in Gūnespān. Initially, this pottery was used alongside gray pottery, but over time, the tradition of gray-black pottery declined and was completely replaced by painted pottery. Therefore, the transition from Godin IV to Godin III can be attributed to gradual changes in the central Zagros. Archaeological evidence suggests that this transformation was not the result of population migration or invasion, but rather was likely the result of internal regional developments in subsistence strategies and social structures. Factors such as a greater emphasis on agriculture and sedentarism, the emergence of new pottery traditions, and possibly economic and cultural changes played a role in this process.

REFERENCE

1. Sagona A. The Kura-Araxes Culture Complex: A History of Early Research. In *Arkeolojiyle Geçen Bir Yaşam İçin Yazılar. Veli Sevin'e Armağan. Scripta. Essays in Honour of Veli Sevin. A Life Immersed in Archaeology*, A. Özfirat (ed.). Istanbul: Ege Yayınları, 2014:21–32.
2. Yalçın HG. *Die Karaz Keramik von Tepecik in Ostanatolien*. Istanbul: Ege Yayınları, 2012.
3. Smith AT. Prometheus unbound: southern Caucasia in pre-history. *Journal of World Prehistory*. 2005; 19: 229-279.
4. Kushnareva KKh., Chubinishvili TN. The historical position of the southern Caucasus in the third millennium B.C. *Soviet Archaeology*. 1970; 3: 19-24. (In Russ)
5. Batiuk S., Rothman MS. Early Transcaucasian Cultures and Their Neighbors. *Expedition*. 2007; 49(1): 1–9.
6. Rothman M.S. Ripple in the stream: Transcaucasia – Anatolian Interaction in the Murat/Euphrates Basin at the Beginning of the Third Millennium B.C. In *Archaeology in the Borderlands: Investigations in Caucasia and Beyond*, A.T. Smith, K. Rubinson (eds.). Los Angeles: The Cotsen Institute of Archaeology at UCLA, 2003: 167-184.
7. Batiuk S. *Migration Theory and the Distribution of the Early Transcaucasian Culture*. Ph.D. dissertation. University of Toronto, 2005.
8. Burney CA. Contact and conflict in north-western Iran. *Iranica Antiqua*. 1994; 29: 47-62.
9. Burney C., Lang D. *The Peoples of the Hills*. London: Weidenfeld and Nicholson, 1971.
10. Mason RB., Cooper L. Grog petrography & Early Transcaucasian in Godin Tepe. *Iran*. 1999; XXXVII: 25-31.
11. Kushnareva KKh. *The Southern Caucasus in Prehistory: Stages of Cultural and Socioeconomic Development from the 8th to the 2nd Millennium BC*. University Museum Monograph 99. Trans. H.N. Michael. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania, 1997.
12. Motarjem A., Niknami K. The Early Bronze Age in Eastern Central Zagros, Iran. *Journal of Archaeological Studies*. 2011; 3(2): 35-54.
13. Frangipane M. After Collapse: Continuity and Disruption in the Settlement by Kura-Araxes-linked Pastoral Groups at Arslantepe-Malatya (Turkey). *New Data. Paléorient*. 2014; 40(2): 169-182.
14. Sagona A. Rethinking the Kura-Araxes Genesis. *Paléorient*. 2014; 40(2): 23–46.
15. Stein MA. *Old Routes of Western Iran*. London, 1940.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sagona A. The Kura-Araxes Culture Complex: A History of Early Research // *Arkeolojiyle Geçen Bir Yaşam İçin Yazılar. Veli Sevin'e Armağan. Scripta. Essays in Honour of Veli Sevin. A Life Immersed in Archaeology*, A. Özfirat (ed.). Istanbul: Ege Yayınları, 2014. Pp. 21–32.
2. Yalçın H.G. *Die Karaz Keramik von Tepecik in Ostanatolien*. Istanbul: Ege Yayınları, 2012.
3. Smith A.T. Prometheus unbound: southern Caucasia in pre-history. *Journal of World Prehistory*. 2005. № 19. Pp. 229–279.
4. Кушнарева Х.Х., Чубинишвили Т.Н. Историческое положение Южного Кавказа в третьем тысячелетии до н. э. // *Советская археология*. 1970. № 3. С. 19–24.
5. Batiuk S., Rothman M.S. Early Transcaucasian Cultures and Their Neighbors // *Expedition*. 2007. № 49(1). Pp. 1–9.
6. Rothman M.S. Ripple in the stream: Transcaucasia – Anatolian Interaction in the Murat/Euphrates Basin at the Beginning of the Third Millennium B.C. // *Archaeology in the Borderlands: Investigations in Caucasia and Beyond*, A.T. Smith, K. Rubinson (eds.). Los Angeles: The Cotsen Institute of Archaeology at UCLA, 2003. Pp. 167–184.
7. Batiuk S. *Migration Theory and the Distribution of the Early Transcaucasian Culture*. Ph.D. dissertation. University of Toronto, 2005.
8. Burney C.A. Contact and conflict in north-western Iran // *Iranica Antiqua*. 1994. № 29. Pp. 47–62.
9. Burney C., Lang D. *The Peoples of the Hills*. London: Weidenfeld and Nicholson, 1971.
10. Mason R.B., Cooper L. Grog petrography & Early Transcaucasian in Godin Tepe // *Iran*. 1999. XXXVII. Pp. 25–31.
11. Kushnareva K.Kh. *The Southern Caucasus in Prehistory: Stages of Cultural and Socioeconomic Development from the 8th to the 2nd Millennium BC*. University Museum Monograph 99. Trans. H.N. Michael. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania, 1997.
12. Motarjem A., Niknami K. The Early Bronze Age in Eastern Central Zagros, Iran // *Journal of Archaeological Studies*. 2011. № 3(2). Pp. 35–54.
13. Frangipane M. After Collapse: Continuity and Disruption in the Settlement by Kura-Araxes-linked Pastoral Groups at Arslantepe-Malatya (Turkey) // *New Data. Paléorient*. 2014. № 40(2). Pp. 169–182.
14. Sagona A. Rethinking the Kura-Araxes Genesis // *Paléorient*. 2014. № 40(2). Pp. 23–46.

16. Braidwood R.J. The Iranian Prehistoric Project, 1959-1960. *Iranica Antiqua*. 1961; 1: 3-7.
17. Darabi H., Naseri R., Young R., Fazeli Nashli H. The absolute chronology of east Chia Sabz: a pre-pottery neolithic site in western Iran. *Documenta Praehistorica*. 2011; 38: 255-265.
18. Contenau G., Ghirshman R. *Fouilles de Tepe Giyan*. Paris, 1935.
19. Young T.C.Jr., Levine L.D. *Excavations of the Godin Project: Second Progress Report*. Toronto: Royal Ontario Museum, 1974.
20. Young T.C.Jr., Smith P.E.L. Research in the prehistory of central western Iran. *Science*. 1966; 153(3734): 386-391.
21. Young T.C.Jr. The Chronology of the Late Third and Second Millennia in Central Western Iran as Seen from Godin Tepe. *American Journal of Archaeology*. 1969; 73(3): 287-291.
22. Henrickson R.C. The Chronology of Central Western Iran 2600-1400 B.C. *American Journal of Archaeology*. 1985; 89(4): 569-581.
23. Gopnik H., Rothman S.M. *On the High Road, The History of Godin Tepe, Iran*. Mazda Publ. in assoc. with the Royal Ontario Museum, 2011.
24. Herzfeld E. Bericht über archäologische Beobachtungen im südlichen Kurdistan und in Luristan. *AMI*. 1929; 1: 65-75.
25. Herzfeld E. *Archaeological History of Iran*. London: Oxford University Press, 1935.
26. Goff C.L. Luristan Before the Iron Age. *Iran*. 1971; 9: 131-152.
27. Goff C.L. Excavations at Baba Jan: The Bronze Age occupation. *Iran*. 1976; 14: 19-40.
28. Young T.C.Jr. Survey in Western Iran 1961. *Journal of Near Eastern Studies*. 1966; 25: 228-239.
29. Baiburtian E.A. По поводу древней керамики из Шреш-Блур. *Soviet Archeology*. 1937; 3: 209-213.
30. Kuftin B.A. *Arkheologicheskie Raskopki v Trialeti*. Tbilisi: Izdatelstvo Akademii Nauk Gruzinskoi SSR, 1941.
31. Albright W.F. The Jordan Valley in the Bronze Age. *Annual of the American Schools of Oriental Research*. 1926; 6: 13-74.
32. Burney C.A. Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze Age. *Anatolian Studies*. 1958; 8: 157-209.
33. Lamb W. The culture of North-East Anatolia and its Neighbours. *Anatolian Studies*. 1954; 4: 21-32.
34. Kosay H.Z., Turfan K. Erzurum Karaz Kazısı Raporu. *Belleten*. 1959; 23(91): 349-413.
35. Burney C.A., Lang D.M. *The Peoples of the Hills: Ancient Ararat and Caucasus*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. (Reprinted or referenced in 1972 editions)
36. Dyson R.H. The Archaeological Evidence of the Second Millennium B.C. on the Persian Plateau. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.
37. Brown B.T. *Excavations in Azerbaijan 1948*. London: John Murray, 1951.
38. Burney C.A. Circular Buildings Found at Yanik Tepe, in North-west Iran. *Antiquity*. 1961; 35: 237-240.
39. Burney C.A. Excavation at Yanik Tepe, Azerbaijan. *Iraq*. 1962; 24: 134-152.
40. Burney C.A. The excavation at Yanik Tepe, Azerbaijan. *Iraq*. 1967; 26: 54-61.
41. Burney C.A. Excavation at Haftavan Tepe, 1968, first preliminary report. *Iran*. 1970; 8: 157-171.
42. Burney C.A. Excavations at Haftavan Tepe, 1969: 2nd preliminary report. *Iran*. 1972; 10: 127-142.
43. Burney C.A. Excavations at Haftavan Tepe, 1971: 3rd preliminary report. *Iran*. 1973; 11: 153-172.
44. Burney C.A. Excavations at Haftavan Tepe 1973: 4th preliminary report. *Iran*. 1975; 13: 149-164.
45. Kleiss W., Kroll S. Ravaz und Yakhvali zwei befestigte Plätze des 3. Jahrtausends B.C. Die Oberflächenfunde. *Archäologische Mitteilungen aus Iran, Neue Folge*. 1979; Bd. 12: 34-47.
46. Kroll S. Prehistoric Settlement Patterns in the Maku and Khoy Regions of Iranian Western Azerbaijan. In *Proceedings of the*
15. *Stein M.A.* Old Routes of Western Iran. London, 1940.
16. *Braidwood R.J.* The Iranian Prehistoric Project, 1959-1960 // *Iranica Antiqua*. 1961. № 1. Pp. 3-7.
17. *Darabi H., Naseri R., Young R., Fazeli Nashli H.* The absolute chronology of east Chia Sabz: a pre-pottery neolithic site in western Iran // *Documenta Praehistorica*. 2011. № 38. Pp. 255-265.
18. *Contenau G., Ghirshman R.* Fouilles de Tepe Giyan. Paris, 1935.
19. *Young T.C. Jr., Levine L.D.* Excavations of the Godin Project: Second Progress Report. Toronto: Royal Ontario Museum, 1974.
20. *Young T.C. Jr., Smith P.E.L.* Research in the prehistory of central western Iran // *Science*. 1966. № 153(3734). Pp. 386-391.
21. *Young T.C. Jr.* The Chronology of the Late Third and Second Millennia in Central Western Iran as Seen from Godin Tepe // *American Journal of Archaeology*. 1969. № 73(3). Pp. 287-291.
22. *Henrickson R.C.* The Chronology of Central Western Iran 2600-1400 B.C. // *American Journal of Archaeology*. 1985. № 89(4). Pp. 569-581.
23. *Gopnik H., Rothman S.M.* On the High Road, The History of Godin Tepe, Iran. Mazda Publ. in assoc. with the Royal Ontario Museum, 2011.
24. *Herzfeld E.* Bericht über archäologische Beobachtungen im südlichen Kurdistan und in Luristan // *AMI*. 1929. № 1. Pp. 65-75.
25. *Herzfeld E.* Archaeological History of Iran. London: Oxford University Press, 1935.
26. *Goff C.L.* Luristan Before the Iron Age // *Iran*. 1971. № 9. Pp. 131-152.
27. *Goff C.L.* Excavations at Baba Jan: The Bronze Age occupation // *Iran*. 1976. № 14. Pp. 19-40.
28. *Young T.C. Jr.* Survey in Western Iran 1961 // *Journal of Near Eastern Studies*. 1966. № 25. Pp. 228-239.
29. *Байбуртян Е.А.* По поводу древней керамики из Шреш-Блур // *Советская археология*. 1937. № 3. С. 209-213.
30. *Кuftin Б.А.* Археологические раскопки в Триаleti. Тбилиси: Издательство Академии наук Грузинской ССР, 1941.
31. *Albright W.F.* The Jordan Valley in the Bronze Age // *Annual of the American Schools of Oriental Research*. 1926. № 6. Pp. 13-74.
32. *Burney C.A.* Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze Age // *Anatolian Studies*. 1958. № 8. Pp. 157-209.
33. *Lamb W.* The culture of North-East Anatolia and its Neighbours // *Anatolian Studies*. 1954. № 4. Pp. 21-32.
34. *Kosay H.Z., Turfan K.* Erzurum Karaz Kazısı Raporu // *Belleten*. 1959. № 23(91). Pp. 349-413.
35. *Burney C.A., Lang D.M.* The Peoples of the Hills: Ancient Ararat and Caucasus. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. (Reprinted or referenced in 1972 editions)
36. *Dyson R.H.* The Archaeological Evidence of the Second Millennium B.C. on the Persian Plateau. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.
37. *Brown B.T.* Excavations in Azerbaijan 1948. London: John Murray, 1951.
38. *Burney C.A.* Circular Buildings Found at Yanik Tepe, in North-west Iran // *Antiquity*. 1961. № 35. Pp. 237-240.
39. *Burney C.A.* Excavation at Yanik Tepe, Azerbaijan // *Iraq*. 1962. № 24. Pp. 134-152.
40. *Burney C.A.* The excavation at Yanik Tepe, Azerbaijan // *Iraq*. 1967. № 26. Pp. 54-61.
41. *Burney C.A.* Excavation at Haftavan Tepe, 1968, first preliminary report // *Iran*. 1970. № 8. Pp. 157-171.
42. *Burney C.A.* Excavations at Haftavan Tepe, 1969: 2nd preliminary report // *Iran*. 1972. № 10. Pp. 127-142.
43. *Burney C.A.* Excavations at Haftavan Tepe, 1971: 3rd preliminary report // *Iran*. 1973. № 11. Pp. 153-172.
44. *Burney C.A.* Excavations at Haftavan Tepe 1973: 4th preliminary report // *Iran*. 1975. № 13. Pp. 149-164.

International Symposium on Iranian Archaeology: Northwestern Region, M. Azarnoush (ed.). Urmia, 2004, pp. 45–53.

47. Pecorella P.E., Salvini M. *Tra Zagros e l'Urmia*. Rome, 1984.

48. Alizadeh K., Azarnoush M. Systematic survey of Tepe Barooj. *Journal of Archaeology and History*. 2003; 17: 3–22.

49. Abedi A., Khatib Shahidi H., Chataigner Ch., Niknami K., Eskandari N., Kazempour M., Pirmohammadi A., Hoseinzadeh J., Ebrahimi Gh. Excavation at Kul Tepe of (Jolfa), North-Western Iran, 2010: First Preliminary Report. *Ancient Near Eastern Studies*. 2014; 51: 33–167.

50. Maziar S. Excavations at Kohne Pasgah Tepesi, the Araxes Valley, Northwest Iran: First Preliminary Report. *Ancient Near Eastern Studies*. 2010; 47: 165–193.

51. Kharazi E., Khanipour M., Joulaei V. New evidence from Kura-Araxes Cultural in the southern of Lake Urmia. *Journal of Bazhouheshhayeh Bastanshenasi Modares*. 2015; 10–11: 162–171.

52. Mohamadifar, Y. and Motarjem, A. and Torabzadeh Khorasani, H. 2009. Tepe Pissa: new investigations at a Kura-Araxes site in central western Iran. *Antiquity* 83: 320.

53. Khaksar A., Hemati Azandaryani E., Norozi A. The Analysis of Yaniq Culture at Tappeh Gourab of Malayer, Based on Stratigraphical Excavation. *Pazhoheshha-ye Bastan shenasi Iran*. 2015; 4(7): 47–66 (in Persian).

54. Mostafapour E. Typology and relative chronology of Bronze Age pottery at Tepe Shizar, Takestan. Master's thesis. University of Tehran, 2011.

55. Mousavi S.M., Abbasnejad R., Heidarian M. Preliminary report on the archaeological excavations at Tepe Kelar, Kelardasht (First Season, 2006). *Proceedings of the Ninth Annual Archaeology Symposium of Iran*. Tehran: Cultural Heritage and Archaeology Research Institute, 2007: 473–509.

56. Abedi A., Khatib Shahidi H., Sharahi I., Eskandari N., Shirzadeh Gh. New Evidence from Dalma and Kura-Araxes Culture at Tappeh Qaley-e Sarsakhti: Special Importance of Prehistoric Findings in East Central Zagros. *Iran and the Caucasus*. 2014; 8: 101–114.

57. Naseri R., Malekzadeh M., Naseri A. Günespân: A Late Iron Age Site in the Median Heartland. *Iranica Antiqua*. 2016; 51: 103–139.

58. Tofghian H., Sadeghirad M. The Sixth Chapter of Archaeological Excavation of Patpeh Site (Malayer – Dam Catchment of Kalan Dam). *Journal of Iran's Pre-Islamic Archaeological Essays*. 2017; 2(1): 51–74.

59. Khaksar A. *First Season of Surveys and Soundings in the Historical Site of Pâtappeh-ye Günespân-e Malâyer, Hamadan: Iranian Cultural Heritage Organization Local Office, Unpublished Archive Report*, 2002 (in Persian).

60. Rezvani H., Rashidi Arzande M. Islamic Architectural Remains in Pâtappeh-ye Malâyer. *Islamic Archaeology of Iran, Essays in honor of Professor Dr. Mohammad Yousef Kiani, M.E. Zarei* (ed.). Hamadan: Bu-Ali Sina University Publishers, 2011: 251–285 (in Persian).

61. Stronach D., Roaf M. *Nush-i Jan: The Major Buildings of the Median Settlement*. London: British Institute of Persian Studies, 2007.

62. Malekzadeh M., Saeedyan S., Naseri R. Zarbolagh: A Late Iron Age Site in Central Iran. *Iranica Antiqua*. 2014; XLIX: 159–191.

63. Motarjem A. *Settlement pattern analysis of the Early Bronze Age in the plains surrounding the Alvand Mountains, Hamedan. PhD dissertation*. University of Tehran, 2008.

64. Levine LD., Young TCJr. A summary of the ceramic assemblages of the Central Western Zagros from the Middle Neolithic to the late third millennium B.C. In *Préhistoire de Mésopotamie: La Mésopotamie préhistorique et l'exploration récente du Djebel Hamrin*. Paris: Editions de la Centre National de la Recherche Scientifique, 1986, pp. 15–53.

45. Kleiss W., Kroll S. Ravaz und Yakhvali zwei befestigte Plätze des 3. Jahrtausends B.C. Die Oberflächenfunde // *Archäologische Mitteilungen aus Iran, Neue Folge*. 1979; Bd. 12. Pp. 34–47.

46. Kroll S. Prehistoric Settlement Patterns in the Maku and Khoy Regions of Iranian Western Azerbaijan // *Proceedings of the International Symposium on Iranian Archaeology: Northwestern Region*, M. Azarnoush (ed.). Urmia, 2004. Pp. 45–53.

47. Pecorella P.E., Salvini M. *Tra Zagros e l'Urmia*. Rome, 1984.

48. Alizadeh K., Azarnoush M. Systematic survey of Tepe Barooj // *Journal of Archaeology and History*. 2003. № 17. Pp. 3–22.

49. Abedi A., Khatib Shahidi H., Chataigner Ch., Niknami K., Eskandari N., Kazempour M., Pirmohammadi A., Hoseinzadeh J., Ebrahimi Gh. Excavation at Kul Tepe of (Jolfa), North-Western Iran, 2010: First Preliminary Report // *Ancient Near Eastern Studies*. 2014. № 51. Pp. 33–167.

50. Maziar S. Excavations at Kohne Pasgah Tepesi, the Araxes Valley, Northwest Iran: First Preliminary Report // *Ancient Near Eastern Studies*. 2010. №47. Pp. 165–193.

51. Kharazi E., Khanipour M., Joulaei V. New evidence from Kura-Araxes Cultural in the southern of Lake Urmia // *Journal of Bazhouheshhayeh Bastanshenasi Modares*. 2015. № 10–11. Pp. 162–171.

52. Mohamadifar, Y. and Motarjem, A. and Torabzadeh Khorasani, H. Tepe Pissa: new investigations at a Kura-Araxes site in central western Iran // *Antiquity*. 2009. № 83. P. 320.

53. Khaksar A., Hemati Azandaryani E., Norozi A. The Analysis of Yaniq Culture at Tappeh Gourab of Malayer, Based on Stratigraphical Excavation // *Pazhoheshha-ye Bastan shenasi Iran*. 2015. № 4(7). Pp. 47–66 (in Persian).

54. Mostafapour E. Typology and relative chronology of Bronze Age pottery at Tepe Shizar, Takestan. Master's thesis. University of Tehran, 2011.

55. Mousavi S.M., Abbasnejad R., Heidarian M. Preliminary report on the archaeological excavations at Tepe Kelar, Kelardasht (First Season, 2006) // *Proceedings of the Ninth Annual Archaeology Symposium of Iran*. Tehran: Cultural Heritage and Archaeology Research Institute, 2007. Pp. 473–509.

56. Abedi A., Khatib Shahidi H., Sharahi I., Eskandari N., Shirzadeh Gh. New Evidence from Dalma and Kura-Araxes Culture at Tappeh Qaley-e Sarsakhti: Special Importance of Prehistoric Findings in East Central Zagros // *Iran and the Caucasus*. 2014. №8. Pp. 101–114.

57. Naseri R., Malekzadeh M., Naseri A. Günespân: A Late Iron Age Site in the Median Heartland // *Iranica Antiqua*. 2016. №51. Pp. 103–139.

58. Tofghian H., Sadeghirad M. The Sixth Chapter of Archaeological Excavation of Patpeh Site (Malayer – Dam Catchment of Kalan Dam) // *Journal of Iran's Pre-Islamic Archaeological Essays*. 2017. № 2(1). Pp. 51–74.

59. Khaksar A. *First Season of Surveys and Soundings in the Historical Site of Pâtappeh-ye Günespân-e Malâyer, Hamadan: Iranian Cultural Heritage Organization Local Office, Unpublished Archive Report*. 2002. (in Persian).

60. Rezvani H., Rashidi Arzande M. Islamic Architectural Remains in Pâtappeh-ye Malâyer // *Islamic Archaeology of Iran, Essays in honor of Professor Dr. Mohammad Yousef Kiani, M.E. Zarei* (ed.). Hamadan: Bu-Ali Sina University Publishers. 2011. Pp. 251–285 (in Persian).

61. Stronach D., Roaf M. *Nush-i Jan: The Major Buildings of the Median Settlement*. London: British Institute of Persian Studies, 2007.

62. Malekzadeh M., Saeedyan S., Naseri R. Zarbolagh: A Late Iron Age Site in Central Iran // *Iranica Antiqua*. 2014. XLIX. Pp. 159–191.

63. Motarjem A. *Settlement pattern analysis of the Early Bronze Age in the plains surrounding the Alvand Mountains, Hamedan. PhD dissertation*. University of Tehran, 2008.

65. López Varela S.L., Van Gijn A., Jacobs L. De-Mystifying Pottery Production In: The Maya Lowlands: Detection Of Traces Of Use-Wear On Pottery Sherds Through Microscopic Analysis And Experimental Replication. *Journal of Archaeological Science*. 2002; 29: 1133-1147.
66. Schmandt-Besserat D. From Tokens to Writing: The Pursuit of Abstraction. *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences*. 2007; 175(3): 162-167.
67. Schmandt-Besserat D. Tokens and Writing: The Cognitive Development. *Scripta*. 2009; 1: 145-154.
68. Amiri, S., Mashkour, M., Mohaseb, A. F and Naseri, R. 2021. The Subsistence Economy of a Highland Settlement in the Zagros during the Bronze and Iron Ages: The Case of Gūnespān (Hamadan, Iran). In J. Daujat, A. Hadjikoumis, R. Berthon, J. Chahoud, V. Kassianidou, & J.-D. Vigne (Eds.), *Archaeozoology of Southwest Asia and Adjacent Areas XIII: Proceedings of the Thirtieth International Symposium, University of Cyprus, Nicosia, Cyprus, June 7-10, 2017*; 3: 199-220.
69. Amiri S., Mashkour M., Mohaseb A.F., Naseri R. A glance into the subsistence economy of Ganespan (Hamedan, Iran) during the Bronze Age and Median Periods. In *Proceedings of the International Congress of Young Archaeologists*, M.H. Azizi Kharanaghi, M. Khanipour, R. Naseri (eds.). Tehran: Iranology Foundation, 2018: 270-284.
70. Kuftin B.A. K voprosu o rannyykh stadiiakh bronzovoi kultury na territorii Kavkaza. *Kratkie Soobshcheniia o Dokladakh i Polevykh Issledovaniyakh Instituta Istorii*. 1940; 8: 5-35.
71. Iessen A. Kavkaz I Drevniy Vostok v IV–III Tysyacheletiyax Do Nashei Ery. *Kratkie Soobshcheniya o Dokladakh i Polevykh Issledovaniyakh Instituta Arkheologii AN SSSR*. 1963; 93: 3-14.
72. Abibullaev A. Nekotorye Itogi Izucheniya Kholma Kyul-tepe V Azarbaidzhane. *Sovetskaya Arkheologiya*. 1963; 3: 157-168.
73. Seyidov A. *Nakhichevan Ulk Tunj Dovra Abideleri ve Onlarin Dvrleshdirilmesi*. Baku: Chashioglu metbeesi, 2000 (In Azer)
74. Greenberg R., Paz S., Wengrow D., Iserlis M. Tel Beth Yerah: Hub of the Early Bronze Age Levant. *Near Eastern Archaeology*. 2012; 75(2): 88-107.
75. Edens Ch. Transcaucasia at the End of the Early Bronze Age. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 1995; 299-300: 53-64.
64. Levine L.D., Young T.C. Jr. A summary of the ceramic assemblages of the Central Western Zagros from the Middle Neolithic to the late third millennium B.C. In *Préhistoire de Mésopotamie: La Mésopotamie préhistorique et l'exploration récente du Djebel Hamrin*. Paris: Editions de la Centre National de la Recherche Scientifique, 1986, pp. 15–53.
65. López Varela S.L., Van Gijn A., Jacobs L. De-Mystifying Pottery Production In: The Maya Lowlands: Detection Of Traces Of Use-Wear On Pottery Sherds Through Microscopic Analysis And Experimental Replication. *Journal of Archaeological Science*. 2002; 29: 1133-1147.
66. Schmandt-Besserat D. From Tokens to Writing: The Pursuit of Abstraction. *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences*. 2007; 175(3): 162-167.
67. Schmandt-Besserat D. Tokens and Writing: The Cognitive Development. *Scripta*. 2009; 1: 145-154.
68. Amiri, S., Mashkour, M., Mohaseb, A. F and Naseri, R. 2021. The Subsistence Economy of a Highland Settlement in the Zagros during the Bronze and Iron Ages: The Case of Gūnespān (Hamadan, Iran). In J. Daujat, A. Hadjikoumis, R. Berthon, J. Chahoud, V. Kassianidou, & J.-D. Vigne (Eds.), *Archaeozoology of Southwest Asia and Adjacent Areas XIII: Proceedings of the Thirtieth International Symposium, University of Cyprus, Nicosia, Cyprus, June 7-10, 2017*, Vol. 3. 199–220. Lockwood Press.
69. Amiri S., Mashkour M., Mohaseb A.F., Naseri R. A glance into the subsistence economy of Ganespan (Hamedan, Iran) during the Bronze Age and Median Periods. In *Proceedings of the International Congress of Young Archaeologists*, M.H. Azizi Kharanaghi, M. Khanipour, R. Naseri (eds.). Tehran: Iranology Foundation, 2018, pp. 270–284.
70. Куфтин Б.А. К вопросу о ранних стадионах бронзовой культуры на территории Кавказа // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории. 1940. №8. С. 5–35.
71. Иессен А. Кавказ и Древний Восток в IV-III тысячелетиях до нашей Эры // Краткие сообщения о документах и полевых исследованиях Института Археологии АН СССР. 1963. №93. С. 3-14.
72. Абибуллаев О.А. Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе в Азербайджане // Советская археология. 1963. № 3. С. 157–168.
73. Сейидов А. *Nakhichevan Ulk Tunj Dovra Abideleri ve Onlarin Dvrleshdirilmesi*. Baku: Chashioglu metbeesi, 2000.
74. Greenberg R., Paz S., Wengrow D., Iserlis M. Tel Beth Yerah: Hub of the Early Bronze Age Levant // Near Eastern Archaeology. 2012. № 75(2). Pp. 88–107.
75. Edens Ch. Transcaucasia at the End of the Early Bronze Age // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 1995. № 299-300. Pp. 53–64.

Received 30.03.2025
Accepted 07.05.2025
Published 15.03.2026

Поступила в редакцию 30.03.2025
Принята в печать 07.05.2025
Опубликована 15.03.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH221135-158>

Research paper

Armine A. Gabrielyan,
Cand. of Sci., Senior Researcher
Institute of Archaeology and Ethnography of NAS RA;
Yerevan State University
arminegabriel.iae@gmail.com

THE NEWLY DISCOVERED CLASSICAL PERIOD TOMBS OF GARNI

Abstract. This article is dedicated to the study of several burials from the Classical period that were accidentally uncovered during the installation of a water pipeline in the village of Garni, Kotayk Province, Republic of Armenia. In spring of 2022, a rescue excavation was carried out by a team from the Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Armenia, during which one slab-lined cist burial and three jar burials were unearthed and documented. The first of the jar burials revealed a distinctive ritual burial practice: the remains of a mother and child were interred alongside the heads of a cow and a calf within the same grave. The other two jar burials were associated with children. The slab-lined cist burial, which yielded relatively richer grave goods, contained the remains of a 15–16-year-old adolescent girl. The burial assemblage included two locally produced ceramic vessels and one imported unguentarium, along with personal items, jewelry, and a metal pair of scissors. A palynological analysis of the soil residues from the vessels suggested that two of them had contained a substance likely used for treating skin diseases. Based on the recovered material, a 3D reconstruction of the cist tomb was created. Both through parallels with contemporaneous archaeological sites and on the basis of radiocarbon (^{14}C) dating, the newly discovered burials of Garni are dated to the 3rd–2nd centuries BC through the 1st century AD. Their study significantly enriches our understanding of urban life in Armenia during the classical period, offering new insights into daily life, diet, clothing, adornment, medical practices, belief systems, and funerary rituals of the time.

Keywords: Armenia; Garni; Classical period; jar burial; burial rite; beliefs; grave goods; folk medicine; cosmetics

For citation: Gabrielyan A.A. The Newly Discovered Classical Period Tombs of Garni. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 1. P. 135-158-245. doi.org/10.32653/CH221135-158

© Gabrielyan A.A., 2026

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH221135-158>

Исследовательская статья

Габриэлян Армине Араратовна
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Армения;
Ереванский государственный университет, Ереван, Армения
arminegabriel.iae@gmail.com

НОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА ИЗ ГАРНИ

Аннотация. Данная статья посвящена изучению нескольких погребений классического периода, случайно обнаруженных при прокладке водопровода в селе Гарни Котайкской области Республики Армения. Весной 2022 года были проведены спасательные раскопки экспедицией Института археологии и этнографии Национальной академии наук Армении, в ходе которых были вскрыты и задокументированы одно плиточное ящичное погребение и три кувшинных захоронения. В одном из кувшинных погребений зафиксирована своеобразная ритуальная практика: останки матери и ребёнка были захоронены вместе с головами коровы и телёнка в одной могиле. Два других кувшинных погребения принадлежали детям. Плиточное ящичное погребение, содержащее относительно богатый погребальный инвентарь, принадлежало девушке-подростку 15–16 лет. В составе погребального комплекса находились два керамических сосуда местного производства и один импортный инвентарий, а также личные вещи, украшения и металлические ножницы. Палинологический анализ остатков почвы из сосудов показал, что в двух из них, вероятно, содержалось вещество, использовавшееся для лечения кожных заболеваний. На основе полученных материалов была создана 3D-реконструкция плиточной могилы. Как по аналогиям с синхронными археологическими памятниками, так и на основании радиоуглеродного (^{14}C) датирования, вновь открытые погребения Гарни датируются III–II вв. до н.э. — I в. н.э. Их исследование существенно обогащает наши представления о городской жизни Армении в классический период, предоставляя новые данные о повседневной жизни, питании, одежде, украшениях, медицинских практиках, системе верований и погребальных ритуалах того времени.

Ключевые слова: Армения; Гарни; классический период; кувшинное погребение; погребальный обряд; верования; погребальный инвентарь; народная медицина; косметика

Для цитирования: Габриэлян А.А. Новые погребения классического периода из Гарни // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 1. С. 135-158. doi.org/10.32653/CH221135-158

© Габриэлян А.А., 2026

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2026

Introduction

Garni is located 28 km east of Yerevan, the capital of the Republic of Armenia. The site lies at the foot of the Geghama Mountains, on a high promontory on the right bank of the Azat River, at an altitude of 1400 m above sea level (Pl. 1/1).

Since 1949, the Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Armenia has conducted systematic archaeological excavations here, initially under the direction of Babken Arakelyan (mid-1949–1980s) and later Zhores Khachatryan (1980s–1990s). Excavations in the fortress area uncovered a temple, a bathhouse with a mosaic floor, palace structures, and burials from the Classical period [1; 2; 3]. These excavations revealed that during this period (2nd century BC–2nd century AD), an urban population lived in the settlement adjacent to the Garni fortress [1: 54]. In the northwestern part of the fortress, a burial ground measuring 400×300 m was identified for this settlement. However, according to the head of the archaeological expedition, B. Arakelyan, this area was originally larger but was gradually destroyed and looted over the years by local residents, who unearthed various artifacts during construction work [1: 43].

In April of 2022, during the installation of a water pipe along G. Narekatsi Street in the Martoi Blur (“the Mound of Marto”) district of the Garni village in Kotayk Province, several jar and slab burials were discovered (Pl. 1/2). According to initial reports, the archaeological objects were left in their original position and covered with earth after their discovery. Urgent rescue excavations were conducted by a team from the Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Armenia led by Armine Gabrielyan.

The first exploratory trench was placed in the part of the street where workers reported one of the jar burials, which included pottery. At a depth of 1.20 m below the surface, the team uncovered the main water pipe, along with the remains of a completely shattered jar and a few fragments of a bowl, likely part of its associated grave goods. Unfortunately, it was determined that the slab and jar burials discovered along the road had been completely destroyed by demolition equipment.

Jar Burial with a Distinctive Rite

Thanks to Yervand Sukiasyan, a resident of the community, it was possible to preserve one jar burial located in front of his garage, which was minimally affected by the construction work (Pl. 2). A second exploratory trench was placed in front of the garage, and the topsoil was removed. Beneath it, at a depth of about 70 cm, fragments of an *in situ* jar were discovered. The jar was positioned horizontally, oriented from northeast to southwest (the height of the preserved part – $H_{\text{preserved}} = 108$ cm, $D_{\text{body}} = 84$ cm, $D_{\text{base}} = 16.8$ cm). The burial vessel was asymmetrical, with a light reddish-pink surface. A hole, about 3 cm in diameter, had been made in the bottom part after firing (Pl. 2/7). Jar burials featuring small holes pierced in the base prior to firing were also documented during the 1950s excavations at Garni, as well as at other Classical-period sites in Armenia and neighbouring regions [2: 21; 4: 99]. B. Arakelyan, while not excluding the possibility of a ritual significance for this practice, suggests that the hole may have been intended to accelerate the decomposition of the deceased. On this basis, the researcher proposes that such jars were specially prepared for burial purposes and could have been purchased on the market [2: 21].

The southwest-facing rim of the first burial jar was missing up to the base of the neck, and two flat slabs, positioned perpendicularly to each other, were used to replace it. It appears that a dromos-type structure was present, though the third stone was damaged and removed during the construction of a water pipe in the Soviet period (the old water pipe’s rusty iron directly touched the wide part of the jar’s body) (Pl. 2/2). The exterior of the jar was lined with small to medium-sized stones for reinforcement.

Bones of two individuals were found within the burial vessel. The pelvis of the first individual, exposed at the center of the jar’s upper layer, was positioned so that the femur rested on the jar’s broken rim and the tibia on the walls of the dromos (Pl. 2/1). It appears that a dromos-type structure with three slabs was added in front of the broken rim to accommodate the individual’s feet. Unfortunately, the skull and upper vertebrae of this individual were missing (Pl. 2/1; Pl. 13/2). It is likely that during the construction of the water pipe in the Soviet period, the upper part of the burial jar, a stone from the dromos-type structure, and the skeleton of the upper-layer individual were damaged. Based on the epiphyseal portions of the long bones and the pelvis, which showed no scarring, the first individual was likely 12–13 years old.

Immediately beneath the bones of the first individual, the torso of the second individual was uncovered, lying contracted on its left side with a curved spine. Based on the fineness of the preserved bones and the morphology of the frontal section of the mandible, this individual appears to have been a female aged approximately 30–40 years (Pl. 2/2, 3; Pl. 13/3). Age-related degenerative changes, in the form of osteophytes, were observed on the bodies of the lumbar vertebrae, possibly attributable to chronic spinal stress or strain (Pl. 13/8).

It is assumed that the individuals buried in the jar were members of the same family, with a mother buried alongside her child.¹

At the bottom of the jar, facing north, the skull of a cow without horns was found (Pl. 2/4, 5; Pl. 13/1). Lying directly beside the cow's skull, on a flat stone, was the decomposed skull of a calf² (Pl. 2/6). Aside from the heads of the domestic animals, no other accompanying objects or grave goods were found within this jar burial. Radiocarbon analysis indicates that the burial dates to the 1st century AD (sample number: JB 01; Pl. 15).

In archaeology and anthropology, interpreting burials is always challenging, and complete certainty is rarely possible since we cannot know exactly how these rituals were understood by the people who performed them. However, certain patterns and interpretations are common. Ancient burial rites from different cultures often use varied symbols and rituals, which may have multiple meanings. One possible interpretation relates to the cult of the mother goddess, frequently associated with animals like cows.³ This could have been a ritual involving sacrifice and worship, carrying religious or cultural significance. The iconography of a cow nursing a calf was common in the middle of the 1st millennium BC, as seen in the bas-relief of the Musasir temple from the palace of King Sargon II in Dur-Sharrukin, and in many examples of decorative art from the Assyrian city of Nimrud.

In our opinion, the example from Garni is not part of a broader tradition or custom but rather an exceptional case. A preliminary examination of this jar burial suggests that a special ritual burial was conducted here. Cows were highly valued by the community and family, providing essential meat and dairy products, ensuring the continuation of the family line, and requiring significant resources for care. The sacrifice of a cow would have been a great loss, implying that the woman and child buried with the cow must have held significant importance. It seems that a tragic and painful death occurred, prompting the burial of both the cow and her calf alongside the woman and child. Notably, only the heads of the animals were placed in the jar. This suggests a possible *pars pro toto* (part for the whole) phenomenon, where a part of a sacrificial animal, usually the head (considered the vessel of the soul), or an object was placed in the tomb. People believed that this part would represent the whole after death, accompanying the deceased in the afterlife. In this case, the heads of the cow and her calf were expected to be reborn in full form with the deceased mother and her child. Animal flesh could have been cooked and shared as part of a funerary feast.

Other Newly Discovered Jar Burials

A few days after the completion of work on that section of the road, another resident of the same street in Garni, Artur Yeghoyan, reported discovering vertically placed slabs, potsherds, and human bones while digging a ditch to build a water line in his yard. An exploratory trench measuring 4×1.5 m was placed in A. Yeghoyan's yard. At a depth of 0.45–0.50 m, slab burial stones were uncovered, and 1.10 m to the north, jar burial no. 2 was discovered (Pl. 3/1–3). The jar was positioned horizontally, slightly tilted east–west, and was only 20 cm below the surface. Its walls were externally lined with small to medium-sized stones and plastered with a thick layer of sandstone mortar. This mortar was also poured into the jar's mouth, causing the soil inside the vessel to harden significantly.

The burial vessel was a double-handled jar, smaller than the first one (H = 68 cm, D_{rim} = 28.5 cm, D_{body} = 55 cm, D_{base} = 17.5 cm). It had a smooth light pink surface, with two decorative bands of solid and hollow triangles pointing upwards, painted in red, on the wide section of the body (Pl. 4/5). The jar had been used and

1 For complete genome sequencing, the samples from the anthropological material were submitted to Daniel Bradley's lab at Trinity College, University of Dublin. The laboratory tests are currently in progress.

2 The cow was determined to be 7–8 years old, and the calf 1–1.5 years old.

3 Before taking on an anthropomorphic form, Tsovinar, one of the main characters in the Vipsank epic, was initially depicted as a cow, which, during thunderstorms, emerged from the *Aryun Tsov* (Armenian for *Blood Sea*) and drank water from the heavenly Katnaghbyur [5: 22]. The cult of the goddess Anahit is also associated with oxen, cows, and bulls [6: 232]. In Armenian folklore, cows frequently appear as characters that nurture orphaned children [6: 232]. Similarly, in ancient Greek mythology, bulls were sacrificed to Zeus and cows to Hera [7: 229].

repaired, as indicated by several holes symmetrically placed in different parts of its body. The hole in the center of the base was likely intended to speed decomposition.

In the center and lower part of the jar, the skeleton of a 5–6-year-old child was identified (Pl. 3/1, 3; Pl. 13/4). Additional items discovered inside the jar included a broken fine bronze earring (Pl. 4/2), a seed from a Caucasian hackberry (*Celtis caucasica*) (Pl. 4/3), small snails (Pl. 4/4), a piece of obsidian, approximately 40 blue paste beads (Pl. 4/1), and half of the skull of what appeared to be a small bird (Pl. 10/7). Radiocarbon analysis dates the burial to the last quarter of the 3rd century BC (sample number: JBO2; Pl. 15).

To the west of jar burial no. 2, the symmetrical arrangement of stones led to the expansion of the excavations, revealing jar burial no. 3. This burial was separated from jar burial no. 2 by a vertically placed flat slab. It was surrounded by large stones on both sides and lined with smaller stones on one side (Pl. 3/1, 2, 4). Unlike the other two jars, this smaller handled vessel ($H = 40$ cm, $D_{\text{rim}} = 26$ cm, $D_{\text{body}} = 44$ cm, $D_{\text{base}} = 18$ cm) was placed vertically at a depth of 40 cm. Its surface was smooth and yellow-brown, with traces of fire or ash visible in some areas (Pl. 5/3). The bases of two handles were preserved at the rim and body of the jar. Like the previous jar, this one also had a series of incised holes on different parts of the body and the center of the base, indicating its previous domestic use and later reuse for funerary purposes.

It is worth noting that the mouth of this jar was covered by three stone slabs, which had fallen into the vessel under the weight of the soil, crushing and deforming it. This is a unique aspect of the burial ritual that we have not encountered before, as burial jars are typically sealed with a flat slab, a large bowl, or fragments of other jars and vessels. In this case, the triple covering was unusual, particularly given the small size of the burial jar and the young age of the child inside. After removing the stones, the remains of a 2–3-year-old child were uncovered (Pl. 13/5), along with two small paste beads, one large but worn out eye bead (Pl. 5/1), and a small bronze snake-headed bracelet with outward-facing pressed ends (Pl. 5/2). Radiocarbon analysis dates the burial to the early 3rd century BC (sample number: JBO3; Pl. 15).

Excavations of a Slab Burial

The excavations of the slab burial found in A. Yeghoyan's yard yielded interesting and relatively richer material (Pl. 6/1–2). The tomb, whose covering slabs had been inadvertently damaged during the installation of a water line, was opened at a depth of 0.50 m below the ground surface (chamber length: 1.30 m, width at the head: 0.50 m, width at the feet: 0.45 m). It consisted of one slab at the head and feet, and two slabs at the sides (Pl. 3/2; Pl. 6/2–3). The fill soil in the upper layer of the burial chamber was loose. At a depth of about 0.40 m, the soil hardened, and the skull of an individual was exposed in the northwestern part of the slab. A 15–16-year-old girl was buried on her right side (fetal position) with her arms raised to her face (right hand under her right cheek), legs folded. In the lower epiphyseal part of the humerus of the individual, between the big fossa of the humerus and the fossa of the humerus, there is a missing thin bone part (Pl. 13/6, 9), acting as a septal aperture perforation. This trait is classified as an alternative non-metric trait and may be hereditary [8: Pl. 8 F]. Another alternative non-metric characteristic of the individual was documented: bifurcation of the spinous process of the fourth cervical vertebra [9: 176–198] (Pl. 13/7).

The burial property of the slab tomb consisted of three pottery vessels, four metal bracelets, iron scissors, various items made of marlstone, three seeds from the Caucasian hackberry (*Céltis caucasica*), and a large number of beads made of glass, glass paste, and carnelian (Pl. 7–12).

Two of the vessels were found next to each other behind the individual's head. The first one was a gray pot with an outwardly inclined rim, a spherical body, and a flat base, placed in a vertical position ($H = 9.4$ cm, $D_{\text{rim}} = 6.8$ cm, $D_{\text{body}} = 9.7$ cm, $D_{\text{base}} = 5.2$ cm, Pl. 7/3). The other one was also gray, but smaller, with an outwardly inclined rim, a slightly more elongated body, and a flat-bottomed vessel ($H = 6.5$ cm, $D_{\text{rim}} = 3.4$ cm, $D_{\text{body}} = 5.8$ cm, $D_{\text{base}} = 2.3$ cm), found in a horizontal, flexed position (Pl. 7/2). The shoulders of the two vessels are decorated with carved bands of downward-pointing, hatched triangles with geometric motifs in horizontal lines above them. The decorative motif of triangles crossed with a toothed stamp, with the tops pointing downwards, was widespread in the decoration of vessels at Garni, Kirovakan, Trialeti, and other Middle Bronze Age sites [10: 92, 109, 112, fig. 94, pl. XXXII/1–3]. This seems to be the first example of this motif in tomb material from the Classical period, which in turn testifies to the continuity of the traditions of artistic pottery decoration.

It is worth noting that the rims of both vessels were damaged.

A third vessel, an *unguentarium* (better known as a clay vial for perfumes and aromatic oils), was found placed on the individual's back, a little below the waist (Pl. 7/1, $H = 10.2$ cm, $D_{\text{rim}} = 2.4$ cm, $D_{\text{body}} = 5$ cm,

$D_{\text{base}} = 2.7 \text{ cm}$). The rim of the light pink vial was painted with black lacquer, and two horizontal lines of black lacquer encircled the torso. This type of pottery, characteristic of the Hellenistic period, was widely used both domestically and during cultic and funerary rites, and was widespread in the Mediterranean, Black Sea, and Near Eastern regions. Unguentaria similar to the example from Garni are known from well-dated archaeological complexes in Armenia and neighboring countries [11: 41; 12: fig. 3; 13: 6-7; 14: 63, fig. 85; 15: 43-44, fig. 32, 39, 40, fig. 6, 231; 16: fig. 6/2,3; 17: 68-69; 18: 23-27, pl. 12/163-196, pl. 34/163-174, pl. 35/175-196; 19: 105-122], and are dated to the 3rd-2nd centuries BC.

Among the metal objects, bracelets are particularly noteworthy. On the individual's right hand, positioned under the head, was a low-grade silver open bracelet with diverging ends (Pl. 8/1). On the left hand, two bronze bracelets were found, each with bent, animal-shaped terminals—one snake-headed and the other ram-headed (Pl. 8/2, 3). A third identical ram's head bracelet, however, previously damaged, broken, and divided into three parts, was found behind the individual's back, under the wall of the cist (Pl. 8/4). Similar bracelets with indented serpent heads or animal-shaped finials have been found in previous excavations at Garni and have been dated to the 4th-1st centuries BC [2: 75, fig. 44; 3: 88, 90]. The above-mentioned bracelets from Garni can be found at other Classical period sites in Armenia [2: 77, fig. 44; 3: fig. 32/2; 20; 21: 81], as well as in Georgia and Iran with materials dating from the end of the 4th century – early 3rd century BC [22: 18-23]. The bracelets from the newly discovered slab tomb in Garni are dated to the 3rd-2nd centuries BC.

Two fragments of iron scissors, also intentionally broken, were found behind the individual, under the wall of the cist (Pl. 8/5). Iron scissors with a similar simple structure are known from previous excavations in Garni [3: 18], the southeastern burial ground of Artashat [23: 70, fig. 12/2], Avan [24: 34, Pl. 82/2], Tigranakert in [25: 297, fig. 12], and Chankatagh [26: Pl. 1/7], as well as from numerous Classical period tombs in the South Caucasus [27: 101; 28: 73-87]. This form of scissors appears in the Hellenistic period and survives until the 1st-2nd centuries AD [23: 72]. The scissors found in Garni date to the Hellenistic period, 3rd-2nd centuries BC.

Incidentally, one fragment of the broken scissors had come into contact with the exquisitely colored clay unguentarium placed beside it, leaving a bright orange corrosion mark from the decay of the iron on the vessel's surface.

Near the torso of the individual were found half of a bronze dagger, a ring made of round wire with diverging finials, a very fine tin hemispherical object, and three seeds from the Caucasian hackberry (Pl. 9).

A rectangular object made of marl (length 6.5 cm, width 1.5 cm) was found near the hip bone. It has a smooth surface, is worked on the exterior, and displays traces of ash or black paint within a shallow groove that runs along the entire interior (Pl. 10/1). Another identical example of this object (likely the other flap of the given object) was found on the other side of the individual, between the folded legs and the torso (Pl. 10/2). Once again, we encounter the phenomenon of objects being deliberately broken apart.

Fragments of other items (tools?) made of marl were found in various parts of the burial chamber (Pl. 10/3-6, 8, 9). One of them is a spindle whorl with a diameter of 1.5 cm (Pl. 10/4), many of which were found in the Classical period tombs of Garni [2: 82, fig. 7b, 58b; 3: 106]. Earlier excavations in the burials of Garni frequently found buttons, buckles, and other items made of this type of stone [3: 82].

In the slab tomb, two simple circular bronze beads, two spherical carnelian beads, and numerous glass and glass paste beads were found (Pl. 11, 12). Glass and glass paste beads, both in their various shapes (spherical, cylindrical, biconical, drop-shaped) and colors (golden, yellow, sky blue, turquoise, blue, black), are well-documented from Armenia (Avan, Oshakan, Dvin, etc.) and from the Classical period sites in Georgia, as well as from the North Black Sea region settlements and burial grounds [3: 109-112; 20: 37; 29: 53-54; 30].

Among these beads, the spherical ones with a golden luster, pressed on both sides, and inlaid beads with a biconical outline stand out (Pl. 12). Similar beads inlaid with fine gilt plate are known from excavations at Garni, Avan, Dvin, and other contemporaneous sites. Researchers consider these beads to be products of the Hellenistic period [29: 54; 24: 42].

Although the beads were quite damaged by soil moisture and often disintegrated upon handling, it was possible to confirm that a few larger beads made of carnelian and paste were placed around the girl's neck, while the majority of small beads made of paste were scattered from the top of her head to her tailbone (Pl. 6/3; Pl. 11).

Under the individual's feet, a layer of ash mixed with soil was recorded at a depth of 0.50 cm. The lower layer, on which the burial took place, was quite thick. This layer was slightly purple with blue-tinged pebbles in the cut. According to the radiocarbon analysis, the burial dates to the early 3rd century BC (sample number: SB01; Pl. 15).

Conclusion

The results of the 2022 rescue excavations at Garni and the study of archaeological objects allow us to examine several questions related to the burial rite in Armenia during the Classical period.

Three of the four excavated burials are jar burials. Jar burials were widespread in Armenia, especially in the late Hellenistic and late Classical periods, and often appeared in the same burial grounds alongside other forms of burial (cist graves, inhumation, etc.), as seen, for example, in Garni. In these jars, the deceased was buried in a flexed position on the right or left side. The jar itself has been compared to an egg or womb and associated with the concept of rebirth.

Jars of different sizes served as burial vessels, with children typically buried in two-handled vessels. As a rule, these vessels were used in daily life and bear signs of reuse, evidenced by a number of holes made in the body and base of the vessels. Over time, these utilitarian pots gained ritual significance due to their importance in the household, being used to store food, a symbol of prosperity and flourishing. Burying a household member in such vessels could represent a means of maintaining a connection between the deceased and the surviving family members.

As observed, a hole approximately 3 cm in diameter was found in the bottom of the first jar burial, made after the firing process, presumably for burial purposes. This phenomenon has been documented in burial vessels from several Classical period settlements in Armenia and neighboring countries. Furthermore, our observations suggest that the jar was placed in a pre-dug hole in such a way that the hole touched the ground, creating a symbolic link between the deceased and mother earth. For the first time in Garni, we encounter the practice of sealing the mouth of the burial vessel with three slabs. Considering the small size of the vessel and the small stature of the child buried within, the triple covering may have had ritual significance.

The heads of the cow and presumably her calf in the first jar burial represent the fulfillment of the magical formula *pars pro toto* (part for the whole). This phenomenon was common in ancient burial rituals, where part of a sacrificial animal or object was placed in the tomb (in this case, only the heads of a cow and a calf, which were considered the repositories of the soul).

Another aspect of the burial ritual is the intentional breaking or damaging of grave goods. The rims of two black vessels in the slab tomb were damaged, as were the iron scissors, one of the bronze bracelets, the bronze awl, and the marl/diatomite objects. In our opinion, this was done deliberately and is linked to certain beliefs about the burial rite and the afterlife.

The act of deliberately breaking pottery is known as early as the Hittite texts, which mention the breaking of vessels after sacrifices [31: 126]. This ritual has been confirmed archaeologically in tombs from the Middle Bronze Age and Early Iron Age in Armenia and in the South Caucasus, as well as in Urartian and post-Urartian tombs, where the most valuable items were broken and scattered throughout the chamber [32: 185; 33: 143; 34: 72]. The custom of placing previously damaged or broken objects in tombs was also a characteristic of the Maykop culture of the 4th millennium BC [35: 886-911], the Albanian-Sarmatian archaeological sites of Dagestan [36: 42-50], and other cultures.

In several Classical period sites in Armenia (Sisian, Artashat, Beniamin), evidence of funeral feasts has been found, during which animals were slaughtered on altars, the meat was consumed, the remains were thrown into fires, and all vessels brought for sacrificial bread were broken and also thrown into the fire or onto the grave [23: 52-53; 21: 105]. According to our observations, the phenomenon of deliberately breaking pottery and other objects was confirmed in Garni and several other sites in Armenia. For example, in the Eastern cemetery of Tigranakert, Artsakh, a cist tomb excavated in 2016 revealed a jug with a missing rim as part of the *in situ*-verified double burial, and at the tomb entrance, half of a small bowl was found. A jar burial found inside the northern wall in 2017 contained pre-broken iron scissors in three pieces and half of a mirror. This phenomenon applied not only to pottery and metal objects but also to jewelry and seals. Blue glass polyhedrons, previously split in half and found in Classical period tombs, can also be considered part of this practice [37: 113-114].

The meaning of this ritual could be tied to the concept of rebirth, where even broken vessel fragments held magical significance. As the deceased's belongings were meant to accompany them to the afterlife, the objects had to "die" with their owner to be reborn alongside them. This can be understood as a sacrificial ritual, reflecting the concept of resurrection through destruction.

From the earliest periods, tombs in Armenia and elsewhere have contained various vessels thought to hold food for the deceased. The contents of three small pots discovered in the Garni cist tomb were analyzed at the Institute of Palaeobiology of the Georgian National Museum. The results of palynological analysis indicate that the larger vessel contained porridge made from groat and meat, flavored with celery and tarragon, and covered with a painted flax cloth (Pl. 7/3; Pl. 14/3). The other two vessels (one of which is an imported unguentarium) contained a skin disease treatment made from volcanic ash and mallow (*Malva*) (Pl. 7/1, 2; Pl. 14/5). Recent research indicates that small clay and glass vials found in tombs often contained medicine. For example, eight small glass vials found in the Kanchani tombs of Georgia, dating from the 1st–3rd centuries AD, have been authenticated as medicinal [38: 227-251]. In this context, Garni's findings provide intriguing insights into folk medicine (ethnopharmacology) in Classical Armenia.

The palynological analysis of the black material in the groove of a rectangular marlstone object found in the same tomb revealed the presence of charcoal, including pine parenchymatous cells. Soot and starch particles were observed in large quantities, while bone salt crystals and remains of freshwater diatoms were found in small amounts. The material most likely contained cosmetic paint, possibly antimony, used for eye or eyelash decoration (Pl. 14/2), intended for the young girl buried there (Pl. 10/1, 2).

Examining the *in situ* arrangement of the beads found in the slab tomb, it can be concluded that most of the small beads were scattered from the individual's head to the pelvis. This suggests the beads could have been attached to a girl's veil, cloak, or top, providing information about women's clothing and fashion in Classical Armenia.

The majority of the pottery, metal objects, marl/diatomite artifacts, stone items, and paste beads discovered in the jar burials and a slab tomb at Garni are locally produced and date to the 3rd–2nd centuries BC. However, jar burial no. 1, in contrast, is dated to the 1st century AD and is distinct from the others in lacking any grave goods. Imported materials were also found, most notably an unguentarium recovered from the slab burial, which provides valuable evidence of Armenia's trade and economic connections with centers in Asia Minor during this period.

The analysis of the excavated materials suggests that an urban-type population inhabited the settlement adjacent to the Garni fortress in the Classical period. This discovery enhances our understanding and offers new insights into various aspects of urban life in Classical Armenia, including daily life, diet, clothing, luxury items, medicine, beliefs, and burial customs.

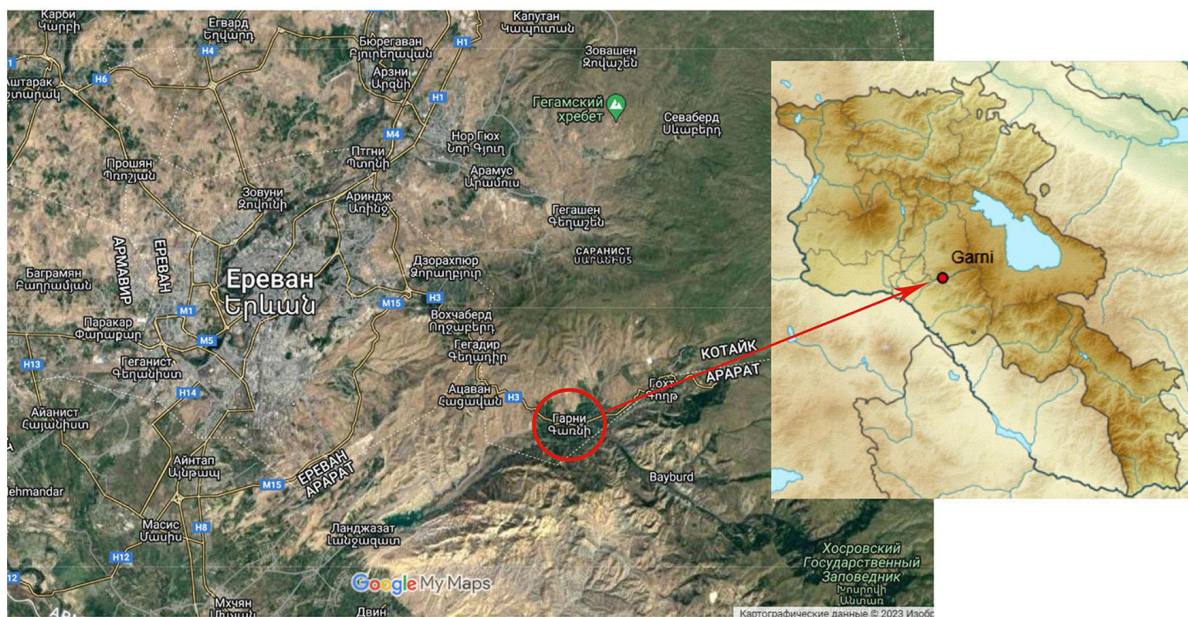
Acknowledgements

The author expresses sincere gratitude to all individuals and institutions whose collaboration and support made this research possible. Particular thanks are due to Yervand Sukiasyan and Artur Yeghoyan, residents of the Garni community, for granting permission to conduct excavations on their property and for their continuous assistance throughout the fieldwork.

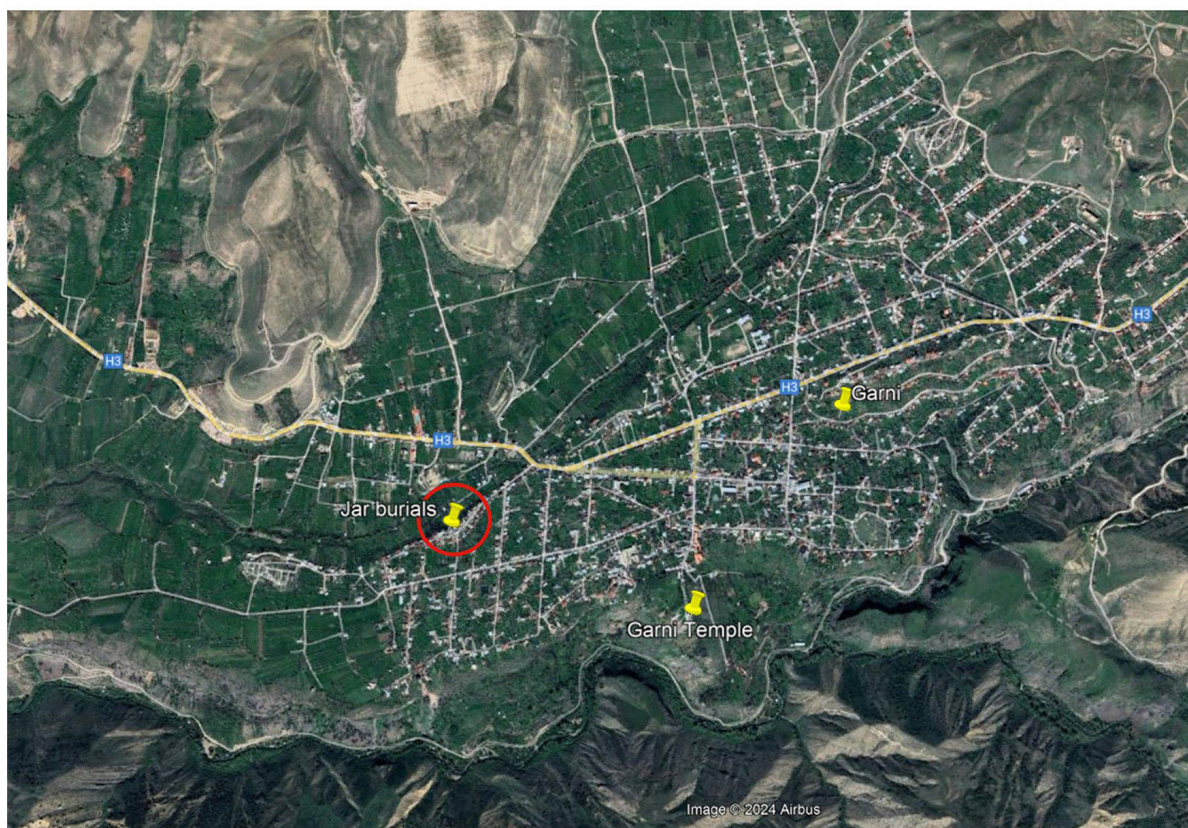
Appreciation is extended to Hayk Kyureghyan, expedition architect, for carrying out the architectural measurements and preparing the drawings. The pottery and metal artefacts were professionally restored by Manvel Ghalachyan, Head of the Scientific Research, Restoration and Conservation Department of the Erebuni Historical-Archaeological Reserve-Museum, together with Suren Manukyan. Object drawings were prepared by Ani Sahakyan. Photographs were taken by Vram Hakobyan, while pottery photography was undertaken by the author.

Anthropological analysis was conducted by Hasmik Simonyan; zooarchaeological research by Dr. Noushig Zarikian; archaeobotanical material was studied by Dr. Roman Hovsepian; stone identification was carried out by Dr. Lilit Sahakyan (Institute of Geology, NAS RA); and palynological analysis was performed by Dr. Eliso Kvavadze (Institute of Palaeobiology, Georgian National Museum). The 3D reconstruction of the slab burial was prepared by architect-restorer Ruben Sargsyan.

The radiocarbon analyses were undertaken with the financial support of the National Association for Armenian Studies and Research (NAASR) and the Knights of Vartan Fund, whose assistance for this component of the study is gratefully acknowledged.

1

2

Fig 1. Location of Garni on the Google Maps (1) and location of the classical-period burials on the Google Maps (2)

Рис. 1. Расположение Гарни на карте Google Maps (1) и расположение погребений античного периода на карте Google Maps (2)

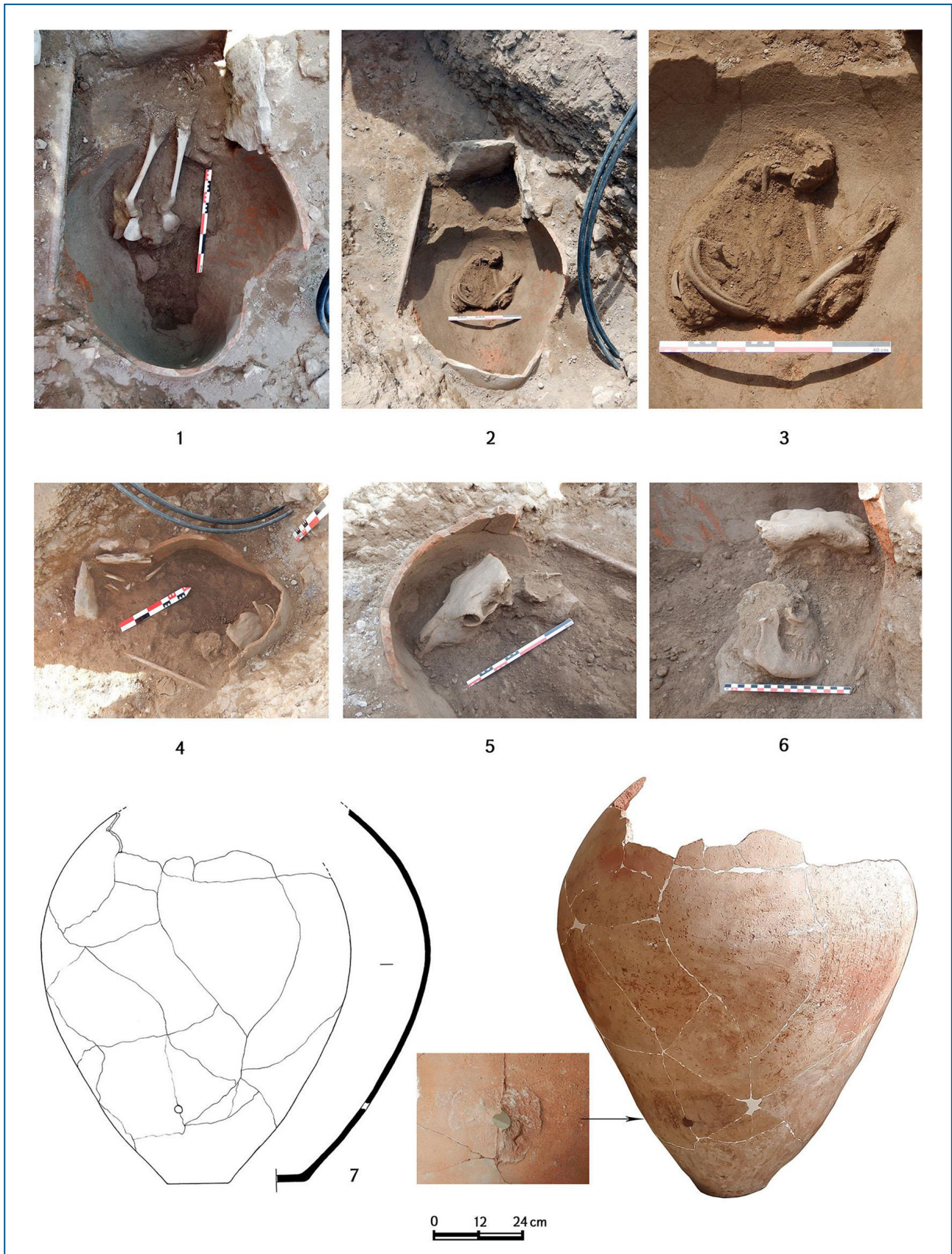

Fig. 2. Jar burial No. 1

Рис. 2. Кувшинное погребение № 1

Fig. 3. Garni. Classical-period burials discovered in the yard of Arthur Yeghoyan
Рис. 3. Гарни. Погребения античного периода, обнаруженные во дворе Артура Егояна

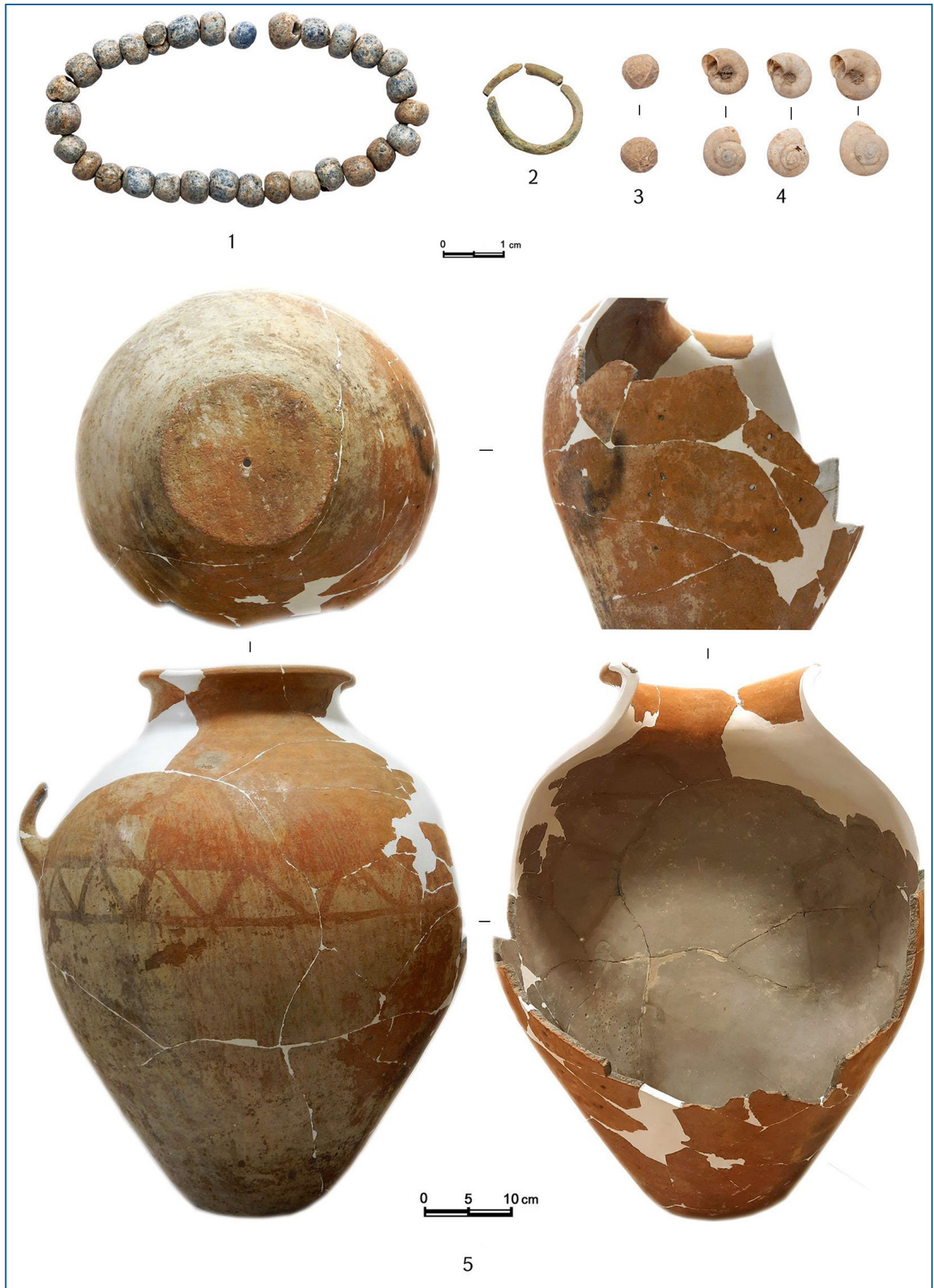

Fig. 4. Garni. The jar and associated grave goods from jar burial No. 2

Рис. 4. Гарни. Кувшин и сопутствующий инвентарь из кувшинного погребения № 2

Fig. 5. Garni. The jar and associated grave goods from jar burial No. 3

Рис. 5. Гарни. Кувшин и сопутствующий инвентарь из кувшинного погребения № 3

Fig. 6. Garni. 1, 2 – The slab tomb; 3 – 3D reconstruction of the slab tomb

Рис. 6. Гарни. 1, 2 С плиточная гробница; 3 С 3D-реконструкция плиточной гробницы

Fig. 7. Garni. Pottery associated with the slab tomb

Рис. 7. Гарни. Керамика из плиточной гробницы

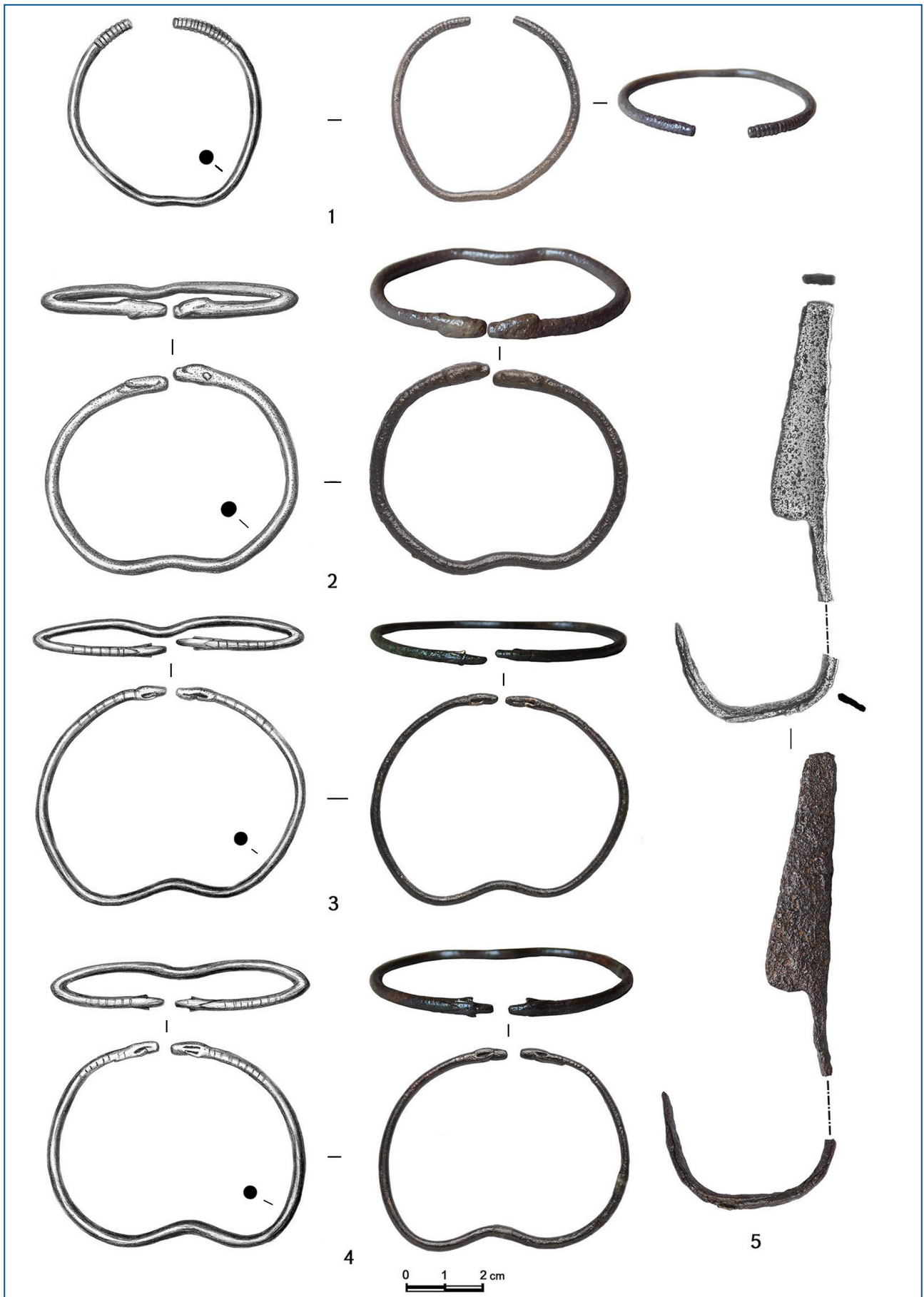

Fig. 8. Garni. Metal artifacts associated with the slab tomb. 1-4 – bracelets; 5 – Scissors

Рис. 8. Гарни. Металлические изделия из плиточной гробницы. 1-4 С браслеты; 5 - ножницы

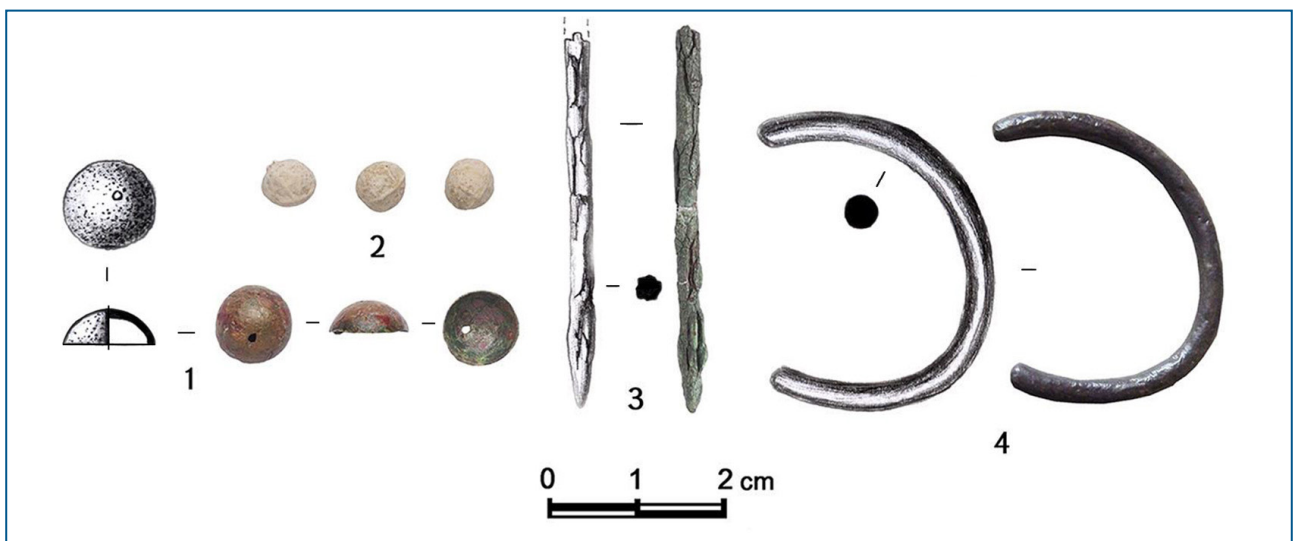

Fig. 9. Garni. Grave goods associated with the slab tomb. 1, 3, 4 – metal objects; 2 – seeds of hackberries

Рис. 9. Гарни. Погребальный инвентарь из плиточной гробницы. 1, 3, 4 – металлические предметы; 2 – семена карфика

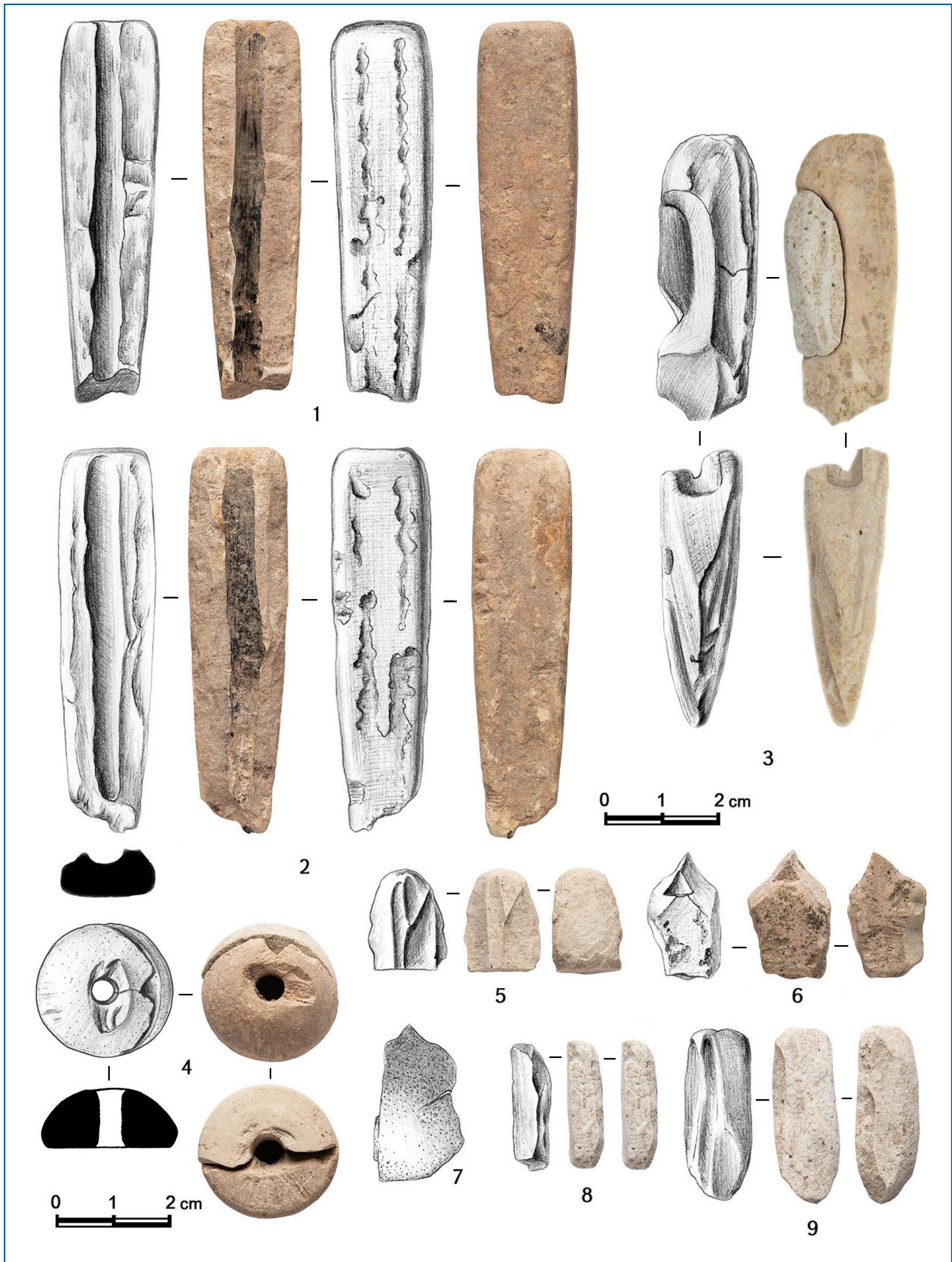

Fig. 10. Garni. Beads associated with the slab tomb

Рис. 10. Гарни. Изделия из мергеля из плиточной гробницы

Fig. 11. Garni. Beads associated with the slab tomb

Рис. 11. Гарни. Бусы из плиточной гробницы

Fig. 12. Garni. Beads associated with the slab tomb

Рис. 12. Гарни. Бусы из плиточной гробницы

Fig. 13. Garni. Human and zooarchaeological remains.
 1 – cow skull; 2 – jar burial No. 1, Individual No. 1; 3 – jar burial No. 1, Individual No. 2; 4 – jar burial No. 2;
 5 – jar burial No. 3; 6 – slab tomb; 7-8 – details

Рис. 13. Гарни. Антропологические и зооархеологические остатки.
 1 – череп коровы; 2 – кувшинное погребение № 1, индивид № 1; 3 – кувшинное погребение № 1, индивид № 2;
 4 – кувшинное погребение № 2; 5 – кувшинное погребение № 3; 6 – плиточная гробница; 7-8 – детали

Poznań, 16-12-2024

Report

on C-14 dating in the Poznań Radiocarbon Laboratory

Customer: **Armine Gabrielyan**
 Institute of Archaeology and
 Ethnography of Armenia
 Paruyr Sevak str. 8, apt. 76
 0014 - Yerevan
 Armenia

Job no.: 22595/24

Sample name	Lab. no.	Age 14C	Remark
GARNI-JB-01	Poz-185923	1890 ± 30 BP	2.1%N, 7.1%C, 10.5%coll,
GARNI-JB-02	Poz-185924	2165 ± 30 BP	0.7%N, 4.4%C, 0.4%coll,
GARNI-JB-03	Poz-185925	2235 ± 30 BP	0.5%N, 4.6%C, 1.6%coll,
GARNI-SB - 01	Poz-185926	2220 ± 30 BP	0.7%N, 4.6%C, 2.5%coll,

Comments: Results of calibration of 14C dates enclosed

Head of the Laboratory

Prof. dr hab. Tomasz Goslar

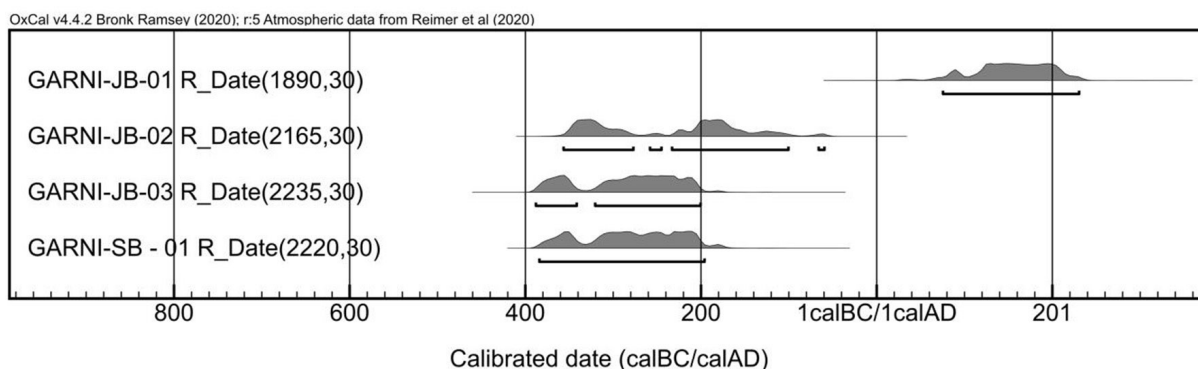

Fig. 15. Results of C14 analysis conducted on four samples at the Poznań Laboratory

Рис. 15. Результаты радиоуглеродного анализа (C14) четырех образцов (Познанская лаборатория)

REFERENCES

1. Arakelyan B. *Garni I: Results of Excavations in 1946–1950. Archaeological Excavations in Armenia*. No. 3. Yerevan: Armenian SSR Academy of Sciences Press, 1951 (in Russ)
2. Arakelyan B. *Garni II: Results of Excavations in 1951–1955. Archaeological Excavations in Armenia*, No. 7. Yerevan: Armenian SSR Academy of Sciences Press, 1957 (in Russ)
3. Khachatryan Zh. Garni V. The antique necropolis (the results of the excavations in 1956-1972). *Archaeological Excavations in Armenia*, No. 15. Yerevan: Armenian SSR Academy of Sciences Press, 1976 (in Russ.).
4. Karapetyan I., Gabrielyan A., Melikyan V., Hakhverdyan A. The Jar Burials of the Classical Period of Mastara. *Review of Armenian Studies*. 2022; 2: 93–104.
5. Dalalyan T. The First “Branch” of the Epic “Vipasank” and the Origin of the Thunderous Demigod Dynasty. *Grace from Above: Myth, Ritual and History: A Collection of Articles*. Ed. Petrosyan A. Yerevan: Gitutyun, 2008, pp. 19–50 (in Armenian).
6. Hayrapetyan T. *Archetypal Connections in Armenian Fairy Tales and Epic Folklore*. Yerevan: Gitutyun, 2016 (in Armenian).
7. Tokarev S. et al. (eds.) *The Myths of the Peoples of the World*. Moscow: Drofa, 2008. (in Russ.).
8. Saunders S. The development and distribution of discontinuous morphological variation of the human infracranial skeleton. National museum of the Man Mercury series. *Archaeological Survey of Canada*, Paper No 81, National Museum of Canada, Ottawa, 1978.
9. Karapetyan M. Discrete Morphological Variants of Human Cervical Vertebrae: Exploring Pattern of Distribution and Biological Significance. *HOMO*. 2017; 68(3): 176-198.
10. Khanzadyan E. *Garni IV: Excavations Results in 1949–1966 (From the Early Bronze Age to the Urartian Period)*. Yerevan: USSR Academy of Sciences, 1969 (in Armenian).
11. Tiratsyan G. Excavations of Armavir. *Herald of Social Sciences*. 1972; 2: 36-42. (in Armenian)
12. Tiratsyan G. Armavir 1973: From Excavation Materials: A Preliminary Report. *Historical-Philological Journal*. 1974; 3: 171-180. (in Armenian)
13. Zardaryan M. Regarding a Branch of the International Trade of Ancient Armenia. *Conference of Young Scientists Dedicated to the 110th Anniversary of V.I. Lenin's Birthday: Abstracts of Reports*. Eds. Vardumyan D., Abrahamyan L. Yerevan: USSR Academy of Sciences Press, 1980: 6-7. (in Armenian).
14. Lordkipanidze O. Vani Settlement. *Vani I: Archaeological Excavations in 1947-1969*. Tbilisi: Metsniereba, 1972: 43-80 (in Russ)
15. Gagoshidze Yu. *Samadlo (Archaeological Excavations)*. Tbilisi: Metsniereba, 1979 (in Russ.).
16. Gaidukevich V. Countryside Rural Estate of the Hellenistic Period in the Region of Mirmekion. *Bosporan Cities*. Leningrad: Nauka, 1981: 55-71 (in Russ)
17. Stoyanov R. Pale Swan in the Darkness: Unguentaria from the Necropolis of Tauric Chersonesos in the Crimea. *Unguentarium: A Terracotta Vessel Form and Other Related Vessels in the Hellenistic, Roman, and Early Byzantine Mediterranean: Abstracts of the International Symposium*. Eds. Lafli E., Kan Şahin G. 2018: 68-69.
18. Hellstrom P. *Labraunda. Swedish Excavations and Researches, vol. II, part 1: Pottery of Classical and Later Date, Terracotta Lamps and Glass*. Lund: C.W.K. Gleerup, 1965.
19. Anderson-Stojanovic V. The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria. *American Journal of Archaeology*. 1987; 91: 105-122.
20. Esayan S., Kalantaryan A. *Oshakan I: Main Results of Excavations in 1971–1983. Archaeological Excavations in Armenia*. Yerevan: Armenian SSR Academy of Sciences Press, 1988; 18. (in Russ)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракелян Б. Гарни I: Результаты раскопок 1946-1950 гг. Археологические раскопки в Армении, № 3. Ереван: Издательство Академии наук Армянской ССР, 1951.
2. Аракелян Б. Гарни II: Результаты раскопок 1951-1955 гг. Археологические раскопки в Армении. № 7. Ереван: Издательство Академии наук Армянской ССР, 1957.
3. Хачатрян Ж. Гарни V. Античный некрополь (результаты раскопок 1956-1972 гг.). Археологические раскопки в Армении. № 15. Издательство академии наук Армянской ССР. Ереван, 1976.
4. Karapetyan I., Gabrielyan A., Melikyan V., Hakhverdyan A. The Jar Burials of the Classical Period of Mastara // *Review of Armenian Studies*. 2022. № 2. Pp. 93-104.
5. Դալալյան Տ. «Վիպասանք» էպոսի առաջին «ճյուղը» և ամպրոպային դյուցազնատոհմի ծագումը // *Ծնորի ի վերուստ, Առասպել, ծես և պատմություն, հողվածների ժողովածու, խմբ. Արմեն Պետրոսյան, Երևան, ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատարակչություն, 2008, էջ 19-50:*
6. Հայրապետյան Թ. Արքեոլոգիայի հարակցումները հայկական հրաշապատում հեթիաթներում և վիպապատմական բանասիրության մեջ, Երևան, ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատ., 2016 :
7. Токарев С. (ред.) Мифы народов мира. М.: Дрофа, 2008.
8. Saunders S. The development and distribution of discontinuous morphological variation of the human infracranial skeleton. National museum of the Man Mercury series // *Archaeological Survey of Canada*. Paper No 81, National Museum of Canada, Ottawa, 1978.
9. Karapetyan M. Discrete Morphological Variants of Human Cervical Vertebrae: Exploring Pattern of Distribution and Biological Significance // *HOMO*. 2017. №68(3). Pp. 176-198.
10. Խանզադյան Է. Գարնի IV, Պեղումների արդյունքները 1949-1966 թթ.: Վաղ բրոնզից մինչև ուրարտական շրջանը ներառյալ: ՀՍՍՌ ԳԱ հրատ, Երևան, 1969.
11. Տիրացյան Գ. Արմավիրի պեղումները // *Լրաբեր հասարակական գիտությունների*, 1972, № 2, էջ 36-42.
12. Տիրացյան Գ. Արմավիրի 1973 թ. պեղումների նյութերից, նախնական հաղորդում // Պատմաբանասիրական հանդես, 1974, № 3, էջ 171-180.
13. Զարդարյան Մ. Անտիկ Հայաստանի միջազգային առևտրի մի մասնաճյուղի վերաբերյալ // *Երիտասարդ գիտնականների կոնֆերանս, նվիրված Վ. Ի. Լենինի ծննդյան 110-ամյակին (1980 թ. փետրվարի 26-27), գեկուցումների թեզիսներ, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., Երևան, 1980, էջ 6-7.*
14. Лордкипанидзе О. Ванское Городище // *Вани I, Археологические раскопки. 1947–1969. Тбилиси: Мецниереба, 1972. С. 43–80.*
15. Гагошидзе Ю. Самadlo (археологические раскопки), Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 134.
16. Гайдукевич В. Загородная сельская усадьба эллинистической эпохи в районе Мирмекия // *Боспорские города. Ленинград: Наука, 1981. С. 55–71.*
17. Stoyanov R. Pale Swan in the Darkness: Unguentaria from the Necropolis of Tauric Chersonesos in the Crimea. *Unguentarium: A Terracotta Vessel Form and Other Related Vessels in the Hellenistic, Roman, and Early Byzantine Mediterranean: Abstracts of the International Symposium*. Eds. Lafli E., Kan Şahin G. 2018. Pp. 68–69.
18. Hellstrom P. *Labraunda. Swedish Excavations and Researches, vol. II, part 1: Pottery of Classical and Later Date, Terracotta Lamps and Glass*. Lund: C.W.K. Gleerup, 1965.
19. Anderson-Stojanovic V. The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria. *American Journal of Archaeology*. 1987. № 91. Pp. 105–122.
20. Esayan S., Kalantaryan A. *Oshakan I, Основные результаты раскопок 1971-1983 гг. Археологические раскопки в Армении. № 18. Ереван: АН Арм. ССР, 1988.*

21. Yeganyan L. The Classical Period Burial Grounds of Shirak. *The Archaeological and Historical Studies of Shirak*, No. 1, Yerevan-Gyumri: Gitutyun, 2010 (in Armenian)
22. Gogiberidze N. *Bracelets and Torques of Georgia in the 5th–1st Centuries BCE*. Tbilisi: Georgian Academy of Sciences Press, 2003.
23. Khachatryan Zh. *Artashat II*. Yerevan: Armenian SSR Academy of Sciences Press, 1981 (in Armenian).
24. Demirkhanyan A. *Northeast of Yerevan in the Period of Artaxiad Dynasty (2nd century BC – 1st century AD)*. Yerevan: Gitutyun, 2010 (in Russ)
25. Petrosyan H., Safaryan V., Karapetyan I., Kirakosyan L., Vardanyan R., Vardanesova T., Gabrielyan A. Pithos Burials of Tigranakert in Artsakh. *Archaeology of Armenia in Regional Context: Proceedings of the International Conference Dedicated to the 60th Anniversary of the Institute of Archaeology and Ethnography*. Eds. Avetisyan P., Bobokhyan A. Yerevan: Gitutyun, 2021: 293-304.
26. Safaryan V. The First Attempt to Study Jar Burials in the Artsakh Territory. *Journal of Armenian Studies*, 2011; 2: 170–186 (in Armenian)
27. Noneshvili A. *Funeral Rites of the Peoples of Transcaucasia: Jar Burials of the 8th Century BC – 8th Century AD*. Tbilisi: Metsniereba, 1992 (in Russ)
28. Golubkina T. Four Jar Burials from Mingechavir (Excavations in 1959). *Herald of the Azerbaijani SSR Academy of Sciences*. 1956; 3: 73-87 (in Russ.).
29. Kocharyan G. *Dvin III: Dvin in Classical Period. Archaeological Excavations in Armenia*, No. 22, Yerevan: Armenian Academy of Sciences, 1991 (in Armenian)
30. Alekseeva E. Ancient beads of North Pontic. *Corpus of Archaeological Sources*. Issue GI-12/3. Moscow: Nauka Publ., 1978 (in Russ)
31. Kostanyan E. The Funeral Rite in the Bosporan Burial Mounds. *Soviet Archaeology*. 1950; No. 14: 124–138 (in Russ.).
32. Khanzadyan E., Mkrtychyan K., Parsamyan E. *Metsamor*. Yerevan: Armenian SSR Academy of Sciences Press, 1973 (in Armenian)
33. Khachatryan T. *Ancient Culture of Shirak*. Yerevan: Yerevan State University Press, 1975 (in Russ)
34. Devejyan S. *Lori Berd III: Late Bronze Age Tombs*. Yerevan: Institute of Archaeology and Ethnography Press, 2022 (in Armenian).
35. Korenevsky S. The Tradition of Damaging a Vessel: Origins According to the Archaeology of the Ciscaucasia. *History, Archaeology, and Ethnography of the Caucasus*. 2021; 17(4): 886-911 (in Russ)
36. Bakushev M. The Ritual of Spoiling Inventory in the Burial Monuments of Dagestan of the Albanian-Sarmatian Period. *Bulletin of the Institute of Archaeology and Ethnography*. 2005; 3: 42-50 (in Russ.).
37. Hakobyan H., Gabrielyan A. By Traces of a Transformation of the Burial Ritual. *Yearbook of the Fine Arts Academy*. 2023; 15(2): 108-119. (in Armenian)
38. Kavadze E., Martkoplshvili I., Kakhiani K., Rezesidze N. Results of a Palynological Study of the Contents of Small Glass Bottles of Late Antiquity from the Kanchaani Cemetery (Southeastern Georgia). *Sprawozdania Archeologiczne*. 2023; 75(2): 227-251.
21. *Եգանյան Լ.* Շիրակի անտիկ դամբարանադաշտերը // Շիրակի հնագիտական և պատմագագարական ուսումնասիրություններ, թիվ 1, ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատ., Երևան-Գյումրի, 2010.
22. *Գոգիբերիձե Ն.* Браслеты и гривны Грузии V–I вв. до н. э. Тбилиси, 2003.
23. *Խաչատրյան Չ.* Արտաշատ II, Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1981.
24. *Демирханян А.* Северо-восток Еревана в эпоху Арташеидов (II в. до н. э – I в. н. э). Ереван: Гитутюн» НАН РА, 2010.
25. *Petrosyan H., Safaryan V., Karapetyan I., Kirakosyan L., Vardanyan R., Vardanesova T., Gabrielyan A.* Pithos Burials of Tigranakert in Artsakh. *Archaeology of Armenia in Regional Context: Proceedings of the International Conference Dedicated to the 60th Anniversary of the Institute of Archaeology and Ethnography*. Eds. Avetisyan P., Bobokhyan A. Yerevan: Gitutyun, 2021. Pp. 293–304.
26. Սաֆարյան Վ. Արցախի տարածքի կարասային թաղումների ուսումնասիրման առաջին փորձը // «Հայագիտական հանդես», թիվ 2, 2011, Ստեփանակերտ, էջ 170-186.
27. *Нонешвили А.* Погребальные обряды народов Закавказья. Кувшинные погребения 8-го в. до н.э. – 8-го в. н.э. Тбилиси: Мецниереба, 1992.
28. *Голубкина Т.* Четыре кувшинных погребения из Мингечаура (раскопки 1959 г.) // Изв. АН Аз.ССР. № 3. Баку, 1956. С. 73–87.
29. Քոչարյան Գ. Դվին III, Դվինը Անտիկ դարաշրջանում, Հնագիտական պեղումները Հայաստանում, № 22, ՀԳԱ հրատ., Երևան, 1991.
30. *Алексеева Е.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. № Г1-12. М.: Наука, 1978.
31. *Костанян Е.* Обряд тризны в Боспорских курганах // Советская Археология. 1950. № 14. С. 124–138.
32. Խանզադյան Է., Մկրտչյան Կ., Պարսամյան Է. Մեծամոր, Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1973.
33. *Хачатрян Т.* Древняя культура Ширака. Ереван, 1975.
34. *Կևաձե Ե., Լոռի Բերդ III, Ուշբրոնզեդարյան դամբարաններ, Հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտի հրատարակչություն, Երևան, 2022.*
35. *Корневский С.* Традиция порчи сосуда: истоки по данным археологии предкавказья // История, археология и этнография Кавказа. 2021. Т. 17. № 4. С. 886–911.
36. *Бакусhev М.* Обряд порчи инвентаря в погребальных памятниках Дагестана албано-сарматского времени // Вестник института ИАЭ. 2005. № 3. С. 42–50.
37. Հակոբյան Հ., Գարրիելյան Ա. Թաղման ծեսի մի վերափոխման հետքերով, Գեղարվեստի ակադեմիայի Տարեգիրք, 15 2023/2, էջ 108–119.
38. *Kvavadze E., Martkoplshvili I., Kakhiani K., Rezesidze N.* Results of a Palynological Study of the Contents of Small Glass Bottles of Late Antiquity from the Kanchaani Cemetery (Southeastern Georgia) // Sprawozdania Archeologiczne. 2023. № 75(2). Pp. 227–251.

Received 03.03.2025
 Accepted 28.04.2025
 Published 15.03.2026

Поступила в редакцию 30.03.2025
 Принята в печать 28.04.2025
 Опубликована 15.03.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH221159-175>

Исследовательская статья

Боруцкая Светлана Борисовна
кандидат биологических наук, старший научный сотрудник
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия
borsbor@yandex.ru

Ахмаров Азамат Усманович
младший научный сотрудник
Института гуманитарных исследований АН ЧР, Грозный, Россия
acztec@mail.ru

Васильев Сергей Владимирович
доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий
Центр физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия
vasbor1@yandex.ru

Фризен Сергей Юрьевич
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия;
Центр физической антропологии, Москва, Россия
frizents@gmail.com

КОМПЛЕКСНОЕ ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОГИЛЬНИКА КОШКЕЛЬДИНСКИЙ 2 (ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА)

Аннотация. Целью работы было проведение комплексного палеодемографического исследования населения, оставившего могильник Кошкельдинский 2 в Гудермесском районе Чеченской Республики, который является старым заброшенным мусульманским кладбищем и ориентировочно датируется XVII – первой половиной XIX в. В 237 погребениях было обнаружено 243 скелета, определенных по возрасту, для взрослых индивидов и по полу. Пик смертности в группе приходится на первую возрастную когорту 0-5 лет, как и во всех исследованных нами кавказских группах. Пик смертности взрослых мужчин и женщин приходится на финальную возрастную когорту 50+ лет. По показателям пика смертности в группе в целом, пикам смертности мужчин и женщин группа из Кошкельдинского могильника более всего сходна с группами из Змейского могильника (Северная Осетия) и могильника Красногорское XIIб (Карачаево-Черкессия). Средняя продолжительность жизни в группе из могильника Кошкельдинский 2 крайне низка. Она оказалась ближе всего к группе Красногорское XIIб (Карачаево-Черкессия). Процент детской смертности в группе из могильника Кошкельдинский 2 оказался очень высоким – 60,08%, самым высоким среди исследованных групп, что указывает на демографическое неблагополучие в группе. Треть детей умирала, будучи новорожденными. Ближе всего по данному показателю группа из Кошкельды оказалась к группе Красногорское XIIб (Карачаево-Черкессия). Взрослых мужчин в группе было примерно на 13% больше, чем женщин, во всех исследованных группах мужчин было больше, чем женщин. Финальная возрастная когорта (50+ лет) из Кошкельдинского 2 – не столь представительна, в отличие, например, от группы из Змейского могильника. Большинство финальной возрастной группы составили мужчины. При этом у взрослых мужчин и женщин в этой возрастной когорте наблюдается пик смертности, также как и в группах из Змейского могильника и могильника Красногорское XIIб.

Ключевые слова: палеодемография; возрастная когорта; палеодемографические индексы; средняя продолжительность жизни; детская смертность; финальная возрастная когорта; могильник Кошкельдинский

Для цитирования: Боруцкая С.Б., Ахмаров А.У., Васильев С.В., Фризен С.Ю. Комплексное палеодемографическое исследование могильника Кошкельдинский 2 (Чеченская Республика) // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. No 1. С. 159-175. doi.org/10.32653/CH221159-175

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH221159-175>

Research paper

Svetlana B. Borutskaya
Cand. Biol. Sci., Senior Researcher
Moscow State University, Moscow, Russia
borsbor@yandex.ru

Azamat U. Akhmarov
Junior Researcher
Institute for Humanitarian Research, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russia
acztec@mail.ru

Sergei V. Vasilyev
Dr. Hist. Sci., Chief Researcher, Head of Department
Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Moscow, Russia;
Centre for Physical Anthropology, Moscow, Russia
vasbor1@yandex.ru

Sergei Yu. Frizen
Cand. Hist. Sci., Senior Researcher
Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Moscow, Russia;
Centre for Physical Anthropology, Moscow, Russia
frizents@gmail.com

COMPREHENSIVE PALEODEMOGRAPHIC STUDY OF THE KOSHKELDYSKY 2 BURIAL GROUND (CHECHEN REPUBLIC)

Abstract. The objective of this study was to conduct a comprehensive paleodemographic analysis of the population associated with the Koshkeldinsky 2 burial ground, located in the Gudermes District of the Chechen Republic. The site is a former Muslim cemetery, tentatively dated from the 17th to the first half of the 19th century. A total of 243 skeletons were identified across 237 burials, with age and sex profiles established for adult individuals. The findings reveal that the mortality peak for the entire group occurs within the first age cohort (0–5 years), a trend consistent with all previously studied Caucasian populations. Among adults, the peak mortality for both men and women occurs in the final age cohort (50+ years). In terms of overall mortality peaks and sex-specific mortality patterns, the Koshkeldinsky group closely resembles populations from the Zmeisky burial ground (North Ossetia) and the Krasnogorskoye XIIb site (Karachay-Cherkessia). The average life expectancy within the Koshkeldinsky 2 group is exceptionally low, most closely aligning with data from the Krasnogorskoye XIIb group. The infant and child mortality rate was recorded at a very high 60.08% – the highest among all studied groups – indicating significant demographic distress. Notably, one-third of the children died as neonates. Regarding sex distribution, adult males outnumbered females by approximately 13%, a trend observed across all comparative groups. While the final age cohort (50+ years) at Koshkeldinsky 2 is less representative than that of the Zmeisky group, it consists predominantly of men. Despite its smaller size, this cohort reflects a terminal mortality peak for both sexes, mirroring the patterns found at Zmeisky and Krasnogorskoye XIIb.

Keywords: paleodemography; age cohort; paleodemographic indices; average life expectancy; child mortality; final age cohort; Koshkeldinsky burial ground

For citation: Borutskaya S.B., Akhmarov A.U., Frizen S.Yu., Vasilyev S.V. Comprehensive paleodemographic study of the Koshkeldinsky 2 burial ground (Chechen Republic). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 1. P. 159-175. doi.org/10.32653/CH221159-175

Введение

В ноябре-декабре 2021 г. были проведены археологические раскопки объекта археологического наследия «Могильник Кошкельдинский 2», который попадал в зону проведения работ по проекту «Строительство автомобильной дороги М-29 «Кавказ» – из Краснодара (от ст. Павловской) через Грозный, Махачкалу до границы с Азербайджанской Республикой (на Баку) на участке обхода г. Гудермес, Чеченская Республика» (рис. 1).

Рис. 1. Расположение раскопа могильника Кошкельдинский 2 (Гудермесский район Чеченской Республики)

Fig. 1. Location of the excavation area at the Koshkeldinsky 2 burial ground (Gudermes District, Chechen Republic)

«Могильник Кошкельдинский 2» – старое мусульманское кладбище, ориентировочно датируется XVII – первой половиной XIX в. Расположен в 100 м к ЮЮЗ от автодороги М-29 «Кавказ», на участке км 710, в 0,45 км к ЮЗ от окраины сел. Кошкельды, на ровном пологом склоне, повышающемся в южном направлении и образующем террасу к востоку от сухого русла ручья, протекавшего в меридиональном направлении. Вся площадь могильника покрыта плотными зарослями кустарника. С южной и восточной сторон, примыкающих к распахиваемому полю, территория памятника окружена глубокой траншеей. Фактически, вся площадь, поросшая кустарником, представляет собой территорию кладбища. Большая часть могильника нарушена поздними перекопами (окопы, воронки), связанными с военными действиями середины 1990-х – начала 2000-х гг. Часть погребений могильника маркируется вертикально установленными стелами (чуртами), ориентированными широкими гранями по линии запад-восток с незначительным отклонением (рис. 1).

Памятник выявлен в 2013 г. в ходе разведок экспедиции ООО «Археологическое общество Кубани» (Козорезов, 2013). Повторно осмотрен в 2020 г. в связи с корректировкой проекта (Кочкаров, 2020; 2020а). В соответствии с приказом № 13/1-п от 17.02.2020 г. Комитета Правительства Чеченской Республики по охране и использованию культурного наследия памятник был отнесен к выявленным объектам культурного наследия (п. 122 Приложения № 2 к приказу). Строящаяся автодорога проходит через территорию могильника и занимает большую его часть (рис. 1).

Рис. 2. Раскопки могильника Кошкельдинский 2

Fig. 2. Excavations at the Koshkeldinsky 2 burial ground

В результате проведенных исследований было выявлено 237 мусульманских погребений (XVIII–XIX вв.), расположенных ровными рядами (рис. 2, 3). На вскрытом участке могильника преобладают детские захоронения. Погребальный инвентарь отсутствует. Взрослые погребения в соответствии с мусульманскими обрядовыми традициями были совершены в подбойных

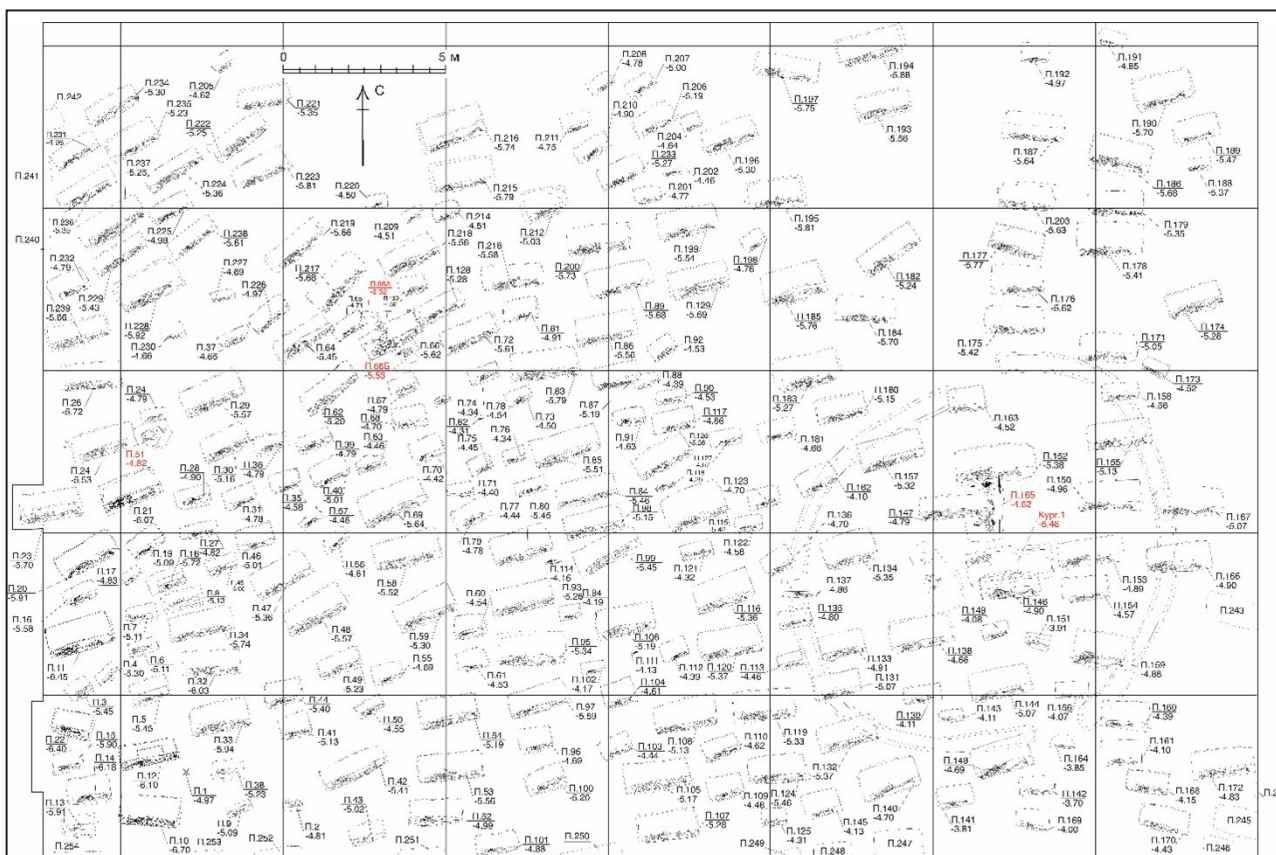

Рис. 3. Схема расположения погребений в могильнике Кошкельдинский 2

Fig. 3. Site plan showing the distribution of burials at the Koshkeldinsky 2 burial ground

могилах. Погребальные сооружения ориентированы длинной осью широтно, с незначительными отклонениями. Входные ямы прямоугольной в плане формы. Около южной стенки были сделаны углубления-ниши для укладки тел погребенных, закрытые наклонно установленными досками по всей длине ямы. Погребенные были положены на правом боку головой на запад и лицом к югу. Детские захоронения отличались меньшими размерами погребальных сооружений и деталями конструкции. Помимо этого, местами в материке зафиксированы основания отдельно стоявших квадратных в сечении деревянных столбов, отмечавших, как и каменные стелы (чурты), места совершения некоторых взрослых захоронений.

Данная статья посвящена палеодемографическому исследованию могильника Кошкельдинский 2. В настоящее время ни одно палеоантропологическое исследование большого по объему материала, и в первую очередь средневекового, не обходится без описания демографической ситуации в исследуемой популяции людей. Зачастую результаты палеодемографического исследования открывают интересные механизмы взаимодействия людей и воздействия на популяцию разных факторов: исторических событий, эпидемий, войн, факторов окружающей среды и иных [1]. Отличие палеодемографии от демографии заключается в материале исследований. Палеодемография занимается изучением популяции, не имея к ней прямого доступа, возможности наблюдать за ней воочию, исследуя только скелетный материал. Как известно, чем более многочисленна выборка, тем более статистически достоверны выводы. В погребениях могильника Кошкельдинский 2 было обнаружено 243 скелета. Высокая репрезентативность скелетного материала позволила нам провести данный анализ и получить корректные результаты. Введение в научный оборот итогов исследования палеодемографии такой представительной выборки будет полезно современным и будущим исследователям некрополей Северного Кавказа.

В работе были поставлены следующие задачи:

1. Провести половозрастное определение скелетов;
2. Рассчитать индексы дожития людей в разных возрастных когортах, а именно процент индивидов в возрастных когортах в целом для группы, в отдельности для мужчин, женщин и детей, процент людей, доживших до конкретной возрастной когорты, вероятность смерти в возрастной когорте.
3. Определить традиционные общие палеодемографические показатели для исследуемой группы: процентное соотношение мужчин и женщин, пики смертности для группы в целом, для мужской и женской частей популяции, процент детской смертности, смертность детей в первый год жизни, смертность новорожденных детей, средняя продолжительность жизни в группе, взрослых мужчин и женщин в отдельности, представительность финальной возрастной когорты.
4. Провести сравнительный палеодемографический анализ с другими группами населения Северного Кавказа средневекового времени. К сожалению, материалы по могильникам более близкого Нового времени отсутствуют.

Материалы и методы

Для палеодемографического исследования были определены пол и возраст скелетов из погребений могильника. Эта работа базировалась на традиционных антропологических методиках определения пола, а также возраста по степени развития зубной системы, прирастанию эпифизов к диафизам длинных костей конечностей, состоянию ушковидной и симфизальной поверхностей тазовых костей, степени зарастания швов черепа, состоянию суставов [2; 3; 4; 5; 6; 7]. Пол для индивидов младше 15 лет не определялся. Индивиды старше 15 лет считаются в палеоантропологии взрослыми людьми и относятся к взрослым возрастным когортам. В своем исследовании мы базировались на методике расчета палеодемографических индексов [1], описанной в статье Д. Богатенкова с соавторами [8].

В общей сложности в могильнике были обнаружены скелетные останки 243 индивидов, определенных по возрасту, а взрослых индивидов – и по полу. Этот материал был использован для расчета индексов дожития и общегрупповых палеодемографических индексов.

По итогам половозрастного определения все индивиды были разбиты на пятилетние возрастные когорты. Для удобства обозначения границ когорт мы использовали целые числа, типа 5, 10, 15 и т.д. Кроме того, мы также обозначили возрастные когорты «Новорожденные» и «0–1 лет», индивиды из которых далее входили в возрастную группу «0–5 лет». Некоторые скелеты детей были явно моложе возраста новорожденности, т.е. это были скелеты утробных плодов, которые мы определили в категорию «новорожденные».

Скелеты из могильника имели в основном хорошую степень сохранности, но в ряде случаев были сильно фрагментарными, что позволило определить биологический возраст только в десятилетнем интервале. Этих индивидов потом распределялись поровну между двумя пятилетними когортами, входящими в соответствующий десятилетний интервал. Такой принцип допускается в палеоантропологии.

На основе распределения индивидов по возрастным когортам, а также взрослых индивидов и по полу, были рассчитаны следующие палеодемографические показатели:

N – объем выборки, включая скелетные останки, не идентифицированные по возрасту и полу,

Nr – объем выборки, использованной в расчетах,

Na – объем взрослой выборки,

Nc – объем детской выборки,

Nm – объем взрослой мужской выборки,

Nf – объем взрослой женской выборки,

Dx – число индивидов в конкретной возрастной когорте,

Sx – процент индивидов в конкретной возрастной когорте,

Lx – процент индивидов, доживших до соответствующей возрастной когорты,

qx – вероятность смерти индивида в конкретной возрастной когорте,

A – средний возраст смерти в группе (средняя продолжительность жизни),

AA – средний возраст смерти взрослых индивидов группы, в том числе мужчин (**AAm**) и женщин (**AAf**),

PCD – процент детской смертности (рассчитывается как процент всех детей от объема группы),

PBD – процент детей, умерших в первый год жизни. Этот индекс был рассчитан тремя способами:

PBD (0–50+) – процент индивидов в возрастной когорте 0–1 год, рассчитанный относительно всех индивидов группы;

PBD (0–15) – процент индивидов в возрастной когорте 0–1 год, рассчитанный относительно всех детей группы (то есть индивидов от 0 до 15 лет);

PBD (0–5) – процент индивидов в возрастной когорте 0–1 год, рассчитанный относительно первого пятилетнего возрастного интервала (0–5) лет, в который дети до 1 года тоже входят;

Dx(m) : Dx(f) – соотношение мужчин и женщин группы по их количеству,

Cm: Cf – процентное соотношение взрослых мужчин и женщин группы,

C50+ – процент индивидов в последней, или финальной, возрастной когорте,

Cm50+ – процент мужчин в финальной возрастной когорте (относительно всех взрослых мужчин),

Cf50+ – процент женщин в финальной возрастной когорте (относительно всех взрослых женщин),

Cnatal. (0–50+) – процент новорожденных и детей первых дней жизни от всего объема группы,

Cnatal. (0–15) – процент новорожденных и детей первых дней жизни относительно всех детей,

Cnatal. (0–5) – процент новорожденных и детей первых дней жизни относительно детей первой пятилетней возрастной когорты,

Cnatal. (0–1) – процент новорожденных и детей первых дней жизни относительно детей первого года жизни.

Результаты исследования

Индексы дожития (число и процент индивидов в возрастных когортах, процент доживших до конкретной возрастной когорты, вероятность смерти в разных когортах) индивидов группы в целом представлены в таблице 1 и для наглядности на рисунке 4.

Табл. 1. Общие индексы дожития группы из могильника Кошкельдинский 2 / Table 1. General survivorship indices for the Koshkeldinsky 2 population.

Возрастная когорта	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
<i>Новорожденные, плоды*</i>	51	21,000	100	0,210
<i>0–1 лет*</i>	83	34,156	100	0,342
0–5 лет	130	53,498	100	0,535
5–10 лет	13	5,350	46,502	0,115
10–15 лет	3	1,235	41,152	0,030
15–20 лет	8	3,292	39,917	0,082
20–25 лет	13,5	5,555	36,625	0,152
25–30 лет	14,5	5,967	31,070	0,192
30–35 лет	13	5,350	25,103	0,213
35–40 лет	14,5	5,967	19,753	0,302
40–45 лет	7,5	3,086	13,786	0,224
45–50 лет	6,5	2,675	10,700	0,250
50+ лет	19,5	8,025	8,025	1,000
Всего	243 чел.	100%		
* Эти возрастные когорты входят в когорту 0–5 лет.				

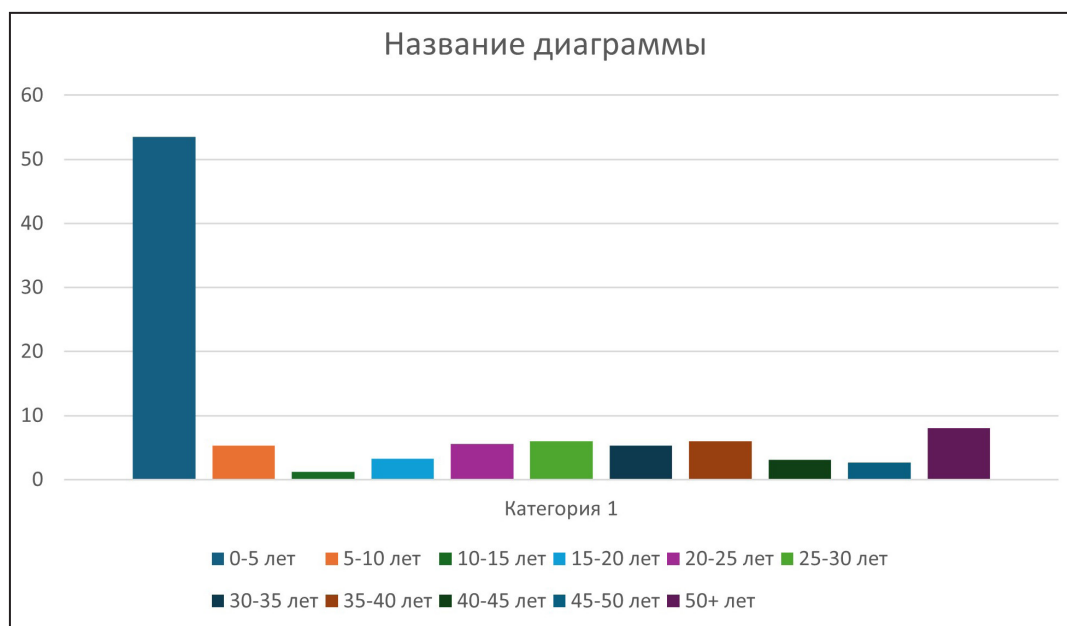

Рис. 4. Диаграмма процентного распределения индивидов по возрастным когортам из могильника Кошкельдинский 2

Fig. 4. Percentage distribution of individuals by age cohort from the Koshkeldinsky 2 burial ground

Из табл. 1 и рис. 4 видно, что пик смертности в группе приходится на первую возрастную когорту 0–5 лет. Более 50% членов группы умерли в возрасте до 5 лет. Причем примерно треть населения не дожили до 1 года, а 1/5 часть всей группы умерла в период новорожденности, т.е. сразу после рождения.

Остальные возрастные когорты, и детские (5–10, 10–15 лет), и все взрослые представлены единицами процентов (примерно 3–6%). Чуть большим процентом представлена финальная возрастная когорта, 50+ лет, – но всего 8%.

Табл. 2. Индексы дожития детей группы из могильника Кошкельдинский 2 / Table 2. Child survivorship indices for the Koshkeldinsky 2 population.

Возрастная когорта	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
Новорожденные*	51	34,932	100	0,349
0-1 лет*	83	56,849	100	0,568
0-5 лет	130	89,041	100	0,890
5-10 лет	13	8,904	10,959	0,812
10-15 лет	3	2,055	2,055	1,000
Всего	146	100%		
* Эти возрастные когорты входят в когорту 0–5 лет.				

В табл. 2 представлены результаты определения индексов дожития только для детей (0–15 лет). Только 40% индивидов дожили до взрослого возраста, а процент индивидов группы, умерших в детском возрасте, составил 60,09%. Это весьма большая величина, чтобы можно было говорить о каком-либо демографическом благополучии группы. Из табл. 2 видно, что из всех детей 89,04% умерли в возрасте до 5 лет, при этом почти 57% детей умерли, не достигнув годовалого возраста, а почти 35% детей умерли сразу после рождения. Такую катастрофическую ситуацию можно объяснить низким уровнем медицинской помощи роженицам и новорожденным, болезнями, отсутствием необходимых лекарственных средств, экологическими условиями. При такой высокой смертности группа неизбежно была обречена на вымирание.

Меньше всего детей погибало в возрасте 10–15 лет. Они были из числа выживших в первые возрастные интервалы, самые здоровые, сильные, жизнестойкие и приспособившиеся к условиям существования, уже почти взрослые к 15 годам.

Далее были рассмотрены демографические особенности мужского и женского взрослого населения исследуемой группы, оставившей могильник Кошкельдинский 2. В табл. 3 и для наглядности на диаграмме рис. 5 представлены итоги расчета индексов дожития мужчин группы.

Табл. 3. Индексы дожития мужчин группы из могильника Кошкельдинский 2 / Table 3. Male survivorship indices for the Koshkeldinsky 2 population.

Возрастная когорта	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
15–20 лет	2	3,636	100	0,036
20–25 лет	6,5	11,818	96,364	0,123
25–30 лет	8,5	15,455	84,546	0,183
30–35 лет	7	12,727	69,091	0,184
35–40 лет	9	16,364	56,364	0,290
40–45 лет	5	9,091	40,000	0,227
45–50 лет	5,5	10,000	30,909	0,324
50+ лет	11,5	20,909	20,909	1,000
Всего	55 чел.	100%		

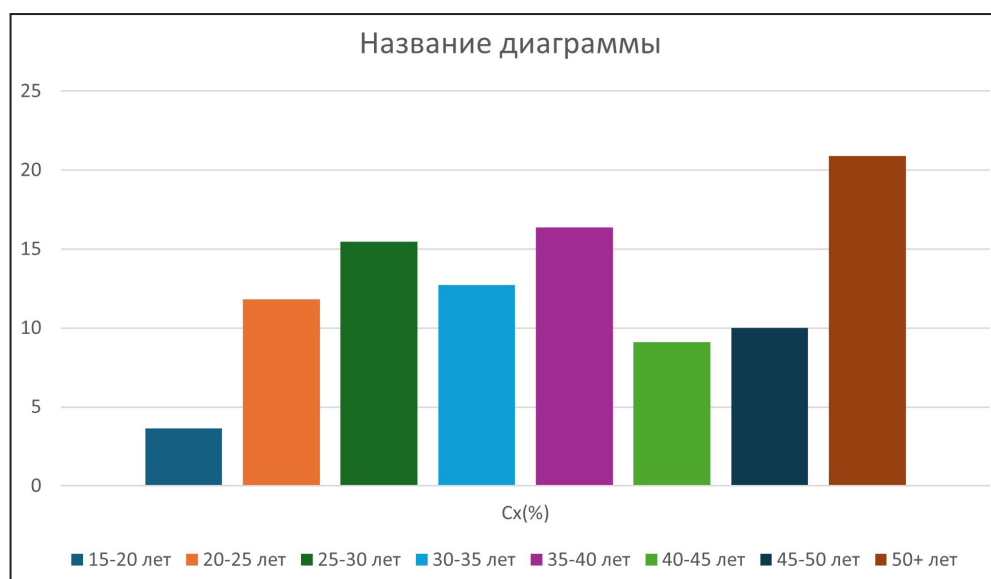

Рис. 5. Диаграмма процентного распределения взрослых мужчин могильника Кошкельдинский 2 по возрастным когортам

Fig. 5. Percentage distribution of adult males by age cohort from the Koshkeldinsky 2 burial ground

В общей сложности в погребениях могильника Кошкельдинский 2 было идентифицировано 55 мужских скелетов. Из табл. 3 и рис. 5 видно, что пик смертности мужчин группы приходится на финальную возрастную когорту 50+ лет. Почти 21% всех мужчин дожили до 50-летнего возраста, что является хорошим демографическим показателем, но, к сожалению, не для всей группы в целом, а только для немногочисленной части, только для мужчин. Вероятно, дожитие до пожилого возраста многих мужчин группы связано и с особыми горными экологическими условиями, и с традициями на Кавказе – отношением к пожилым людям с вниманием, почтением и заботой. Давние корни этой традиции, имевшие место и в XVIII–XIX вв., сохранены в современной Чеченской республике и других республиках Северного Кавказа.

Реже всего умирали молодые люди в возрасте 15-20 лет. Это контингент населения, который осуществляет переход к взрослой жизни, много учится, пробует себя в различных занятиях, ищет себя, еще толком не вовлечен в активную трудовую деятельность. Вероятно, это и наиболее здоровая часть населения.

Начиная с 20 лет увеличивается смертность во всех взрослых когортах мужчин (которая, как говорилось выше, достигает своего пика после 50 лет). Чаще всего в данной группе, как оказалось, смертность наблюдается в возрастных диапазонах 25–30 лет и 30–40 лет. То есть, чаще всего мужчины умирали во взрослых когортах в целом с 20 до 40 лет, т.е. в период наиболее активной трудовой деятельности. В принципе, это обычная ситуация для средневековых групп, как и для групп населения другого времени и на разных территориях.

В погребениях могильника Кошкельдинский 2 было идентифицировано 42 скелета взрослых женщин. В таблице 4 и для наглядности на рисунке 6 представлены результаты расчета индексов дожития взрослых женщин группы.

Табл. 4. Индексы дожития женщин группы из могильника Кошкельдинский 2 / Table 4. Female survivorship indices for the Koshkeldinsky 2 population.

Возрастная когорта	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
15–20 лет	6	14,286	100	0,143
20–25 лет	7	16,667	85,714	0,194
25–30 лет	6	14,286	69,047	0,207

30–35 лет	6	14,286	54,761	0,261
35–40 лет	5,5	13,095	40,475	0,324
40–45 лет	2,5	5,952	27,380	0,214
45–50 лет	1	2,380	21,428	0,111
50+ лет	8	19,048	19,048	1,000
Всего	42 чел.	100%		

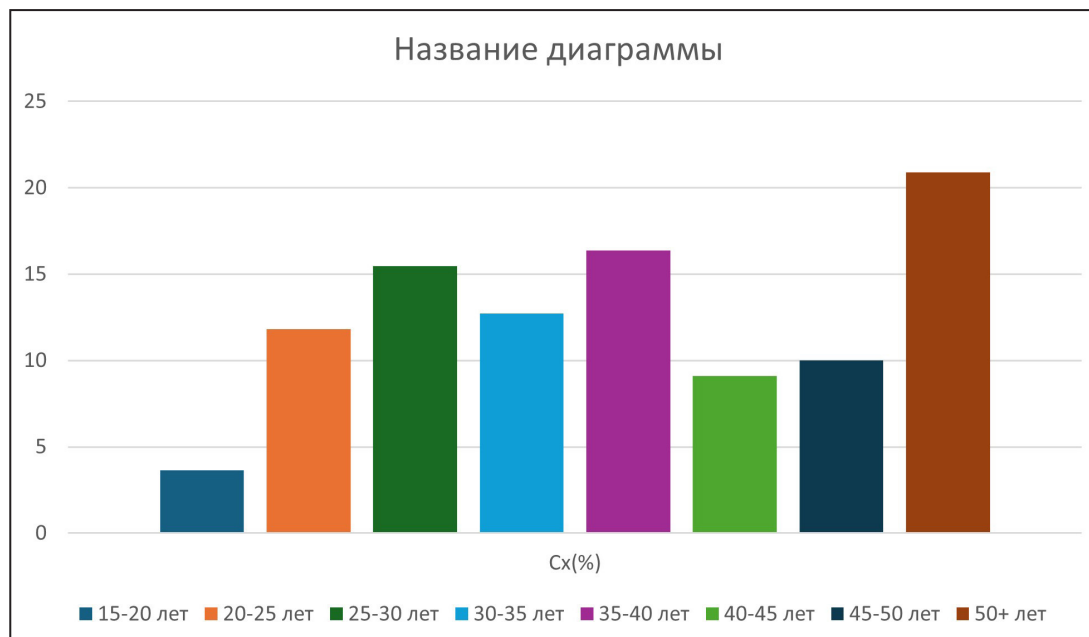

Рис. 6. Процентное распределение взрослых женщин из могильника Кошкельдинский 2 по возрастным когортам

Fig. 6. Percentage distribution of adult females by age cohort from the Koshkeldinsky 2 burial ground

Из табл. 4 и рис. 6 видно, что и у женщин пик смертности приходится на финальную возрастную когорту 50+ лет, что, как говорилось выше, вероятнее всего связано и с особыми экологическими условиями проживания, и с традициями заботиться о пожилом поколении в кавказских семьях.

Другой пик смертности, но меньший, приходится на возрастную группу 20–25 лет. Показатели смертности в возрастных когортах женщин 15–20 лет, и с 25 до 40 лет довольно близки к процентному показателю когорты 20–25 лет. То есть большинство женщин постепенно умирали во взрослых когортах от 15 до 40 лет, в период активной репродуктивной деятельности и трудовой активности. Интересно, что в отличие от мужчин женщины почти в четыре раза чаще умирали в возрасте 15–20 лет, т.е. в первой взрослой возрастной когорте, что можно объяснить тем, что, начиная примерно с 15 лет девушки могли вступать в брак и выполнять свои репродуктивные функции, с чем молодой организм не всегда успешно справлялся, опять-таки учитывая и уровень медицинской помощи при родоразрешении, который был очень низким. Вероятно, и по данной причине в группе наблюдается столь высокая смертность новорожденных детей и детей до 1 года. Меньше всего женщин умирало в возрасте 45–50 лет.

В табл. 5 представлены результаты расчета индексов, характеризующих демографическую ситуацию в исследованной группе. Многочисленность группы (243 индивида) позволяет считать результаты максимально достоверными.

Табл. 5. Палеодемографические индексы группы людей, оставивших могильник Кошкельдинский 2 / Table 5. Paleodemographic indices of the population associated with the Koshkeldinsky 2 burial ground.

Индекс	Значение
Nr (определены пол и возраст)	243 чел.
A	16,13 лет
AA	36,42 лет
AAm	37,41 лет
AAf	33,39 лет
PCD	60,082 %
PBD (0–50+)	34,156 %
PBD (0–15)	56,849 %
PBD (0–5)	63,846 %
Cnatal. (0–50+)	21,00 %
Cnatal. (0–15)	34,932 %
Cnatal. (0–5)	39,231 %
Cnatal. (0–1)	61,446 %
Dx(m) : Dx(f)	55 чел. : 42 чел
Cm : Cf	56,70 % : 43,30 %
C50+	8,025 %
Cm50+	20,909 %
Cf50+	19,048 %
Cm50+(Dx50+)	59 %
Cf50+(Dx50+)	41 %

Средняя продолжительность жизни в группе оказалась крайне минимальной – всего 16,13 лет. Столь низкий средний возраст смерти в группе из могильника Кошкельдинский 2 связан с очень высокой детской смертностью (60,1%), особенно в первый год жизни. При этом 1/5 часть населения, или же 1/3 всех детей умирали в период новорожденности или самых ранних дней жизни. Среди детей в возрасте до 1 года примерно 61,5% умерли сразу после рождения. При таких показателях смертности группа была обречена на вымирание.

Соотношение по половой принадлежности среди взрослого населения было следующим: взрослых мужчин в группе было на 13% больше, чем женщин. Средняя продолжительность жизни мужчин была выше, чем женщин, соответственно 37,4 лет и 33,4 лет. Финальная возрастная когорта была не столь представительной – всего около 8%. Мужчин в когорте людей старше 50 лет было почти на 18% больше, чем женщин.

Демографическая ситуация в исследованной группе из могильника Кошкельдинский 2 сложилась неблагоприятно, о чем свидетельствуют низкая продолжительность жизни людей группы, крайне высокая детская смертность и непредставительность финальной возрастной когорты. Группа была обречена на вымирание, что с ней, вероятно, и произошло в XIX в.

Сравнительный анализ

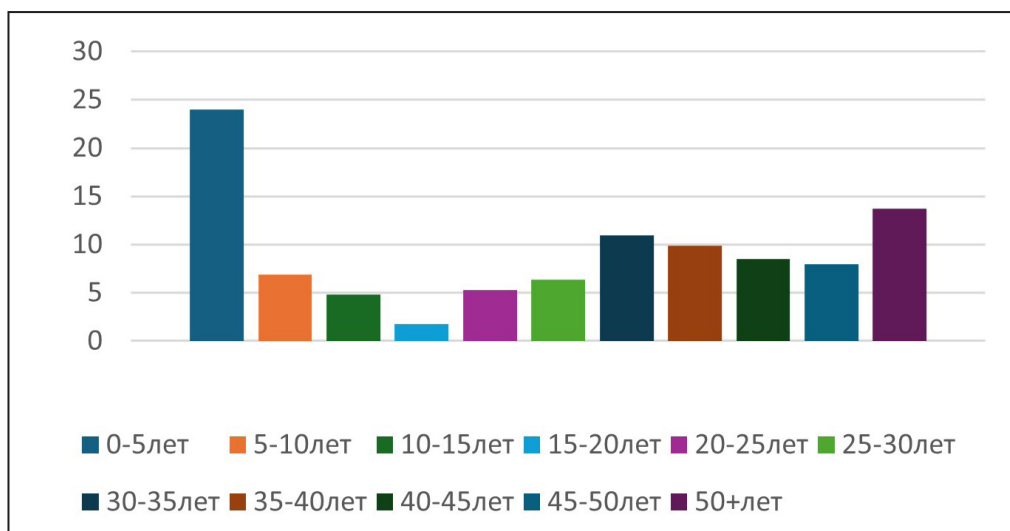
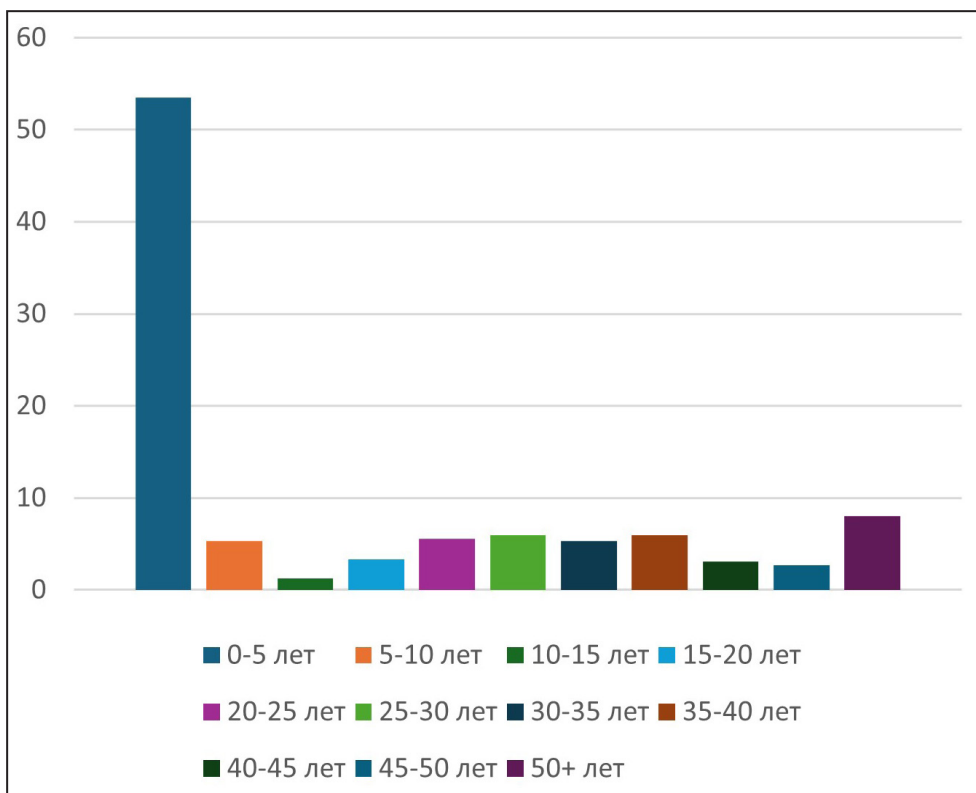
В табл. 6 представлены результаты определения общих палеодемографических индексов для могильника Кошкельдинский 2, а также для сравнения – из Змейского могильника в Северной Осетии, средневековых серий из могильников Красногорское XII и Красногорское XIIб в Карачаево-Черкессии и Псебепс-3 в Краснодарском крае (ст. Варениковская) [9; 10].

К сожалению, материала для сравнения по кавказским группам очень немного, столь подробные палеодемографические исследования других авторов нам не известны. В ряде моментов в качестве сравнительного материала мы использовали палеодемографические данные исследования раннесредневекового могильника Мамисондон (Северная Осетия), однако смогли использовать только результаты, представленные в графиках [11]. Некрополь, вероятно, принадлежал аланам. Палеодемографическое исследование также аланского Змейского могильника, расположенного у северного склона Кабардино-Сунженского хребта в месте выхода Терека из Эльхотовских ворот (Северная Осетия) проведено в 2024 г. Могильник датируется X–XIII вв. Антропологическое исследование скелетов из могильника Красногорское XII из Карачаево-Черкессии было проведено в 2019 г. В 2021 г. был исследован курганный могильник Красногорское XIIб также из этого региона с близлежащей территории. Оба могильника имеют датировку – XII век. Исследования некрополя на территории объекта археологического наследия «Поселение Псебепс-3» были проведены весной 2016 г. в Крымском районе Краснодарского края. Поселение расположено на левом пойменном берегу р. Псебепс в 1,33 км к ЮЮВ от здания ж/д ст. Варениковская. Наиболее вероятно, что погребения некрополя принадлежат адыгам (черкесам). Датировка могильника – середина XIV – начало XV в. Группа из Змейского могильника наиболее многочисленна. Поэтому надо думать, что палеодемографические индексы, полученные в процессе исследования, наиболее точные. В остальных группах численность хоть и меньше, но также презентативная.

Табл. 6. Общие палеодемографические индексы групп, оставивших могильники Кошкельдинский 2, Змейский, Красногорское XII, Красногорское XIIб, Псебепс-3 / Table 6. Comparative general paleodemographic indices for the populations of Koshkeldinsky 2, Zmeisky, Krasnogorskoje XII, Krasnogorskoje XIIb, and Psebeps-3.

Индекс	Кошкельдинский 2	Змейский	Красногорское XII	Красногорское XIIб	Псебепс-3
№ (определены пол и возраст)	243 чел.	1173 чел.	285 чел.	360 чел.	381 чел.
Пик(и) смертности в группе	0–5 лет	0–5 лет	0–5 лет	0–5 лет	30–35 лет, 0–5 лет
Пик(и) смертности мужчин (15–50+)	50+ лет	50+ лет	40–45 лет, 35–40 лет	40–45 лет, 50+ лет	30–35 лет
Пик(и) смертности женщин (15–50+)	50+ лет	50+ лет, (30–35 лет)	35–40 лет, 30–35 лет	50+ лет, 30–35 лет	20–25 лет
A	16,13 лет	26,81 лет	21,38	19,13	25,7 лет
AA	36,42 лет	38,98 лет	37,00	37,17	34,5 лет
AAm	37,41 лет	40,70 лет	37,43	37,93	37,0 лет
AAf	33,39 лет	37,34 лет	37,08	36,05	32,4 лет
PCD	60,08 %	35,69%	48,07%	53,61	31,23%
PBD (0–50+)	34,16 %	13,98%	18,60%	28,61%	6,3%
PBD (0–15)	56,85 %	39,24%	38,69%	53,37%	20,17%
PBD (0–5)	63,85 %	58,33%	51,96%	62,805%	42,11%
Snatal. (0–50+)	21,00 %	6,87%	9,47%	17,22%	–
Snatal. (0–15)	34,93 %	19,28%	19,71%	32,12%	–
Snatal. (0–5)	39,23 %	28,67%	26,47%	37,805%	–
Snatal. (0–1)	61,45 %	49,14%	50,94%	60,19%	–
Dx(m) : Dx(f)	55 чел.: 42 чел.	438 чел.: 289 чел.	74 чел. : 72 чел.	100 чел. : 67 чел.	163 чел.: 86 чел.

Cm : Cf	56,70%: 43,40%	60,25%: 39,75%	50,685%: 49,315%	59,88% : 40,12%	65,46%: 34,54%
C50+	8,025 %	13,7%	6,67%	9,03%	7,09%
Cm50+	20,91 %	26,37%	10,81%	18,00%	12,27%
Cf50+	19,05 %	18,69%	15,28%	21,64%	8,14%
Cm50+(Dx50+)	58,97 %	68,14%	42,105	55,385%	74,07%
Cf50+(Dx50+)	41,03 %	31,86%	57,895%	44,615%	25,93%

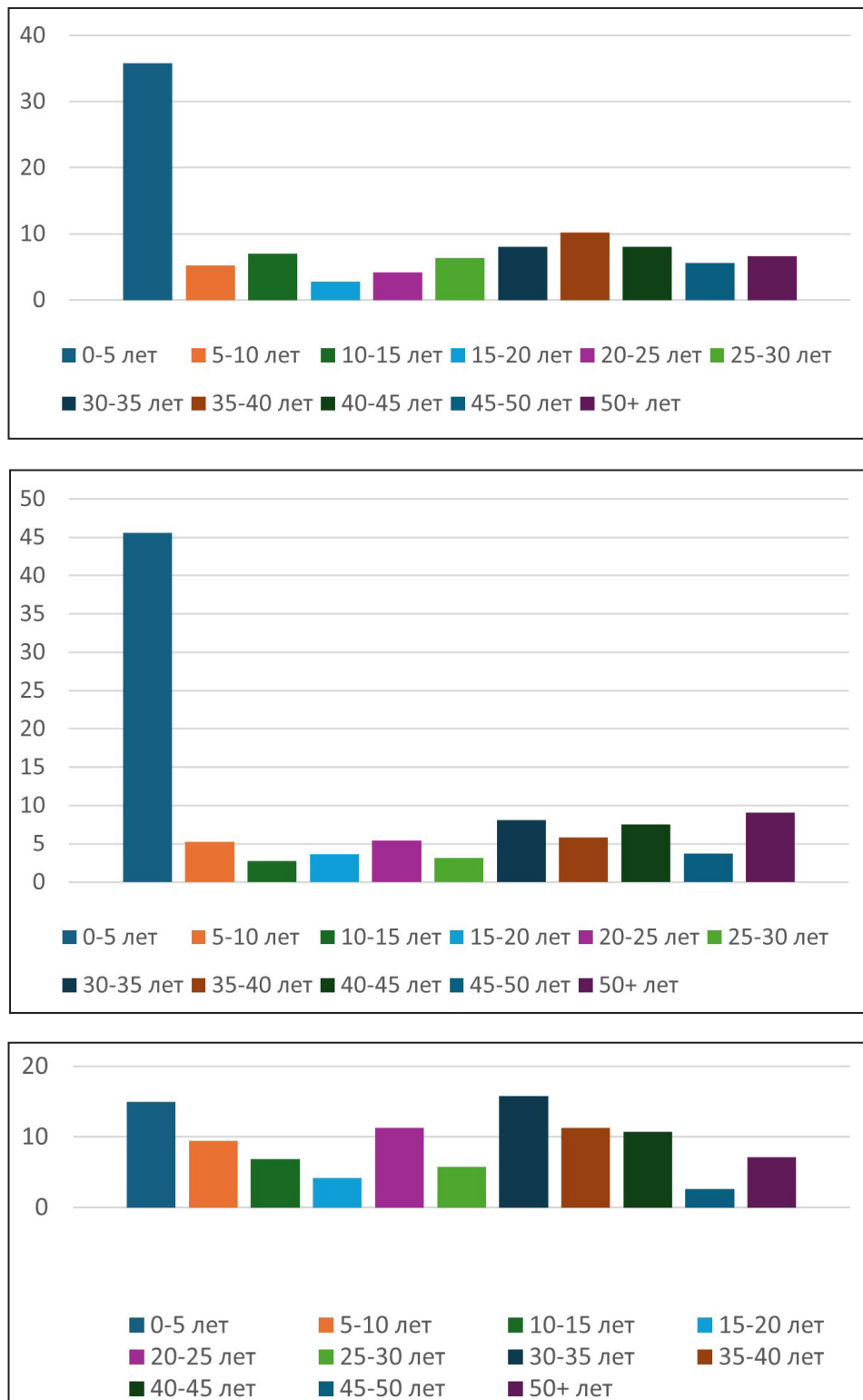

Рис. 7. Распределение по возрастным когортам индивидов из могильников Кошкельдинский 2 (а), Змейский (б), Красногорское XII (в), Красногорское XIIб (г) и Псебепс-3 (д)

Fig. 7. Distribution by age cohort of individuals from the burial grounds of Koshkeldinsky 2 (a), Zmeisky (b), Krasnogorskoye XII (c), Krasnogorskoye XIIb (d), and Psebeys-3 (e)

Картина процентного распределения индивидов по возрастным когортам в Кошкельдинской группе более похожа на картину распределения по возрастным когортам в названных группах, особенно

в группе Красногорское XIIб (рис. 7). При этом смертность в первой возрастной когорте, т.е. в возрасте до 5 лет, в Кошкельдинской группе немного выше.

Основной пик смертности в кавказских группах приходится на первую возрастную когорту 0-5 лет (рис. 7, табл. 6). В группе из Кошкельды этот показатель – наивысший (рис. 7а). В группе из Змейского могильника этот пик значительно ниже, чем в других кавказских группах. Интересно, что в группе Холм 1 из раннесредневекового некрополя Мамисондон (Северная Осетия) также пик смертности приходится на первую возрастную когорту и показатель близок к таковому Змейского могильника, но немного ниже. А в другой части группы из Мамисондона, ОЧМ (основная часть могильника), показатель смертности детей в возрастной когорте до 5 лет несравнимо меньше [11]. В группе из Псебепс-3 (Предкавказье) наблюдалось два пика смертности, но один из них – это также 0-5 лет, хотя он намного ниже, чем в других группах. Основной же пик смертности относится к периоду 45-50 лет.

Второй пик смертности, хотя и не особенно высокий, в группах из некрополей Кошкельдинский 2, Змейский и Красногорское XIIб относится к финальной возрастной когорте (50+ лет).

Пик смертности мужчин из могильника Кошкельдинского 2 и Змейского наблюдается в когорте 50+ лет, что отличает их от других групп Кавказа и Предкавказья, где основные пики смертности мужчин приходятся на 40–45 лет и 30–35 лет соответственно (табл. 6). В группах Красногорское XII и Красногорское XIIб из Карачаево-Черкессии у мужчин отмечается еще по одному пику смертности: 30–35 лет – в группе Красногорское XII и 50+ лет – в группе Красногорское XIIб, что сближает их с группами из могильника Кошкельдинский 2 и Змейской группой.

По когортам, на которые приходятся основные пики смертности женщин, могильники Кошкельдинский 2, Змейский и Красногорское XIIб абсолютно схожи, и этот пик приходится на самую старшую возрастную когорту. Группы женщин из могильников Змейский и обеих Красногорских могильников имеют еще один выраженный пик смертности – 30–35 лет. Основной же пик смертности в группе Красногорское XII приходятся на 35–40 лет, а в группе из Псебепс-3 – вообще на значительно более раннюю когорту в 20–25 лет. Таким образом, по тому, на какие возрастные когорты приходятся пики смертности мужчин, женщин и в целом группа из могильника Кошкельдинский 2 более всего сходна с группой из Змейского могильника и могильника Красногорское XIIб.

Средняя продолжительность жизни людей группы из могильника Кошкельдинский 2 очень низкая, всего 16,13 лет. Такой показатель сложился из-за высочайшей детской смертности в данной группе. Также очень малым оказался показатель средней продолжительности жизни (он же – средний возраст смерти) в группе Красногорское XIIб. В группах из Змейского могильника и могильника Псебепс-3 средний возраст смерти, наоборот, достаточно высок. Такой результат получен в том числе и благодаря представительности финальной возрастной когорты в Змейском могильнике и относительно низкой детской смертности в группе Псебепс-3.

Средний возраст смерти взрослых мужчин групп из кавказских могильников и Псебепс-3 довольно близок и составил 37,0–40,7 лет, что является хорошим показателем.

Средняя продолжительность жизни женщин из групп могильника Кошкельдинский 2 и Псебепс-3 почти сходна – соответственно 33,4 лет и 32,4 лет. Это ниже, чем в остальных группах из Северной Осетии и Карачаево-Черкессии (36–37 лет). В итоге в группах из Кошкельды и Псебепс-3 средняя продолжительность жизни взрослых индивидов оказалась несколько меньше, чем в остальных группах.

Процент детской смертности в группе из могильника Кошкельдинский 2 оказался весьма высоким – 60,09%, и выше, чем во всех остальных группах. В группах из Карачаево-Черкессии данный показатель немного ниже, но также очень высок, чтобы говорить о демографическом благополучии. В группе из могильника Красногорское XIIб показатель детской смертности составил 53,61%. В другой группе из могильника Красногорское XII, показатель значительно ниже, но все же также является высоким – 48%. В группах из Северной Осетии и Предкавказья индексы детской смертности демонстрируют, что примерно треть населения умирала в детском возрасте. Таким образом, демографическая ситуация в последних двух группах была более благоприятной.

Смертность в первый год жизни, и абсолютная, и относительная, а также смертность детей сразу после рождения, оказалась наивысшей в группе могильника Кошкельдинский 2. Несколько ниже, но также очень высокие показатели смертности детей в первый год жизни и сразу после рождения наблюдались в группе из могильника Красногорское XIIб в Карачаево-Черкессии. Наиболее благополучная ситуация в этом плане имела место в группе из могильника Псебепс-3.

Процентное соотношение мужчин и женщин во всех исследованных группах – в пользу мужчин. В группе из могильника Кошкельдинский 2 соотношение (56,7% : 43,3%) близко к соотношению по полу взрослых индивидов в группе из могильника Красногорское XIIб (59,88% : 40,12%). Следует признать, что мужчин в этих группах было намного больше, чем женщин. Однако более ненормальное соотношение в пользу мужчин мы наблюдаем в группе Змейского могильника (60,25% : 39,75%) и в группе могильника Псебепс-3 (65,5% : 34,5%). Такое неравное соотношение по полу в разных кавказских группах и группы из Предкавказья можно попытаться объяснить тем, что именно девочки очень часто умирали в детском возрасте, поскольку им могло уделяться меньше внимания и заботы, в отличие от мальчиков, которым в будущем предстояло стать основными тружениками и кормильцами в семьях. Подобное предположение мы встречаем и в других работах. Исследование Н.Я. Березиной частот встречаемости маркеров физиологического стресса у мужчин и женщин по данным раннесредневекового могильника Мамисондон свидетельствовало о неблагоприятных условиях роста и развития женской части населения. Автор не исключает, что это могло быть следствием разных социальных условий для роста и развития мальчиков и девочек [11].

Представительность финальной возрастной когорты группы из могильника Кошкельдинский 2 не очень высока в целом, несмотря на то, что примерно 1/5 часть взрослых мужчин и взрослых женщин группы умерли в возрасте старше 50 лет. Следует отметить, что наивысшая представительность самой старшей возрастной когорты наблюдается в группе из Змейского могильника – 13,7%, что указывает на относительное демографическое благополучие именно этой группы. Интересно, что в раннесредневековых группах из Мамисондона представительность финальной возрастной когорты минимальна в сравнении с другими группами Северного Кавказа [11]. Почти во всех исследованных группах Северного Кавказа и Предкавказья (кроме Красногорское XII) основной массив пожилых людей старше 50 лет составляли мужчины.

Палеодемографическое исследование серии из могильника Кошкельдинский 2 и сравнительный анализ с показателями палеодемографии групп Змейского могильника, Красногорское XII, Красногорское XIIб и Псебепс-3 позволил сделать следующие выводы.

Выводы

1. Пик смертности в группе из могильника Кошкельдинский 2 приходится на первую возрастную когорту 0–5 лет, также, как и во всех кавказских группах средневекового времени. Показатель смертности в этой когорте в группе – очень высок и больше, чем в других группах. Пик смертности взрослых мужчин и женщин приходится на финальную возрастную когорту 50+ лет. По показателям пика смертности в группе в целом, пикам смертности мужчин и женщин группа из могильника Кошкельдинский 2 более всего сходна с группами из Змейского могильника (Северная Осетия) и могильника Красногорское XIIб (Карачаево-Черкессия).

2. Средняя продолжительность жизни в группе из могильника Кошкельдинский 2 очень низка (16,13 лет), что, вероятно, указывает на демографическое неблагополучие в группе и как итог ее исчезновение. В этом плане группа из могильника Кошкельдинский 2 ближе всего из исследованных групп оказалась к группе могильника Красногорское XIIб (Карачаево-Черкессия).

3. Процент детской смертности в группе из могильника Кошкельдинский 2 (60,09%) оказался самым высоким среди исследованных групп. Причем треть детей умирала, будучи новорожденными. Показатель детской смертности указывает на неблагоприятные социальные, экономические, экологические и, возможно, иные условия жизни людей в этой группе. Ближе всего по данному показателю группа из Кошкельды оказалась к группе могильника Красногорское XIIб (Карачаево-Черкессия).

4. Взрослых мужчин в группе было примерно на 13% больше, чем женщин. Во всех исследованных группах в той или иной степени мужчин было больше, чем женщин.

5. Финальная возрастная когорта (50+ лет) в группе из могильника Кошкельдинский 2 не столь представительна, в отличие, например, от группы из Змейского могильника. Большинство финальной возрастной группы составили мужчины. При этом у взрослых мужчин и женщин в этой возрастной когорте наблюдается пик смертности, также как и в группах из Змейского могильника, и могильника Красногорское XIIб.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Angel J.L. The bases of paleodemography // *American Journal of Physical Anthropology*. 1969. № 30. Pp. 427–438.
2. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. М.: Наука, 1964, 128 с.
3. Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966, 249 с.
4. Добряк В.И. Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев: Гос. мед. изд-во, 1960, 192 с.
5. Никитюк Б.А. Определение возраста человека по скелету и зубам // *Вопросы антропологии*, 1960. Т. 3. С. 118–129.
6. Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. Москва, 1963, 153 с.
7. Ubelaker D.H. *Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation*. Chicago: Adline publishing company, 1978. – 172 p.
8. Богатенков Д.В. Палеодемография Мистихали // Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Власти. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М., 2003. С. 19–49.
9. Боруцкая С.Б., Васильев С.В., Фризен С.Ю. Палеодемография средневековых селений Карачаево-Черкессии на примере могильников Красногорское XII и Красногорское XIIб // *История, археология и этнография Кавказа*. 2024. Т. 20. № 1. С. 127–138.
10. Боруцкая С.Б., Васильев С.В. Палеодемографическое исследование некрополя Псебепс-3 Краснодарского края // *Вестник антропологии*. 2023. № 3. С. 354–364.
11. Березина Н.Я. Демографические особенности ранне-средневекового населения Северной Осетии (по материалам могильника Мамисондон) // *Вестник Московского университета*. Серия XXIII. Антропология. 2010. № 4. С. 82–87.

Received 12.04.2025
 Accepted 23.06.2025
 Published 15.03.2026

REFERENCES

1. Angel J.L. The bases of paleodemography. *American Journal of Physical Anthropology*. 1969; 30: 427-438.
2. Alekseev V.P., Debets G.F. *Craniometry*. Moscow: Nauka, 1964. (In Russ)
3. Alekseev V.P. *Osteometry. Methodology of anthropological research*. Moscow: Nauka, 1966. (In Russ)
4. Dobryak V.I. *Forensic medical examination of a skeletonized corpse*. Kiev: Gosmed Publ., 1960. (In Russ)
5. Nikityuk B.A. Determination of human age by skeleton and teeth. *Voprosy Antropologii*. 1960; 3: 118-129. (In Russ)
6. Pashkova V.I. *Essays on forensic medical osteology*. Moscow, 1963. (In Russ)
7. Ubelaker D.H. *Human skeletal remains: excavation, analysis, interpretation*. Chicago: Adline Publ. Co., 1978.
8. Bogatenkov D.V. Paleodemography of Mistikhali. *Alekseeva T.I., Bogatenkov D.V., Lebedinskaya G.V. Vlaxhs. Anthropo-ecological research (based on materials from the medieval necropolis of Mistikhali)*. Moscow, 2003: 19-49.
9. Borutskaya S.B., Vasiliev S.V., Frizen S.Yu. Paleodemography of medieval settlements of Karachay-Cherkessia on the example of burial grounds Krasnogorskoe XII and Krasnogorskoe XIIb. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024; 20(1): 127-138. (In Russ)
10. Borutskaya S.B., Vasiliev S.V. Paleodemographic study of the Psebeps-3 necropolis of the Krasnodar Territory. *Herald of Anthropology*. 2023; 3: 354-364.
11. Berezina N.Ya. *Demographic features of the early medieval population of North Ossetia (based on materials from the Mamisondon burial ground)*. Moscow University Anthropology Bulletin. 2010; 4: 82-87.

Поступила в редакцию 12.04.2025
 Принята в печать 23.06.2025
 Опубликована 15.03.2026

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH221176-185>

Исследовательская статья

Хапизов Шахбан Магомедович
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
markozul@mail.ru

Шехмагомедов Магомед Гаджиевич
научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
shehmagomedov@mail.ru

РОЛЬ ДЖУМА-МЕЧЕТИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ АВАРЦЕВ НАГОРНОГО ДАГЕСТАНА

Аннотация. Особенности поселенческой структуры Нагорного Дагестана до XIV в. заключались в превалировании мелких, часто одноступенчатых населенных пунктов. В ходе проходившего в XIV–XV вв. процесса укрупнения населенных пунктов, путем объединения нескольких близко расположенных, в большей части Нагорного Дагестана сформировались крупные поселения соседского типа. Причем согласно устной традиции, большую роль в этом процессе сыграло условие, при котором для совершения пятничной молитвы необходимо наличие 40 взрослых мужчин, знающих основы ислама. То есть джума-мечеть становилась центром притяжения для микрорегиона и вокруг неё формировалась соседская община. Однако в высокогорной части Нагорного Дагестана эти процессы укрупнения населенных пунктов столкнулись с отсутствием земельных ресурсов и прежде всего пахотных земель, способных прокормить население сколь-нибудь крупного населенного пункта. Имеющиеся пахотные земли были разбросаны на большой территории мелкими наделами и для их обработки приходилось бы каждый день преодолевать большие расстояния, что снижало уровень эффективности использования трудовых и земельных ресурсов. Выход был найден в сохранении прежней поселенческой структуры, но с определением одного из мелких населенных пунктов как места строительства джума-мечети. При этом населенный пункт или место расположения джума-мечети называлось селением (*росу*) или местом сбора (*корт*), даже если населенный пункт не являлся самым крупным или материнским поселением, от которого «отпочковались» прочие населенные пункты. Таким образом, джума-мечеть стала ключевым признаком, отличающим селение от населенного пункта меньшего порядка. Как селение и деревня в средневековой Руси отличались наличием или отсутствием церкви и погоста, так и аварские *росу* («селение») и *кули* («хутор, отселок») отличались наличием или отсутствием джума-мечети и кладбища. При этом, главным определяющим фактором являлось наличие джума-мечети, поскольку в некоторые сложные зимние периоды разрешалось хоронить на отдаленных отселках и хуторах, но устраивать там джума-мечеть запрещалось категорически.

Ключевые слова: селение; отселок; хутор; мечеть; кладбище; Нагорный Дагестан; аварцы; ислам

Для цитирования: Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г. Роль джума-мечети в формировании поселенческой структуры аварцев Нагорного Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2026. 22. No 1. С. 176-185. doi.org/10.32653/CH221176-185

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH221176-185>

Research paper

Shakhban M. Khapizov
Cand. Sci., Senior Researcher
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
markozul@mail.ru

Magomed G. Shekhmagomedov
Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
shehmagomedov@mail.ru

THE ROLE OF THE JUMA MOSQUE IN SHAPING THE SETTLEMENT STRUCTURE OF AVARS IN MOUNTAINOUS DAGESTAN

Abstract. The settlement structure of Mountainous Dagestan prior to the 14th century was characterized by a prevalence of small, often single-clan (tukhum) settlements. During the 14th and 15th centuries, a process of consolidation took place: several closely situated hamlets would merge to form large, neighbor-based communities. Oral tradition suggests that a primary driver of this process was the religious requirement for the Friday prayer, which necessitates the presence of at least 40 adult men knowledgeable in the fundamentals of Islam. Consequently, the Juma mosque became a center of gravity for the micro-region, around which a neighbor-based community would coalesce. However, in the high-altitude regions of Mountainous Dagestan, these consolidation processes were hindered by a lack of land resources – specifically arable land capable of sustaining large populations. Since available plots were scattered across vast territories, centralized living would have required traveling long distances daily, reducing the efficiency of labor and land use. The solution was found by maintaining the existing dispersed settlement structure while designating one small settlement as the site for the Juma mosque. This location was termed *rosu* (village) or *kort* (gathering place), even if it was not the largest or the “mother” settlement from which others had branched out. Thus, the Juma mosque became the defining feature distinguishing a primary village from a lower-order settlement. Just as the presence of a church and graveyard distinguished a *selo* (village) from a *derevnya* (hamlet) in medieval Russia, the Avar *rosu* (village) was distinguished from the *kuli* (farmstead/outlying settlement) by the presence of a Juma mosque and a cemetery. Ultimately, the mosque remained the definitive factor: while burials were occasionally permitted at remote farmsteads during harsh winters, the establishment of a Juma mosque there was strictly prohibited.

Keywords: village; outlying settlement; farmstead; mosque; cemetery; Mountainous Dagestan; Avars; Islam

For citation: Khapizov Sh.M., Shekhmagomedov M.G. The role of Juma mosques in the formation of Avar settlement patterns in Highland Dagestan. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 1 P. 176-185. doi.org/10.32653/CH221176-185

Введение

Цель данного исследования – определение роли джума-мечети в формировании поселенческой структуры населения Нагорного Дагестана. Авторы хотели выяснить насколько сама мечеть и исламские общественные институты в целом повлияли на особенности расселения в исследуемых нами районах, расположенных в самой отдаленной части Дагестана, примыкающей к Главному Кавказскому хребту.

По своей сути джума-мечеть является важнейшим общественным институтом, призванным собирать, наставлять и по возможности управлять объединяемым ей джамаатом. Об этом же говорит и название джума, однокоренное с арабским словом джамаат («общество»). Впрочем, нельзя сказать, что это исключительно прерогатива исламской системы общественного устройства. Таково же по своей семантике греческое слово *эклесиа* («церковь» и «собрание»), проникшее в аварский язык посредством грузинского в форме *килиса*.

Таким образом, в самом предназначении джума-мечети заложена та доминирующая роль, которую она призвана играть в жизни мусульманского общества. Однако в условиях Нагорного Дагестана распространение ислама, а тем более – всех его устоев, начиная от пятничной молитвы и до внедрения шариата в правовую культуру населения, являлось процессом сложным, занявшим много веков. Если принятие ислама в качестве государственной религии в Аварском нуцальстве можно датировать 1302 г., то его распространение по всему ареалу расселения аварцев завершилось лишь в XVIII в. Правда к концу XV в. этот процесс был завершен везде кроме Цунты, но даже в этих регионах процесс распространения всех норм ислама занимал несколько веков.

Основная часть

Исторический экскурс показывает, что внедрение исламских общественных институтов в повседневную жизнь населения Нагорного Дагестана, важнейшим из которых является мечеть, не происходило одномоментно, а было сопряжено со значительными сложностями и даже сопротивлением населения, неизбежно консервативного в горных условиях. Помещения для коллективных молитв, а тем более джума-мечети, не были построены сразу же после принятия ислама. Где-то, конечно, этот процесс протекал быстро путем преобразования церкви в мечеть, причем даже с сохранением по сей день в её стенах камней с грузино-графическими надписями (Хунзах, Урада). В других же населенных пунктах культовых сооружений либо не было, либо же сами населенные пункты начали появляться после принятия ислама. Последний пример, по преданиям, характерен для одной из самых крупных аварских сельских общин – Чоха. Это селение якобы возникло путем объединения более десятка мелких населенных пунктов вокруг одного из таковых поселений под руководством шейха Абумуслима, похороненного в Хунзахе (ум. 1312/13). При этом, наряду с необходимостью организации обороны, предания нередко сообщают о влиянии еще одного фактора. Речь о предписании ислама совершать пятничную молитву в джума-мечети и необходимого условия – наличие 40 мужчин, знающих азы совершения данной молитвы. К примеру, в Карахском ущелье нами были зафиксированы предания о том, что селения Сачада и Цулда якобы были сформированы вокруг существовавших тухумных поселений путем объединения нескольких соседних мелких населенных пунктов. Селение Сачада образовалось путем объединения тухумных поселений Сачада, Гариб и Калух, при принятии карахцами ислама (это произошло в 1475/76 году), по требованию газиев, дабы в объединенном селении собиралось достаточное для совершения пятничного намаза количество мужчин, т.е. 40 человек. Так же и селение Цулда образовалось после принятия ислама в одном месте, хотя часть жителей жила по своим прежним хуторам, но в пятницу все равно собирались в мечети Цулды, а постепенно все построили дома в центральном селении [1, с. 256, 278–279].

Необходимо обратиться к вопросу о характере расселения аварцев Нагорного Дагестана вплоть до XIV в. Как следует из результатов исследований дагестанских археологов, этнографов и историков, в этот период дисперсный тип горного расселения был преобладающим. *Тухумы* (родовые общности)

селились территориально обособленно, как правило в мелких тухумных (родовых) поселениях. Современные исследования свидетельствуют, что активизация процесса синойклизма в Дагестане, выразившаяся в консолидации однотухумных поселений в крупные многотухумные общины, хронологически относится преимущественно к XIII–XV вв. [2, с. 88].

Указанные процессы, совпав с началом исламизации Нагорного Дагестана (XIII–XVIII вв.), повлекли крупные изменения в структуре расселения и имели следствием резкое укрупнение селений. Анализ исторических процессов в Дагестане позволяет утверждать, что формирование крупных поселений было обусловлено необходимостью обеспечения коллективной безопасности в условиях постоянных внешних угроз и внутренних конфликтов. Данный процесс сопровождался депопуляцией множества мелких однородных поселений, жители которых переселялись (в ряде случаев, вероятно, принудительно) в укрупняющиеся поселения. Миграционные процессы происходили с сохранением родовой структуры: представители отдельных тухумов, как правило, селились компактными группами – либо образуя самостоятельные поселения, либо формируя отдельные кварталы («авалы») в составе крупных аулов. Примечательно, что новые кварталы часто сохраняли топонимы покинутых поселений. Ярким примером такой социотерриториальной трансформации являются крупнейшие поселения Андалала (Гунибского района) – Ругуджа и Чох [3, с. 593].

Однако следует учитывать, что данный процесс не носил универсального характера для всей территории Дагестана и мог проявляться хронологически неравномерно. Ряд исследователей обоснованно датируют формирование первых многотухумных поселений в отдельных регионах изучаемой территории периодом Раннего Средневековья, а в некоторых случаях – даже первыми веками нашей эры [2, с. 88].

Таким образом, большинство крупных аварских селений образовалось в средневековый период (в основном XIII–XV вв.) и стало следствием объединения ряда близко расположенных, т.н. тухумных поселений. По факту, они являлись населенными пунктами, заселенными одной родственной группой, по-аварски называемой *кьибил*¹, хотя в целом по Дагестану распространен термин *тухум*. По преданиям, во время *Балъил заман* [4, с. 406] («время господства общинного права»; общеисламский термин *адат* имеет в аварском языке аналог – *балъ*), то есть еще до утверждения в горах шариата, что датируется рубежом XVII–XVIII вв., в Аварии уже прошел процесс синойклизма, т.е. объединения этих мелких тухумных поселений в единые крупные селения. Эти бывшие тухумные поселения превратились в последующем хутора, которые несмотря на то, что прошло уже не менее пяти веков со времени объединения селений, принадлежали в подавляющем большинстве случаев потомкам покинувших его жителей. В качестве основной причины называется необходимость совместной обороны, что может связываться со временем внутренней междоусобицы после развала крупного централизованного государства – царства Сарир (оно же – Аварское нуцальство) в конце XIV в.

Эти процессы синойклизма, то есть своего рода урбанизации – объединения ряда мелких населенных пунктов в более крупные практически обошли стороной высокогорную часть Аварии, прилегающую к Главному Кавказскому хребту (прежде всего, Анкратль, Цунта, Анцратль, то есть территорию Цунтинского, Тлярятинского, Чародинского районов и Бежтинского участка). Населенные пункты здесь всегда отличались малыми размерами, что объясняется мелкоконтурностью сельхозугодий в этой части Нагорного Дагестана. То есть малые размеры участков, пригодных для земледелия и их удаленность друг от друга, вынуждали местное население проживать в мелких населенных пунктах, поскольку жители в первую очередь были привязаны к пахотным землям, а не пастбищам, которые могут быть на некотором отдалении от селений. Ш. Михайлов правильно отмечает, что это связано с природно-географическими условиями: «Видимо, здесь никогда не было и не могло быть крупных населенных пунктов. Этому препятствовали географические особенности местности: северные отроги Главного Кавказского хребта в большинстве покрыты девственными лесами или высокогорными альпийскими лугами. Населенные пункты ютятся обычно на солнечных склонах и в маленьких долинах бурных горных рек» [5, с. 51].

Проведенные во второй половине XX в. исследования показали, что наименьшие размеры населенных пунктов в Дагестане характерны для высокогорной части Нагорного Дагестана. По результатам переписей населения 1959 и 1979 годов, среднее горное селение насчитывало 421 чел. в 1979 г. против

¹ «Кьибил (по-русски произносится как тлибил) – аварское наименование широкой группы населения, связанной родством, помнящей об этом и руководствующейся им в своей деятельности, синоним термина тухум» [4, с. 413].

364 чел. в 1959 г. Причем в высокогорных районах эти цифры явно ниже (270 и 276 чел.), зато в горных районах Южного Дагестана средний размер аула в 1979 г. перешагнул в разряд «средних» (536 чел. против 481 чел.). Средними являются также и селения в северных равнинных (578 чел.) и южных предгорных (640 чел.) районах [3, с. 547].

Влияние природно-географических условий на особенности освоения различных территорий человеком носило определяющий характер и превалировало над прочими факторами. Следовательно, реконструируемая дагестанскими этнографами на богатом полевом материале и письменных источниках поселенческая структура и процесс её эволюции нуждается в существенном дополнении. Имевшие место в XIV–XV вв. во всем Нагорном Дагестане процессы укрупнения населенных пунктов и формирования крупных поселений соседского типа почти не затронули высокогорную часть Нагорного Дагестана с их мелкоконтурностью сельхозугодий и прежде всего – земель, пригодных для распахивания. Именно природные условия стали препятствием для протекания здесь общих для всей горной части Дагестана процессов синойкизма.

В этих условиях, когда жители зачастую были расселены по мелким населенным пунктам размерами по 10–30 дворов, совершение пятничной молитвы с соблюдением всех условий становилось сложной задачей. Эти обстоятельства потребовали подключения ученых – богословов Дагестана, специализирующихся на изучении исламского права. Нам удалось выявить в частной рукописной коллекции интересный арабоязычный источник, посвященный данной проблеме. Это фетва ученого Дамадана ал-Мухи (ум. 1726) выданная в ответ на вопрос другого ученого, являвшегося учеником Мухаммада ал-Кудуки (ум. 1717). Он же был учителем и самого Дамадана, то есть вопрос задавал его хороший знакомый, с которым они, возможно, даже вместе учились. Очевидно, что решение Мухаммада ал-Кудуки было вынесено в конце XVII в., поскольку последние годы жизни оба ученых провели за пределами Дагестана и похоронены там же (Мухаммад ал-Кудуки в сирийском городе Алеппо (Халеб), а Дамадан ал-Мухи на окраине азербайджанского города Гянджа). Приводим перевод текста вопроса неизвестного ученого и ответа – фетвы Дамадана ал-Мухи (Илл. 1):

«Наш шейх, имам ал-Кудуки вынес фетву о допустимости совершать пятничную молитву (ал-джуму'а) в селах Каралал² и Тлебелал³, даже если эти села будут маленькими, что делается для того, чтобы таким показать, что там исповедуется мусульманская вера и совершаются обряды религии. После этого я просмотрел наиболее авторитетные труды по мазхабу [имама] аш-Шафи'и и пришел к выводу, что преобладающим является мнение о дозволенности совершения пятничной молитвы в селах, даже если они будут небольшими (мелкими). Суть моей фетвы заключается в том, что порой не всякое достоверное бывает явным (общеизвестным). То есть, другими словами, это можно объяснить следующим образом: не каждый известный хадис является достоверным. В целом кто-то из ученых отдает предпочтение мнению, согласно которому наличие сорока молящихся является обязательным условием для совершения пятничной молитвы на основе имеющихся у них доводов. Также как есть и те, кто считает это условие не обязательным, при этом они также ссылаются на свои доводы. Однако мы не станем отдавать предпочтение ни одному из этих мнений, так как на самом деле у нас нет на то права⁴, и мы будем следовать в этом вопросе за тем, кого пожелаем, ведь и в разногласиях между учеными кроется милость для правозверных.

Ответ. Вся хвала принадлежит Всевышнему Аллаху, господу [обитателей] миров. Что касается пятничной молитвы, то от основателя шарии⁵ не передается точного (определенного) количества, необходимого для совершения пятничной молитвы, из-за чего среди ученых произошли разногласия по этому поводу. В итоге они разделились на семнадцать мнений. Все же ни у кого из них нет довода, которое бы удовлетворяло наши сердца. Имам ал-Касталани⁶ в «ал-Мувахибе»⁷, следуя за своим шайхом Ибн Хаджаром ал-'Аскалани⁸, пишет следующее: «Наиболее достоверным (ал-асахх) является мнение, согласно которому для совершения пятничной молитвы требуется определенное

2 Аварцы подразумевают под этим этнонимом Къаралал жителей Анцратля, то есть Чародинского района.

3 Аварцы подразумевают под этим этнонимом Лъебелал жителей Анцратля, то есть Тляринского района.

4 Имеется в виду – отсутствие достаточной компетенции.

5 То есть – пророка Мухаммада (ум. 632).

6 Ахмад ибн Мухаммад ал-Касталани (1448–1517) – известный арабский ученый, специализировавшийся на хадисоведении и исламском праве.

7 Сочинение «ал-Мувахиб ал-ладунийа би ал-мина ал-Мухаммадийа».

8 Шихабуддин ал-Аскалани, более известный как Ибн Хаджар ас-Аскалани (1372–1449) – исламский ученый-богослов, специалист по исламскому праву на основе шафиитского мазхаба, хадисовед и историк.

количество молящихся». Что касается совершения обеденной молитвы после пятничной, то оно является безосновательным, так как нам предписано совершение лишь пяти обязательных молитв. Что касается совершения двадцати ракаатов молитвы таравих, то это тоже является безосновательным, так как от пророка, да благословит его Аллах и приветствует, не передается что-либо подобное. От 'Аиши⁹, да будет доволен ею Аллах, передается, что пророк, да благословит его Аллах и приветствует, не совершал более одиннадцати ракаатов ни во время месяца рамадан, ни вне его. И при совершении этой молитвы следует сделать намерение совершить желательную молитву (нафл) или же витр. Аллах знает лучше. Дамадан ал-Мухи».

Видимо, по мере того как ислам все глубже проникал во все сферы жизни местного населения, в малоллюдных поселениях жители сталкивались с определёнными трудностями при совершении пятничной молитвы, а именно соответствием шариату, требующим присутствия на ней 40 совершеннолетних мужчин, знающих основы ислама. В высокогорной части Дагестана это требование в большинстве населенных пунктов было невыполнимо, что вынуждало их в поисках разрешения этого вопроса обращаться к дагестанским ученым – богословам, которые пытались находить компромиссные решения в сложившихся реалиях.

Несмотря на вынесенное Мухаммадом ал-Кудуки решение, мы зафиксировали в ряде замкнутых ущелий Анкратля устную традицию, согласно которой население нескольких мелких населенных пунктов собиралось для совершения пятничной молитвы в джума-мечети, построенной не в крупном, материнском селении, а в относительно наиболее удобном с точки зрения логистики месте. Это место не обязательно даже было строго привязано к населенному пункту. К примеру, в ущелье Томсода имеется 9 населенных пунктов (Светль, Кишдатль, Тланиб, Чарах, Ицда, Сабда, Микдатль, Кверсатль, Хиндах), где в 1860-х годах были 114 дворов и проживали 464 жителя [6, с. 67]. Они объединялись в единое общество, жители которого в пятницу собирались для совершения молитвы в джума-мечети, построенной между селениями Чарах и Сабда, то есть в географическом центре ущелья, куда удобно добираться всем его жителям. В соседнем Анцухском ущелье жители нескольких соседних населенных пунктов, объединенных в общину Тох, собирались в джума-мечети, построенной в местности Кортан (авар. – «на месте сбора общины»). Соседнее общество Кособ состояло из 4 населенных пунктов: Магитль (20 дворов, 76 жителей), Орта (19 дворов, 77 жителей), Росноб (12 дворов, 47 жителей), Гидатль (10 дворов, 41 житель). Всего в 1860-х годах здесь насчитывался 61 двор и 241 житель [6, с. 66–67]. Они также собирались в одной джума-мечети, расположенной в Росноб.

На наш взгляд, что зафиксированная нами ситуация в Томсоде, Кособе и других замкнутых природными рубежами (горные хребты, ледники, бурные реки) общинах, состоявших из нескольких мелких населенных пунктов, была характерна для всего Нагорного Дагестана на начальных этапах синойкизма. То есть сначала джума-мечеть, как и в прошлом церковь, строилась одна на целый «куст» небольших населенных пунктов. В дальнейшем, при возможности, эти часто однострумные населенные пункты начинали объединяться в единые относительно крупные поселения соседского типа. Такие условия были в центральной части Нагорного Дагестана – на Хунзахском плато, в Андалале, Гидатле и других регионах с относительно крупными земельными массивами, подходящими для освоения под пашни. В других же районах, прилегающих к Главному Кавказскому хребту, таких условий не имелось, что вынуждало их жителей объединяться для совершения пятничной молитвы в один из населенных пунктов, который получал название *росу* («селение») или же в местность, которая получала название *кортан*, *руккел/ругьел* («годекан», «место сбора»). К примеру, в группе населенных пунктов Тох или в Томсодинском ущелье места, где были построены джума-мечети, носят названия *кортан* («в месте сбора»), которые образованы от термина *корт*, который в некоторых южных диалектах аварского языка служит синонимом общеаварского слова *годекан*. В аварском языке термин *руккел* обозначает «народное собрание», а в некоторых южных диалектах употребляется также слово *ругьел* со значением – «место сбора». От него образовались названия относительно крупных населенных пунктов *Ругьелда* в Келебском ущелье и *Ругьжаб* в левобережной части Андалала, служивших точками притяжения в своих микрорегионах.

Еще более характерно употребление термина *росу/росо* к населенным пунктам, отличие которых от соседних состояло только в том, что там находилась джума-мечеть, хотя размерами они могли быть

9 'Аиша, жена пророка Мухаммада (ум. 678) – один из важных источников хадисов.

даже меньше. К примеру, Кособская община, о которой мы упомянули выше, состояла из 4 населенных пунктов. Один из них называется Росноб (авар. *Росноб* – «в селении»), хотя по размерам он занимает третье место. Другие же населенные пункты носят названия с прозрачной семантикой: Магитль (авар. *Магъиль* – «в пашнях»), Гидатль (авар. *Гъидаль* – «в урожайном/зерновом [месте]») и Орта (авар. *ГортIа* – «на реке»). В Тлебелском союзе селений, состоявшем из 7 селений, одно из наиболее мелких называется Росноб («в селении»). По преданиям, прежде здесь находилась джума-мечеть для соседних населенных пунктов. Такая же ситуация в Куядинской котловине, где имелось несколько десятков мелких населенных пунктов, однако «*кадий, сельское управление и главная мечеть, в которую должны по пятницам собираться жители со всех отселков, находятся*» на одном из хуторов, который «*поэтому и называется Росо, т.е. селение*» [6, с. 55]. Этот, далеко не самый полный набор характерных примеров свидетельствует об однозначной связи аварского слова *росу* («селение») с обозначением места сбора для определенного микрорегиона. В этой связи обращает на себя внимание термин корень глагола *русс-изе* «обратиться к чему-либо, собраться вокруг кого-либо». То есть изначально, термином *росу* обозначалось не самое крупное поселение, а именно тот населенный пункт, где для проведения общественных мероприятий, празднеств, культовых обрядов собиралось население окрестностей. При наличии условий для расширения, в эти населенные пункты сселялись жители мелких тухумных поселений, как это произошло в подавляющем большинстве микрорегионов Нагорного Дагестана. Однако, при отсутствии необходимых размеров сельхозугодий вокруг таких мест сбора, размеры их не менялись, но сохранялось функциональное их назначение.

После завершения процесса синойкизма в большей части Нагорного Дагестана население было сосредоточено в населенных пунктах трех видов: селение, отселок и хутор. Селение отличалось многодворностью, отражающей скученность расселения, полным суверенитетом над всем фондом общинных земельных угодий, крепкой сельской территориальной общиной (генетически, с XI–XIV вв. территориально-родственная), кварталами с пережитками родственного расселения, обязательным наличием места для сельского схода, исключительным правом на возведение джума-мечети и устройство сельского кладбища. После завершения процесса синойкизма, в силу увеличения населения в укрупненных поселениях соседского типа, в XVII–XVIII вв. активно протекал процесс образования отселков. Отселок отличали: малодворность, разбросанное, с элементами скученности, расселение, субобщина с ограниченными правами, определенная ограниченность земельных угодий (т.к. их не выделила материнская община), наличие мечети, отсутствие общего сельского схода, джума-мечети и кладбища. Хутор же подразумевал наличие у него хозяйственно-поселенческих функций, а отличали его: однодворность, разбросанное расселение, отсутствие общины, места для схода, мечети, кладбища [7, с. 214].

Теоретическая разработанность этой темы, основанная на богатом полевым материале – заслуга прежде всего дагестанского этнографа М.-З. Османова, но вместе с тем поселенческая культура становилась объектом исследования и других его коллег – М.А. Агларова, А. И.Исламмагомедова, С.С. Агашириновой, А.Г. Булатовой [об этом см.: 8, с. 6–19].

М. Османов дает довольно четкие критерии, позволяющие отличить, на его взгляд, селение – *росу* – от отселков и хуторов. Следует отметить, что в дагестанских языках отселок и хутор не имеют четкого названия. «В их обозначении, – пишет М. Османов, – наблюдается смешение терминов «кули» и «махьи». Но и сквозь это смешение видно, что единый ряд трех видов существовал у всех народов Дагестана» [8, с. 13]. Обязательным признаком *росу* (названного им «аул») является наличие крепкой сельской территориальной общины. «*В ауле с такой полнокровной общественной жизнью большое место должны были занимать общественные места. Прежде всего это место сельского схода, затем соборная мечеть (Джума-мечеть), свойственная именно аулу (настолько, что может служить отличительным признаком для аула по сравнению с махьи и отселком). Другой четкий признак аула – сельское кладбище; в отселке или махьи заводить кладбище не разрешалось, что связано, возможно, со стремлением «аула» гасить центробежные тенденции (что угрожало потерей людского, военного и экономического потенциала) привязыванием к могилам предков*» [8, с. 12].

Одной из главных связующих нитей между материнским селением и его отселками можно назвать то, что «*в большие праздники, во время уразы и по пятницам все мужчины обязаны собираться*» в мечети главного селения [6, с. 72–73]. К примеру, «*у селения Гаквари в 1869 году зафиксировано 9 хуторов, в которых имеется постоянное население, которое каждую пятницу обязаны собираться*

в сельскую мечеть» [6, с. 43]. Жители хуторов Тинди также большую часть года живут там, но имеют дома также в селении, «куда обязаны собираться по пятницам» [6, с. 45]. Населенные пункты Тунзиб, Дарада, Мурада, Харада, Хвартикуни по сведениям на 1869 год «состоят из многих отдельных поселков, имеющих общие названия. Считаются переселенцами из Андалалского селения Кудали. Главная мечеть и кадий находятся в Дараде. Известны под общим именем Дарада-мурада» [6, с. 56]. Шесть отселков селения Арчиб также являлись еще в 1860-х годах стационарными поселениями, в которых имелось постоянное население. «В большие праздники, во время Уразы и по пятницам, все мужчины обязаны собираться в арчинскую мечеть» [6, с. 73].

В этом ключе верно наблюдение касательно роли джума-мечети Ю.Ю. Карпова: «воспринимаемая преимущественно как культовое здание, мечеть в горных районах Дагестана выполняла и особо значимые в условиях традиционного быта функции общественного центра. В этом своем качестве она выступала как самостоятельно, так и в непосредственной взаимосвязи с годеканом (центральной площадью селения, располагавшейся, как правило, возле мечети). Последний являлся местом проведения общинных собраний, правом представительства на которых обладали лишь взрослые мужчины» [9, с. 43].

Выводы

По итогам нашего исследования мы можем сделать несколько ключевых выводов, которые мы стараемся изложить в развернутом виде.

Во-первых, следует отметить, что нормы ислама сыграли в некоторых случаях роль драйвера синойкизма. То есть, требование совершения пятничной молитвы (джума) в присутствии 40 мужчин выступило в отдельных микрорегионах катализатором объединения разрозненных тухумных поселений в крупные многотухумные селения. Это был не побочный, а зачастую целевой фактор укрупнения, наряду с необходимостью обороны.

Во-вторых, джума-мечеть, наряду с кладбищем, сыграла ключевую роль в формировании своего рода иерархии поселений. То есть, джума-мечеть стала ключевым критерием, отличавшим главное селение (*росу*) от отселка и хутора. Только *росу* обладало правом иметь джума-мечеть и общественное кладбище, что юридически и символически закрепляло его доминирующий статус в общине.

В-третьих, следует отметить адаптацию данного религиозного института к сложным географическим и историческим условиям. То есть, обозначенная нами модель не носила характер догмы, а была гибкой. В высокогорных районах с мелкими земельными участками (Анкратль, Анцратль, Цунта), где физическое объединение в крупные села было невозможно, возникла уникальная модель: джума-мечеть строилась в нейтральной, географически удобной точке (место сбора — *кортан*, *руккел*), куда на пятничную молитву стекались жители нескольких мелких поселений. Это доказывает, что функция мечети как центра консолидации была первичнее ее привязки к крупнейшему поселению.

В-четвертых, топонимия (Росноб — «в селении», Кортан — «место сбора») убедительно доказывает, что термин *росу* изначально означал не просто крупное поселение, а именно точку притяжения и сбора для окружающих хуторов, место, где находится мечеть.

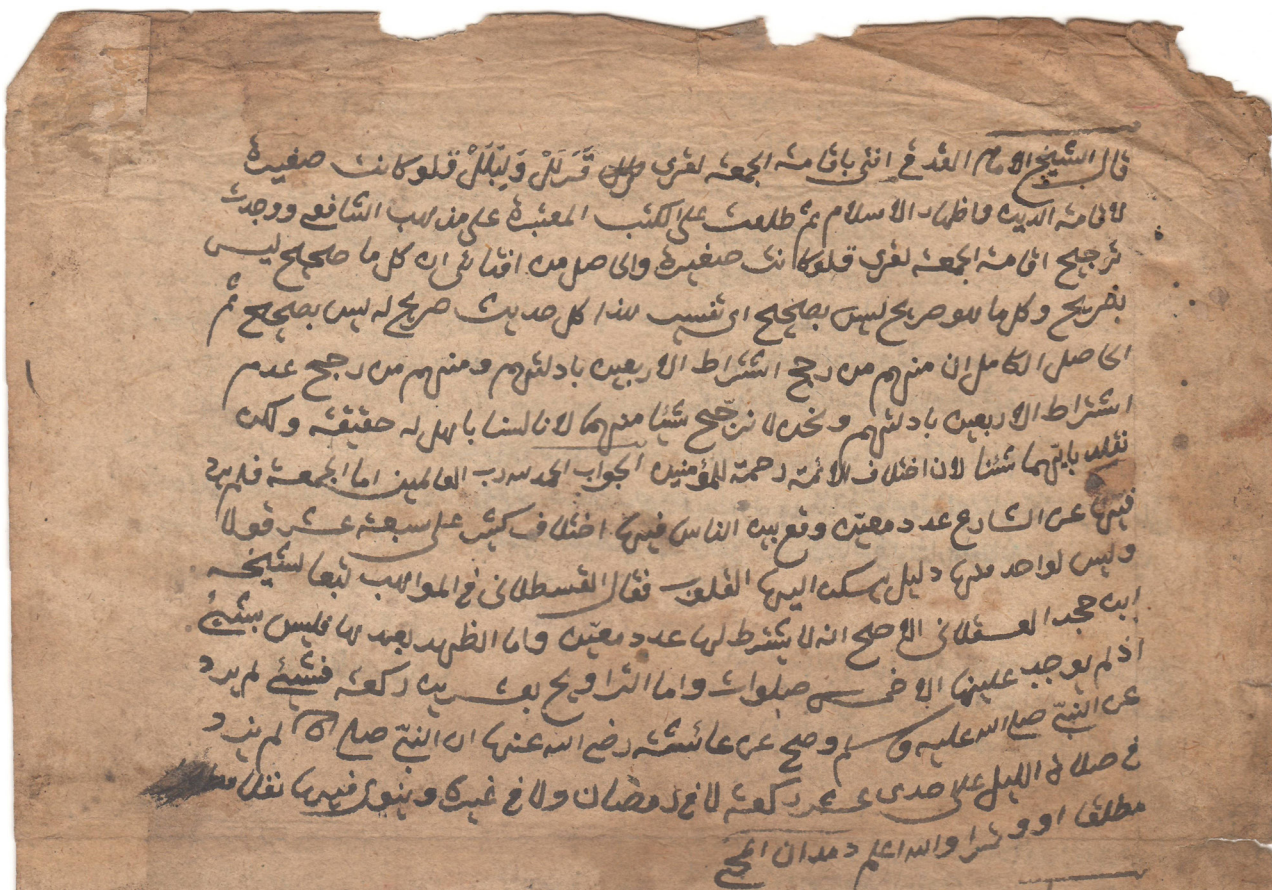
В-пятых, при формировании поселенческой структуры имело место переплетение различных факторов. То есть, процесс распространения ислама (XIV–XVIII вв.) и становления института джума-мечети протекал параллельно с процессами политической децентрализации (распад Сарира) и необходимостью коллективной обороны. Религиозный фактор не действовал изолированно, а был вплетен в комплекс социально-экономических и политических причин синойкизма.

В-шестых, наше исследование выявило активную роль мусульманских богословов (на примере фетв Мухаммада ал-Кудуки и Дамадана ал-Мухи) в адаптации строгих требований шариата к местным условиям, что легитимизировало практику совершения пятничной молитвы в малых селениях и способствовало укреплению ислама.

В-седьмых, имело место долговременное влияние джума-мечети на структуру расселения. То есть, даже после завершения основного этапа синойкизма и возникновения отселков, джума-мечеть в главном селении оставалась главным связующим звеном, куда по пятницам обязаны были собираться

мужчины со всех зависимых поселений. Это предотвращало полный распад общины и поддерживало ее административное и религиозное единство.

В качестве общего итога исследования следует отметить, что оно убедительно доказывает, что джума-мечеть в Нагорном Дагестане была не просто культовым сооружением, а ключевым публично-правовым институтом, оказавшим прямое и непосредственное влияние на пространственную организацию общества, процесс синойкизма и формирование иерархической системы расселения, адаптированной к уникальным географическим и историческим условиям региона.

Правовое заключение дагестанского богослова Дамадана ал-Мухи, представляющее собой толкование фетвы Мухаммада ал-Кудуки по вопросу обязательности совершения пятничной молитвы в малочисленных сельских поселениях Дагестана. Хранится в рукописной коллекции Ш.М. Хапизова

A legal opinion by the Dagestani theologian Damadan al-Mukhi, which serves as an interpretation of a ruling by Muhammad al-Kuduki regarding the obligatory nature of performing Friday prayers in small rural settlements of Dagestan. Preserved in the manuscript collection of Sh.M. Khapizov

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г. Карах в XII – нач. XX вв. (исторические и этнографические очерки). Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, 2019.
2. Амирханов Х.А. Андийские тухумы: историко-этнографический очерк // Вестник Дагестанского научного центра. 2024. № 93. С. 78-91.
3. Полян П.М. Территориальные структуры – урбанизация – расселение: теоретические подходы и методы изучения. М.: Новый хронограф, 2014.

REFERENCES

1. Khapizov ShM., Shekhmagomedov MG. *Karakh in the 12th – early 20th centuries (historical and ethnographic essays)*. Makhachkala: IHAЕ DFRS RAS, 2019. (In Russ)
2. Amirkhanov KhA. *Andi tukhums: historical and ethnographic essay*. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center*. 2024; 93: 78-91. (In Russ)
3. Polyani PM. *Territorial structures – urbanization – settlement: theoretical approaches and methods of study*. Moscow: Novy Khronograf, 2014. (In Russ)

4. Мовчан Г.Я. Старый аварский дом в горах Дагестана и его судьба. М.: ДМК Пресс, 2001.

5. Микаилов Ш.И. Очерки аварской диалектологии. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР., 1959.

6. Комаров А. Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1869. Т. I.

7. Османов М.О. К вопросу о типологии поселений Дагестана (XVI – первая половина XIX века) // Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 80-летию основания ИИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала, 2004. С. 211–215.

8. Османов М. О. Поселения Дагестана в первой половине XIX в. (Вопросы типологии) // Материальная культура народов Дагестана в XIX начале XX в. Махачкала, 1988. С. 6–22.

9. Карпов Ю.Ю. К характеристике социальных функций горской мечети // Краткое содержание докладов Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений 1990–1991 гг. Санкт-Петербург, 1992. С. 43–45.

4. Movchan G.Ya. *The old Avar house in the mountains of Dagestan and its fate*. Moscow: DMK Press, 2001.

5. Mikailov ShI. *Essays on Avar dialectology*. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1959. (In Russ)

6. Komarov A. Lists of populated places of the Dagestan region. *Collection of Statistical Information about the Caucasus*. Vol. I. Tiflis: Typography of the Chancellery of the Civil Chief in the Caucasus, 1869. (In Russ)

7. Osmanov MO. On the question of the typology of settlements in Dagestan (16th – first half of the 19th century). *Historical, cultural and economic ties of the peoples of the Caucasus: past, present, future. Abstracts of the International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of the founding of the IHAЕ DSC RAS*. Makhachkala, 2004: 211–215. (In Russ)

8. Osmanov MO. Settlements of Dagestan in the first half of the 19th century (Questions of typology). *Material culture of the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th century*. Makhachkala, 1988: 6–22. (In Russ)

9. Karpov YuYu. On the characteristics of the social functions of a mountain mosque. *Brief contents of reports of the Lavrov (Central Asian-Caucasian) readings 1990–1991*. Saint-Petersburg, 1992: 43–45. (In Russ)

Received 25.04.2025
Accepted 14.11.2025
Published 15.03.2026

Поступила в редакцию 25.04.2025
Принята в печать 14.11.2025
Опубликована 15.03.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH221186-197>

Исследовательская статья

Тлепцок Руслан Асланович
доктор исторических наук, профессор
РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева
but102@yandex.ru

П.-П.Г. ПРЖЕЦЛАВСКИЙ О НАРОДАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ И УРОВЕНЬ ИНФОРМАТИВНОСТИ

Аннотация. Статья представляет собой источниковедческий анализ публицистического и этнографического наследия кадрового военного П.-П.Г. Пржецлавского, чьи труды являются репрезентативным историческим источником по периоду инкорпорации Северного Кавказа в российскую имперскую систему. На основе комплексного изучения его работ, включая очерк «Дагестан, его нравы и обычаи» и дневниковые записи периода службы приставом при имаме Шамиле в г. Калуга, автор приходит к выводу о двойственной природе этого наследия. С одной стороны, выявлена значительная информативная ценность трудов П.-П.Г. Пржецлавского. Его подробные описания административного устройства, хозяйственной деятельности (террасное земледелие, скотоводство, кустарные промыслы), статистические данные, структуры повседневности (жилище, пища, одежда) и норм обычного права заложили основу для последующих этнографических и исторических исследований. Эти материалы сохранили уникальные сведения о трансформации северокавказского социума после Кавказской войны. С другой стороны, статья аргументированно доказывает сильную тенденциозность и субъективность автора, особенно рельефно проявившуюся в его конфликтных отношениях с Шамилем. Использование оценочных клише («дикие народы»), намеренная дискредитация имама и контекстуальное искажение фактов (вплоть до неточного цитирования Корана) свидетельствуют о жесткой официально-охранительной позиции П.-П.Г. Пржецлавского, обусловленной его служебным статусом и убежденностью в цивилизаторской миссии России. Общий вывод исследования заключается в том, что, несмотря на неизбежную идеологическую ангажированность, работы П.-П.Г. Пржецлавского являются важным историческим документом. Их критический анализ позволяет не только реконструировать различные аспекты жизни народов Дагестана, но и понять механизмы формирования и функционирования имперского знания о Кавказе, что составляет одну из ключевых задач современного научного кавказоведения.

Ключевые слова: кавказоведение; исследовательская традиция; северокавказская историография; П.-П.Г. Пржецлавский; источниковедческий анализ, имам Шамиль, этнография Дагестана, имперская политика России на Кавказе

Для цитирования: Тлепцок Р.А. П.-П.Г. Пржецлавский о народах Северного Кавказа: формирование взглядов и уровень информативности // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 1. С. 186-197. doi.org/10.32653/CH221186-197

© Тлепцок Р.А., 2026

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH221186-197>

Research paper

Ruslan A. Tleptsok,
Dr. Sci., Professor
Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy
bum102@yandex.ru

P.-P.G. PRZHETSLAVSKY ON THE PEOPLES OF THE NORTHERN CAUCASUS: FORMATION OF VIEWS AND INFORMATIONAL VALUE

Abstract. This article provides a source-critical analysis of the journalistic and ethnographic legacy of P.-P.G. Przhetslavsky, a career military officer whose works serve as a representative historical source on the period of the Northern Caucasus's incorporation into the Russian Imperial system. Based on a comprehensive study of his works, including the essay *Dagestan: Its Manners and Customs* and diary entries from his service as a bailiff to Imam Shamil in Kaluga, the author identifies the dual nature of this legacy. On one hand, the study highlights the significant informative value of Przhetslavsky's writings. His detailed descriptions of administrative structures, economic activities (terrace farming, animal husbandry, and handicrafts), statistical data, elements of daily life (housing, food, clothing), and customary law laid the foundation for subsequent ethnographic and historical research. These materials preserve unique data regarding the transformation of North Caucasian society following the Caucasian War. On the other hand, the article provides a reasoned argument regarding the author's strong bias and subjectivity, which is particularly evident in his contentious relationship with Shamil. The use of evaluative clichés (such as "savage peoples"), the intentional disparagement of the Imam, and the contextual distortion of facts (extending even to inaccurate citations of the Quran) demonstrate Przhetslavsky's rigid, pro-government stance. This perspective was shaped by his official status and his conviction in Russia's "civilizing mission." The study concludes that, despite an inevitable ideological bias, Przhetslavsky's works remain vital historical documents. Their critical analysis allows researchers not only to reconstruct various aspects of life among the peoples of Dagestan but also to understand the mechanisms behind the formation and function of imperial knowledge regarding the Caucasus – a key objective of contemporary Caucasian Studies.

Keywords: Caucasian Studies; research tradition; North Caucasian historiography; P.-P.G. Przhetslavsky; source analysis; Imam Shamil; ethnography of Dagestan; Russian imperial policy in the Caucasus

For citation: Tleptsok R.A. P.-P.G. Przhetslavsky on the peoples of the North Caucasus: the formation of views and the level of information. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 1. P. 186-197. doi.org/10.32653/CH221186-197

© Tleptsok R.A., 2026

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2026

Актуальность проблематики исторических источников в современном кавказоведении детерминирована комплексом факторов методологического характера. Ключевым импульсом выступает парадигмальный сдвиг в историческом знании, проявляющийся в поиске новых теоретико-методологических оснований дисциплины, переосмыслении научной истории под влиянием «постмодернистского вызова» и трансформации историографических традиций. Интенсифицируются процессы трансформации концептуальных, предметных и аксиологических оснований исторического исследования, пересматривается его социальный статус и методологический аппарат. Существенным катализатором данной тенденции стало смещение исследовательского фокуса в сторону изучения национальных историй этнических сообществ, не обладавших на протяжении столетий развитой письменной историографической традицией. Современная историографическая парадигма подвергает ревизии дихотомическое противопоставление «магистрального» направления российских исторических изысканий (русская история) и «периферийных» сюжетов (история народов национальных окраин). В данном контексте формируются теоретические предпосылки для преодоления оппозиции «исторические»/«неисторические» народы [1, с. 5–6].

В условиях сложившейся историографической ситуации проблематика выявления, систематизации и введения в научный оборот корпуса исторических источников приобретает особую значимость. На фоне методологического переосмысления статуса источниковедения как специальной исторической дисциплины наблюдается кризисное состояние сложившейся источниковой базы. Отмечается устойчивый дефицит публикаций, ранее не вводившихся в научный оборот источников, обусловленный как объективными лакунами в источниковой базе, так и субъективными факторами их научной рецепции. Вопрос целесообразности критического осмысления корпуса публицистических работ для анализа происходивших трансформаций на Кавказе в результате его инкорпорации в политико-экономическую систему России не праздный, так как благодаря письменной фиксации на страницах журналов многие события северокавказской истории приобрели статичность, избежали забвения и модификации под «напором» субъективных обстоятельств.

Обращение к подобного рода работам позволяет непосредственно вступить «в диалоговые отношения» с историческим прошлым. Во многом именно они способны передать «дух времени», но что крайне редко способны самые пространственные официальные документы. В этом смысле этнографическая публицистика П.-П.Г. Пржецлавского представляет исключительное явление: с одной стороны, это свидетельства, связанные с личной жизнью отдельного человека, позволяющие соприкоснуться с аурой уже утраченного мира, в то время как с другой, запечатлевают множество событий и фактов частной жизни северокавказского социума, углубляя понимание сложного механизма функционирования власти на местах [2; 3; 4; 1, с. 159–209; 5].

Научная работа П.-П.Г. Пржецлавского сочеталась с военной деятельностью и гражданской службой, а центральную область его интересов составлял Кавказ, изучению которого он посвятил вторую половину жизни. К сожалению, жизнь и деятельность автора, его научный вклад в изучение этнографии Кавказа не стал еще предметом специального исследования. В рамках данной работы делается попытка хоть отчасти восполнить этот пробел. При обращении к подобного рода сочинениям особый смысл приобретает личность автора. Павел-Платон Гилярович Пржецлавский – военный, исследователь-краевед, занимавшийся изучением быта и нравов народов Кавказа, происходил из дворян Гродненской губернии (предположительно, из литовских татар, по другим данным имел польские корни), после окончания Гродненской гимназии поступил на военную службу в июле 1838 г. унтер-офицером в егерский генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского Псковский полк. Во время службы на Кавказе с 1844 г. в чине прапорщика он, освоив некоторые местные языки и проявив административные способности, с 1849 г. занимал должность Ленкоранского участкового заседателя, впоследствии став полковым адъютантом Дагестанского конно-иррегулярного полка, расквартированного в селении Дженгутей [6, с. 196]. В 1854 г. П.-П.Г. Пржецлавский был контужен под селом Уркарах и за отличие в сражениях с горцами награжден орденом и даже получил высочайшее благоволение, способствовавшее дальнейшей военной карьере.

Параллельно с военной службой П.-П.Г. Пржецлавский занимался изучением быта и нравов народов Дагестана. В достаточной степени овладев кумыкским и арабским языками, он занимался изучением фольклора, быта и нравов кумыков, писал стихи¹, а также вел систематический сбор

¹ Известно, что текст песни 34-го пехотного Севского полка «Отбитие штурма Малахова кургана» и ее напев были записаны 6 июня 1855 г. участником боя полковником П.-П.Г. Пржецлавским.

этнографических сведений о горных племенах [4, с. 141–192]. По поручению командования им было представлено статистическое описание Среднего отдела Дагестанской области. С августа 1857 г. П.-П.Г. Пржецлавский был прикомандирован помощником к генерал-адъютанту князю Шамхалу Тарковскому, а уже в 1858 г. становится Дербентским уездным начальником и производится в майоры. В последствии занимая должность помощника военного начальника Среднего Дагестана «за особое рвение» получает звание подполковника. Результатом длительной службы на Кавказе стал составленный П.-П.Г. Пржецлавским разговорник для коммуницирования с местным населением, что безусловно бы имело, по его мнению, не только военное, но и этнографическое значение [7]. Сборник представлял собой экземпляр, приготовленный для печати, но несмотря на посвящение работы военному министру Д.А. Милютину (посвящение перечеркнуто карандашом) «Сборник» получил негативное заключение неизвестного рецензента, указавшего на недостатки работы и нерентабельность издания².

23 ноября 1861 г. П.-П. Г. Пржецлавский был назначен приставом (1861–1866 гг.) при военнопленном имаме Шамиле и 1 апреля 1862 г., прибыв в г. Калуга, приступил к исполнению обязанностей пристава Шамиля. В противоположность Д.Н. Богуславскому и А.И. Руновскому³, П.-П.Г. Пржецлавский не произвел на Шамиля благоприятное впечатление. Если предшественники нового пристава находили расположение Шамиля, то с новым приставом отношения изначально приняли характер конфронтации. Имам Шамиль считал, что «новый опекун питает плохо скрываемую ненависть к жителям Кавказа вообще и к горцам Дагестана в частности» [9, с. 164], а П.-П.Г. Пржецлавский был твердо убежден, что Шамиль – опаснейший глава мюридизма, мечтающий бежать обратно на Кавказ и поднять восстание.

Взаимоотношения между имамом Шамилем и П.-П.Г. Пржецлавским, изначально приобретя характер весьма натянутый, имели тенденцию к деградации. Пристав постоянно напоминал Шамилю о его статусе хоть и почетного, но все же военнопленного, ограничивал в чем мог и рассматривал как затаенную крамолу все его высказывания. Подобная поведенческая модель дополнялась желанием П.-П.Г. Пржецлавского использовать свой статус для получения определенной известности в обществе. Так, в Дагестане он получил копию рукописи бывшего секретаря Шамиля Мухаммада-Тахира Карахского «О трех имамах» и даже перевел ее с арабского на русский язык, чтобы издать, заработать денег и приобрести известность⁴. Свой перевод хроники П.-П.Г. Пржецлавский показал Шамилю, рассчитывая, заручившись поддержкой последнего, опубликовать его. Однако Шамиль, проявив интерес к рукописи, захотел ознакомиться с арабским оригиналом, чтобы убедиться в точности перевода, так как подозревал, что пристав искажил многие факты. Отказ пристава показать рукопись Мухаммада-Тахира лишь укрепил недоверие Шамиля, и он отказался подписывать русский перевод текста, аргументируя тем, что не может проверить его истинность. Важным эпизодом в затяжном конфликте стал и отказ Шамиля на просьбу П.-П.Г. Пржецлавского заступиться перед императором за участников польского восстания 1863–1864 гг., после которого отношения с П.-П. Г. Пржецлавским окончательно испортились, а рапорты пристава с этого момента начинают напоминать донесения с линии фронта, где Шамиль изображался «как раненый зверь, готовящийся к последнему броску» [11, с. 84].

В течении всего периода нахождения при Шамиле в Калуге П.-П.Г. Пржецлавский, как и А.И. Руновский, вел дневниковые записи, которые были изданы в «Русской старине» в 1877 г. [5, Т. XX. с. 253–276; с. 471–506. Т. XXI. С. 41–64], и, как сообщает редакция в предисловии, «под пером рассказчика некогда грозный имам Чечни и Дагестана являлся довольно сварливым и слабым старичком» [5, Т. XX. с. 254]. Шамиль из дневников нового пристава предстает совсем иным человеком, чем из описаний Д.Н. Богуславского и А.И. Руновского: «скудным и не умеющим поддерживать кабинетного разговора» [5, с. 256, 491]. Характерно, что именно в это период П.-П.Г. Пржецлавский фиксирует язвительные по своей сути комментарии в дневниковых записях, характеризующие быт Шамиля в г. Калуге. Описывая нахождение имама Шамиля в г. Калуга пристав отмечает, что «тот старался поддержать в своем

2 Отдел рукописей РГБ. Ф. 178. 1. №10751.

3 Дмитрий Николаевич Богуславский (1826–1893) – русский военный деятель, переводчик, корановед, член Военно-учёного комитета Главного штаба, генерал-лейтенант. В 1859 г., являясь старшим адъютантом при дежурном генерале, как знаток арабского языка и «восточных нравов», был назначен ответственным за пребывание и расходы на содержание пленного имама Шамиля, в Москве и Калуге (назначенной имаму местом жительства). Впоследствии они находились в переписке. Аполлон Иванович Руновский (1823–1874) был назначен 9 октября 1859 г. новым приставом при Шамиле. После переселения Шамиля в Калугу прибыл туда и оставался там до конца 1861 г. Автор Записок о Шамиле (1860). См.: [8].

4 И.Н. Захарьин-Якунин упоминает, что пристав при Шамиле Пржецлавский перевел рукопись «о трех имамах» уже в Калуге [10, с. 250].

доме правила строгого «мюридизма»⁵ и «постоянно мечтает о переселении, со всем своим семейством, в пределы Блистательной Порты» [5, Т. XX. с. 259].

Явная тенденциозность, безусловно, вредит дневниковым записям П.-П.Г. Пржецлавского, фиксирующим повседневность имама в калужском доме. При описании любых поступков Шамиля пристав усматривал хитрость и обман, заявляя, что в доме имама «столько фанатизма – сколько его нет ныне во всем Дагестане!» [5, Т. XX. с. 260]. Развивая свой тезис, он указывает, что обман неверных для имама не имеет никакого существенного значения, так как священная книга Коран учит мусульман: «Если вы располагаете какой хитростью, то приводите ее в исполнение» (против неверных) и ссылается на Стих 39-й главы 76-й Корана). «В деле интернационализма, фанатики-мусульмане не уступят иезуитам», – заключает П.-П.Г. Пржецлавский [5, Т. XX. с. 260]. Между тем это подтверждает только крайне тенденциозное отношение к Шамилю автора, так как он нарочно вводит читателя в заблуждение, указывая на стих, существующий только в воображении автора. Сура 76 «аль-Инсан» («Человек») содержит всего 31 стих, а никак не 39 [12, с. 638–640].

В конце 1865 г. для разрешения конфликтной ситуации специально приезжает адъютант военного министра России полковник Брок, но помирить стороны после всего происшедшего было невозможно, и поэтому в декабре 1865 г. должность пристава при Шамиле была упразднена, а П.-П.Г. Пржецлавский продолжил службу на севере, где дослужился до батальонного командира, а затем стал председателем полкового суда и впоследствии членом Московского военно-окружного суда. В 1872 г. был уволен со службы в чине полковника с мундиром и пенсией, но уже в 1877 г., во время новой Русско-турецкой войны, П.-П.Г. Пржецлавский вернулся на Кавказ, став помощником военного губернатора Эрзерумской области.

Немаловажно отметить то обстоятельство, что на протяжении длительного времени П.-П.Г. Пржецлавский был одним из активных корреспондентов центральных российских журналов. Различные материалы по истории народов Кавказа публиковались им в «Русской старине», «Военном сборнике», газете «Кавказ», «Вестнике Европы» и др. За работу «Описание Среднего Дагестана» в 1864 г. Императорским русским географическим обществом он был награжден серебряной медалью [1, с. 640]. Публикуемые П.-П.Г. Пржецлавским работы по истории, фольклору, этнографии народов Кавказа стали значимым вкладом в процесс изучения Кавказа, наметившийся в периодической печати после окончания Кавказской войны.

Таким образом, на процесс формирования научных взглядов П.-П.Г. Пржецлавского значительное влияние оказала военная карьера, что явственно прослеживается в его определении характера войны на Кавказе, восприятии особенностей быта его жителей, личности Шамиля. При анализе публикаций П.-П.Г. Пржецлавского обращает внимание на себя то, что определенная часть материалов носит явный тенденциозный характер, трактовка действительности велась в них с жестких позиций и отражала крайнюю точку зрения на происходившее.

Особое место среди работ П.-П.Г. Пржецлавского занимает исследование «Дагестан, его нравы и обычаи», опубликованное в журнале «Вестник Европы» в 1867 г. Прежде всего, необходимо отметить, что оно носило во многом нарративный, а не аналитический характер: для аргументации своих положений автор зачастую привлекал мнения, считавшиеся им авторитетными, оставаясь при этом как бы «в стороне». В наблюдениях за нравами и обычаями жителей Дагестана П.-П.Г. Пржецлавский ограничивается одним Средним Дагестаном – местностью, с которой он был знаком, когда занимал там административную должность по военному управлению краем. Так в работе детально описано административное устройство Среднего Дагестана и указывается крайняя лингвистическая фрагментация региона. «Господствующие наречия следующие: в Кази-Кумухском округе — аварское, за исключением селений Шали и Ярчу: в первом жители говорят наречием кази-кумыхским, а в последнем существует особое наречие, нигде, кроме этого селения, неупотребляемое. В Гунибском округе наречие аварское; Гидатлинского же наибства в обществе ахвахском — ахвахское, и в сел. Мегеу, Чохского наибства, есть особое наречие, несколько похожее на акушинское, употребляемое в Даргинском округе северного Дагестана. В Андийском округе: андийское и чеченское; в Аварском: аварское, за исключением обществ,

5 Мюридизм («послушничество»; от араб. мюрид – последователь), условный термин, появившийся в русской литературе во 2-й половине XIX в., для названия национально-освободительного движения горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. – одно из направлений в суфизме. В российской исторической литературе термин традиционно ассоциируется с мюридским движением, которое в 20–50-х годах XIX в. охватило значительную часть Кавказа и обострило Кавказскую войну. Мюридизм существует до настоящего времени во многих странах.

называемых Караляль и Багаляль, говорящих ахвахским наречием. Впрочем, зная кумыхский язык, можно разговаривать не только по всему Дагестану и во всех мусульманских провинциях на Кавказе» [4, с. 159–160].

Центральное место в этногеографической панораме Дагестана автор отводит местным жителям, в контексте чего знаковой проблемой становится определение численности населения. Общую численность населения в среднем Дагестане на 1865 г. П.-П.Г. Пржецлавский определяет приблизительно в 175 тысяч человек, проживавших в 370 аулах [4, с. 160]. Эти данные расходятся с данными Р.Ф. Розена, который насчитывал только в трех владениях 180 тысяч человек на 1830 г. [13, с. 233–247]. По заслуживающим доверия сведениям генерала А.В. Комарова, основанным на материалах Главного штаба Кавказской армии, в Дагестанской области на 1866 г. насчитывалось 449534 душ обоего пола [14, с. 45]. Работа содержит статистические данные и по среднему Дагестану – 80015 душ, однако охватывает лишь два округа, в следствие, как пишет генерал А.В. Комаров, затруднения подсчета, вызванного территориальными изменениями в рамках проводимой административной реформы региона [14, с. 39–41]. Определенное расхождение статистических данных можно объяснить ходом Кавказской войны и значительной миграцией населения. Согласно «Своду статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г.» в Дагестанской области было 122,385 домохозяйств и 592,780 жителей [15, с. 448–455, 448], что вполне согласуется с данными П.-П.Г. Пржецлавского и А.В. Комарова, отражающих историческую действительность.

Обращает на себя внимание тот факт, что автор неоднократно обращается к проблеме вмещающего ландшафта⁶ горцев, раскрывая различные ее составляющие. Так оценивая качество земель, он отмечает, что «произрастание трав и всходы посевов изобильны, – почва земли плодородна» [4, с. 166]. Проблему он видел в том, что «посевных мест немного: произрастание хлебов и трав особенно хорошо только на низменностях в ущельях и на покатосях гор, обращенных к северу. «Южные склоны – песчаные и неплодородные, впрочем, – замечает П.-П.Г. Пржецлавский, – земледелие при урожае, без неблагоприятных случайностей, удовлетворяет местным потребностям» [4, с. 166]. Из набора возделываемых культур в среднем Дагестане им указывалась «пшеница, магар (нечто среднее между пшеницей и рожью), ячмень, овес и просо. Из огородных овощей: огурцы, дыни, арбузы, тыква, морковь, лук, чеснок, бобы, фасоль и кукуруза; из плодов: яблоки, груши, сливы, абрикосы, персики, грецкие орехи, шелковица, виноград» [4, с. 166].

Характеризуя мир фауны региона, им отмечалась ограниченность животного разнообразия гор, представленного дикими курами (кехлихъ) и массовыми набегами на населенные пункты волков и шакалов в зимнее время [4, с. 166]. На фоне относительно бедной фауны флористика региона была представлена яркой и разнообразной палитрой. Так, П.-П.Г. Пржецлавский указывает на «такое изобилие ореховых деревьев, что жители рубят их без сожаления... вследствие чего, в Дагестане нет другой мебели, кроме ореховой» [4, с. 190], а в верхней части Гуниба произрастала «в большом количестве красная ромашка (*piretrum roseum*), из которой готовится порошок, уничтожающий блох, мух и отравляющий даже ядовитых насекомых: фалангу и скорпионов» [4, с. 166].

Важное значение в работе П.-П.Г. Пржецлавский отводит анализу природно-климатических условий и возможности хозяйственного освоения края. Неоднократно возвращаясь к сюжетам вмещающего ландшафта, он соглашается с мнением генерал-майора Лазарева, что «во всей Чечне и Дагестане нет здоровее, живописнее и богаче землею места, как Тадъ-Буртинская возвышенность. Произрастание хлебов и трав так изобильно, что содержание жителями окрестных селений большого количества скота, даже в редких случаях неурожая, не представляет никакого затруднения; порода овец и мясо их отлично хороши, а молока, овечьего сыру и коровьего масла, прекрасного приготовления и качества – избыток. Вода в родниках чистая, вкусная и здоровая. Лесов в окрестностях Тадъ-Бурты достаточно, так что, при экономическом употреблении, в топливе никогда не может быть недостатка, даже при увеличении народонаселения» [4, с. 167].

С природно-географическим фактором П.-П.Г. Пржецлавский напрямую связывает и основные параметры структуры повседневной топографии горцев. Так, в пространстве поселения им выделяются

⁶ Термин «вмещающий ландшафт» был введен Л.Н. Гумилёвым в рамках его теории этногенеза. Рассматривая соотношение этнических образований с той территорией, где они размещаются, Л.Н. Гумилев подчеркивает, «что каждый этнос представляет собой оригинальную форму адаптации человека в биоценозе ландшафта», и называет такой ландшафт не только вмещающим, но и кормящим ландшафтом. Более подробно: [16].

места для торговли, питания, транспортные артерии (реки, улицы, дороги), рабочие зоны, места получения питьевой воды (реки, водоемы, колодцы) и иные системы жизнеобеспечения. «Все вообще селения в Дагестане построены тесно, – отмечает автор, – большей частью на возвышенных местах, или на отлогостях гор, имея вид амфитеатра. У каждого более зажиточного поселенина есть особый хутор (махи), в котором он зимой содержит рогатый скот, заготавливая для него, в свое время, корм. Хутора эти обыкновенно располагаются по ущельям вблизи речек, родников и покосов» [4, с. 160].

Характеризуя виды и способы постройки жилых строений П.-П.Г. Пржецлавский указывает на их идентичность в целом по Дагестану, «с тою только разве разницей, что они, будучи без наружной штукатурки, имеют вид развалин, почерневших от времени и атмосферических влияний. Дом прилеплен к дому; вместо окошек – маленькие отверстия, а двери... низки» [4, с. 160]. Интересно выглядит фиксация монотонности мира повседневности горских селений региона, для П.-П.Г. Пржецлавского это невыносимое «спокойствие внутри селения ... наводящее тоску». Автор связывает это с памятью «о шамилевском шариаате..., из-за которого... вы не услышите ни веселой песни, ни звучных зурмы и барабана» [4, с. 160].

Оценивая инфраструктурные трудности местности П.-П.Г. Пржецлавский указывает, что «дороги в среднем Дагестане были ужасны, а колесных дорог вовсе не было». В населенных пунктах «улицы узкие и грязные, едва дающие возможность проехать одной повозке». Подобная ситуация, безусловно, затрудняла передвижение и дополнялась опасным ландшафтом, где «все перевозки производились на вьючных лошадях и на ишаках, привыкших везти вьюк по опасным тропинкам, имевшим очень крутые спуски и подъёмы, проложенным зигзагами по каменистой отвесной горы, у подошвы которой, сажень 50 вниз, бушует река» [4, с. 201–202].

Подобные логистические препятствия усиливались необходимостью оплаты проезда по дорогам и мостам, «прилегающим к чужим покосам и пастбищам». «Жители, занимающиеся овцеводством, при перегоне своей баранты через дороги, взносят хозяину их, за прогон или за ночлег, определенную дань: баранами, ягнятами (ирк), маслом, или сыром» [4, с. 201–202]. С вхождением региона в состав России начинается массовое привлечение местного населения для улучшения местной логистики и дорожной сети. Так, «жители среднего Дагестана, добровольно, за умеренную плату, способствовали устройству мостов и проселочных дорог». Подобное рвение П.-П.Г. Пржецлавский связывает с пониманием важности улучшения логистики и «расчётом, что одна арба, с тяжестью 25 пудов, заменит им 8 ишаков» [4, с. 201].

Главное занятие горцев Дагестана, по свидетельству исследователя, состояло в обустройстве нагорных площадок, которые орошались искусно проводимой вверх из рек и родников водой и давали хороший урожай. Действительно, описываемое П.-П.Г. Пржецлавским террасное земледелие в Дагестане получило название Чохские террасы – по названию села Чох, расположенного рядом в Сулакском каньоне. «Площадки эти делаются следующим образом: параллельно к отлогой горе, выстраивается, возможно, длинная каменная на глине стена, вышиной от одной до двух сажень и шириной в 1/2 сажени; затем пространство, до уровня стены засыпанное землей, взятою с той же горы и утрамбованной, образует площадь. Несколько подобных площадок, на одной горе уступами устроенных, имеют вид ступеней лестницы» [4, с. 190].

Внутренняя торговля, по свидетельству П.-П.Г. Пржецлавского, «в среднем Дагестане незначительна; она состоит в сбыте: хлеба, масла, овечьего сыру (пиндыр), фруктов, кож и оружия» [4, с. 189]. Для торговых и меновых операций существовали базары, самыми значительными из которых были «в Казии-Кумухе (где собирается нередко до 4,000 человек), в Чохе и Согратле». Попытка учредить базары на Гунибе и в Хунзахе не вызвала много охотников – посетителей. Однако развитие дорожной сети и «пример евреев – туземцев, приходящих с красным товаром из Мехтулы и Шамхальства, – утверждает П.-П.Г. Пржецлавский, – возбудил и в горах охоту заняться подобным же промыслом. Получив беспрепятственно отпуска в г. Кубу, Дербент и даже Шемаху, они привозят оттуда: ситец, нанку, бязь, бумажные одеяла, платки, шелковые сырцовые одеяла, и продают их односельцам и соседям, получая за провоз с рубля 25%» [4, с. 191].

Характеризуя развитие кустарных промыслов в регионе, автор отмечает селения, славящиеся своими изделиями: «Гунибского округа, селения: Аракань и Унцукуль – выделкой холодного оружия и трубок деревянных, изящно украшенных металлической насечкой; сел. Чох и Согратль – серебряных вещей и оправой оружия в серебро под чернью (там есть даже часовой мастер-самоучка); селение

Салты – сыромятных кож и сафьянов из овечьих шкур; селение Рутджа – седельных орчаков; селения Андийского округа – выделкой бурок; и, наконец, Аварского округа, Боголяль – выделкой азиатских сукон из верблюжьей и овечьей шерсти, преимущественно белого и желтовато-светлого цвета» [4, с. 189].

Значительное внимание в рамках описания быта горцев сфокусировано на характеристике системы питания жителей региона. Отмечая наличие религиозного фактора, структурирующего пищу и не допускающего употребление свинины, П.-П.Г. Пржецлавский указывает, что «мясо скотины и птицы, зарезанной рукой христианина, мусульмане не едят, считая его пищей нечистой и запрещенной Кораном (харам)...мясо тех же самых животных, зарезанных мусульманином... с соблюдением обряда, чтобы голова убиваемого животного была обращена к Мекке, считается пищей дозволенной (халяль)» [4, с. 199–200]. В целом оценивая повседневный рацион горцев, автор свидетельствует, что они «большой частью довольствуются сухой пищей – кусочком сыра или курдючного сала и лепешкой из кукурузной муки (мучари) или, что уже роскошь – из пшеничной, – служат для варения пищи: стебли от кукурузы, бурьян, комок засушенного навоза и даже саман (мякина). Лишь в исключительные дни, для приготовления хинкала – клецек из пшеничной муки на воде с курдючим салом и чесноком – потребуется хозяйке одно другое поленце дров – только!» [4, с. 193].

Обращение внимания на проблему наличия топлива не случайно, так как отсутствие нужного количества дров сказывалось на структуре питания горцев. Вполне заслуживает доверия утверждение П.-П.Г. Пржецлавского об осязательном недостатке топлива в среднем Дагестане. «Доставка дров, на коммерческом праве, обходится непомерно дорого: ни один подрядчик, даже в настоящее время, при существовании еще в край скудных лесов, – утверждает автор сочинения, – не согласится доставлять их дешевле 30 руб. сор. за сажень». Для местного населения, вблизи которого нет лесов и кустарников, топливом служили кизяки, а для высокогорных селений источником тепла был кустарник и тощая сосна, растущая на склонах гор. Подобное положение дел вызывало трудности и для российской армии, особенно в холодное время года, так как где «туземец с ишаком вскарабкивался свободно... добывание там дров для войск и управление было сопряжено с трудом и опасностью» [4, с. 192–193].

Трагично выглядит фиксация огромного количества нищих обоюбого пола, возникших после покорения Дагестана, особенно в Гунибском и Аварском округах. По свидетельству П.-П.Г. Пржецлавского, их «было множество; вдовы и сироты, мужья и отцы которых пали в прежних против войск наших делах, или были казнены наибами, увеличивали их число. Некоторые из них, почти умирая от голода, вымаливали у солдат наших кусок черного хлеба, или сухаря!» [4, с. 200]. Пик голода пришелся на 1859–1860 гг., что инициировало «срочную помощь, оказанную правительством бедным жителям среднего Дагестана выдачей им 2,000 четвертей ржаной муки». Наряду с этим предпринимался целый набор действий, направленных на стабилизацию продовольственной ситуации в регионе. Были привлечены значительные средства, направленные на «произведенную жителями перевозку провианта для войск, содержание, отпускаемое милиционерам, сформированным из местного населения и, наконец, щедрая плата за малейшую услугу», что постепенно «дало горцам возможность мало по малу поправиться и привести в порядок свои расстроенные дела» [4, с. 200].

Вызывает исследовательский интерес и оценка состояния религиозного вопроса и культовых обрядов Дагестана. «Кладбища (зирятляр) устроены таким образом, что они или примыкают к селениям или находятся внутри их. Над могилами усопших обыкновенно ставится надгробный камень с надписью имени умершего, года его смерти и изречения из Корана, или просто без надписи. Над могилами убитых на газавате (священной войне с неверными), около надгробного камня развешиваются небольшие, разных цветов, значки, иногда с деревянной куклой птицы на вершине древка... Если кладбище находится на горе, имеющей перпендикулярно-отвесный обрыв, образующий стену, то умершие хоронятся как бы в катакомбах, в два этажа» [4, с. 173]. Характерно подтверждение П.-П.Г. Пржецлавского об отсутствии «войны с исторической памятью» – память умерших независимо от религиозной принадлежности пользуется у горцев большим уважением. «Доказательством может служить то, что, по соседству их кладбищ, вы часто увидите деревянные кресты, поставленные на могилах русских солдат. Кресты эти стоят неприкосновенно, обращенные лицом к памятникам правоверных мусульман!» [4, с. 204–205].

Неоднократно в работе П.-П.Г. Пржецлавский обращается к образу женщины горянки. Костюм горской женщины, отличаясь от костюма женщин проживающих на равнине, состоял из «рубахи ниже колен, большей частью полотняной, или бумажной, сшитой экономически, в 2 1/2 полотнища,

с круглыми в одно полотнище рукавами, закрывающими всю руку... головной платок полотняный, или колленкоровый, квадратный более сажени, носится, в виде покрывала... шаровары – узкие из пунцово-красной набойки панталоны, на нитяном очкуре; а в замен архалука привязывается, за спиной, что-то в роде одеяльца из ситца на вате, длиной до колен и шириной в пол-аршина» [4, с. 170]. Головной убор, то есть «собственно повязка волос, идентична везде за исключением селения Ругджи, в котором женщины имеют бритые головы, – отмечает П.-П.Г. Пржецлавский, – и селения Куппы, где женщины носят кокошники, украшенные серебряной старинной монетой. Жителей обоих этих селений – мусульмане считают потомками евреев» [4, с. 170].

Автор обращает внимание на специфическую особенность одежды женщин региона, с которой ему удалось столкнуться не раз: вываренные специально в бараньем жиру женские рубашки. Объяснение подобной практики горских женщин заключалось в бытовом стереотипе: «чем богаче хозяйка, тем сальнее должно быть ее платье! ... Если у хозяйки платье будет чистое и белое, то злые языки, пожалуй, скажут, что она никогда не видит в глаза ни мяса, ни курдючного сала!» [4, с. 169]. На фоне подобных описаний, П.-П.Г. Пржецлавский свидетельствует о том, что «неопрятность и неуклюжесть наряда превратили прекрасный пол – в черных, или, правильнее сказать, грязных мумий, а усиленные труды – в преждевременных старух, так что нет возможности определить, в чем именно состоит красота здешних женщин» [4, с. 169–170].

Характеризуя тяжелый мир женской повседневности, автор отмечает, что «трудные работы по хозяйству исполняются женщинами и ишаками; вы увидите повсюду навьюченного дровами, сеном, или зерновым хлебом ишака, а рядом с ним, с такой же ношей – женщину-горянку! Подрядчики по перевозке казенного провианта для войск, расположенных в крае, определяют вес тяжести на одного ишака в 3 пуда; подобные же тяжести здешние женщины, для заработка 40–60 копеек серебром, переносят на своей спине за 30 верст, по гористым, едва проходимым тропинкам!» [4, с. 173]. Использование женского труда принимало зачатую весьма экзотические формы. Так «пересылка корреспонденции, на первых порах после покорения Дагестана, до учреждения правильного сообщения, имела весьма оригинальный характер ... горцы зачастую заставляли своих жен играть роль почтальонов; можно часто было видеть женщину, путешествующую с пакетом, воткнутым в оконечность расщепленной палочки!» [4, с. 179].

Значимое место в работе отведено описанию праздничной культуры и свадебных обрядов горцев Дагестана. «Брачные союзы заключаются: или словесно, при свидетелях, или же поверенным от жениха или его родителя; при чем составляется письменное условие, контракта (Никах), который, впрочем, редко здесь имеет место. Вся церемония брачной сделки состоит обыкновенно в том, что родители невесты и жениха, собравшись вместе и пригласив почетных свидетелей, объявляют: первые о желании выдать, а последние о согласии принять в свое семейство избранную женихом невесту, причем приводится в известность обоюдный взнос приданого (кибинь-хакъ), и затем, без особенных затей, невеста переходит во власть жениха» [4, с. 177]. «Национальные песни, прославляющие военные дела и любовь, лезгины всегда поют вдвоем: оба – высоким, крикливым альтом, нагнувшись, – свидетельствует П.-П.Г. Пржецлавский, – друг к другу почти к самому уху и прикрывая наружную сторону щеки ладонью, как бы желая, чтобы выходящие из гортани голоса слились в одно целое созвучие. Большая часть песен поется речитативом. Слушатели, за каждым куплетом поощряют певцов прикрикиванием в мотив песни: «Хай, хаай!» и, по окончании пения, непременно благодарят певцов фразой: «Аи барракяла котчакляр!» то есть, «Ай, да спасибо, молодцы!» [4, с. 161–162].

Необходимо отметить и еще один пласт свидетельств П.-П.Г. Пржецлавского, в которых рельефно проявилась специфика региона, его предрассудки и суеверия. Так автор описывает способ борьбы с бесплодием у женщин Дагестана: «туземные знахарки отвозят их на старое кладбище и, после совершения намаза, делают там над ними какие-то нашептывания и ощупывания, потом, возвратившись домой, сажают на несколько часов своих пациенток на решетчатый табурет, под которым в жаровне (мангале) курятся разные травы» [4, с. 207]. Еще более пикантным выглядит свидетельство о том, что жители селения Гергебиль, переселенные на новое место, но прежде «слышавшие красавицами, с перемещением в Улли потеряли свою красу, – ныне, возвращаясь на старое пепелище, они надеются восстановить и прежнюю свою славу. Горцы веруют, что в тех селениях, около которых протекает река с песчаными берегами, народ бывает красивый» [4, с. 201].

Во многом подобные сюжеты аккумулировались представлениями о действенности чудесных свойств камней и животных, «описанной в популярной в среде мусульман Дагестана арабской книге под заглавием: «Харидатуль-эджаибъ», то есть, сумка чудесного, – свидетельствует П.-П.Г. Пржецлавский, – в которой, между прочим, описываются целебные свойства, заключающиеся в камнях, деревьях и разных животных» [4, с. 207]. Автор имеет ввиду известную работу «Харидат аль-Аджаиб ва фаридат аль-Гараиб» («Жемчужина чудес и уникальность странных вещей») арабского географа Абу Хафс Зейна ад-Дина Умара ибн аль-Музаффара ибн аль-Варди, (араб.: عمر ابن مظفر ابن الوردى), известного как Ибн аль-Варди, написанную в 1419 г. Действительно, произведение представляет собой географический трактат с разделом по естественной истории и содержит главы с материалом о свойствах и пользе камней, растениях, животных и птиц [17, с. 65–69].

В результате проведенного источниковедческого анализа можно констатировать, что работа П.-П.Г. Пржецлавского «Дагестан, его нравы и обычаи» представляет собой репрезентативный пример аналитической публицистики второй половины XIX в., характеризующейся синтезом документальной основы и субъективной авторской рефлексии. Данное произведение демонстрирует характерный для эпохи парадигмальный подход, где доминирующей функцией выступает не столько объективная фиксация этнографических реалий, сколько их ценностная интерпретация в контексте имперской идеологии. Методологический анализ структуры текста выявляет присущую художественно-публицистическим жанрам амбивалентность, проявляющуюся в диалектическом единстве фактографической точности и элементов литературной образности. Эта особенность детерминирует формирование специфического дискурса, в котором эмпирические наблюдения подвергаются трансформации через призму общественно-политических воззрений и эмоциональных реакций автора, порожденных центральным событием северокавказской истории – Кавказской войной.

Понятно, что, учитывая «остроту» проблематики, оценки войны в работе автора коррелировались с эмоционально-ценностными характеристиками. Сомнительного свойства оценочные клише («дикие народы», «туземцы», «отсталые народы»), сложившиеся в умах людей, зачастую не имевших ни малейшего представления о многовековом культурном опыте народов, применялись на протяжении многих десятилетий. Серьезного внимания требует динамичное состояние понятийно-категориального аппарата, кодирующего изменения в истории народов Северного Кавказа и массовом сознании российского общества. В частности, даже такие, казалось бы, нейтральные дефиниции как «горец», «кавказец» по-разному интерпретировались в прошлом и используются современными авторами. Еще более сложно определиться с содержанием понятий, перегруженных коннотациями: «дикие народы», «отсталые народы», «хищники» и т.п. [18, р. 196–197]

Анализ нарративов П.-П.Г. Пржецлавского позволяет выявить механизмы формирования имперского дискурса о народах Кавказа. Использование семиотически маркированных понятий с негативной коннотацией функционировало как инструмент идеологического конструирования, активизирующий в массовом сознании российского социума устойчивые когнитивные схемы восприятия образа «кавказца». Этот процесс реализовывался через систему бинарных оппозиций «цивилизация/варварство», где оценочные клише («дикие народы», «отсталые народы») выполняли не только дескриптивную, но и нормативную функцию, легитимируя колониальную политику. Парадоксальным образом, именно благодаря фиксации в пространстве периодической печати, эти нарративы сохранили ценность как исторические источники. Публикации в журналах, обладая свойствами документальных систем, обеспечили реификацию событийного ряда северокавказской истории, предотвратив их растворение в поле субъективных интерпретаций. Хронотопическая определенность этих текстов позволяет реконструировать не только фактологическую канву, но и дискурсивные практики эпохи.

Источниковедческий анализ подобных материалов требует применения многоуровневой методологии, включающей дискурс-анализ для деконструкции идеологических оснований; герменевтический подход для выявления имплицитных смыслов; компаративный метод для верификации данных и, наконец, контекстуальный анализ для реконструкции исторического фона. Таким образом, нарративы П.-П.Г. Пржецлавского представляют собой сложный объект исследования, где тенденциозность авторской позиции не отменяет, но усложняет их источниковедческую ценность, требуя от современного исследователя владения инструментарием критической интерпретации и понимания механизмов формирования исторических дискурсов.

Рассуждая о значимости субъективного взгляда, необходимо отметить его способность к открытию новых исследовательских возможностей для понимания многих событий изучаемого периода российской истории. Более того, подобный подход мог бы стать импульсом для проникновения в смежные области исторического познания (история ментальностей, историческая антропология, историческая психология и даже историческая психиатрия). Многие «великие, ценнейшие исторические прозрения, как считает Ф. Анкерсмит, всегда уходят корнями в непреднамеренные, бессознательные мемуары историков» [19, с. 391]. Размышляя над работами П.-П.Г. Пржецлавского можно добавить – и не историков, а многих людей, бывших участниками и свидетелями происходивших событий! Именно они позволяют вывести ранее незамеченные факты из тумана прошлого, более того, закрепить понимание значимой роли субъективности в репрезентации прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шеуджен Э.А. Предисловие // Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю. Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.) / Введение, подгот. текстов и коммент. Р. А. Тлепцок; ред. и авт. предисл. Э. А. Шеуджен. М.: Издательство социально-гуманитарных знаний, 2010. – 680 с.
2. Пржецлавский П. Несколько слов о военном и гражданском устройстве Чечни и Дагестана во время правления имама Шамиля // Кавказ. Тифлис, 1863. № 62–64.
3. Пржецлавский П. Воспоминание о блокаде города Дербента в 1831 году. (Из воспоминаний очевидца) // Военный сборник. 1864. № 2.
4. Пржецлавский П. Дагестан, его нравы и обычаи // Процесс инкорпорации Кавказа в российскую империю. Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.). С. 159–209.
5. Шамиль в Калуге. Записки полковника П. Г. Пржецлавского // Русская старина. 1877–1878. Т. XX. С. 253–276; С. 471–506. Т. XXI. С. 41–64.
6. Басханов М.К. Пржецлавский Павел-Платон Гиляревич // Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. М., 2005. С. 109.
7. Пржецлавский П.Г. Сборник русско-татарских разговоров для незнающих арабского письма, с присовокуплением полного словаря и необходимейших грамматических правил, объясняющих обороты простонародной речи на Аддорбаджанском и Кумыкском наречиях, общепонимаемых на Кавказе [Рукопись]: [автограф] / составлен состоящим по армейской кавалерии подполковником П.Г. Пржецлавским. 1862 года. Гуниб. – [Б. м.], 1858. – 268 с.
8. Руновский А.И. Записки о Шамиле пристава при военнопленном. Санкт-Петербург: тип. К. Вульфа, 1860. – 204 с.
9. Гаджиев Б.И. Шамиль. От Гимр до Медины. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1992. – 175 с.
10. Захарьин И.Н. Встречи и воспоминания: из лит. и воен. мира. СПб.: М.В. Пирожков, 1903. – 369 с.
11. Казиев Ш.М. Имам Шамиль. М., 2001.
12. Коран. Перевод смыслов и комментарии / Пер. с араб. и комментарии Э. Кулиев. М., 2005.
13. Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана 1830 г. // Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940. Т. III. Ч. I. 1804–1839.
14. Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Тифлис, 1873. Кн. 8.
15. Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис: Тип. И. Мартиросянца, 1893.

REFERENCES

1. Sheudzhen EA. Preface. *The process of incorporation of the Caucasus into the Russian Empire. Extracts from "Vestnik Evropy" (1802–1918), introduction, preparation of texts and comments by R.A. Tleptsok; ed. by E.A. Sheudzhen.* Moscow: Socio-humanitarian Knowledge Publishing House, 2010. (In Russ)
2. Przhetslavsky P. A few words about the military and civil structure of Chechnya and Dagestan during the reign of Imam Shamil. *Kavkaz*. Tiflis, 1863; 62–64. (In Russ)
3. Przhetslavsky P. Memory of the blockade of the city of Derbent in 1831 (From the memories of an eyewitness). *Voennyi Sbornik*. 1864; 2. (In Russ)
4. Przhetslavsky P. Dagestan, its morals and customs. *The process of incorporation of the Caucasus into the Russian Empire. Extracts from "Vestnik Evropy" (1802–1918)*. 2010: 159–209. (In Russ)
5. Shamil in Kaluga. Notes of Colonel P.G. Przhetslavsky. *Russkaya Starina*. 1877–1878; 20: 253–276, 471–506; 21: 41–64. (In Russ)
6. Baskhanov MK. Przhetslavsky Pavel-Platon Gilyarevich. *Russian military orientologists before 1917. Bio-bibliographical dictionary*. Moscow, 2005: 109. (In Russ)
7. Przhetslavsky P.G. *Collection of Russian-Tatar conversations for those who do not know Arabic script, with the addition of a complete dictionary and the most necessary grammatical rules explaining the turns of common speech in the Azerbaijani and Kumyk dialects, commonly understood in the Caucasus [Manuscript]*. Gunib, 1862. (In Russ)
8. Runovsky AI. *Notes on Shamil by a bailiff under a prisoner of war*. Saint-Petersburg: Typography of K. Wulf, 1860. (In Russ)
9. Gadzhiev BI. *Shamil. From Gimry to Medina*. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 1992. (In Russ)
10. Zakharyin IN. *Meetings and memories: from the literary and military world*. Saint-Petersburg: M.V. Pirozhkov, 1903. (In Russ)
11. Kaziev ShM. *Imam Shamil*. Moscow, 2001.
12. *The Quran. Translation of meanings and comments, transl. from Arabic and comments by E. Kuliev*. Moscow, 2005. (In Russ)
13. Rosen RF. Description of Chechnya and Dagestan in 1830. *Materials on the history of Dagestan and Chechnya*. Vol. III. Pt. I. 1804–1839. Makhachkala, 1940. (In Russ)
14. Komarov AV. Population of the Dagestan region. *Notes of the Caucasian department of the Imperial Russian Geographical Society*. Tiflis, 1873; 8. (In Russ)
15. *Summary of statistical data on the population of the Transcaucasian region, extracted from the family lists of 1886*.

16. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеоздат, 1990. 528 с.

17. Ибрагимов А.В. Произведение Ибн Аль-Варди «Харидат аль-аджаиб и фаридат аль-гараиб» // Eurasian Journal of Philology Science and Education, 131(1). С. 65–69.

18. Tleptsok R., Sheudzhen E. The Circassians (Adyghe): The Symbolic Meaning of the Caucasus Mountains // Fashion through History: Costumes, Symbols, Communication. Cambridge Scholars Publishing, 2017. Volume 1. P. 196-197.

19. Анкерсмит, Франклин Рудольф. Возвышенный исторический опыт / пер. с англ.: Олейников А. А. и др.; науч. ред. – А. А. Олейников. М.: Европа, 2007. – 609 с.

Tiflis: Typography of I. Martirosiyants, 1893. (In Russ)

16. Gumilev LN. *Ethnogenesis and the biosphere of the Earth*. Leningrad: Gidrometeoizdat, 1990. (In Russ)

17. Ibragimov A.V. The work of Ibn al-Wardi “Kharidat al-Aja'ib wa Faridat al-Gara'ib.” *Eurasian Journal of Philology, Science and Education*. 2018; 131(1): 65-69. (In Russ)

18. Tleptsok R., Sheudzhen E. The Circassians (Adyghe): the symbolic meaning of the Caucasus Mountains. *Fashion through History: Costumes, Symbols, Communication*. Cambridge Scholars Publishing, 2017; 1: 196-197.

19. Ankersmit F.R. *Sublime historical experience*, transl. from English; ed. by A.A. Oleynikov. Moscow: Evropa, 2007. (In Russ)

Поступила в редакцию 08.10.2025

Принята в печать 11.11.2025

Опубликована 15.03.2026

Recieved 08.10.2025

Accepted 11.11.2025

Published 15.03.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH221198-210>

Исследовательская статья

Албогачиева Макка Султан-Гиреевна

д.и.н, заведующая отделом этнографии Кавказа

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия
albmasc@mail.ru

РОЛЬ ЗИЙАРАТОВ В СУФИЙСКИХ ПРАКТИКАХ ПАЛОМНИЧЕСТВА ЖЕНЩИН-МЮРИДОВ ИНГУШЕТИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли зийаратов (мест почитания святых) в суфийских практиках паломничества женщин-мюридов в Ингушетии. Цель работы – выявить особенности религиозного опыта женщин-мюридов, совершающих паломничества к зийаратам, проанализировать мотивации, практики и социальное значение этих путешествий. Основное внимание уделяется женской религиозной активности, связанной с культом авлия Кунта-хаджи Кишиева и практиками паломничества к зийаратам, связанным с его именем. Результаты исследования показывают, что зийараты играют важную роль в духовной жизни женщин-мюридов. Паломничество к святым местам рассматривается как средство очищения души, искупления грехов, получения благословения (бараката) и установления личной связи с Аллахом и святыми. Они предоставляют возможность для общения, обмена опытом, укрепления социальных связей и чувства общности верующих. Зикры и ритуальные практики выступают в качестве мест, где женщины могут выразить свою религиозность, обсуждать жизненные проблемы и получать поддержку от других мюридов. Анализ мотиваций паломничества показывает, что женщины-мюриды руководствуются как личными, так и коллективными мотивами. Личные мотивы включают потребность в духовном росте, преодолении жизненных трудностей и укреплении веры. Коллективные мотивы связаны с поддержанием религиозных традиций, сохранением памяти о предках и укреплением социальной солидарности. В результате проведенного исследования удалось показать, что для женщин-суфиев посещение зийаратов является важным элементом религиозной и социальной жизни, дающей им возможность для духовного роста, социального взаимодействия и укрепления культурной идентичности.

Ключевые слова: ингуши; Кунта-хаджи; кадирийский тарикат; ислам; зикр; женщины-мюриды; суфийские практики; зийарат; ритуал

Для цитирования: Албогачиева М.С.-Г. Роль зийаратов в суфийских практиках паломничества женщин-мюридов Ингушетии // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 1. С. 198-210. doi.org/10.32653/CH221198-210

© Албогачиева М.С.-Г., 2026

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH221198-210>

Research paper

Makka S-G. Albogachieva
Dr. Sci., Head of Dep. of Ethnology of the Caucasus
Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of RAS, Saint-Petersburg, Russia
albmac@mail.ru

THE ROLE OF ZIYARATS IN THE SUFI PILGRIMAGE PRACTICES OF FEMALE MURIDS IN INGUSHETIA

Abstract. This article investigates the role of ziyarats (shrines dedicated to saints) within the Sufi pilgrimage practices of female murids in Ingushetia. The study aims to identify the specific characteristics of the religious experiences of these women, analyzing their motivations, ritual practices, and the social significance of their journeys. Central focus is placed on female religious activity associated with the cult of the awliya Kunta-Haji Kishiev, specifically the pilgrimages to shrines linked to his name. The research findings indicate that ziyarats play a vital role in the spiritual lives of female murids. Pilgrimage to these sacred sites is viewed as a means of spiritual purification, the atonement of sins, the attainment of barakat (divine blessing), and the establishment of a personal connection with Allah and the saints. Furthermore, these sites facilitate social interaction, the exchange of experience, and the strengthening of communal ties. Zikr and other ritual practices serve as platforms where women can express their religiosity, discuss life challenges, and receive support from fellow disciples. The analysis reveals that these women are driven by both personal and collective motivations. Personal ones include a need for spiritual growth, overcoming life's hardships, and reinforcing faith. Collective ones include the maintenance of religious traditions, preservation of ancestral memory, and the promotion of social solidarity. The study concludes that for Sufi women, visiting ziyarats is a fundamental element of both religious and social life, providing a vital space for spiritual development, social engagement, and the reinforcement of cultural identity.

Keywords: Ingush people; Kunta-Haji; Qadiriyya Tariqa; Islam; Zikr; female murids; Sufi practices; Ziyarat; ritual

For citation: Albogachieva M.S-G. The Role of Ziyarats in The Sufi Pilgrimage Practices of Female Murids in Ingushetia. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 1. P. 198-210. doi.org/10.32653/CH221198-210

© Albogachieva M.S-G., 2026

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2026

Введение

Паломничество к святым местам или зийаратам¹ характерно для многих мусульманских регионов мира. Посещение зийаратов является неканонической нормой, распространенной у многих народов, исповедующих ислам. Р.Р. Рахимов, посвятивший много исследований данной теме, пишет: «Культ святых и паломничество к священным местам позволяют верующему обратить взоры к духу конкретного подвижника религии (учителя и пира) или другого почитаемого объекта как к посреднику между Богом и им самим с конкретными целями. В этом случае страх перед Богом отступает, трансформируясь в надежду или, если можно так выразиться, становясь созвучным ей. <...> Таким образом, появляется возможность говорить о культе святых и паломнической практике не в контексте книжного ислама, а как об области народной религии, в значительной степени оторванной от доктринальных установок господствующей религии» [1].

Несмотря на внутренние противоречия, зийараты становятся некими центрами духовности и истории ислама во многих регионах мира. Эта тема нашла широкое отражение в трудах В.Н. Басилова [2], А.В. Сызранова [3], З.Р. Хабибулиной [4], Б.М. Бабаджанова и А.К. Муминова [5], И.В. Стасевич [6] Т.М. Айтберова [7], Д.А. Гусеновой [8] и многих других исследователей. Однако паломнические практики ингушских женщин не привлекли до настоящего времени должного интереса у исследователей, занимающихся изучением ислама в регионе. Данная статья является продолжением начатой работы по женским практикам и является более полной и расширенной версией опубликованных ранее статей по указанной теме.

Для изучения практик паломничества были проведены полевые исследования в Назрановском, Малгобекском и Сунженском районе Республики Ингушетия с 2020–2025 гг. Каждый исследователь в ходе работы сталкивается с тем, что обнаруживает материалы, которые ранее не были известны и никогда не удается поставить точку в разрабатываемой теме, так как все меняется очень быстро и материалы, опубликованные ранее, удачно дополняются новыми, ранее не известными сведениями. Наиболее продуктивным по опыту предыдущих лет показывает себя метод анкетирования, интервьюирования и включенного наблюдения. Для этого был проведен сбор материала среди женщин, практикующих и не практикующих громкий зикр (всего 62 человека). Отбор респондентов производился исключительно по гендерному принципу: женщины от 25 до 75 лет. Эта выборка была обусловлена тем, что нужно было понять, как относятся к зикрам сами участницы и молодое поколение женщин, которые против этих практик. Национальный состав – ингуши и чеченцы.

Большая часть интервью проводилась индивидуально, так как раскрывать свой внутренний мир и открываться перед кем-либо многие отказывались. Более насыщенными информацией были приватные беседы. Часть женщин не желали говорить на диктофон или видеокамеру, особенно если вопросы касались правомочности ритуальных практик, практикуемых женщинами.

Интервью проводилось на русском и ингушском языке. Эмпирический материал, собранный в ходе исследования, дополнил имеющиеся теоретические данные.

Основная часть

В ингушской среде суфизм существует уже более 150 лет, обладая уникальными локальными особенностями, свойственными региону. Приняв ислам окончательно в середине XIX в., ингуши начали активно практиковать громкий зикр. Эта суфийская практика получила распространение на Кавказе благодаря учению шейха Кунта-хаджи Кишиева (1812–?). В ингушском обществе практика зикра постепенно и неуклонно распространялась с 1847 г. [9, с. 24].

Кунта-хаджи дал разрешение женщинам практиковать громкий зикр. С указанного периода женщины постепенно начали вовлекаться в религиозную жизнь ингушского общества. Первыми стали участвовать в зикрах жены, сестры, дочери адептов Кунта-хаджи. Многие освоили чтение Корана, научились читать мавлиды и стали посещать зийараты. Практики посещения зийаратов женщинами,

¹ Зийарат в исламе – это благочестивое посещение, паломничество к святым местам, могилам пророков, святых, шейхов или имамов.

практикующими зикры, появились, как свидетельствуют имеющиеся данные, в начале XX в. и были связаны с культом поклонения тому или иному шейху. Мы не располагаем сведениями о том, кто конкретно возглавил указанное движение, но знаем, что с указанного периода практики паломничества были известны в ингушском обществе. В 30-х годах эта практика сошла на нет в связи с репрессиями и долгие последующие годы она была под запретом.

В 1944 г. ингуши были депортированы. Находясь вдали от дома долгие 13 лет ингушские женщины искали культовые места в Казахстане, где обращались к Аллаху с мольбами и просьбами о милости и прощении их в этом и в ином мире, о скорейшем возвращении на Родину². После возвращения из депортации в 1957 г. женщины начали собираться вместе, и к 70-м годам их религиозная община стала многочисленной. С этого периода религиозная женская активность не прекращалась, так как в духовной культуре ингушского народа культ *авлия* занимает важное место³. С ним связаны неканонические практики посещения зийаратов и природных объектов, обладающих сакральными свойствами. Они связаны с местной религиозной спецификой ислама и представляют собой симбиоз с домусульманскими традициями, существовавшими в местном обществе в период до принятия ислама. Что примечательно, многие адепты того или иного *авлийя*, не зависимо от гендерной принадлежности, считают свои ритуальные практики посещения зийаратов легитимными и допустимыми. В то же время «представители официальных исламских институций часто осуждают практику паломничества, а простые обыватели не видят противоречия между традицией посещения святых мест и нормами ислама, при этом они считают себя «настоящими мусульманами» [6, с. 552]. Как справедливо отмечают сами женщины, посещение зийаратов больше практикуется женщинами, нежели мужчинами. Возможно, это связано с тем, что они более эмоциональны и постоянно нуждаются в духовной подпитке, которую получают во время посещения зийаратов. Женщины живут в некой своей реальности, в которой значительную роль играют их наставницы и руководители в лице *туркха*⁴ и *тхамады*⁵. В этом контексте хочется отметить, что ритуальная практика женщин-мюридов в многом зависит не только от их личных предпочтений, но и желания наставницы.

Паломничество к «святым местам» оказывает глубокое влияние на духовную жизнь женщин, а через них и на общество в целом. Это не просто путешествие к святым местам, а путь к самопознанию, духовному росту и преображению. Женщины изменяются как внешне, из-за одежды соответствующей нормам ислама, но и внутренне. Совместное пребывание в святых местах с другими верующими укрепляет чувство общности и солидарности объединяют их общей целью – поиском духовной истины и приближением к Богу. Взаимная поддержка, духовные беседы и совместные молитвы создают особую атмосферу братства и любви, которая остается у паломниц на всю жизнь. Посещение этих мест позволяет паломницам прикоснуться к прошлому, увидеть культовые места, с которыми связана жизнь выдающихся деятелей ислама. Паломничество к этим зийаратам способствует сохранению и преумножению культурного наследия, делая его доступным для всех желающих.

Возрастной и социальный состав участниц зикра

Средний возраст современных женщин-мюридов – 45–70 лет. Как сообщают информанты, в 70-х годах возрастной состав женщин, практикующих зикры, был гораздо моложе. В тот период в религиозное братство могли приходиться даже девочки, которым исполнилось 10 лет, но это чаще всего были дочери или близкие родственницы женщин-суфиев. В связи с изменениями, произошедшим в обществе под влиянием реисламизации последних десятилетий, многие молодые женщины перестали участвовать в зикрах, руководствуясь мнением о неправомерности этих ритуалов. Современные участницы зикров в основном женщины возраста ритуальной чистоты, т.е. находящиеся в менопаузе. Многие из них вдовы или одинокие женщины, которые принимают самостоятельное решение о способах

2 ПМА 2023 г.

3 Авлия (аулия, вали) - в исламе это термин, обозначающий святых, праведников, приближенных к Аллаху.

4 Тхамада - старшина мюридов

5 Туркх – помощник исполнитель

совершенствования своего духовного мира. Женщины, практикующие зикр, в основном имеют среднее или незаконченное высшее образование, редко – высшее образование. Многие из них служащие, домохозяйки или пенсионерки.

Интервью одной из мюридов позволило увидеть не только практику зикра, но и причины ее прихода в это женское религиозное братство.

«Путь, который привел меня к тому, чтобы стать мюридом, был очень сложным. Я развелась с мужем и переехала жить к своему отцу в Малгобек. Отец был очень набожным человеком и в отличие от многих ингушских мужчин считал, что женщина имеет одинаковые права с мужчиной в отношении исполнения религиозных догм и различных предписаний Аллаха. Он каждую пятницу брал меня с собой в мечеть, чтобы я могла услышать проповеди имамов на ингушском языке. Ведь не зная арабский язык, мы не можем понять даже суть произносимых нами молитв, и этот шанс давал мне возможность углубиться в основу мусульманской религии. Я очень внимательно слушала хутбу во время пятничной молитвы и когда расходились мужчины спускалась на первый этаж в мужскую половину мечети, задавала свои вопросы имаму и получала на них обстоятельные ответы. Постепенно мне стало мало этого общения, и я стала ощущать некую неопределенную тоску и пустоту. Я понимала, что существует нечто большее, чем то, что можно увидеть и услышать, но я не знала что это. Случайно я стала свидетелем как проходил зикр на похоронах моей соседки. Здесь, в Ингушетии, в прошлом женщины-мюриды участвовали в зикрах после похорон женщин чаще, чем сейчас. Женщины, желавшие, чтобы после их похорон проводили в течение нескольких дней женские зикры, писали об этом в завещании. В настоящее время эта практика постепенно отмирает, но в 1970-х это было достаточно массовым явлением и мне хотелось стать участницей этого ритуала. Судьба меня свела с замечательной женщиной, которая была тхамадой в Малгобеке и на протяжении многих лет возглавляла эту группу женщин, практикующих зикры. Я попросилась вступить в их религиозное братство, и она назначила мне встречу. Когда я пришла, она попросила меня рассказать о себе, о семье и причинах, из-за которых я хочу вступить в группу практикующих зикр. Она просто слушала меня с вниманием и сочувствием, и когда я закончила свое повествование, предложила мне прийти в свое братство. Неопределенное чувство владело мной, и я находилась в некоторой неопределенности. В одну из ночей мне приснился сон. Я знаю, что нежелательно рассказывать сны, но Вам расскажу - Я еще только готовилась стать мюридом и была на пути обучения, как однажды ночью мне приснился сон. В нем ко мне подошел один старик неземной красоты, с большим посохом, как носят Кунтахаджинцы, с длинной бородой, в длинном зеленом халате, напоминающим ингушскую черкеску. С ним была очень красиво одетая женщина, в руках которой был сверток. Она его отдала мне, и тогда старик сказал: «Ты богом избранная девочка и ты должна идти этим путем. Ты совершишь хадж в будущем, но не сходи никогда с пути, который ты избрала. Посещай зийараты в Артане и делай зикры». Я проснулась, встревоженная пошла к Марем и рассказала увиденный мною сон. Она сказала, что это знак, что я должна стать мюридом. Я сказала, что под ее началом мне ничего не страшно. Марем была очень обрадована и пожелала, чтобы я не сворачивала с этого пути, что я Аллахом избрана и она хочет стать моей названной матерью как в этом мире, так и в другом. Я была очень тронута и приняла ее предложение. Марем научила меня суфийским практикам – зикру, мовлиду, назымам, различным дуа и техникам громкого зикра. Она объяснила мне, что цель суфизма – очистить сердце от эгоизма, зависти, злословия, любить людей, даже если они и обидели, быть благодарной за все, что нам дает Аллах»⁶.

Дресс-код женщин

Женщины, практикующие зикр, соблюдают определенный дресс-код, в котором самое важное условие – одежда, соответствующая нормам ислама. Женщины мюриды не носят черные абай, считая, что эта одежда совершенно не уместна для ингушских женщин. Большая часть из них отмечает, «наши

6 ПМА 2025 г.

мамы и бабушки, достигшие возраста 50–60 лет, надевали платки и носили платья, закрывающие тело, кроме ладоней и лица, даже в советскую эпоху. Эта одежда возрастных женщин была, есть и надеюсь будет, но не арабская, привнесенная сегодня в общество «новыми мусульманами»⁷. Женщины надевают преимущественно белую и зеленую одежду, но универсальной и единой формы одежды нет. Этого никто от них не требует, поэтому все приходят в той одежде, которая им удобна, комфортна и соответствует нормам ислама.

У всех женщин обязательно должны быть четки из 99 бусин, чтобы не сбиться со счета во время зикра. Вирд – задания, возложенные Кунта-хаджи на своих адептов, требует их строгое выполнение в срок. Среди них предписанные им обязательства, состоящие в пятнадцатикратном произнесении формулы *истиғфара* («Я прошу прощения у Аллаха») после каждой из пяти ежедневных молитв. Затем они стократно повторяют формулу *таухида*: «Ла илаха илла Ллах» («Нет бога, кроме Аллаха»). Завершается вирд пятикратным чтением *салавата*: «Аллахума соли ‘ала Мухаммади ва ‘ала али Мухаммад ва салим» («О Аллах, благослови и приветствуй Мухаммада и семью Мухаммада»). Эти вирд-задания, передаваемые из уст в уста, глубоко укоренились в соционормативной культуре ингушей, и последователи шейха стараются неукоснительно выполнять их в строгой последовательности. Четки, используемые при совершении вирда, стали атрибутом суфиев, как среди мужчин, так и среди женщин.

Наставницы и их функции

У женщин, как и у мужчин, есть старшина мюридов (инг. *тхамада*) и помощник-исполнитель (инг. *туркх*), которые выполняют функцию наставниц. Они являются авторитетными женщинами, адептами Кунта-хаджи. Они не имеют официально подтвержденного документа о религиозном образовании, но считаются в обществе очень компетентными в вопросах ислама женщинами. Для получения статуса наставницы важно обладание ораторским искусством, знания Корана и Сунны. Их мнение учитывается при решении религиозных вопросов, они выступают с проповедями и наставлениями, направленными на укрепление веры и нравственности в ингушском обществе. Традиционно *туркх* и *тхамада* были примером благочестия и моральной чистоты, их авторитет основывается на знаниях, мудрости и жизненном опыте. Большая часть наставниц происходят из очень религиозных семей, приверженцев кадийского тариката. Одна из руководителей братства рассказывала о себе и своих подопечных: «В основной своей массе в зикре женщины, которые искали духовную поддержку и руководство. Они приходили ко мне с разными проблемами и вопросами. Некоторые страдали от одиночества, другие – от депрессии, третьи – от семейных конфликтов. Я старалась помочь им всем, как могла. Я слушала их внимательно, давала им советы, делилась с ними своими знаниями и опытом. Я учила их суфийским практикам, таким как зикр, чтение Корана, умение через дуа доносить свои просьбы да Аллаха. Я учила их правильно двигаться и дышать. Брать на себя ответственность за свою жизнь, за свои поступки, за свои слова. Всегда приводила примеры из жизни жен и дочерей пророка Мухаммада и Кунта-хаджи. Со временем мои ученицы стали моими друзьями, моими сестрами, моей семьей. Мы делились друг с другом своими радостями и печалью, своими успехами и неудачами. Мы вместе молились, делали громкий зикр, исполняли назьмы. Мы создали свое небольшое суфийское сообщество, где царил любовь, мир и взаимное уважение. Зикры и регулярные встречи сделали нас одним целым. Сегодня, спустя много лет, я могу сказать, что моя жизнь удалась. Я стала суфийским учителем и воспитала много женщин-мюридов, которые стали духовными, счастливыми, успешными. Женский зикр – это не только религия, это искусство жить в гармонии с собой, с другими людьми и с Богом. Это путь любви, милосердия и мудрости, который доступен каждому, кто искренне ищет его. И я благодарна Аллаху за то, что он сделал меня мюридом Кунта-хаджи и позволил мне собрать вокруг себя женщин, которые душой и телом пронизаны любовью к Всевышнему Аллаху и своему авлийя»⁸.

⁷ ПМА 2024 г.

⁸ ПМА 2025 г.

Туркх и *тхамата* несут одинаковую ответственность за обучение своевременному и правильному исполнению зикра. В первую очередь женщины, приходящие в религиозное братство Кунта-хаджи, должны принять на себя обет выполнять вирд-задания, возложенные им на своих мюридов. Женщин обучает *тхамата*, но контролирует выполнение заданий, чаще всего *туркх*. Они вдвоем направляют и контролируют их в процессе обучения. От правильности выполнения обрядов и ритуалов зависит и результат. Женщина-*туркх* в основном обучает практике зикра. Она должна научить ученицу правильно дышать и двигаться, опираясь большей частью на правую ногу, во время кругового зикра, исполнять *назымы* и читать *мавлиды*. Все это необходимо знать каждой практикующей круговой зикр женщине, иначе она может нанести себе и другим травму во время быстрого бега по кругу, поэтому *туркх* контролирует ее движения, так как от ее умения зависит слаженное проведение ритуала. Пока ученица не освоит все необходимые практики, она не допускается в коллективный зикр. Одна из участниц зикра вспоминает, как *тхамата* обучала ее в самом начале появления в братстве. «Она была строгим учителем и не давала мне никаких поблажек, заставляла меня работать над собой, преодолевать свои недостатки, укрощать свои эмоции. Она учила меня видеть Бога во всем и во всех, даже в самых трудных ситуациях и самых неприятных людях. Это было достаточно трудно для меня. Я испытывала сомнения, неуверенность, страхи. Иногда мне казалось, что я никогда не смогу стать настоящим мюридом. Она всегда говорила на ингушском языке «быстрая вода не достигает моря» (инг. *six daxa xий фортадагI кхийтадац*). Что обучение важно и требует времени, терпения, усилий и глубокой веры. Что самое главное – это не бояться, не сдаваться, а продолжать двигаться вперед, несмотря ни на что. Аллах всегда рядом, Он поможет»⁹.

Туркх и *тамада* знают всех участниц коллективного зикра. Для женщин-мюридов коллективные зикры, *мавлиды*, паломничество, религиозные песнопения и *дуа* – это мольба к Богу, обращение к Всевышнему. Богословы отмечают, что «дуа у мусульман является наиважнейшей формой поклонения Всевышнему Аллаху и включает себя не только *дуа* о помощи у Аллаха, но и любой вид исламской мольбы о дозволенном в этом мире и Вечной жизни»¹⁰.

К сожалению, мусульманское *дуа*, как жанр устного народного творчества, не нашло фиксации в научных публикациях, но оно представляет значительный интерес как для филологов, так и для этнографов и исламоведов. Мы не будем расписывать содержание *дуа* женщин суфиев, эта тема будущих исследований, но их изучение очень важно для понимания современного состояния ислама. Вкратце отметим, что в зависимости от того, где находятся женщины, *дуа* может содержать кроме восхваления Аллаха, пророка Мухаммада, *авлия*, и другие различные просьбы, фиксирующие проблемы, переживаемые ингушским обществом или мусульманской уммой. Так, например, если кто-то болеет, то просят за него. «Долго болел сын знакомой женщины, и мы решили за него сделать коллективное *дуа*. Для этого мы ездили в Артане к *зийарату Хеди* и в этом намоленном месте обращались к Аллаху с просьбой помочь больному и дать ему исцеления от болезни. Прошло несколько недель, и знакомая нам сообщила, что ее сын, который на протяжении нескольких лет болел, начал поправляться»¹¹.

Туркх, как наставница, отвечает за каждую женщину не только в ритуальной практике, но и в повседневной жизни.

Женские собрания для зикра обычно организуются по понедельникам и четвергам. Особое почитание этих дней связано с тем, что ночь перед понедельником ознаменована рождением пророка Мухаммеда, а в ночь на четверг родился Кунта-хаджи. Собираются женщины для проведения ритуала днем, стремясь приурочить его начало ко времени, близкому к полуденной молитве. Более детальное описание этого ритуала можно найти в работе М.С.-Г. Албогачиевой [10, с. 155].

Не смотря на преклонный возраст большинства женщин-мюридов, они занимаются активной помощью больным, нуждающимся и малоимущим. Традиция взаимопомощи в ингушском обществе сыграла исторически важную роль в преодолении многих кризисов. Помощь женщин-мюридов зачастую бывает анонимной, так как это считается более богоугодным деянием. Таким образом, мы видим, что *туркх* и *тхамата* являются важными фигурами в ингушском обществе, которые играют значительную роль в сохранении традиций, укреплении веры и поддержании общественной идентичности.

9 ПМА 2025 г.

10 Что такое *дуа* // <https://medinaschool.org/library/creed/dua/chto-takoe-dua>

11 ПМА 2023 г.

Зийараты

Паломничество женщин к зийаратам в периоды мусульманских праздников, включая день рождения Кунта-хаджи, обычно проводятся большими группами. Индивидуальные поездки к святым местам совершаются в случае болезни или трудных обстоятельств у близких и родных. Такая практика сложилась исторически давно, продолжалась в советское время и поддерживается в наши дни. Отсутствие возможности посетить Мекку для совершения хаджа в советский период побуждало верующих совершать паломничества к доступным святыням пешком или на транспорте. М. Ваचाгаев¹² отмечал, что для адептов Кунта-хаджи «семикратное посещение могилы шейха Ташу-хъажи в Саясане и матери Кунта-хъажи Хеди в Эртан-Корта считалось эквивалентом хаджа в Мекку» [11, с. 54]. Так конечно считали не все верующие, но, тем не менее, паломничество существовало. Возможность совершать хадж в Мекку открылась для мужчин в 1990 г. Женщины из Ингушетии смогли посетить Саудовскую Аравию и совершить хадж только в эпоху современной России.

Хадж в Мекку является заветной мечтой для многих женщин, участвующих в зикрах. Несмотря на поддержку меценатов, которые отправляют определенное количество соотечественников в хадж, зачастую эта мечта оказывается несбыточной из-за высокой стоимости такого путешествия. Но, как сообщают респонденты, женщины-мюриды не испытывают разочарования, так как всегда могут совершить паломничество к зийаратам, связанным с жизнью и деятельностью Кунта-хаджи и других выдающихся деятелей Кавказа. Регулярно участвуя в зикрах, они хорошо осведомлены о ключевых датах религиозных праздников и различных событиях, проводимых как в Ингушетии, так и в соседних регионах Кавказа. Эта активность не всегда связана исключительно с кадирийскими братствами Кунта-хаджи Кишиева, Хусейн-хаджи Гарданова, Али Митаева, в которых женщины участвуют в групповом зикре, но и с историей ислама в регионе.

Из рассказов респондентов стало известно, «что большая группа женщин ездила в Грозный в 2012 году посмотреть реликвии, связанные с жизнью пророка Мухаммеда привезенные из Объединенных Арабских Эмиратов, в 2015 году принимали участие в праздничных мероприятиях, посвященных юбилею города Дербент, посещали во время мусульманских праздников Мемориальное кладбище «Кърхляр», ездили на открытие значимых мечетей»¹³.

Современные социальные сети объединяют женщин, участвующих в зикрах, независимо от их возраста. Они способствуют их высокой мобильности: здесь размещается вся информация о предстоящей поездке, ее стоимости, подробно расписан маршрут и места остановок. В Ингушетии существуют особые гиды, выступающие в роли проводников для паломников - последователей Кунта-Хаджи. Такие гиды хорошо осведомлены о жизни шейха и его семьи. Они формируют группы и организуют поездки по значимым для кунтахаджинцев местам, учитывая пожелания участников группы. Местами почитания считаются не только могилы святого и его родственников, но и различные природные объекты, имеющие отношение к их деятельности, такие как холмы, горы, источники и камни, которые, как они верят, обладают особой силой и благодатью.

Маршрут этих паломнических поездок охватывает как Ингушетию, Чечню так и Дагестан, включая все зийараты, связанные с именами выдающихся деятелей ислама. В случае большого количества паломниц используются микроавтобусы, а для небольших групп – минивэны.

Для обозначения автомобиля с паломниками на зеркало заднего вида крепится зеленый флажок или на лобовом стекле крепится табличка – «Паломники», чтобы другие водители знали о религиозной цели поездки. Отправление обычно происходит из Назрани, с обязательным посещением селения Барсуки в Назрановском районе, где находится зийарат *тхамады* кадирийского тариката Тешала Ужахова, которого Кунта-Хаджи в 1847 г. рекомендовал ингушам в качестве главы общины во время своего пребывания в Ингушетии. Далее паломницы направляются в Чечню, к зийарату матери Кунта-Хаджи.

Во время всего путешествия женщины возносят молитвы и исполняют религиозные песнопения (*назымы*). Существует множество *назымов*, повествующих о жизни Кунта-хаджи, его роли в истории

12 Ваचाгаев Майрбек Момуевич - 1 сентября 2023 г. Министерством юстиции России внесён в список физических лиц – «иностранных агентов».

13 ПМА 2023 г.

народа и его значении в укреплении ислама в регионе. Выражая почтение его близким, паломницы посвящают часть песнопений его родителям и брату.

Одна из моих информантов – Лида (Седа) Арцханова, практикующая громкий зикр. Она обладает красивым голосом, знает много религиозных песнопений и читает *мавлиды*. Лида (Седа) и исполнитель, и собиратель этих религиозных песнопений. Часто Лиду просят быть запевалой *назымов*. В долгой дороге религиозные песнопения исполняют по очереди несколько женщин.

Приехав на зийарат, женщины переходят от песнопений к чтению зикра, который длится все время посещения святыни и по дороге к нему после выхода из транспортного средства.

Раньше паломникам было очень трудно совершать зийараты, так как дороги были разбиты и запущены. В начале XXI в. здесь начались массовые восстановительные дорожные работы. В 2016 г. глава региона отреставрировал все зийараты Чечни и проложил к ним хорошие дороги независимо от их вирдовой принадлежности. Но самым важным, особо почитаемым и посещаемым является зийарат Хеди – матери Кунта-хаджи. В Чечне 10 июня в день рождения шейха Кунта-Хаджи Кишиева всех желающих посетить зийарат Хеди обеспечивают бесплатным транспортом, чтобы облегчить им процедуру паломничества. Инфраструктура и окрестности зийарата Хеди за последние десятилетия заметно улучшились.

Дорога к зийарату Хеди проходит через село Сержен-юрт, в котором имеется дом и мечеть для паломников. Их построил Султан-хаджи Насухаев и его супруга Тамара в 2003 г. В доме для паломников имеются две отдельные для женщин и мужчин комнаты для совершения омовения, намаза, зикра и хорошо оборудованная всем необходимым столовая¹⁴.

В окрестностях зийарата имеется большое количество мест, связанных с личностью шейха Кунта-хаджи. В этом контексте следует подчеркнуть, что местные суфии адаптировали под ислам практики языческих культов. Замечено, что определенные природные объекты в этих местах наделяются священным значением. К ним относятся сад и огород, где до сих пор растет дерево, посаженное шейхом, камень, служивший ему для омовений, и источник, вода которого почитается как целебная. Множество паломников прибывают сюда, заранее приготовив емкости для воды. После выполнения всех религиозных обрядов, на обратной дороге они посещают село Илсхан-Юрт в Гудермесском районе, где расположены зийараты отца Кунта-хаджи Кишиева и его брата Моцы, которые в народе также очень почитаемы. Эти места не остаются без паломников никогда, но самая значительная часть посетителей бывает, конечно, в мусульманские праздники и в день рождения Кунта-хаджи Кишиева.

Правила поведения во время посещения зийарата

Посещение зийаратов, согласно установившимся правилам, подчинено строгому порядку. Ритуал включает в себя полное или частичное омовение и произнесение молитв. Приближаясь к зийарату, необходимо поприветствовать всех, кто покоится на кладбище, вознести молитвы к Аллаху и обойти могилу трижды. Обход совершается против часовой стрелки. Некоторые паломники прикасаются рукой к зийарату, хотя другие считают это нежелательным. Ранее, как вспоминают паломницы, вход внутрь здания зийарата был запрещен, поэтому обход осуществлялся снаружи. В настоящее время, помимо обхода, многие совершают намаз и читают молитвы внутри зийарата, но важно помнить о запрете совершения намаза лицом к могиле. Дополнительный намаз можно совершить на специальной веранде или в близлежащей мечети. Уходить следует спиной вперед, будучи обращенным лицом к зийарату. Перед уходом паломники останавливаются и читают дуа, прося устаза о заступничестве перед Всевышним.

Несмотря на то, что описанные ритуалы паломничества вызывают разные мнения, как сторонников, так и противников, респонденты отмечают, что количество паломников по-прежнему велико. Желание проводить время в молитвах на зийаратах остается важным показателем религиозной жизни последователей Кунта-хаджи.

¹⁴ ПМА 2025 г.

Современное состояние женской религиозной общины

В наши дни наблюдается снижение числа молодых последовательниц зикра. Это обусловлено как местной критикой данных практик и убеждением в их не легитимности, так и нежеланием молодых девушек и женщин посвящать себя чтению молитв, выполнению вирд-заданий, выделять время на громкие зикры. Значительную роль в этом играют также мужчины – мужья и братья, которые часто считают подобные практики неприемлемыми. Год за годом вовлеченность молодежи в ритуальные женские практики неуклонно сокращается. Женщины, практикующие зикры более полувека, утверждают, что даже атеистическая пропаганда времен коммунизма не нанесла религии такого ущерба, как современное влияние салафитов, выступающих против суфийских практик, как женских, так и мужских.

Несмотря на это, для тех, кто остается частью этой социокультурной группы, жизнь без этих практик теряет смысл. В рамках зикра и во время паломничеств женщины находят пространство для самовыражения и духовного развития, которое может быть ограничено в других аспектах их жизни. Они становятся активными участницами религиозных дискуссий, формируя собственное понимание ислама и роли женщины в нем. Это позволяет им не только сохранять традиции, но и адаптировать их к современным условиям, создавая уникальную форму религиозности, сочетающую элементы исторического наследия и современности.

Интернет в жизни паломниц

Женщины-мюриды активно пользуются социальными сетями для репрезентации своей группы в интернете и используют различные Интернет-ресурсы, посвященные суфизму и лидерам суфийских сообществ. Они посещают каналы YouTube, Telegram, Instagram, TikTok и др., «где представлена самая разнообразная информация о жизни мусульман, их религиозных ритуалах и практиках; на страницах социальных сетей мусульмане делятся своими личными мнениями и переживаниями о самых разных аспектах окружающей их действительности; блоги и частные видеоролики в деталях рассказывают и показывают повседневную жизнь верующих. В киберпространстве мусульмане обсуждают вопросы выполнения обрядов, оспаривают религиозные авторитеты, транслируют религиозные знания и участвуют в ритуалах» [12, с. 5]. Многие из жизни суфиев находят отражение в их переписках и статусах участниц зикра. Организация встреч и мероприятий происходит через переписку в группах. Рассылку делают наставницы всей группе. Чаще всего видеofиксацией мероприятий занимаются женщины помоложе, так как старшие не считают это нужным. Но женщины в возрасте до 65 лет почти все умеют пользоваться видеокамерой и фотографировать все достопримечательности, которые для них важны. Заходя на страницы WhatsApp, можно почти каждый день находить новые фото и видеоматериалы из жизни женщин-суфиев. Несмотря на то, что в прошлом фотографирование считалось недопустимым и нежелательным, современные паломницы не видят в этом ничего предосудительного. Они много фотографируют и делают видео своих поездок, которые в последствии выкладывают на своих страницах в Instagram и WhatsApp

В таких группах состоят не только женщины из Ингушетии, но и соседних регионов, практикующих суфийские практики. Естественно, это закрытые группы, в которые не допускаются незнакомые им люди. Такая форма общения особенно активно стала внедряться в обществе в период пандемии, ускорив процесс перехода женщин в онлайн-пространство. Вспоминая этот период, женщины говорят, что наличие такого пространства очень гармонизировало их внутреннее душевное состояние в период изоляции. Им стало доступно большое количество информации из социальных сетей, касающееся религии и суфизма. «Для людей, оставшихся в изоляции, он стал основным источником информации, позволяющим находить ответы на вызовы новой повседневности. Большая часть общества, бывшая в стороне от интернет-технологий, вынуждена была перестроиться на новый источник информации» [13, с. 136]. Значительная часть имамов мечетей Ингушетии создали свои аккаунты в Instagram, на YouTube канале и других социальных сетях, где можно получить ответы на многие вопросы, связанные с исламом. За это время количество роликов адептов того или иного шейха увеличилось во много раз. Это ярко иллюстрирует, насколько высок культ шейхов-*аулийа* и насколько сильна вера в них в обществе.

С указанного периода возросла религиозная активность женщин в интернет-пространстве. Появление такой платформы во многом облегчило жизнь женщин-мюридов и дало новый импульс для фиксации своей жизни.

Возможности социальных сетей значительно расширили аудиторию суфийских братств. Если нужно помолиться за тяжело больного пишут текст о том, что в такой-то больнице лежит больной с указанием болезни и фамилии и просьбой сделать за него дуа о выздоровлении. Либо обращаются за помощью на лечение такого-то больного, которому требуется дорогостоящая операция. Что примечательно, такое обращение не имеет региональной привязки: на него отзываются, как правило, те, кто связан родством или дружбой с подписчиками опубликованного призыва к помощи канала, независимо от того, является он представителем того или иного тариката или религиозного братства.

В канун важных мусульманских праздников или памятных дат такие каналы выкладывают на своих страницах в социальных сетях или пересылают перечень и количество молитв, которые желательно читать в определенный день, испрашивая у Аллаха милость и заступничество в Судный день. В сообщениях даже расписывается какая доля милости может быть получена за то или иное количество молитв, произнесенных в указанное в сообщениях время и какова их ценность, если их читать в определенное время. Вера в силу коллективных молитв и их значение для многих верующих еще остается значимым психологическим приемом, позволяющим им рассчитывать на божью благодать, используя социальные сети.

Как вспоминают женщины старшей возрастной группы, в 70–90 гг. они выполняли социально значимую функцию в обществе, заключающуюся в духовном воспитании девочек. Они проводили у себя дома занятия, обучая их молитвам и рецитации Корана. Высока была их роль в организации помощи при строительстве дома, лечении больных, пользуясь своим непререкаемым авторитетом в обществе, они могли привлечь к этому своих родственников и знакомых, подключить все возможные ресурсы. Женщины рассказывают, что много молитв они обращали к Аллаху во время войн в Афганистане, Чечне, осетино-ингушском конфликте и других, с просьбой о скорейшем окончании этих трагедий. В тяжелые годы военных событий они проводили коллективные зикры с женщинами - адептами Кунта-хаджи из Чечни, поддерживали милостыней *садака* беженцев из Северной Осетии-Алании и вынужденных переселенцев из Чеченской республики.

В советский период женщины-мюриды обладали широкими полномочиями в ингушском обществе, их мнение учитывалось при рассмотрении различных вопросов касающихся прав женщин. Например, их высокий статус позволял им выступать медиаторами при бракоразводных процессах. В настоящее время решение таких вопросов происходит в шариатском суде [14, с. 114], который выполняет консультативную функцию, где учитываются нормы шариата, а женщина без *махрама* не может быть ответчиком при любом судебном разбирательстве. Женщины-мюриды в нем влияния не имеют.

Конкурируя с медийным исламом, женщины-мюриды проигрывают в степени влияния на молодежь. С годами их функции в обществе отходят на второй план. Их стало меньше, они не так значимы как раньше. Их авторитет в глазах молодого поколения падает, так как они, по их мнению, не компетентны во многих вопросах, касающихся ислама. В прошлые времена эти женщины были носителями не только знаний про религию, но и обладали очень большим авторитетом в обществе людьми. В настоящее время необходимость в их консультативной помощи стремительно сокращается. «В русскоязычном интернете функционируют более сотни различных сайтов исламской тематики независимо от мазхаба (школ шариатского права в исламе) и целевой направленности; имеется раздел, посвященный вопросам семьи и женщин. Все они транслируют преимущества мусульманского образа жизни, рассматривают проблемы, с которыми приходится иметь дело женщинам, решившим жить по шариату в светском государстве, публично демонстрируя свою религиозность с помощью одежды и других символов» [15, с. 122].

Современное ингушское общество подвержено влиянию глобализации и секуляризации, что приводит к изменениям роли *туркха* и *тхамады*. Распространение религиозного образования, средств массовой информации и интернета ослабляет авторитет религиозных наставников и создает новые источники информации и знаний. В этой ситуации роль женщин-мюридов стать мостом между традициями и современностью, передать мудрость предков и укрепить исламские ценности в ингушском обществе. Религиозная жизнь ингушских женщин не исчерпывается лишь присутствием на религиозных

церемониях. Она пронизана будничными действиями, такими как изучение Корана, выполнение обязательных молитв, соблюдение религиозного поста, а также занятие добрыми делами и укрепление общественных отношений.

Заключение

Проведенное исследование позволяет увидеть наметившийся раскол в современном ингушском обществе через отношение к женской суфийской религиозной практике. Старшее поколение ингушских религиозных деятелей, как правило, не видит ничего плохого в проведении женского зикра или паломничествах и в целом одобряет эти обычаи. Подтверждением тому служит и устройство женской половины в новой джума-мечети в Назрани в 1996 г., возведенной по просьбе женщин, участвующих в зикре. Они, подобно мужчинам, подчеркивали важность проведения большего количества времени в молитвах в мечети в течение месяца Рамадан.

В советскую эпоху местное общество придавало большое значение личности духовного учителя (*устаза*). Старшее поколение придерживается норм традиционного ислама, в которое важное место занимали суфийские практики. На современном этапе значительная часть молодежи считает, что все суфийские практики – зикры, мавлиды, посещение зийаратов – противоречат нормам ортодоксального ислама. Молодые люди, получившие образование в странах арабского мира, стали распространять в местном обществе нормы ислама, которые существуют в тех странах, в которых они обучались, но они чужды и не приемлемы для современных ингушей. Общество поделилось на две части в котором стали превалировать новые ценности и новые исламские нормы, противопоставляющие «традиционный» ислам старшего поколения и ислам «новых» молодых мусульман.

Старшее поколение идеализировало женщин, практикующих зикры. Их высокий социальный статус проявлялся в участии во всех значимых событиях: похоронах, свадьбах, праздниках по поводу рождения ребенка, возвращения из армии, долгого отсутствия на родине членов семьи, где их просили прочитать мавлиды и дуа.

На современном этапе постепенно вырождается и институт суфийского наставничества, существовавший в ингушском обществе с середины XIX в. Его место стали занимать интернет ресурсы, из которых некоторые современные мусульмане черпают знания об исламе.

Таким образом, религиозные групповые зикры и функционирование сети зийаратов выступают в настоящее время фактором поддержания женских суфийских практик. Возможно женщины-мюриды смогут адаптироваться к меняющимся условиям современного мира и стать мостом между традициями и современностью в ингушском религиозном обществе.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках работы по теме НИР «Россия — Запад — исламский мир: конфликты и взаимодействие в конкурентных парадигмах пространственного развития (историко-культурные, музейные и архивные источники)» (рук. Е.А. Резван).

Acknowledgements. This research was supported by the project “Russia – The West – The Islamic World: Conflicts and Interaction in Competitive Paradigms of Spatial Development (Historical-Cultural, Museum, and Archival Sources)” (Principal Investigator: E. A. Rezvan).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рахимов Р. Своеобразие ислама в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2011. № 1. С. 97–114.
2. Басилов В.Н. Культ святых в исламе. М.: Мысль, 1970. 144 с.
3. Сызранов А.В. Святые места мусульман Астраханского края: историко-этнографический очерк. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2006. 51 с.
4. Хабибуллина З.Р. Паломничество мусульман к могилам «святых» в поле деятельности уполномоченного Совета

REFERENCES

1. Rakhimov R. The originality of Islam in Central Asia. *Russia and the Muslim world*. 2011; 1: 97-114. (In Russ)
2. Basilov VN. *Cult of saints in Islam*. Moscow: Thought, 1970. (In Russ)
3. Syzranov AV. *Holy places of Muslims of the Astrakhan Territory: historical and ethnographic essay*. Astrakhan: Publishing House "Astrakhan University," 2006. (In Russ)
4. Khabibullina ZR. Pilgrimage of Muslims to the graves of "saints" in the field of activity of the authorized Council for

по делам религиозных культов в БАССР // Этнос. Общество. Цивилизация: IV Кузеевские чтения: Мат. междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Полиграфсервис, 2015. С. 201–204.

5. Бабаджанов Б. Муминов А. Мавзолей Наджм ад-дина Кубра как символ расцвета культа святых в Хорезме золотоордынского периода // *Journal of Central Asian History*. 2023. Vol. 2. No. 2. P. 176–229.

6. Стасевич И.В. Роль паломничества в формировании религиозной идентичности (на материалах казахской культуры) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. № 2. С. 550–562.

7. Айтберов Т.М. Эпитафии шейхов братств Сафавийа, Халватийа и Сухравардийа в Дагестане: к истории ирано-дагестанских связей XV в. // Дагестан и мусульманский Восток. Сборник статей / Сост. и отв. ред. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М.: Марджани, 2010. С. 179–188.

8. Гусенова Д.А. «Женские практики» в неканоническом паломничестве в исламе // *Исламоведение*. 2021. Т. 12. No 2. С. 71–83

9. Мальсагов М.С. Древо жизни. Нальчик, 1999.

10. Албогачиева М.С.-Г. Женские суфийские практики громкого зикра в Ингушетии. // *Ислам в современном мире*. 2018. № 2. С. 149–164.

11. Вачагаев М. Шейхи и зияраты Чечни. М., 2009.

12. Хабибуллина З., Муратова Э. Виртуальный ислам на постсоветском пространстве: киберсреда и религиозные авторитеты. Баку: AVE Print, 2023. 258 с.

13. Албогачиева М. Суфизм в Ингушетии в условиях пандемии COVID-19 // Суфизм после СССР. Москва – Санкт-Петербург: Марджани, Аль-Макам, 2022. С. 121–139.

14. Албогачиева М.С.-Г. Функционирование в Ингушетии трехзвенного суда: адатного, шариатского и российского (XIX в.) // Лавровский сборник. СПб РАН, 2009. С. 114–118.

15. Хабибуллина З.Р. Ислам и гендер в Интернете: женщины, режим видимости и борьба со стереотипами // *Этнография*. 2021. №4 (14). С. 119–137.

Religious Cults in the BASSR. *Ethnos. Society. Civilization: IV Kuzeev readings: Mat. International scientific practice. conf.* Ufa: Polygraphservice, 2015: 201–204. (In Russ)

5. Babadzhanov B. Muminov A. Mausoleum of Najm ad-din Kubr as a symbol of the heyday of the cult of saints in Khorezm of the Golden Horde period. *Journal of Central Asian History*. 2023; 2(2): 176–229. (In Russ)

6. Stasevich IV. The role of pilgrimage in the formation of religious identity (based on materials of Kazakh culture). *Bulletin of St. Petersburg University. History*. 2022; 67 (2): 550–562. (In Russ)

7. Aitberov TM. Epitaphs of the sheikhs of the fraternities Safaviya, Khalvatiya and Sukhrawardiya in Dagestan: to the history of Iranian-Dagestan ties of the 15th century. *Dagestan and the Muslim East. Collection of articles/Comp. and resp. ed. A.K. Alikberov, V.O. Bobrovnikov*. Moscow: Marjani, 2010: 179–188. (In Russ)

8. Gusenova DA. "Women's practices" in non-canonical pilgrimage in Islam. *Islamic studies*. 2021; 12(2): 71–83. (In Russ)

9. Malsagov MS. *Tree of life*. Nalchik, 1999. (In Russ)

10. Albogachieva MS-G. Women's Sufi practices of loud dhikr in Ingushetia. *Islam in the modern world*. 2018; 2: 149–164. (In Russ)

11. Vachagaev M. *Sheikhs and Ziyarats of Chechnya*. Moscow, 2009. (In Russ)

12. Khabibullina Z., Muratova E. *Virtual Islam in the post-Soviet space: cyber environment and religious authorities*. Baku: AVE Print, 2023.

13. Albogachieva M. Sufism in Ingushetia in the context of the COVID-19 pandemic. *Sufism after the USSR*. Moscow – Saint Petersburg: Marjani, Al-Makam, 2022: 121–139. (In Russ)

14. Albogachieva MS-G. Functioning in Ingushetia of a three-link court: adat, sharia and Russian (XIX century). *Lavrovsky collection*. Saint Petersburg RAS, 2009: 114–118. (In Russ)

15. Khabibullina ZR. Islam and gender on the Internet: women, visibility and the fight against stereotypes. *Ethnography*. 2021; 4 (14): 119–137. (In Russ)

Поступила в редакцию 15.04.2025

Принята в печать 13.10.2025

Опубликована 15.03.2026

Received 15.04.2025

Accepted 13.10.2025

Published 15.03.2026

ЭКСПЕДИЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH221211-229>

Исследовательская статья

Бакушев Марат Артурович
к.и.н., научный сотрудник
ООО «Культурное наследие», Москва, Россия
bakart@mail.ru

Эрлих Владимир Роальдович
д.и.н., главный научный сотрудник
Государственный музей искусства народов Востока, Москва, Россия
verlikh@bk.ru

Спасская Наталья Николаевна
к.б.н., доцент, ученый секретарь
Научно-исследовательский Зоологический музей МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
equusnns@mail.ru

Лагожа Артур Павлович
лаборант
ООО «Культурное наследие», Москва, Россия
ayvy.aptn@gmail.com

КУРГАН ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ С КОМПЛЕКСОМ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ГОРНОЙ АДЫГЕЕ

Аннотация: Статья вводит в научный оборот материалы раскопок кургана эпохи средней бронзы «Дегуако-89», который находился в горной части Адыгеи у станицы Даховской на Дегуакской поляне. Под каменной насыпью кургана было обнаружено парное безинвентарное захоронение (погребение 2) двух мужчин эпохи средней бронзы. Ввиду отсутствия в погребении инвентаря, оно было датировано по сосуду из тризны и каменной курганной насыпи, имеющей датированные аналогии на Дегуакской поляне. Также в кургане было найдено впускное мужское погребение (погребение 1) раннего железного века, датированное по найденному в нем ножу эпохой раннего железа (временем не ранее второй половины VIII в. до н.э.) и пристроенный к кургану ритуальный комплекс или конская могила, содержащая скелеты двух или трех лошадей. Лошади могли быть принесены в жертву во время совершения впускного погребения 1 в эпоху раннего железа, но не исключена возможность их отдельного захоронения как почитаемых у кургана с человеческими захоронениями. Из инвентаря этого комплекса происходят два комплекта упряжи, перстневидные бляшки, наконечники стрел и копья, оселок, бусы, а также развалы нескольких сосудов. Материалы ритуального комплекса или конской могилы датируются третьей четвертью VII в. до н.э. и находят широкие аналогии в широком круге памятниках раннескифского времени, в том числе с территории Западного Кавказа, свидетельствуют о культурном единстве материальной культуры населения предгорной и горной зон, показывая в то же время некоторые различия в деталях погребального обряда и восполняя имевшуюся хронологическую лауну меотского присутствия в это время в «горном» варианте меотской культуры.

Ключевые слова: горная Адыгея; курган, эпоха средней бронзы; раннескифский период; меоты; узда; конские погребения.

Для цитирования: Бакушев М.А., Эрлих В.Р., Спасская Н.Н., Лагожа А.П. Курган эпохи средней бронзы с комплексом раннескифского времени в горной Адыгее // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 1. С. 211-229. doi.org/10.32653/CH221211-229

EXPEDITIONS

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH221211-229>

Research paper

Marat A. Bakushev
Cand. Hist. Sci., Researcher
LLC “Cultural Heritage”, Moscow, Russia
bakart@mail.ru

Vladimir R. Erlikh
Dr. Hist. Sci., Chief Researcher
State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia
verlikh@bk.ru

Natalia N. Spasskaya
Cand. Biol. Sci., Assoc. Prof., Scientific Secretary
Zoological Research Museum at MSU, Moscow, Russia
equusnns@mail.ru

Arthur P. Lagozha
Laboratory Assistant
LLC “Cultural Heritage”, Moscow, Russia
ayvy.aptn@gmail.com

A MIDDLE BRONZE AGE KURGAN WITH AN EARLY SCYTHIAN COMPLEX IN MOUNTAINOUS ADYGEA

Abstract. This article introduces the excavation materials of the Middle Bronze Age kurgan “Deguako-89,” located in the mountainous region of Adygea near the village of Dakhovskaya on the Deguako Plain. Beneath the stone mound of the kurgan, a double burial (Burial 2) of two Middle Bronze Age men was discovered. Due to the absence of grave goods, the burial was dated based on a vessel found in the funeral feast (trizna) remains and the structural characteristics of the stone mound, which has dated analogies across the Deguako Plain. Additionally, an intrusive male burial (Burial 1) from the Early Iron Age was identified within the kurgan. This burial is dated by an iron knife to no earlier than the second half of the 8th century BCE. Associated with the kurgan is an attached ritual complex or horse burial containing the skeletal remains of two or three horses. While these horses may have been sacrificed during the interment of Burial 1, it is also possible they represent a separate commemorative offering at a site already sanctified by human remains. Artifacts recovered from this complex include: two sets of horse harnesses and ring-shaped plaques; arrowheads, spearheads, and a whetstone; beads and the fragmented remains of several ceramic vessels. The materials from the ritual complex/horse burial date to the third quarter of the 7th century BCE. These finds share broad analogies with a wide range of Early Scythian period sites, including those in the Western Caucasus. They attest to the material cultural unity between populations of the foothill and mountain zones, while simultaneously revealing nuanced differences in funerary rites. Furthermore, these findings fill a significant chronological lacuna regarding the Maeotian presence within the “mountainous” variant of Maeotian culture during this period.

Keywords: Mountainous Adygea; kurgan; Middle Bronze Age; Early Scythian period; Maeotians; bridle; horse burials

For citation: Bakushev M.A., Erlikh V.R., Spasskaya N.N., Lagozha A.P. Middle Bronze epoch kurgan with the complex of Early Skythian time in mountain Adygea. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 1. P. 211-229. doi.org/10.32653/CH221211-229

Весной 2025 г. сотрудниками ООО «Культурное Наследие» был исследован курган «Дегуако-89». Памятник располагался к западу от станицы Даховской на Дегуакской поляне (рис. 1А) в 625 м к западу от р. Белой. Курган находился на краю сухой второй речной террасы (рис. 1Б). В настоящее время территория первой речной террасы заболочена – здесь вырыты многочисленные искусственные пруды, остальная территория заросла болотной растительностью или затапливается во влажный период.

Насыпь представляла собой каменный овал, вытянутый по оси ЮЗ–СВ, размерами 15,9×8,25 м (рис. 2). В центральной части насыпь имела незначительный прогиб поперек, с СЗ на ЮВ в пределах 5–7 см по отношению к двум возвышениям в юго-западной и северо-восточной частях. Она была сложена из отдельных обломков скальной породы, которые концентрировались преимущественно в северо-восточной части насыпи, пересыпанные речной галькой среднего и мелкого размера. Форма насыпи изначально была овальной, однако в процессе многолетней распашки с юго-восточной стороны плугом была разрушена её часть, что придало этой части подпрямоугольную форму с закругленными углами. В толще грунта над камнями и на поверхности каменной насыпи были найдены фрагменты керамики и кремневые сколы (рис. 5, 1–6).

После снятия гальки была околтурена конструкция, состоящая преимущественно из скальных обломков и рваного камня, присутствующих на близлежащем Азишском хребте. Большинство камней окатаны естественным образом, в процессе природной эрозии, что позволяет говорить о том, что эти камни древними людьми не выламывались из скальных обнажений, а собирались у подножия хребта. Вероятнее всего, после погребения, вначале были поставлены крупные камни по периметру кургана, так как они составляли дугу кургана. Эти камни имели размеры от 43×35×28 до 140×45×60 см. Также крупные камни были расположены и в центральной части курганной насыпи. Здесь максимальные размеры камней были до 100×95×63 см. Остальное пространство было заполнено аккуратно сложенными скальными обломками так, что образовался каменный круг с сохранившимися размерами 725×690 см. Насыпь из крупных камней была сооружена местами на материковой гальке, местами на незначительном грунтовом основании до 5 см толщиной, располагавшемся поверх материковой гальки. Верхний уровень камней ниспадает в северо-восточном и максимально в северном направлении вслед за уровнем материковой гальки (рис. 3А).

Обнаруженные в насыпи развалы сосудов, скорее всего, относятся к разным эпохам, так же, как и погребения этого кургана.

В процессе расчистки второго уровня каменной насыпи среди камней насыпи в северо-восточном секторе был найден развал керамического коричневоглиняного сосуда с большим содержанием дресвы и кварцита в тесте. Он представляет собой небольшой горшок с плоским дном (рис. 3Б; 5, 14). Также в северо-восточном секторе был найден развал придонной части светло-коричневоглиняного лепного сосуда, с серым изломом (рис. 3Б; 5, 13). Остальные находки, обнаруженные среди камней насыпи во время расчистки второго уровня, представляют собой фрагменты стенок коричневоглиняных лепных и кружалных сосудов (рис. 4, 8, 12). Они имеют в тесте отошители в виде кварцевого песка и дресвы; излом коричнево-серый, серо-коричневый или темно-серый. Все эти находки располагались в южной части насыпи к югу от погребений 1 и 2 (рис. 3Б). Под камнями западной части кургана в северо-западном секторе был найден развал темно-коричневоглиняной круглодонной «амфорки» с округлым дном и раздутым туловом (рис. 3Б; 9, 1). Своей круглодонностью, прочерченным орнаментом и формой тулова она близка сосудам типа I по А.А. Клещенко, «амфоркам» северокавказской культуры [1, с. 38, рис. 1, 13, 14, 17]. В то же время, сосуд имеет не ручки-выступы, а петельчатые ручки на плечиках, что также встречается у сосудов, отнесенных А.А. Клещенко к типу II и редким формам [1, с. 39, рис. 2, 15, 22, 36].

За пределами курганной насыпи, в северо-западном секторе были найдены фрагмент кремневого скребка (рис. 3Б; 4, 11) изготовленного из светло-серого кремня, а также фрагменты стенок коричневоглиняных сосудов, идентичные фрагментам над камнями насыпи (рис. 3Б; 4, 8, 12). Остальные находки представляют собой невыразительные фрагменты керамики и кремневые сколы.

Под круглой насыпью кургана было обнаружено два погребения.

Погребение 1 (рис. 3Б; 5А) было обнаружено в центральной части кургана с незначительным смещением к СВ. Для совершения захоронения здесь были выбраны камни в насыпи и частично в материковой гальке. Погребенный мужчина 20–30 лет¹, был положен головой на ССЗ вытянуто на спине. Кости рук и ног вытянуты. Череп сильно раздроблен, поэтому говорить о его первоначальном положении сложно, но по месту расположения зубов можно полагать, что он изначально лежал на затылочных

1 Антропологические определения проведены к.и.н., доцентом Волгоградского госуниверситета Е.В. Перервой.

костях. Бедренные и тазовые кости находились на 0,2 м ниже уровня черепа и берцовых костей, что связано с прокопкой материковой гальки в момент совершения захоронения. На грудной клетке лежал крупный камень, после снятия которого было установлено, что под ним не сохранилось костей скелета. Справа от тазовых костей вплоты к лучевым костям правой руки, был найден железный нож (рис. 5А, 2) с горбатой спинкой длиной 12 см (лезвие 10,4 см), лежавший острием к черепу.

Обряд и встреченный у таза нож позволяют отнести это погребение к началу раннего железного века. Вытянутая поза погребенных с положенными вдоль туловища руками преобладает в Келермесском грунтовом могильнике, однако подавляющее большинство погребенных там ориентировано в южный сектор [2, с. 79]. Северо-западная ориентировка прослежена в шести случаях в протомеотском могильнике Фарс/Клады, большая часть погребений которого относится к VIII в. до н.э., но она не является там преобладающей [3, с. 31].

Нож имеет хорошо выраженный черенок, прямое лезвие и слабоизогнутую спинку. На Северо-Западном Кавказе железные однолезвийные ножи сменяют бронзовые не позже середины VIII в. до н.э. Хорошо выделенный черенок позволяет отнести нож из погр. 1 ко второму подтипу ранних протомеотских железных ножей с изогнутой спинкой [4, с. 153]. Встреченный в погребении нож по своим пропорциям ближе к протомеотским. Следует отметить, что железные ножи из синхронного Келермесского грунтового могильника имеют более вытянутые пропорции и менее выделенные черенки [2, с. 102, рис. 15, 6–10].

Погребение 2 (рис. 3Б; 5Б) было найдено в центральной части курганной насыпи. Оно являлось основным в кургане «Дегуако-89». Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 262×139 см и глубиной 0,36 м от уровня материковой гальки была выкопана в галечном слое. Стенки сходятся вниз, образуя дно размерами 234×114 см. Ориентация могильной ямы по длинной оси – СЗ–ЮВ. Могила была засыпана галечником с незначительным количеством обломков скальной породы. К северу от могильной ямы был зафиксирован выкид гальки, высотой от 10 до 25 см, который был оставлен после рытья могилы. Он непосредственно лежал на природном галечном слое. На дне могилы было обнаружено два скелета, лежавших «валетом» один над другим. Скелет 1 располагался черепом на восток. Лицевые кости были повернуты на север. Мужчина 30–40 лет, был положен на спину с незначительным поворотом на правый бок. Кости правой руки лежали параллельно костям туловища, кости левой руки были слегка согнуты в локте так, что кисть покоилась на тазовых костях. Кости ног были незначительно согнуты коленями вправо, на север. Скелет 2 лежал черепом на СЗ с полуповоротом лицевых костей на север. Здесь мужчина 50–60 лет был положен на спину. Кости ног вытянуты (сохранились кости левой ноги), а кости рук согнуты в локтях так, что кисти покоились на тазовых костях. Инвентаря в погребении не обнаружено. Так как погр. 2 было центральным в кургане, но безынвентарным, датировка проведена по керамике из тризны, в частности, по двуручной круглодонной «амфорке», найденной под камнями северо-западного сектора. По её датировке, а также по аналогии с конструкциями исследованных в этой местности курганов, можно датировать это захоронение эпохой средней бронзы.

Ритуальная площадка или конская могила. Вероятно, синхронно с погр. 1 или через небольшой промежуток времени после его совершения, к кургану с юго-западной стороны была пристроена ритуальная площадка или конская могила, подпрямоугольной формы размерами 593×480 см (рис. 3Б; 6). Лошади могли быть принесены в жертву в момент совершения погр. 1, и в этом случае мы имеем дело с ритуальным комплексом, относящемся к захоронению человека. Но не исключено, что они были погребены вплоты к кургану с человеческими захоронениями как почитаемые животные; в этом случае речь может идти об обособленной конской могиле. Для сооружения ритуальной площадки или конской могилы с юго-восточной стороны, вплоты к южной части внешних камней насыпи была пристроена однорядная стена, состоящая из скальных обломков средней величины. Возможно, эти камни были взяты из насыпи этого, или одного из близлежащих курганов. Стена шла с севера на юг с незначительным загибом в западном направлении. К ней под прямым углом на СЗ была пристроена стена из мелкой и средней по величине речной гальки. Стена трех-четырёхрядная, в высоту составляла до 22 см, что соответствовало одному-двум уровням кладки. С северо-запада стена была сооружена частично. Здесь, на уровне окончания юго-западной стены располагалась площадка размерами 207×146 см, огороженная каменной выкладкой в один-два ряда скального рваного камня вперемешку с мелкой и средней галькой. Высота каменной оградки составляет 20–25 см. Все находки на ритуальной площадке были найдены на уровне материковой гальки или чуть выше ее.

На ритуальной площадке был найден частично сохранившийся развал керамического сосуда в скоплении размером 35×32 см (№ 40 на рис. 6). Сосуд реставрируется частично. Очевидно, что это был

коричневоглиняный черпак с высокой рогатой ручкой (рис. 6; 7, 3, 4). Это наиболее распространенная форма ручки для поздних протомеотских и раннемеотских черпаков. Подобные ручки, характерные для поздних черпаков всех вариантов протомеотской группы памятников [4, с. 74–77], продолжают существовать и в раннескифское время, встречаясь в таких памятниках как Келермесский грунтовый могильник, поселение Тарасова Балка, курган у ст. Ладожской, могильники Новопеховский, Тбилисский, Усть-Лабинский, Старокорсуньского городища № 2, городища хутор Ленина № 2 и др. [2, с. 92, рис. 5, 3–5; 5, с. 248, рис. 6, 7; 6, с. 46, рис. 16, 1, 5; 7, с. 9–17; 8, с. 314–315].

Вероятно, к другому коричневоглиняному сосуду закрытого типа относятся фрагменты, найденные рядом с сосудом с рогатой ручкой и имеющие на тулове орнаментальный пояс в виде двух прочерченных горизонтальных линий с косыми насечками между ними (рис. 6; 7, 2). Близкий орнаментированный сосуд, например, был обнаружен в погр. 22 Келермесского грунтового могильника [2, с. 95, рис. 8, 2].

В северной части ритуальной площадки, впритык к юго-восточной стене небольшой огороженной площадки, в 1,45 м к западу от Ро был найден частично сохранившийся скелет лошади (лошадь 2) (рис. 6) и отдельный лошадиный череп (лошадь 1), от которого остались два ряда зубов с обеих сторон. Лошадь 2 была положена параллельно оси ритуальной площадки рядом с южной частью края курганной насыпи: череп располагался на СВ, кости туловища и ног лежали по оси СЗ–ЮВ.

Судя по рабочим патологиям на зубах, лошадь 2 была ездовой. Рост в холке 136–144 см – средняя (по классификации Витта) [9]. Экстерьерные характеристики: по пясти – тонконогая (по Браунеру) [10], средненогая (по Громовой) [11], по фаланге – средненогая (по Громовой) [11], шагового типа (по Рудько) [12]. По совокупности промеров плюсневой кости экземпляр из Дегуако сходен со скифскими лошадьми из могильника Новозаведенное II (апостериорная вероятность, дискриминантный анализ, Statistica 10.0). Отдельный зуб лошади, найденный среди костей лошади 2, с большой долей вероятности относится к другой лошади. Таким образом, можно сделать вывод, что всего в кургане находились остатки как минимум трёх лошадей.

Не исключено, что лошадь 2 была убита стрелой, т.к. у несохранившихся шейных позвонков за черепом был найден бронзовый трехгранно-трехлопастной втульчатый наконечник стрелы (рис 6; 9, 5). Еще один бронзовый трехгранный втульчатый наконечник стрелы был найден в 144 см к ЮЗ от черепа частично сохранившегося скелета лошади (рис. 6; 9, 3). Также один пулевидный железный втульчатый наконечник стрелы был найден в южной бровке (рис. 6; 9, 6). Бронзовый наконечник стрелы, обнаруженный в районе шеи лошади, может быть отнесен к типу 3 трехлопастных наконечников по схеме А.И. Мелюковой [13, с. 28, рис. 1] и находит аналогии в раннескифском колчанном наборе кургана 41 могильника Фарс/Клады (раскопки А.Д. Резепкина) и в кургане 24 Келермесского могильника [14, с. 42, рис. 2, 34; с. 45, рис. 3, 14; 15, с. 107–109, рис. 27, 14; 3, с. 131, рис. 39, 22]. Сильно поврежденный второй бронзовый втульчатый наконечник (рис. 9, 3) – трехгранный. Подобные наконечники иногда присутствуют в колчанах раннескифского времени [15, с. 42, рис. 2, 16–18, 25].

Весьма редки железные пулевидные наконечники (рис. 9, 6). Близкие железные наконечники стрел с внутренней втулкой встречены в кургане 1 у ст. Усть-Лабинской (раскопки Н.И.Веселовского 1903 г.), но они имели не круглое, а прямоугольное сечение [16, с. 52, рис. 22; 4, рис. 14, 10–16].

У отдельно лежащего черепа лошади 1 были найдены двое однокольчатых удиц (рис. 6; 9, 1, 7), а возле отдельно лежащей конской головы лошади 1 были найдены три стержневидных трехпетельчатых железных псаля (рис. 6; 9, 9–11). Еще один псалий был найден у черепа частичного скелета лошади 2 (рис. 6; 9, 8), что говорит о одновременном захоронении. Цельнокованные железные удила со стремявидными окончаниями (рис. 9, 1) подражают раннескифским бронзовым удилам. Как отмечает С.В. Махортых, рассматривая узду раннескифского времени на Северном Кавказе, подобные имитации в железе бронзовых удиц особенно характерны для Закубанья, где их известно не менее 14 экз. [17, с. 106]. Они встречены в Келермесских курганах (1/В, 2/В, курган 15, погр. 3, курган 19, погр. 5) в Ульских курганах 1/1908 и в кургане 1910 г., раскопанном в Ульском ауле, в Костромском кургане [15, с. 120, табл. 19, 139, 140; табл. 20, 158, 242; табл. 21, 164, 165; табл. 24, 397, 398, 413; 19, табл. 4, 50; 18, с. 59, рис. 1, 4, 5; 20, с. 81, рис. 20]. В Центральном Предкавказье, по данным С.В. Махортых, они встречены в кургане 6 могильника Красное Знамя, в кургане 2 могильника Новозаведенное II, в Нартане (курганы 10, 12, 15, 18), а также в кургане у г. Новопавловск [17, с. 106]. Всего по данным С.В. Махортых на Северном Кавказе известно не менее 25 экз. подобных удиц. Другой областью их распространения является Правобережная Украинская Лесостепь, где их известно не менее 23 экз. [17, с. 106]. Исследователь также обращает внимание на разновидность формы внешних петель этих удиц. Одни пары

имеют треугольноконечные окончания, другие – треугольноовальные, либо подквадратно-стремевидные. По мнению автора, это объясняется «различным генезисом их бронзовых прототипов» [17, с. 106, 107]. В то же время С.В. Махортых упускает технологический аспект. На ряде изделий «стремевидная» форма достигалась тем, что конец прута расковывался и в нем пробойником пробивалось треугольное отверстие. Такая техника прослеживается у удила из Келермесских и Ульских курганов [15, табл. 19, 140, 139; 19, табл. 4, 50]. В отличие от них удила с Дегуакской поляны откованы очень тщательно, стремевидная форма передана кузнецом изгибом прута при помощи каких-то специальных приспособлений, сварные швы заделаны так, что практически не видны. Можно согласиться с С.В. Махортых, что железные удила со стремевидными окончаниями являются надежным хроноиндикатором и имеют узкие хронологические рамки использования в пределах VII – начала VI в. до н.э. [17, с. 107].

Вторая пара удила, обнаруженная на ритуальной площадке, имеет петельчатые окончания – концы удила загнуты в петли (рис. 9, 7). По нашим данным, подобные удила появляются, возможно, еще в первой пол. VII в. до н.э. Это предположение позволяют сделать две комплексные находки подобных удила. В могильнике Шесхарис под Новороссийском удила этого типа встречены с бронзовыми псалями варианта типа «Уашхиту-Жаботин» и бронзовыми кубическими пронизями для перекрестных ремней². В погр. 27 Келермесского грунтового могильника удила этого типа встречены с железными трехдырчатыми псалями типа «Сиалк» и бронзовыми пронизями для перекрестных ремней с солярными знаками [22, с. 160, рис. 4, 4–10]. Л.К. Галанина указала на архаичность этой уздечки, ссылаясь на аналогии в комплексах Алексеевского кургана на Ставрополье и кургана Рыжановка II в Приднестровье [22, с. 102]. Как отмечают исследователи, благодаря простоте изготовления эта форма удила становится доминирующей на юге Восточной Европы на протяжении всей скифской эпохи [17, с. 68; 18, с. 63; 21, с. 46].

Обнаруженные при лошадах две пары железных псалий однотипны. Они трехпетельчатые, верхняя часть их немного загнута и украшена «шишечкой», нижняя раскована в виде лопаточки. С.В. Махортых, который учел около 130 экз. железных псалий этого типа с территории Северного Кавказа [23, с. 274], отметил, что такой признак, как раскованная нижняя часть, характерен для псалий с территории Закубанья [17, с. 109]. Действительно, подобные псалии мы находим в целом ряде курганов Келермесского могильника, в Говердовских курганах 1 и 2, в ритуальном комплексе у пос. Холодный Родник близ Туапсе [15, табл. 17, 86; табл. 18, 113; табл. 22, 274; 22, 284; 23, 401; 24, с. 150, рис. 6, 5, с. 151, рис. 7, 11, 12, с. 154, рис. 10, 4, 5; 25, рис. 8, 6].

Помимо удила и псалий, в районе шейных позвонков частично сохранившегося скелета лошади 2 были найдены две уздечные железные перстневидные бляшки, представляющие собой кольцо с круглым щитком (рис. 6; 9, 2, 4). Полные аналогии таким бляшкам в Закубанье известны только в погр. 23 Келермесского грунтового могильника, где они также встречены в паре [2, с. 101, рис. 14, 4]. Л.К. Галанина при публикации последних указала также на находку подобных бляшек в кургане 40Б у с. Журовка – «комплексе, синхронным старейшим курганам келермесской группы, восходящим к третьей четверти VII в. до н.э.» [2, с. 84]. В.А. Ильинская, однако, считала бляшки из Журовки, где их обнаружено 16 экз., стремевидными «пронизями» [26, с. 23, табл. VIII, 15, 16]. О.Д. Могилов отнес в своей сводной работе 16 железных бляшек из Журовки к «подвескам-замочкам» [27, с. 81, рис. 51, 4, 5]. Однако, мы склоняемся к мнению Л.К. Галаниной, которая обратила внимание на округлый щиток этих изделий и считала, что в Журовке найдены не стремевидные пронизи-подвески, а бляшки [2, с. 88, прим. 37]. Таким образом, «перстневидные» бляшки являются в публикуемом комплексе хроноиндикатором, позволяющим отнести его к раннекелермесскому времени.

К юго-западу от лошади 2 были найдены лежащие рядом железный втульчатый наконечник копья длиной 37 см (рис. 6; 8, 5) и каменный оселок из гальки длиной 22 см (рис. 6; 8, 4). Железный наконечник копья имеет выделенное ребро жесткости, о форме пера судить трудно, т.к. его края утрачены. Железные наконечники копий с ребром жесткости встречаются в Закубанье с протомеотского времени, большинство их имеет остролистую форму пера [4, с. 98, рис. 159]. Ребро жесткости имеют и все железные наконечники копий Келермесского грунтового могильника, хотя форма пера их различна [2, рис. 13, 1–5]. Оселок, имеющий подпрямоугольное сечение и отверстие сверху, близок скорее к протомеотским оселкам типа I [4, с. 154, рис. 214, 1–6], чем к оселкам из Келермесского грунтового могильника. Последние находили в мужских погребениях слева у пояса, и они представляли собой

² Дмитриев А.В. Отчет об археологических разведках в районе г. Новороссийска и в Крымском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 10757аб. С. 46; Рис. 15.

продолговатые гальки, очевидно находившиеся в мешочках. Л.К. Галанина называла их «гальками-амулетами», указав на то, что они выполняли роль оселков [2, с. 85, рис. 9, 3, 10, 1, 11, 1, 15, 1].

Надо отметить, что кости лошади 2 были частично обуглены (плюсневая часть берцовой кости), однако на самой ритуальной площадке следов горения не обнаружено, из чего можно сделать вывод, что обугливание костей произошло на стороне. Отдельные обугленные кости встречались по всей ритуальной площадке, что, вероятно, связано с разрушением скелета лошади 2. Необходимо отметить, что подобная ритуальная практика в меотской культуре фиксируется впервые.

В районе черепа частично сохранившегося скелета лошади 2 были найдены три бусины из желтого стекла (рис. 6; 9, 13–15), а к ЮВ от костей лошади 2 у небольшого скопления галечных камней, впритык к ним снизу, была найдена одноцветная бусина зеленого стекла, изготовленная путём накручивания на твёрдую основу расплавленной стеклянной массы и создания рельефа в виде трёх нитей стекла, наложенных на тело бусины (рис. 6; 9, 12). Еще одна бусина из зеленого стекла найдена в подпрямоугольной каменной выкладке в северном углу ритуальной площадки, описанной выше, под галечными камнями засыпки, над уровнем (1–2 см) природной материковой гальки (рис. 6; 8, 1). Бусы являются достаточно редкой находкой в комплексах времени скифской архаики. Стеклянный бисер и бусы начинают проникать на Северо-Западный Кавказ еще в предскифское время. Из погребений 10 и 39 могильника Фарс происходят стеклянные бусы голубого и белого цвета, из погр. 46 могильника Пшиш происходит бусина кольцевидной формы [3, рис. 61, 10, 11; 4, с. 165]. К эпохе скифской архаики относятся бусы из Келермесского могильника, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, которым недавно было посвящено специальное исследование. Ряд из них изготовлен техникой накручивания стеклянных нитей на металлический сердечник, подобной техники изготовления являются бусины зеленого цвета публикуемого комплекса. Авторы приходят к мнению, что в раннескифскую эпоху бусы поступали в Закубанье из Передней Азии [28, с. 143–145]. Украшение конской уздечки привозными стеклянными бусами в меотской культуре прослеживается вплоть до II в. до н.э. (Тенгинский грунтовый могильник, Могильник Псенафа и др.).

Впритык к крупному камню кольца ограды юго-западной части курганной насыпи, на уровне -54 см от Р0, в 25 см к востоку и 20 см к югу от Р0, был найден развал коричневоглиняного сосуда (фрагменты стыкуются частично – реконструирован графически) (рис. 6; 8, 3). Сосуд представляет собой горшочек с диаметром дна 6 см, высотой 11,6 см и диаметром горловины 9 см. Стенки сосуда плавно поднимаются от плоского дна вверх в место максимального расширения тулова и также плавно переходят в невысокую горловину и отогнутый наружу венчик, край которого утоньшен. Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко подобные раннемеотские горшки правого берега Кубани относят к типу I [7, с. 35]. В Закубанье подобные горшки встречены в Кубанском могильнике и в Келермесском грунтовом могильнике [4, рис. 1, 41, 2, 12; 2, рис. 11, 4]. Встречены они и в погребениях 22, 27, 59 кургана 15 ранней группы Уляпского грунтового могильника [29, рис. 184, 4; рис. 187, 6; рис. 209, 2].

В юго-западной части ритуальной площадки была найдена концентрация керамических фрагментов, возможно происходящих от одного сосуда. Фрагменты являются частями стенок темно-сероглиняного сосуда с одноцветным изломом. В тесте присутствует большое количество отошителей – дресвы и кварцита.

Впритык к югу от западной бровки, а также частично в бровке, в месте скопления костей лошади, были найдены разрозненные керамические фрагменты и кремневые сколы. Керамика представляет собой фрагменты стенок коричневоглиняных сосудов с незначительной примесью дресвы и кварцита в тесте (рис. 6; 9, 19, 20). Еще одно незначительное скопление фрагментов стенок от разных коричневоглиняных сосудов было найдено в скоплении материковой гальки близ зеленой витой бусины. Эти фрагменты лежали на галечных камнях. У западной бровки в юго-западном секторе было найдено три кремневых скола от серого кремня (рис. 6; 9, 17, 18). К юго-западу от костей лошади также был найден скол коричневого кремня (рис. 6; 9, 16).

В подпрямоугольной каменной выкладке в северном углу ритуальной площадки помимо зеленой бусины найден кремневый скол серого цвета (рис. 6; 8, 2). Надо отметить, что кремневые сколы достаточно часто встречаются как в протомеотских, так и раннемеотских погребениях периода скифской архаики [4, с. 62, 65; 2, с. 100, 101, рис. 13, 26; 15, 7,9].

Оценивая в целом хронологию раннескифского комплекса, обнаруженного в кургане «Дегуако-89», можно сказать, что основными хроноиндикаторами здесь служат предметы конского снаряжения, датированные в пределах второй пол. VII – начала VI в. до н.э. Уточнить хронологию публикуемого

комплекса позволяют «перстневидные» бляшки – достаточно редкие находки, которые встречены пока только в раннекелермесское время. Таким образом, наиболее вероятной датой совершения погребения 1 и сооружения ритуального комплекса может быть третья четверть VII в. до н.э.

По результатам проведенных работ были сделаны следующие выводы. Основным в кургане являлось погребение 2, ориентированное по оси СЗ–ЮВ. Для него была выкопана яма в материковом грунте, после чего в ней было одновременно совершено захоронение двух мужчин, уложенных «валетом». Вероятно, к моменту похорон, рваный скальный камень был уже доставлен, т.к. в засыпке могилы встречаются отдельные небольшие куски этого камня, который отсутствует в окружающем галечнике. После совершения погребения, а возможно во время захоронения, была совершена тризна, остатки которой были обнаружены в виде развала сосуда в западной части курганной насыпи и отдельных обломков посуды и кремневых сколов на площадке под камнями. На тризну указывают и отдельные костные остатки, неопределимые до вида животного, сколы, которые были найдены в единичных количествах на всей территории кургана.

После совершения тризны могила была обложена крупными камнями, было сооружено каменное кольцо – периметр кургана, после чего остальная территория была завалена различными по размеру скальными обломками, рваным бутовым камнем, принесенным с подножия Азишского хребта, которое располагается в 600–700 м к СЗ от кургана. После сооружения основного тела каменной насыпи все пространство между камнями было закидано мелкой и средней по размеру речной галькой, образовав, тем самым, курганную насыпь.

В эпоху раннего железа в центральной части кургана было сделано углубление до материковой гальки, а также прокопана сама галька на глубину около 20 см в центральной части выемки. Здесь был захоронен молодой мужчина 20–30 лет (погребение 1 – впускное захоронение), ориентированный головой на ССЗ, в сопровождении железного ножа. Одновременно, или спустя незначительное время, к юго-западной части кургана была пристроена ритуальная площадка или конская могила подпрямоугольной формы, ориентированная длинной осью с СЗ на ЮВ, часть камней для которой, по-видимому, были взяты из тела кургана. Курганными камнями была выложена юго-восточная стенка ритуальной площадки, а юго-западная стена была сложена из галечника, который также, что не исключено, был взят из курганной насыпи. На площадку были положены две взнузданные лошади, возможно убитые и частично сожженные на стороне. Их ориентировка близка ориентировке погр. 1, что, помимо хронологической близости инвентаря, свидетельствует в пользу того, что они относились к этому погребению. Лошадей сопровождали два комплекта железной узды, пара перстневидных блях, стрелы, копьё, оселок, бусы, датируемые третьей четвертью VII в. до н.э. Здесь же была проведена тризна, которая фиксируется по развалам посуды, отдельным керамическим фрагментам и кремневым сколам. Отдельные фрагменты сосудов раннескифского времени были найдены в южной части курганной насыпи и к западу от нее, что позволяет говорить и об этих участках как местах проведения определенных поминальных обрядов.

После погребения и ритуальных действий в третьей четверти VII в. до н.э., курган был засыпан галькой, так же как и вся ритуальная площадка или конская могила, образовав длинную насыпь с двумя возвышениями в северо-восточной и юго-западной частях над самим курганом и над ритуальной площадкой, которые возвышались над поперечным прогибом в центральной части на высоту до 9 см.

С течением времени курган покрылся слоем коричнево-серого суглинка мощностью от 10 до 15 см над камнями насыпи. Начиная с конца XIX в. и до 2006 г. эта территория использовалась под посевы и выпас скота. Пахота глубоким плугом разрушила юго-восточную и восточную часть курганной насыпи; часть камней оттуда была перенесена в северо-восточную часть раскопа за пределы кургана.

Раскопки кургана «Дегуако-89» позволили пополнить наши представления о погребальной обрядности и идеологических воззрениях древнего населения горной Адыгеи в эпоху средней бронзы и раннего железа. Обнаруженный в кургане меотский комплекс раннескифского времени также восполняет имеющуюся хронологическую лакуну меотского присутствия в это время в выделенном сейчас в этом микрорегионе «горном» варианте меотской культуры [30].

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения научного проекта Российского научного фонда № 22-18-00108-П «Северный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа: люди, кони, металл». Продление.

Acknowledgements. This article was prepared as part of the research project funded by the Russian Science Foundation (RSF), Project No. 22-18-00108-P: “The North Caucasus in the Late Bronze and Early Iron Ages: People, Horses, and Metal”. Continuation.

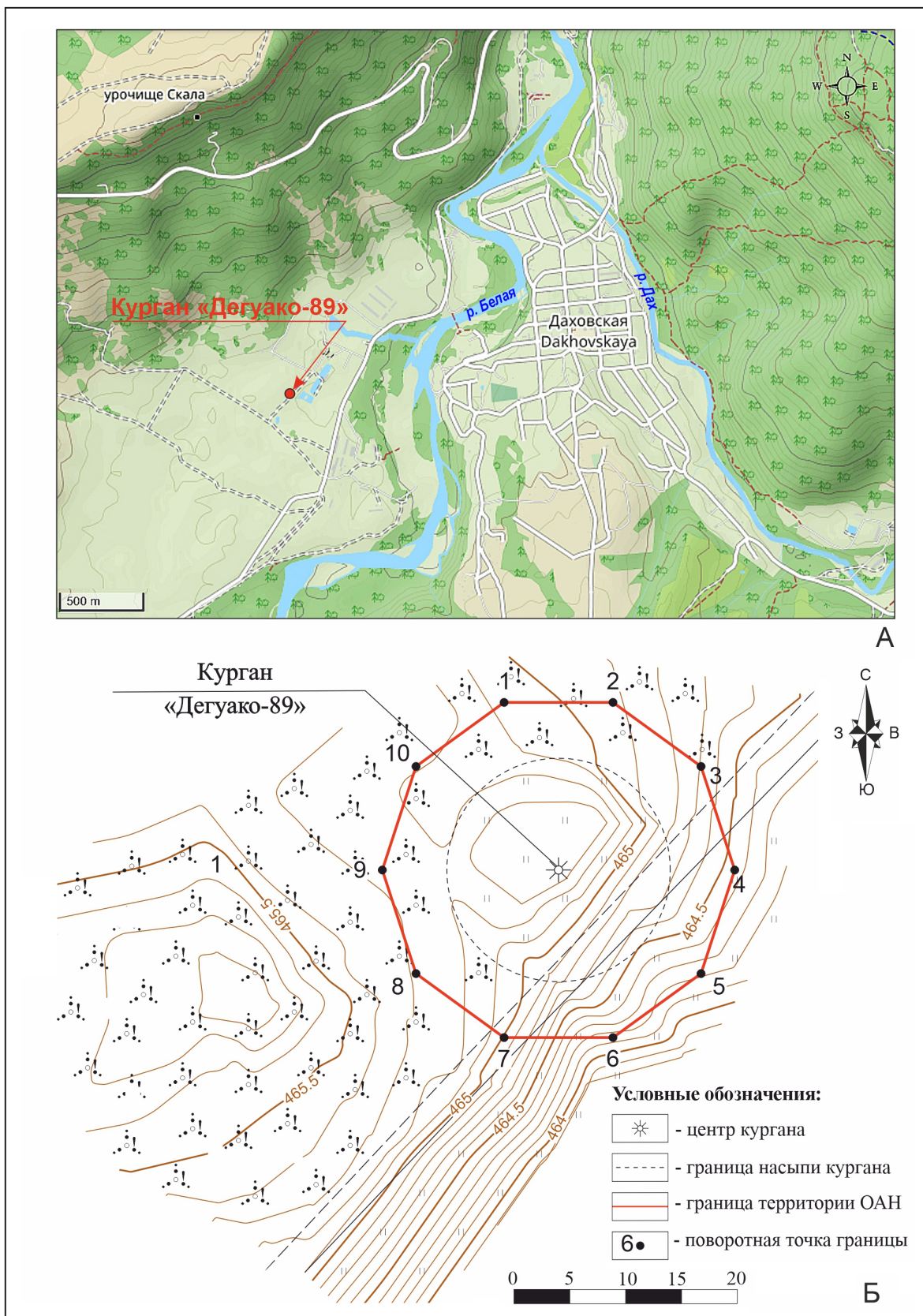

Рис. 1. А - место расположения кургана «Дегуако-89» на карте Даховского сельского поселения, Б - топографический план кургана «Дегуако-89»

Fig. 1. А – Location of the “Deguako-89” kurgan on the map of the Dakhovskaya rural settlement; Б – Topographic plan of the “Deguako-89” kurgan

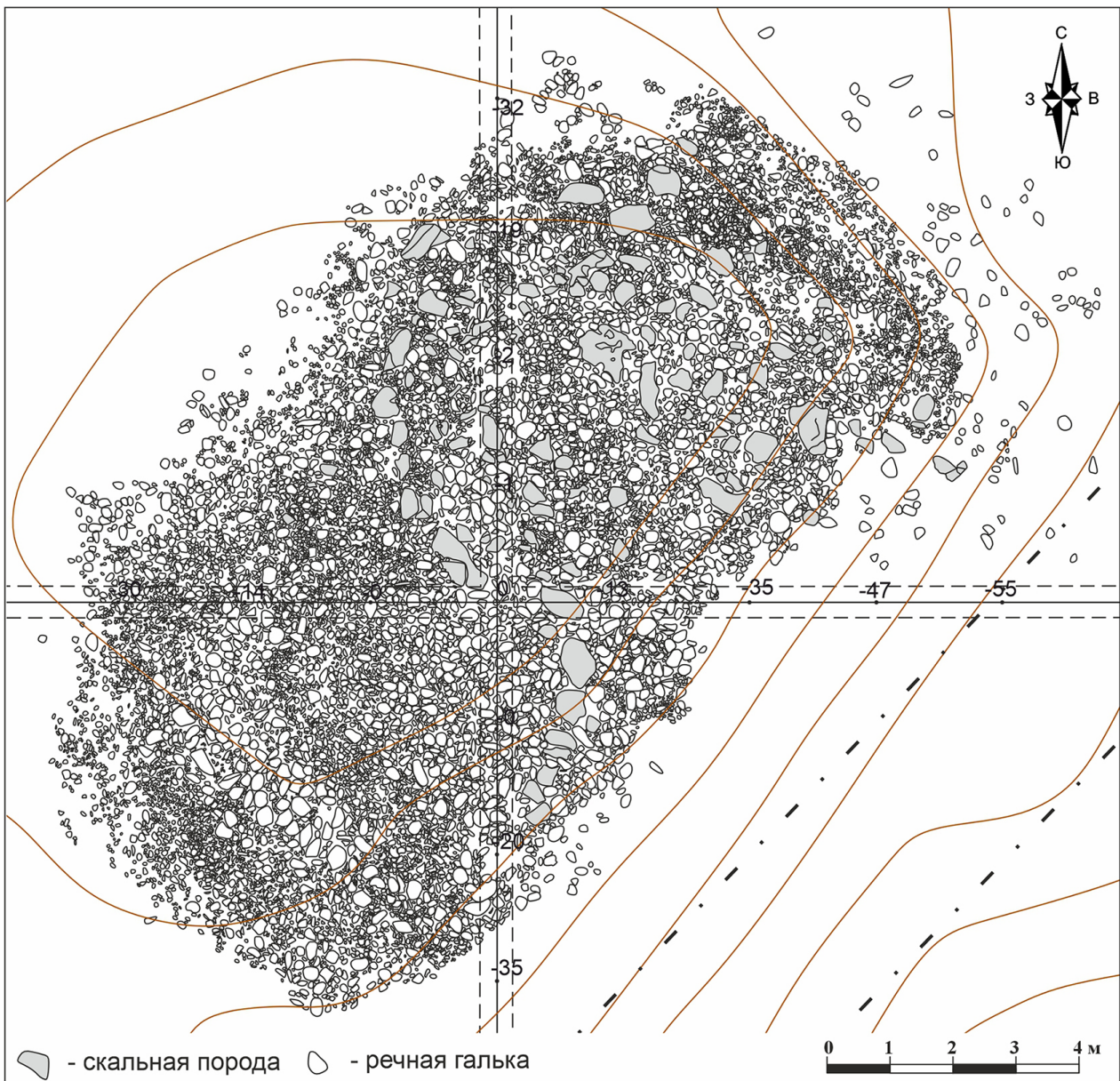

Рис. 2. Насыпь кургана после расчистки верхнего уровня

Fig. 2. The kurgan mound after clearing the upper level

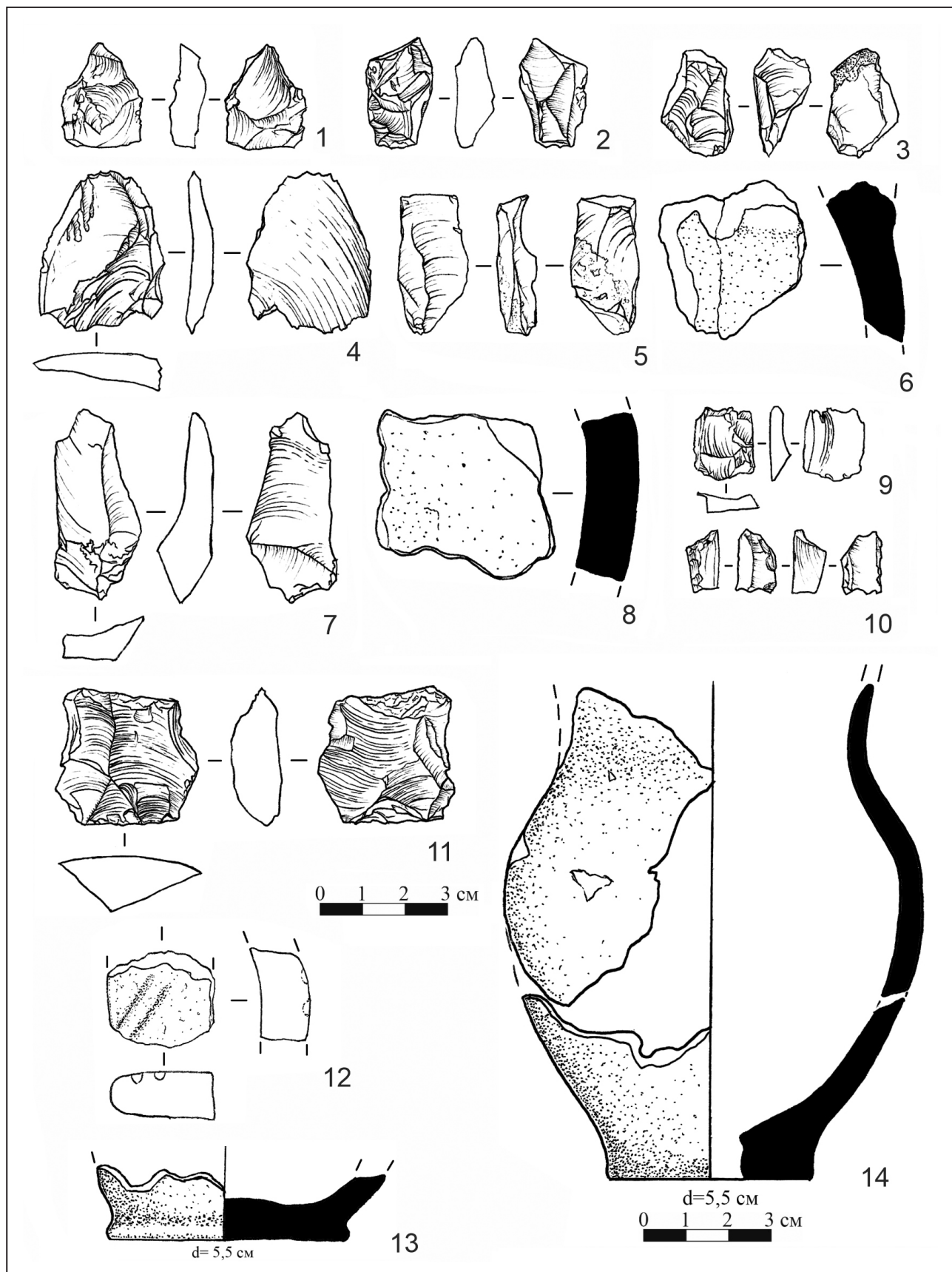

Рис. 4. Находки из пластов. 1-6 – пласт 1; 7-14 – пласт 2. 1-5, 7, 9-11 – кремь; 6, 8, 12-14 – керамика

Fig. 4. Finds from the layers. 1-6: Layer 1; 7-14: Layer 2. 1-5, 7, 9-11: flint; 6, 8, 12-14: ceramics

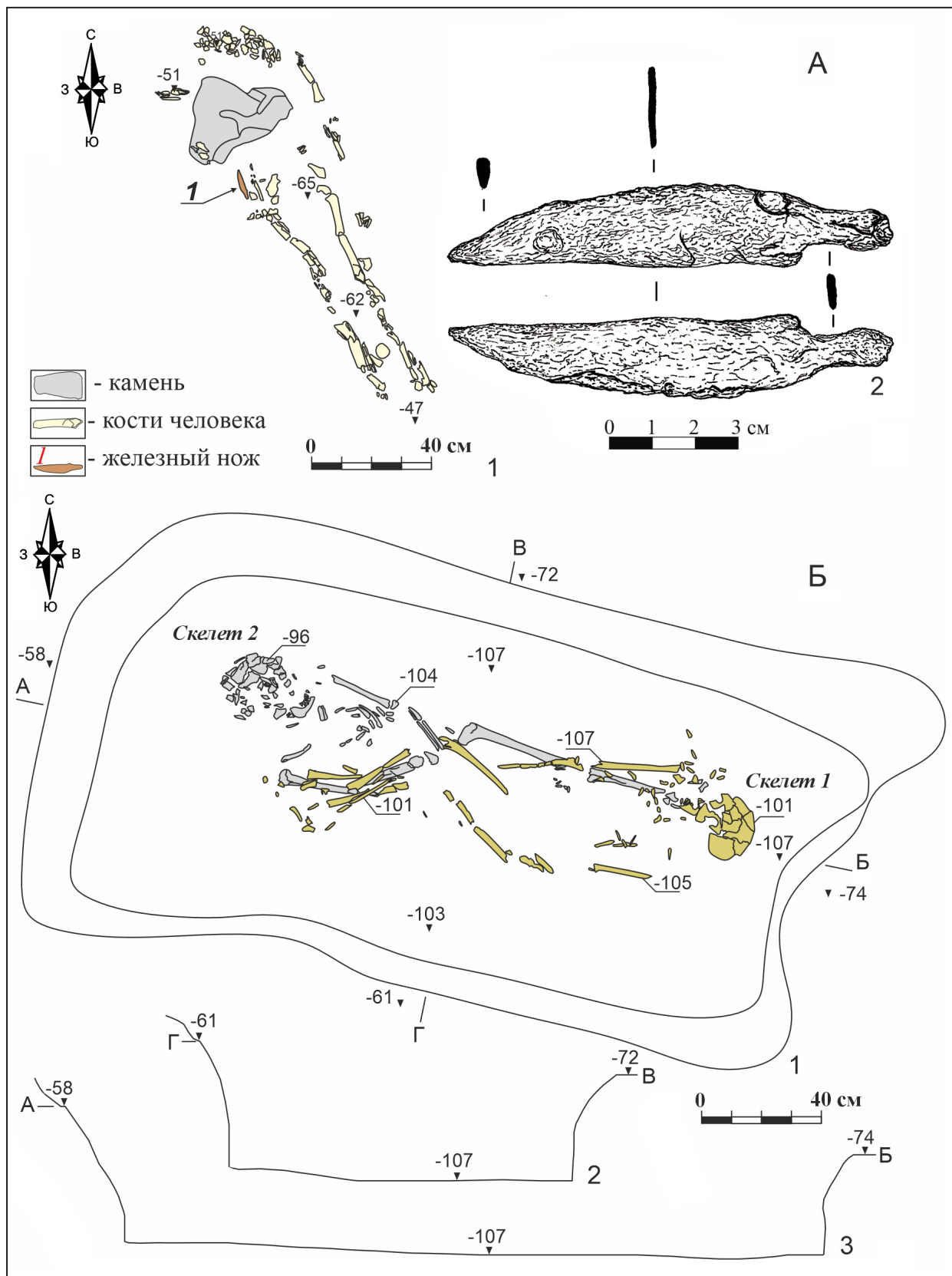

Рис. 5. А - погребение 1. 1 - план; 2 - находка - железный нож, Б - погребение 2. 1 - план; 2 - разрез по линии Г-В; 3 - разрез по линии А-В

Fig. 5. А - Burial 1: 1. plan; 2. find - iron knife. Б - Burial 2: 1. plan; 2. cross-section along line G-V; 3. cross-section along line A-B

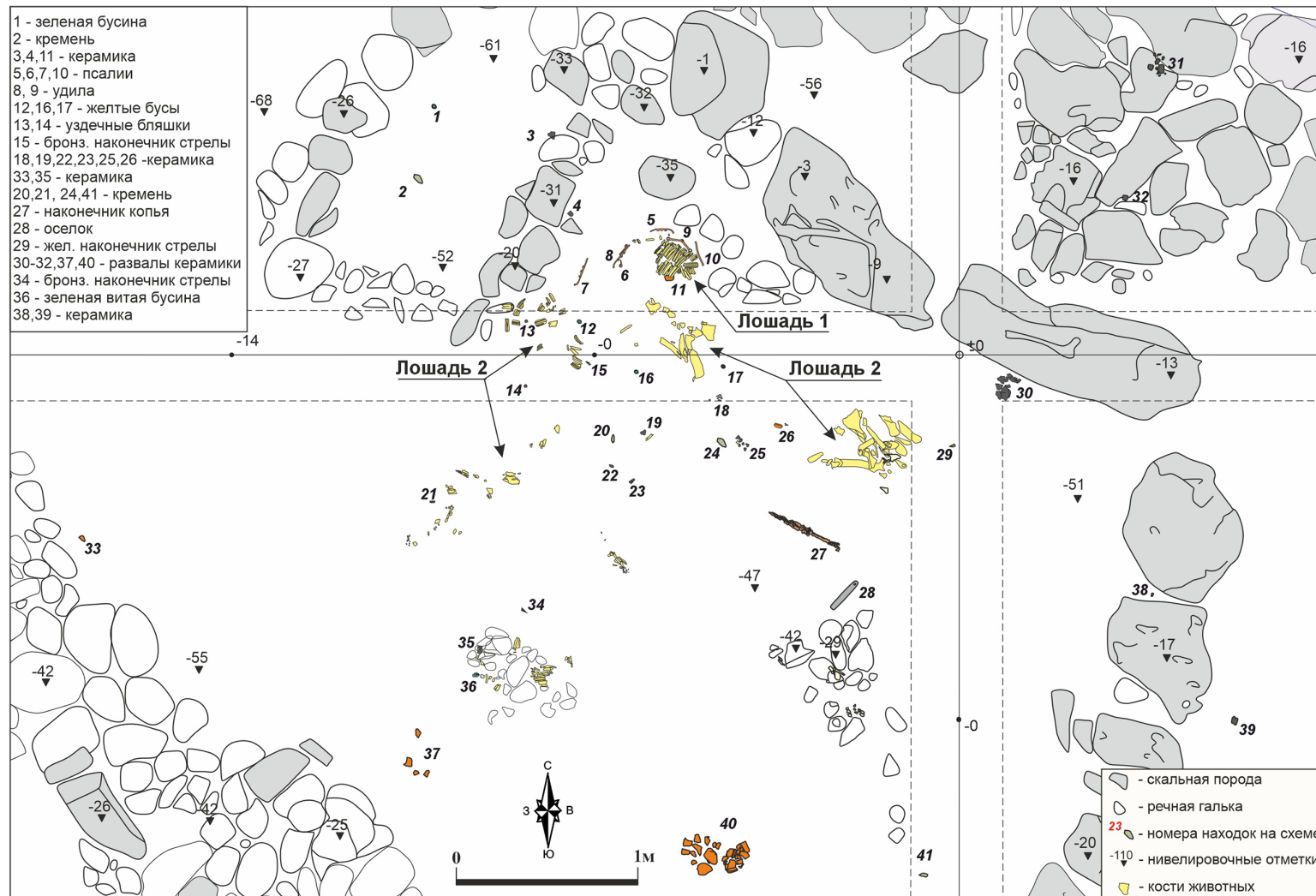

Рис. 6. Ритуальный комплекс или конская могила. План расположения находок

Fig. 6. Ritual complex or horse burial. Plan of the find locations

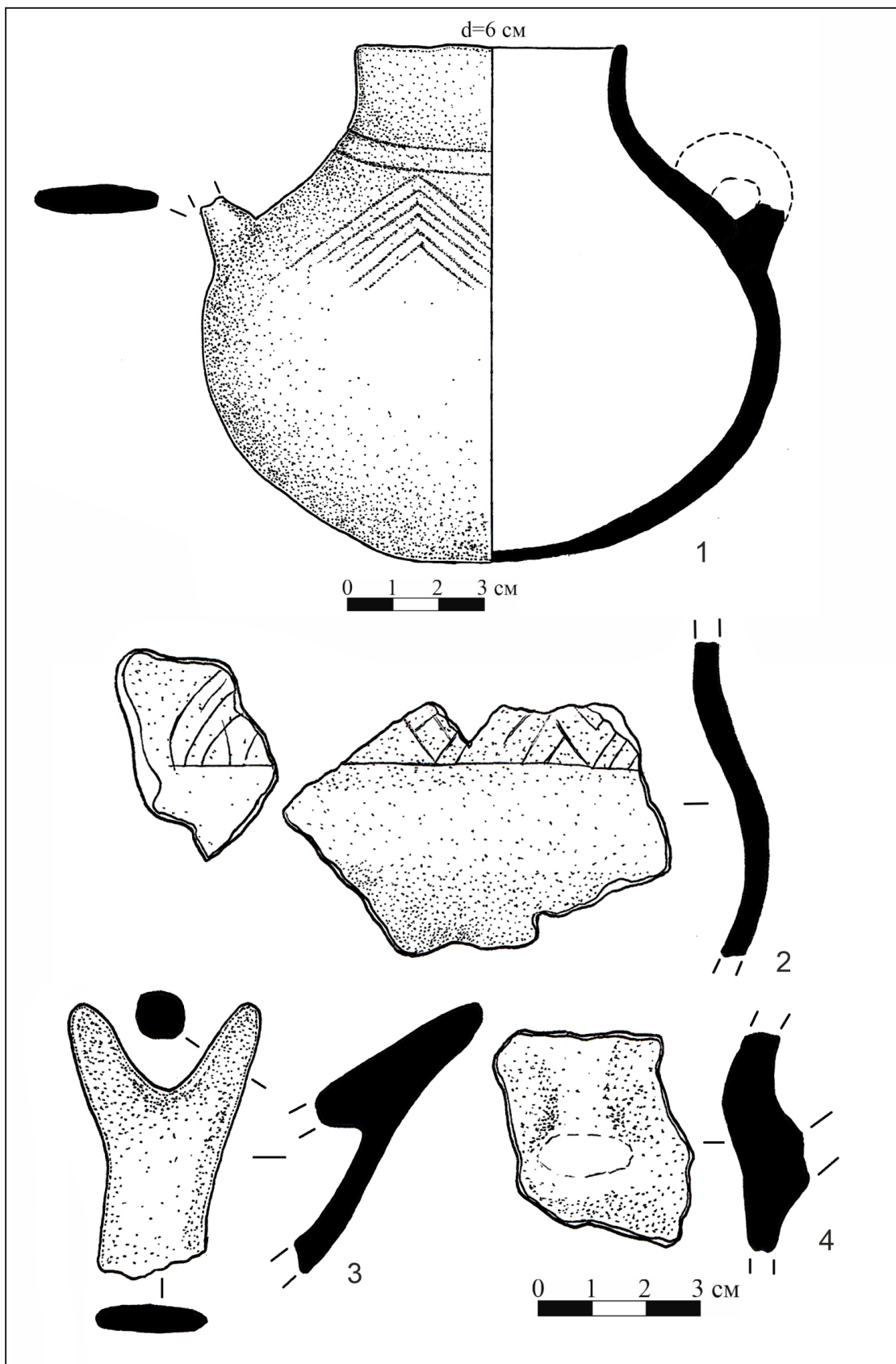

Рис. 7. 1 – развал керамики в западной части курганной насыпи.
2-4 – развал керамики в ритуальном комплексе или конской могиле

Fig. 7. 1 – Ceramic scatter in the western part of the kurgan mound.
2-4 – Ceramic scatter in the ritual complex or horse burial

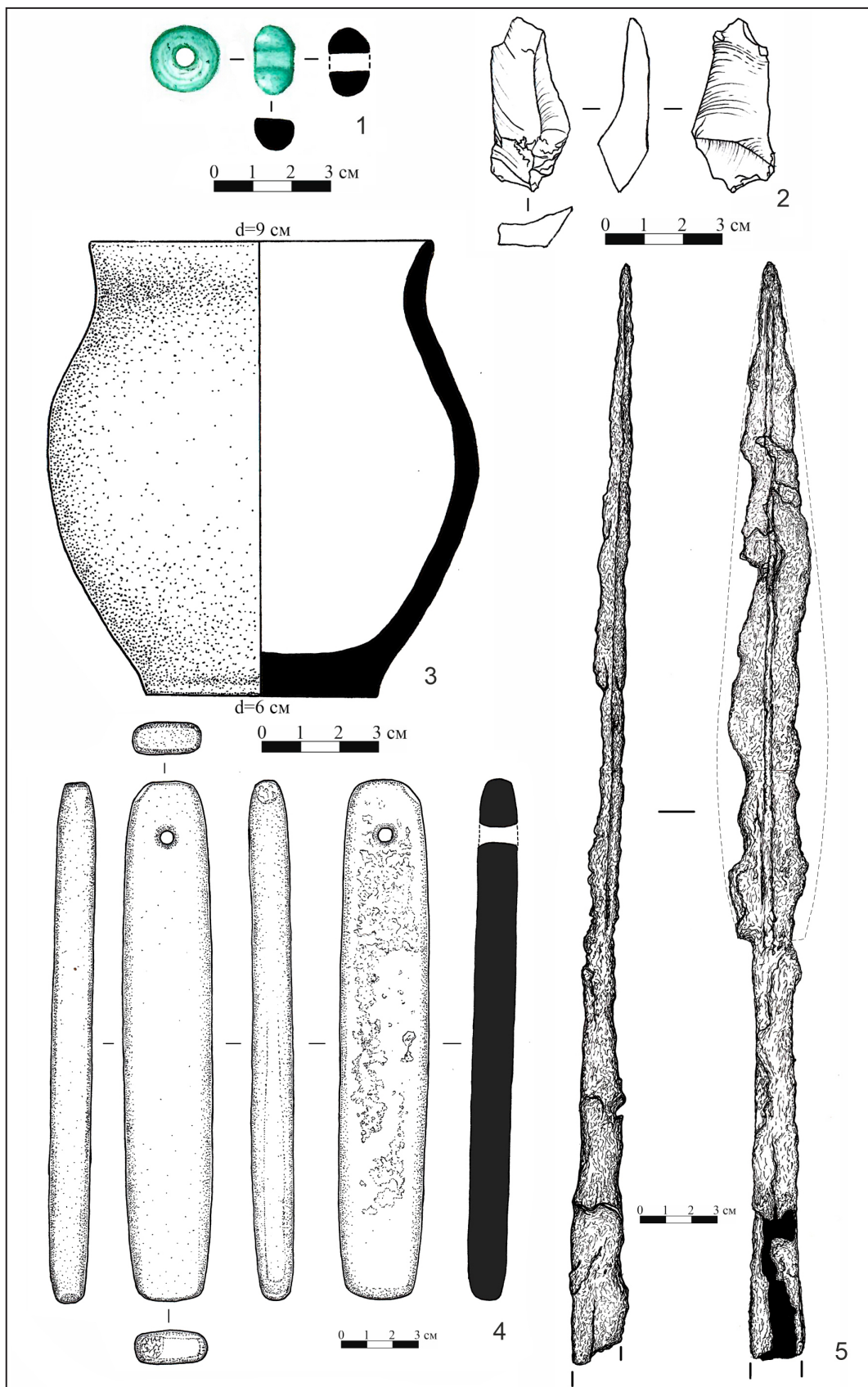

Рис. 8. Ритуальный комплекс или конская могила.
 Находки. 1 – стекло; 2 – кремь; 3 – керамика; 4 – галька; 5 – железо

Fig. 8. Ritual complex or horse burial. Finds: 1 – glass; 2 – flint; 3 – ceramics; 4 – pebbles; 5 – iron

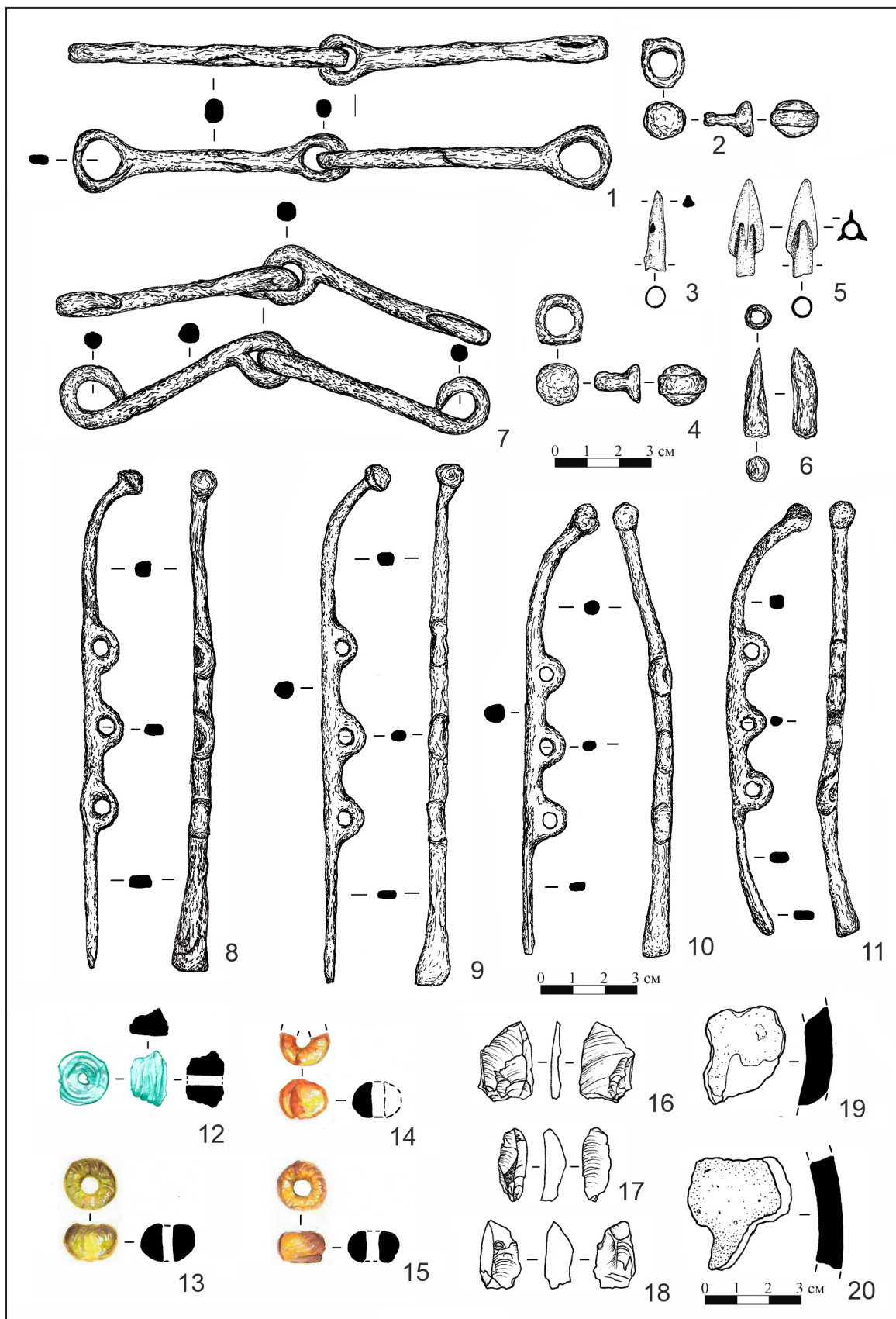

Рис. 9. Ритуальный комплекс или конская могила.

Находки. 1-4, 6-11 – железо; 5 – бронза; 12-15 – стекло; 16-18 – кремний; 19, 20 – керамика

Fig. 9. Ritual complex or horse burial. Finds: 1-4, 6-11: iron; 5 – bronze; 12-15: glass; 16-18: flint; 19, 20: ceramics

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клещенко А.А. Керамический комплекс Закубанского варианта Северокавказской культуры // Российская археология. № 2. 2013. С. 37–43.
2. Галанина Л.К. Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты – предки Адыгов. Майкоп: Адыгейский НИИЭЯЛИ, 1989. С. 74–102.
3. Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады. М.: Государственный музей Востока, 1999. 163 с.
4. Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.
5. Анфимов Н.В. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху // Советская археология. № 11. 1949. С. 241–260.
6. Анфимов Н.В. Археологические разведки по Среднему Прикубанью // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 60. 1955. С. 45–53.
7. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меотские древности VI–V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2012. 316 с.
8. Рябкова Т.В. Керамический комплекс Тарасовой Балки (предварительная публикация) // Материалы и исследования по археологии Кубани: Сборник научных трудов к 70-летию профессора И.И. Марченко. Вып. 8. Саратов: Амрит, 2025. С. 311–326.
9. Витт О.В. Лошади Пазырыкских курганов // Советская археология. № 16. 1952. С. 163–205.
10. Браунер А.А. Материалы к познанию домашних животных России. 1. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии // Записки Императорского Общества сельского хозяйства Южной России. Т. 86. Кн. 1. Одесса. 1916. 168 с.
11. Громова В.И. О скелете тарпана (*Equus caballus gmelini* Ant.) и других современных диких лошадей. Часть 1 // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Сер. биолог. Т. 64 (4). 1959. С. 99–124; Часть 2 // Труды Московского общества испытателей природы. Сер. биолог. Т. 10. 1963. С. 10–61.
12. Рудько П.Д. Изменения морфологической структуры сельскохозяйственных животных под влиянием содержания и эксплуатации. Сталинабад: Таджик. с.-х. ин-т. 1958. 263 с.
13. Мелюкова А.И. Вооружение скифов. (САИ. Вып. Д1–4). М.: Наука, 1964. 91 с., 23 отд. л. табл.
14. Галанина Л.К. Раннескифские стрелковые наборы из Келермесских курганов // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 32. 1995. С. 40–52.
15. Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф, 1997. 269 с.
16. Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск: Наука, 1984. 99 с.
17. Махортых С.В. Конское снаряжение раннескифского времени на юге Восточной Европы // Археология і давня історія України. Вып. 2 (15). 2015. С. 103–114.
18. Галанина Л.К. Ульский курган (раскопки Н.И. Веселовского в 1910 г.). // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 34. 1999. С. 58–67.
19. Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. Под ред. А.И. Иванчика и А.М. Лескова. Москва, Берлин, Бордо: Палеограф, 2015. 178 с.
20. Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР // Советская археология. Т. XVIII. 1953. С. 49–110.

REFERENCES

1. Kleshchenko AA. Ceramic complex of the Zakuban variant of the North Caucasian culture. *Russian Archaeology*. 2013; 2: 37-43. (In Russ)
2. Galanina LK. New burial complexes of the Early Meotian period from the Kelermes ground cemetery. *Meotians – Ancestors of the Adyge*. Maykop: Adygei Scientific Research Institute of Economics, Language and Literature, 1989: 74-102. (In Russ)
3. Leskov AM., Erlikh VR. *Fars/Klady Burial Ground*. Moscow: State Museum of the East, 1999. (In Russ)
4. Erlikh VR. *North-Western Caucasus at the Beginning of the Iron Age. Proto-Meotian Group of Monuments*. Moscow: Nauka, 2007. (In Russ)
5. Anfimov NV. On the question of the population of the Kuban region in the Scythian era. *Soviet Archaeology*. 1949; 11: 241-260. (In Russ)
6. Anfimov NV. Archaeological reconnaissance in the Middle Kuban region. *Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture*. 1955; 60: 45-53. (In Russ)
7. Limberis NYu., Marchenko I.I. Meotian Antiquities of the VI–V Centuries BCE (Based on Materials from Ground Cemeteries on the Right Bank of the Kuban). Krasnodar: Kuban State University, 2012. (In Russ)
8. Ryabkova TV. Ceramic complex of Tarasova Balka (preliminary publication). *Materials and Studies on the Archaeology of Kuban: Collection of Scientific Works Dedicated to the 70th Anniversary of Professor I.I. Marchenko*. Saratov: Amrit, 2025; 8: 311-326. (In Russ)
9. Vitt OV. Horses of the Pazyryk kurgans. *Soviet Archaeology*. 1952; 16: 163-205. (In Russ)
10. Brauner AA. Materials for the knowledge of domestic animals of Russia. 1. Horse from kurgan burials of Tiraspol district of Kherson province. *Notes of the Imperial Society of Agriculture of Southern Russia*. Vol. 86. Book 1. Odessa, 1916. (In Russ)
11. Gromova VI. On the skeleton of the tarpan (*Equus caballus gmelini* Ant.) and other modern wild horses. Part 1. *Bulletin of the Moscow Society of Naturalists. Biological Series*. 1959; 64(4): 99–124; Part 2. Proceedings of the Moscow Society of Naturalists. *Biological Series*. 1963; 10: 10-61. (In Russ)
12. Rudko PD. *Changes in the Morphological Structure of Farm Animals under the Influence of Keeping and Exploitation*. Stalinabad: Tajik Agricultural Institute, 1958. (In Russ)
13. Melyukova AI. *Armament of the Scythians*. (SAI. Issue D1–4). Moscow: Nauka, 1964.
14. Galanina LK. Early Scythian archery sets from the Kelermes kurgans. *Archaeological Collection of the State Hermitage*. 1995; 32: 40-52. (In Russ)
15. Galanina LK. *Kelermes Kurgans. "Royal" Burials of the Early Scythian Era*. Moscow: Paleograf, 1997. (In Russ)
16. Chlenova NL. *Deer Stones as a Historical Source (Using the Example of Deer Stones of the North Caucasus)*. Novosibirsk: Nauka, 1984. (In Russ)
17. Makhortykh SV. Horse equipment of the Early Scythian period in the south of Eastern Europe. *Archaeology and Ancient History of Ukraine*. 2015; 2(15): 103-114. (In Russ)
18. Galanina LK. Ulsky kurgan (excavations by N.I. Veselovsky in 1910). *Archaeological Collection of the State Hermitage*. 1999; 34: 58-67. (In Russ)
19. *Ulsky Kurgans. Cult-Burial Complex of the Scythian Period in the North Caucasus*, eds. A.I. Ivanchik and A.M. Leskov. Moscow; Berlin; Bordeaux: Paleograf, 2015. (In Russ)
20. Iessen AA. On the question of monuments of the VIII–VII centuries BCE in the south of the European part of the USSR. *Soviet Archaeology*. 1953; 18: 49-110. (In Russ)
21. Erlikh VR. Horse equipment and weapons. *Ulsky Kurgans. Cult-Burial Complex of the Scythian Period in the North Caucasus*, eds. A.I. Ivanchik and A.M. Leskov. Moscow; Berlin; Bordeaux: Paleograf, 2015: 44-57. (In Russ)

21. Эрлих В.Р. Конское снаряжение и предметы вооружения // Ульские курганы. Культурно-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. Под ред. А.И. Иванчика и А.М. Лескова. Москва, Берлин, Бордо: Палеограф, 2015. С. 44–57.
22. Галанина Л.К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // Советская археология. № 3. 1985. С. 156–165.
23. Махортых С.В. Раннескифские псалии Северного Кавказа // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 274–277.
24. Эрлих В.Р., Нехаев А.А. Курганы эпохи скифской архаики у хутора Говердовского в Адыгее // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный, М.: ИА РАН, 2011. С. 134–155.
25. Эрлих В.Р. Шлем эпохи архаики из Краснодарского музея. К проблеме атрибуции // Восток (Oriens). № 6. 2021. С. 102–117.
26. Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н.э.). Киев: Наукова думка, 1975. 221 с.
27. Могилев О.Д. Спорядження коня скифської доби у лісо-степу Східної Європи. Київ-Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ, 2008. 439 с.
28. Аникеева О.В., Рябкова Т.В. К вопросу о происхождении стеклянных бус Келермеса // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – первой четверти XXI века. Материалы международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения», посвященной 120-летию со дня рождения Е.И. Крупнова. М.: ИА РАН, 2024. С. 143–145.
29. Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтowa И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубунья в середине VI – начале III века до н.э. Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. М.: Наука, 2005. 192 с.
30. Эрлих В.Р. Горные меоты // Материалы и исследования по археологии Кубани: Сборник научных трудов к 70-летию профессора И.И. Марченко. Вып.8. Саратов: Амрит, 2025. С. 370–390.
22. Galanina L.K. On the problem of relations between Scythians and Meotians (based on new excavations of the Kelermes kurgan cemetery). *Soviet Archaeology*. 1985; 3: 156-165. (In Russ)
23. Makhortykh S.V. Early Scythian psalia of the North Caucasus. *Sixth International Kuban Archaeological Conference. Conference Materials*. Krasnodar: Ekoinvest, 2013: 274-277. (In Russ)
24. Erlikh V.R., Nekhaev A.A. Kurgans of the Scythian archaic period near the farmstead Goverdovsky in Adygea. *Questions of Ancient and Medieval Archaeology of the Caucasus*. Grozny; Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2011: 134-155. (In Russ)
25. Erlikh V.R. Archaic helmet from the Krasnodar Museum. On the problem of attribution. *Vostok (Oriens)*. 2021; 6: 102-117. (In Russ)
26. Ilinskaya V.A. *Early Scythian Kurgans of the Tiasmyn River Basin (VII–VI Centuries BCE)*. Kiev: Naukova Dumka, 1975. (In Russ)
27. Mogilov O.D. *Horse Equipment of the Scythian Period in the Forest-Steppe of Eastern Europe*. Kiev–Kamyanets-Podilsky: Institute of Archaeology NASU, 2008. (In Ukrainian)
28. Anikeeva O.V., Ryabkova T.V. On the question of the origin of glass beads from Kelermes. *Achievements and Prospects of Studying the Archaeology of the North Caucasus in the XX – First Quarter of the XXI Century. Proceedings of the International Scientific Conference on the Archaeology of the North Caucasus “XXXIII Krupnov Readings”, Dedicated to the 120th Anniversary of the Birth of E.I. Krupnov*. Moscow: Institute of Archaeology of RAS, 2024: 143-145. (In Russ)
29. Leskov A.M., Beglova E.A., Ksenofontova I.V., Erlikh V.R. *Meotians of the Trans-Kuban Region in the Mid-VI – Early III Centuries BCE. Necropoleis near the Village of Ulyap: Burial Complexes*. Moscow: Nauka, 2005. (In Russ)
30. Erlikh V.R. Mountain Meotians. *Materials and Studies on the Archaeology of Kuban: Collection of Scientific Works Dedicated to the 70th Anniversary of Professor I.I. Marchenko*. Saratov: Amrit, 2025; 8: 370-390.

Поступила в редакцию 15.04.2025
Принята в печать 26.10.2025
Опубликована 15.03.2026

Received 15.04.2025
Accepted 26.10.2025
Published 15.03.2026

Научное издание

Литературный редактор
Л.Ш. Капанова

Переводы на английский язык
М.Р. Сефербеков

Верстка
С.Ш. Раджабова

Подписано в печать 28.03.2026. Формат 60x84 ¹/₈
Гарнитура Georgia.